

МАТЕРИАЛЫ
VIII Международной научной конференции

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2023:

образование, наука, инновации, культура
и вызовы современности

Том 4

Филологические науки.
Часть 1

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

От имени ректората, Ученого совета Донецкого государственного университета, всего академического сообщества Донецкой Народной Республики приветствую всех друзей из различных регионов Российской Федерации, принимающих участие в традиционной, теперь уже VIII Международной научной конференции. **«Донецкие чтения 2023: наука, образование, инновации, культура и вызовы современности».**

Минуло восемь лет с тех пор, как в нашем университете прошла **первая конференция**, которая за последующие годы приобрела широкую известность, стала авторитетным научным собранием, привлекла внимание большого числа отечественных ученых, а также государств СНГ и других зарубежных стран. Расширился спектр рассматриваемых научных направлений и вовлеченность в научные дискуссии известных ученых и специалистов-практиков, возрастают актуальность и практическая значимость представляемых научных результатов.

«Донецкие чтения» приобретают в период десятилетия Науки и технологий особую актуальность.

В 2018-2019 годах конференция **«Донецкие чтения»** проводилась как составная часть Международных форумов **«Русский мир и Донбасс: от сотрудничества к интеграции образования, науки, инноваций и культуры».**

Эти форумы стали судьбоносными событиями в социально-экономической, общественно-политической, научно-образовательных сферах жизни Донецкой Народной Республики; способствовали достижению поставленной нами цели – вхождения в состав Российской Федерации, возвращение на свою историческую Родину.

Если по итогам первой конференции труды с материалами докладов включали **восемь томов**, то в прошлом году, несмотря на непростые условия работы, масштабы представленных исследований на конференцию возросли **более чем в два раза**.

Сегодня Международную многопрофильную научную конференцию «Донецкие чтения» мы проводим уже **второй раз в составе Российской Федерации**.

На Конференции будут представлены **1910 научных докладов в четырнадцати профильных секциях**. Будут также работать **восемьдесят одна подсекция и пятнадцать круглых столов**.

Труды конференции сейчас доступны в электронной форме, составляют **десять томов в семнадцати книгах** общим объемом **почти 6000 страниц** и будут размещены в наукометрической базе РИНЦ.

Донецкие чтения вносят достойный вклад в решение задач **Десятилетия науки и технологий**, объявленного Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным с 2022-2031 годы.

В ходе конференции приглашаю вас к обстоятельному разговору о способах и механизмах скорейшего внедрения новых, прорывных научных разработок, с тем, чтобы наши достижения способствовали укреплению суверенитета и безопасности Донецкой Народной Республики, нашей страны, росту качества жизни россиян.

Практика проведения наших конференций активно и заинтересованно поддерживается органами власти Донецкой Народной Республики, Министерством образования и науки ДНР, Русским Центром, а также участием в ней целого ряда ученых с мировым именем!

Желаю успехов всем участникам конференции, а всем нам – новых научных достижений во благо России!

**С наилучшими пожеланиями, ректор Донецкого государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор
Светлана Беспалова**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

VIII Международная научная конференция

Материалы
конференции

Том 4
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Часть 1

Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

г. Донецк
25–27 октября 2023 г.

Донецк
Издательство ДонГУ
2023

ББК Ш.я431+Ш4я431+Ч612я431
УДК 811+82+070(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С. В. Беспалова (гл. ред.), А. В. Белый (зам. гл. ред.),
М. В. Фоменко (отв. секр.), Н. А. Ярошенко,
В. И. Теркулов, А. А. Кораблёв, И. М. Артамонова,
М. Н. Панчехина, Е. В. Ладнова, Н. Е. Каика,
К. В. Першина, А. С. Бурляй (отв. секр. секции)

Д672 Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VIII Международной научной конференции (Донецк, 25–27 октября 2023 г.). – *Том 4: Филологические науки. Часть 1* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонГУ, 2023. – 414 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В первую часть четвертого тома материалов VIII Международной научной конференции «Донецкие чтения 2023: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам филологических наук. Рассматриваются вопросы грамматики и словообразования русского языка, актуальные проблемы лингворусистики и регионалистики, общего, славянского и прикладного языкознания, изучения и преподавания славянских языков, истории русской литературы и теории словесности, журналистики и медиакоммуникаций.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим научные исследования в области филологических наук.

ББК Ш.я431+Ш4я431+Ч612я431
УДК 811+82+070(043.2)

© Коллектив авторов, 2023

© Донецкий государственный университет, 2023

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва).

Члены программного комитета:

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Белый А.В., канд. хим. наук, доцент, проректор Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Болнокин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань).

Глухов А.З., д-р биол. наук, главный научный сотрудник Донецкого ботанического сада, профессор кафедры ботаники и экологии Донецкого государственного университета (г. Донецк).

Евстигнеев М.П., д-р физ.-мат. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка).

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кишкань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Лингарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, доцент, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Осмоловский А.А., канд. биол. наук, доцент, заместитель декана по академической политике и развитию интернационализации биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ФГБНУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Разумова Т.О., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономики труда и персонала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., директор ФГБНУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Сидорова М.Ю., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Соколов И.А., д-р техн. наук, профессор, академик РАН, декан факультета вфчислительной математики и кибернетики, зав. кафедрой информационной безопасности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Судаков С.Н., д-р физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ФГБНУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Русский язык.

Грамматика и словообразование

УДК 81'37 + 81'367.625.43

СОБСТВЕННО КОГНИТИВНЫЕ АДЪЕКТИВЫ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ КОГНИЦИИ: СИНХРОННОЕ СОСТОЯНИЕ

Борозенец Д. И.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
borozenets.dasha@mail.ru

Введение. По замечанию Е. С. Кубряковой, «язык стал рассматриваться... как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [3, с. 9], исследования когнитивного характера обрели особую актуальность. Когницию изучают разные науки, в том числе и языкознание. На наш взгляд, наиболее удобным для изучения данного явления с лингвистической точки зрения является полевой подход, который обуславливает комплексное рассмотрение указанного явления и взаимосвязи его с другими посредством языка. С этой целью мы моделируем семантическое поле когниции.

Целью настоящей работы является определение статуса собственно когнитивных адъективов семантического поля когниции и их корреляции с другими единицами указанного поля.

Основная часть. Согласно «Словарю лингвистических терминов» Т. В. Жеребило, когниция — это «познавательный процесс или совокупность психических процессов» [2, с. 154]. Следовательно, в широком смысле когницией можно назвать любую умственную деятельность, а в узком — исключительно процесс получения нового знания.

Под семантическим полем мы понимаем совокупность языковых единиц, объединённых на основании семантической близости и словообразовательной связи; следовательно, в семантическое поле могут входить семантические группы разных частей речи.

В семантическом поле когниции выделяются четыре частеречные макрогруппы: семантические группы глаголов, семантические группы существительных, семантические группы адъективов и семантические группы наречий [1]. Для удобства классификация опирается на экстралингвистический фактор и соотносится с тем ментальным циклом, который проходит знание, поэтому «эталонными для классификации лексем данного лексико-семантического поля являются глагольные

группы, ... именно в глаголах значение когнитивных процессов и состояний выражено наиболее явно» [1, с. 8], в это же время семантические группы других частей речи «нанизываются» на имеющиеся глагольные, соотносясь с ними.

Мы выделяем шесть этапов когнитивного процесса [1].

1. Г₁S. Нехватка знания (ещё) / Г₁O. Отсутствие знания (ещё);
2. Г₂S. Приобретение знания / Г₂O. Появление знания;
3. Г₃S. Владение знанием / Г₃O. Наличие знания;
4. Г₄S. Оперирование знанием / Г₄O. Оперирование знанием;
5. Г₅S. Утрата знания / Г₅O. Утрата значения;
6. Г₆S. Нехватка знания (уже) / Г₆O. Отсутствие знания (уже).

Под адъективами мы понимаем не только имена прилагательные, но и причастия, которые, обладая определённой связью с глаголами, тем не менее, характеризуют признак объекта. В рамках семантического поля когниции на синхронном срезе современного русского языка мы обнаруживаем 14 семантических групп разных частей речи. В рамках данного исследования мы разберём те из них, которые включают собственно когнитивные адъективы. Исходя из обозначенного выше определения когниции, собственно когнитивными можно назвать те лексемы, которые соотносятся с глагольными группами Г₂S. Приобретение знания / Г₂O. Появление знания — для адъективов это слова, включённые в группы А₂S Получающий знание и А₂O. Получаемое знание.

Семантическая группа А₂S. Получающий знание характеризует субъекта когнитивной деятельности, сюда входят следующие слова: *самообучающийся* ‘обучающийся [приобретающий знания — прим. наше, Д. Б.] самостоятельно, без какой-либо помощи извне’, *обучающийся* ‘действительное причастие настоящего времени от *обучаться* ‘усваивать знания, умения, навыки в какой-либо области’’, *учащийся* ‘причастие от *учиться* ‘получать знания и навыки, приобретать полезный опыт’’, *изучающий* ‘причастие от *изучать* ‘постигать в процессе обучения’’. Примечательно, что среди лексем данной группы не обнаружено прилагательных. Все слова — причастия, образованные от глаголов, которые включены в соответствующую глагольную семантическую группу. Также отмечаем, что все перечисленные причастие обладают ещё одним общим признаком — несовершенным видом. Соответствующим им причастия совершенного вида включены в другую семантическую группу — А₄S. Получивший знание:

- *самообучающийся* < *самообучаться* (НСВ) / **самообучиться* (СВ) > *самообучившийся* ‘обладающий знанием в результате его самостоятельного приобретения’;
- *обучающийся* < *обучаться* (НСВ) / *обучиться* (СВ) > *обучившийся* ‘обладающий знанием в результате его приобретения’;

- учащийся (НСВ) < учиться [вариант совершенного вида возможен только с префиксом];

- изучающий < изучать (НСВ) / изучить (СВ) > изучивший ‘обладающий знанием в результате его приобретения’.

Семантическая группа А₂О. Получаемое знание характеризует процесс когниции в узком смысле с точки зрения объекта. Так, сюда включены слова *воспринимаемый* ‘причастие от *воспринимать* ‘ощущать, испытывать что-либо, быть объектом воздействия чего-либо’ и *познаваемый* ‘причастие от *познавать* ‘получать знания о чём-либо; постигать, изучать что-либо’, которые, как и ранее упоминаемый слова, соотносятся с глаголами соответствующей глагольной семантической группы — Г₂О. Появление знания. Они также входят в категорию причастий несовершенного вида и их пары совершенного вида отнесены к другой семантической группе.

Выводы. Собственно когнитивными адъективами в семантическом поле когниции выступают слова, включённые в семантические группы с общим значением получения знания — причастия, образованные от глаголов соответствующих групп. Прилагательные, обладающие аналогичным значением, отсутствуют, что обусловлено самим значением когниции в узком смысле — её процессуальным характером. Поскольку процессуальность — черта глагола и отглагольных образований, она естественным образом обнаруживается в причастиях. Это связывает адъективы проанализированных семантических групп с соответствующими семантическими группами глаголов и позволяет предположить, что любой из включённых глаголов может образовать причастие, которое войдёт в указанную семантическую группу.

Список литературы

1. Борозенец, Д. И. Классификация единиц лексико-семантического Поля когниции (на материале русского языка) / Д. И. Борозенец // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета. — Донецк, 2022. — С. 7–10.
2. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. / Т. В. Жеребило. — Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. — 486 с.
3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

АНАЛИЗ ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ ТАКТИК СЛОЖНОСОКРАЩЁННОГО СЛОВА

Бровец А. И.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.brovets@donnu.ru

Введение. Анализируются текстовые трактовки (словосочетания) аббревиатур. Аббревиатуры имеют в текстах дешифровки, в которых сокращенный компонент представлен развернутыми формами (дешифровальными стимулами). Представляется актуальным рассмотреть такие количественные характеристики дешифровального стимула, как количество вхождений в гнезда эквивалентности аббревиатурной группы и его средний баланс индексов, демонстрирующие дешифровальную тактику аббревиатуры.

Цель исследования — проанализировать дешифровки аббревиатур и сравнить их количественные характеристики (количество вхождений в гнезда эквивалентности и количество употреблений по сравнению с аббревиатурой).

Основная часть. Наиболее предсказуемым дешифровальным стимулом (развернутой формой сокращенного компонента аббревиатуры) любой аббревиатурной группы (всех аббревиатур с одинаковым сокращенным компонентом) выступает прилагательное, которое в исследовательской архитектуре Экспериментальной лаборатории исследований аббревиации называется презентативным дешифровальным стимулом [1]. Презентативный дешифровальный стимул наиболее стереотипен и семантически универсален. Например, форма *авиационный* для аббревиатурной группы *авиа*. Допустим, презентативный дешифровальный стимул *xs* имеет 5 включений в гнезда эквивалентности аббревиатурной группы *x*, то есть используется для дешифровки 5 сложносокращенных слов, имеющих одинаковый начальный сокращенный компонент *x*. Представляет интерес не только количество применений данного дешифровального стимула в рамках одной аббревиатурной группы, но и его средний баланс индексов, т. е. среднее количество употреблений аббревиатуры, разделённое на количество употреблений словосочетания, в котором данный дешифровальный стимул отмечается. Для определения среднего баланса индексов необходимо сложить все реперные точки (отмечаемые в Словаре [3] для каждого использования дешифровального стимула регулярные интервалы колебаний балансов индексов) и разделить полученную сумму на количество вхождений данного дешифровального стимула в гнезда эквивалентности.

Допустим, дешифровальный стимул *x*, отмечаемый в 5 словосочетаниях *xs1*, *xs2*, *xs3*, *xs4*, *xs5*, имеет в Словаре реперные точки 1,

0,1, 10, 0,01 и 20. В таком случае его *средний баланс индексов* составит 6,2. Это будет значить, что атрибутивные словосочетания с прилагательным *xs*, эквивалентные соответствующим аббревиатурам с начальным компонентом *x*, употребляются реже этих аббревиатур в 6,2 раза.

Заключение. Анализ дешифровок аббревиатурной группы может демонстрировать не только то, какие типы дешифровальных стимулов используются для трактовки аббревиатуры в текстах, но и то, какие из них наиболее регулярны и какое у них соотношение в количестве употреблений по сравнению с аббревиатурой. Различия в средних балансах индексов дешифровальных стимулов объясняются разницей между количеством употреблений словосочетаний, в которые эти дешифровальные стимулы входят, и количеством употреблений эквивалентных им аббревиатур. Средний баланс индексов может косвенно использоваться для описания дешифровальных тактик сложносокращенных слов.

Список литературы

1. Бровец А. И. Дешифровальный стимул сложносокращённого слова: к проблеме определения и описания // Русистика. – 2019. – Т. 17. – № 4. – С. 487–501.
2. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Моск. ун-та, Сер. 9. Филология. – 2017. – №. 6. – С. 73–96.
3. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / Под ред. В. И. Теркулова. – Донецк, 2018. – Т. 1. – А–Ж.

УДК 340 (349)

СЛОВАРНЫЕ ТОЛКОВАНИЯ «ИНФОРМАЦИИ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Волков Ю. В., канд. юрид. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет
им. В. Ф. Яковлева», г. Екатеринбург, РФ
yurii.volkov@usla.ru

Введение. Происхождение и толкование термина «информация» в литературе обсуждается часто. Слово позиционируется как иностранное. Российское законодательство с 1995 года содержит соответствующую дефиницию. Действующая редакция: «информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ). Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном языке

Российской Федерации“» от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ) закрепил норму, согласно которой использование иностранного термина возможно при отсутствии русскоязычного аналога.

Цель. Филологическими методами уточнить природу и значение термин «информация», верифицировать существующие концепции. Дать рекомендации по использованию в официальных текстах и процессах.

Основная часть. 1. Значительное количество русскоязычных словарей не содержит словарной статьи «информация» (словарь В. Даля; Этимологический словарь русского языка А. Преображенского; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона; Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) 1935 года, Юридический энциклопедический словарь (под ред. А. Я. Сухарева 1984). Но термин «информация» применялся в русскоязычной литературе и до 1995 года.

2. Современные словари общего назначения содержат толкование термина «информация» как — сведение, сообщение, либо деятельность по осведомлению, информированию. Например: словарь С. И. Ожегова [Ожегов 1990: 253] или словарь Д. Н. Ушакова [Ушаков 2011: 230].

3. Информация как совокупность знаний фактов, сведений, данных представлена в технических словарях, в том числе: в Толковом словаре современной компьютерной лексики [Дорот 2004: 221]; в Техническом словаре А. П. Ершова [Ершов 1991: 59]; в Энциклопедии кибернетики [Энциклопедия кибернетики 1974: 408].

4. Юридический энциклопедический словарь (под редакцией А. В. Малько) содержит законодательное толкование [Юридический энциклопедический словарь 2016 : 427]. Англо-русский юридический словарь И. В. Мироновой содержит дополнительное значение информации: «3. заявление об обвинении 4. донос» [Англо-русский юридический словарь Мироновой 2004: 338]. Англо-русский словарь О. С. Ахмановой, Е. А. М. Уилсон содержит специальное значение информации — донос [Англо-русский словарь 1974: 288].

5. Энциклопедические и этимологические словари. Второе издание БСЭ в 1958 году дополнено отдельным 51-м томом. В него были включены толкования информации как данных и как основное понятие кибернетики [БСЭ 1958: 129]. С 1972 года БСЭ предлагает другое толкование: «информация (от лат. informatio — разъяснение, изложение), сведения» [БСЭ 1972: 353]. В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных слово "информация" возводится к заимствованиям из западноевропейских языков, а в качестве первоисточника указывается латинское слово «informatiō» — «изложение, истолкование, разъяснение») [Черных 1994: 335]. Многолетние этимологические исследования славянских языков (в 39-ти томах), под руководством академика О. Н. Трубачева (и далее А. Ф. Журавлева) позволяют констатировать, что слово «информация» не славянского

происхождения: «naznaczenie ср.р. 'знак, примета, черта; установление, предписание; устная или письменная информация» [Этимологический словарь славянских языков 1997: 70]; «otowias информировать, оповещать» [Этимологический словарь славянских языков 2001: 94]; «otbnositi доносить, информировать» [Этимологический словарь славянских языков 2011: 221]. Термин «информация» в данных источниках имеет место на стороне толкования, а не как первичный толкуемый термин. Подтверждается общая (сведение, сообщение, изложение) и юридическая (донос) концепция термина «информация».

Заключение. Термин «информация» имеет основное толкование как сведения (в русскоязычных словарных текстах); имеет иностранное, заимствованное происхождение. Его дальнейшее использование в русском официальном документообороте возможно в случаях, когда отсутствует возможность замены русскоязычными аналогами: сообщение; сведения; новости. Кроме того, имеет место присущая не только русским, но и иным славянским языкам, юридическая трактовка термина: донос, сообщение о преступлении. Использование термина «информация» в процессуальных документах требует отдельного изучения.

Список литературы

1. Англо-русский словарь 20 000 слов. Под ред. О. С. Ахмановой, Е. А. М. Уилсон. Изд. перераб. и доп. — М.:Русский язык, 1974. — 640 с.
2. Англо-русский юридический словарь / Под ред. И. В. Мироновой. 2-е изд. — СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2004. — 697 с.
3. Большая Советская Энциклопедия. (В 30 томах). Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. — М.: Советская Энциклопедия, 1972. — Т. 10. — 592 с.
4. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. — М.: Гос. науч. издат. Большая Советская Энциклопедия. — 1958. — Т. 51 (Дополнительный том). 1958. — 460 с.
5. Дорот В. Л., Новиков Ф. А. Толковый словарь современной компьютерной лексики. 3-е изд. исправ и доп. — СПб.: БХВ-Петербург, 2004. — 880 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. — 22 изд.стер. — М.: Русс яз., 1990. — 923 с.
7. Терминологический словарь по основам информатики и вычислительной техники / Под ред. А. П. Ершова, Н. М. Шанского. — М.: Просвещение, 1991. — 159 с.
8. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. — М.: ООО «Дом Славянской книги», 2011. — 960 с.
9. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. — 3-е изд., стереотип. — М.: Рус.яз., 1999. Т.1: А-Пантомима. — 624 с.
10. Энциклопедия кибернетики (В двух томах). Т. 1. — Киев: Главная редакция Украинской Советской Энциклопедии, 1974. — 608 с.
11. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 24 (*navijati(st.)/*navivati(st.)*negoditъ(jь)) / Под редакцией академика О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 1997. — 234 с.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 28 (*oblezti -*obprovedanbje) / Под редакцией академика О. Н. Трубачева. — М.: Наука, 2001. — 266 с.

13. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 37 / Под редакцией доктора филологических наук А. Ф. Журавлева. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. — М.: Наука, 2011. — 252 с.
14. Юридический энциклопедический словарь / под ред. А. В. Малько. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2016. — 1116 с.

УДК 81'37

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ОЦЕНОЧНЫХ НАРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Дегальцева А. В., д-р филол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов, РФ
deganna@mail.ru

Наречие — часть речи, наделённая богатым семантическим потенциалом и разнообразием синтаксических функций. Большую часть наречий в современном русском языке составляет подмножество слов, традиционно именуемое наречиями образа действия (далее — НОД). Согласно проведённому нами многоаспектному исследованию НОД в разных сферах общения [1], почти половина из них (41, 4%) — это оценочные наречия.

Употребляя оценочную лексему, коммуникант находится под воздействием объективной нормы, установленной в данном обществе для предметов и явлений, и субъективной нормы, отражающей его собственные представления о предмете речи [2]. В зависимости от сферы и жанра функционирования лексемы оценка может отражать точку зрения разных субъектов: говорящего или пишущего, обобщённого субъекта, представляющего социум; субъекта-повествователя, персонажа повествования.

Оценка, заключённая в слове, может быть денотативной, входящей в основной компонент его лексического значения, или коннотативной, то есть выражающей эмоционально-оценочное отношение человека к денотату слова [3]. Например, в словосочетании *выглядеть хорошо/плохо/красиво* наречия репрезентируют денотативную оценку, а в сочетании слов *утверждать голословно* наречие содержит в своей семантической структуре оценку коннотативную: говорить, не основываясь на фактах, по мнению субъекта речи, плохо. Лексемы первого типа принято называть оценочными, второго — лексемами с оценочным компонентом значения. Мы будем рассматривать оба типа наречий и обобщённо называть их оценочными.

В большинстве случаев человек фиксирует не норму, а отклонения от неё, выражающиеся в положительной (мелиоративной) и отрицательной (пейоративной) оценках. Опираясь на лингвистические труды [2, с. 4] и собственные наблюдения, можно выделить ряд семантических типов НОД, в значении которых репрезентированы общие и частные оценки. Общеоценочные наречия представляют признак в целом как плохой или хороший, частнооценочные характеризуют лишь отдельные аспекты признака.

Представим обобщённую классификацию семантических типов аксиологических НОД, включающую в себя следующие оценки:

1) общие: *позитивно, хорошо, великолепно, замечательно, превосходно, отлично, божественно, умопомрачительно, неплохо, нехорошо, негативно, ужасно, чудовищно, отвратительно;*

2) нормативные: *нормально, ненормально; обычно, типично, стандартно, необычно, нестандартно; полноценно, неполноценно; традиционно, нетрадиционно.* Данные оценки связаны «с недифференцированным отражением идеи соответствия / несоответствия норме, стандарту, правилу, традициям, принятым практикам и т. д.» [5, с. 11];

3) интеллектуальные: *эрудированно, умно, мудро, невежественно, глупо; убедительно, бездоказательно, беспочвенно, голословно, неубедительно; некритично, критично; информативно, пустословно;*

4) телеологические, выражающие представления человека о целесообразности, результативности, эффективности, успешности совершения действия или поступка, об исходе какой-либо ситуации [4]: *результативно, безрезультатно; успешно, безуспешно, бесплодно; удачно, неудачно; эффективно, конструктивно, неэффективно; целесообразно, неуместно;*

5) утилитарные, отражающие пользу или вред явлений и процессов для человека, живой и неживой природы [4]: *полезно, вредно, пагубно; практично, непрактично; удобно, неудобно;*

6) этические: *этично, морально, нравственно, неэтично, безнравственно, аморально; прилично, пристойно, неприлично, постыдно; праведно, одухотворённо, безнравственно; благородно, подло; тактично, вежливо, нетактично, бесцеремонно;*

7) эстетические: *красиво, очаровательно, пленительно, непривлекательно, неприглядно, безобразно; авантажно, импозантно, презентабельно, стильно, неказисто, невзрачно; экстравагантно, эксцентрично, эпатажно, банально, заурядно, ординарно.* Такие наречия репрезентируют как качества человека, проявляющееся в его внешнем виде или поведении, так и результаты его деятельности (например, произведения искусства);

8) социально-психологические: *инициативно, целеустремлённо, апатично, безынициативно; старательно, педантично, пунктуально,*

непунктуально; смело, героически, слабохарактерно, бесхребетно, трусливо; непринуждённо, раскрепощённо, застенчиво, скромно; капризно, привередливо, своенравно, невзыскательно, непритязательно;

9) валюативные (от англ. value — ценность, важность): *актуально, важно, первостепенно, приоритетно, достопамятно, судьбоносно, эпохально, неважно, несущественно, незначимо, второстепенно;*

10) сенсорные оценки, которые включают в себя вкусовые (*вкусно, лакомо, пикантно, неаппетитно*), обонятельные (*ароматно, душисто, вонюче, зловонно, смрадно, едко*) и аудиовизуальные (*отчётливо, неразборчиво; мелодично, сладкозвучно, дисгармонично, резко*).

Каждый семантический тип оценочных НОД включает в свой состав разветвлённую сеть лексико-семантических групп и подгрупп. Например, нормативные оценки в нашей классификации представлены 6 лексико-семантическими группами: «Соответствие норме как нормальности, полноценности проявления признака или развития процесса» (*нормально, полноценно, неполноценно*), «Соответствие норме как привычности, естественности» (*естественно, привычно, непривычно*), «Соответствие норме как обычаю, традиции» (*обыкновенно, традиционно, нетрадиционно*), «Соответствие норме как закону, догме, социальному узусу» (*легитимно, незаконно, противоправно*) и «Соответствие норме как стандарту качества, профессиональному стандарту» (*качественно, добротнo, квалифицированно, непрофессионально*).

Таким образом, оценочные НОД характеризуются широким семантическим разнообразием. Границы семантических подмножеств, условно выделенных нами, безусловно, не являются строгими и непроницаемыми: значения наречий разных семантических типов могут сближаться и даже пересекаться. Кроме того, многие НОД являются многозначными словами, разные лексико-семантические варианты которых могут относиться к разным типам оценок. Аксиологические НОД активно вступают в синонимические, антонимические, гипогиперонимические отношения, что свидетельствует об их широкой представленности в языке и речи.

Список литературы

1. Дегальцева, А. В. Русские наречия образа действия в разных сферах общения: структурно-семантическая типология и роль в организации смысла предложения. — Саратов: ООО ИЦ «Наука», 2021. — 404 с. — ISBN 978-5-9999-3427-7.
2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 280 с. — ISBN 978-5-397-00803-7
3. Стернин, И. А. Структурные компоненты значения слова // Русистика и современность: материалы VII междунар. науч.-практич. конф. «Русистика и современность». 17-18 сентября 2004 г. Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация / Науч. ред. И. П. Лысакова. — СПб. : Сударыня, 2005. — С. 30–38.

4. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. — М. : Наука, 1988. — 341 с. — ISBN 5-02-010870-7
5. Алексеева, А. А. Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2019. — № 449. — С. 5–15. — DOI: 10.17223/15617793/449/1.

УДК 81'373.611

СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ СЛОВАРЯ КВАЗИАББРЕВИАТУР

Емельянова К. Ю.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kemelanova966@gmail.com

Введение. Словарь квазиабревиатур — новый тип словарей сокращений. Он является дополнением к Толковому словарю сложносокращённых слов русского языка (далее — Словарь) [2], составлением которого занимается Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации (далее — Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого государственного университета.

Цель работы состоит в описании структуры словарной статьи Словаря квазиабревиатур. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: 1) раскрыть понятия «аббревиатура» и «квазиабревиатура», 2) определить специфику абброаффиксоидных квазиабревиатур, 3) представить параметры описания абброаффиксоидных квазиабревиатур в Словаре квазиабревиатур.

Основная часть. В теории Лаборатории разграничивается два типа сложносокращённых слов — аббревиатуры и квазиабревиатуры. **Аббревиатурами** являются единицы, которые:

1) содержат абброконструкт («часть аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова» [1, с. 16]), например, *афро-* в лексемах *афрокоса*, *афрокультура*, *афромузыка* и т. д.; *ветро-* в сокращениях *ветробарьер*, *ветрозащита*, *ветроколесо* и т. д.; *лит-* в словах *литанализ*, *литгерой*, *литгруппа* и т. д.;

2) на синхронном срезе языка сосуществуют с производящим словосочетанием, которое является его абсолютным синонимом (текстовым эквивалентом), например, *афрокоса* — *африканская коса*, *афрокультура* — *африканская культур* и т. д.; *ветробарьер* — *ветровой барьер*, *ветрозащита* — *защита от ветра* и т. д.; *литанализ* — *анализ литературного произведения*, *литгерой* — *литературный герой* и т. д.

Подобные сокращения в теории Лаборатории называются **абброэквивалентными аббревиатурами**. Они появляются в результате действия **универбализации** (процесс трансформации словосочетания в слово). Абброконструктом в данном случае является **абброэквивалент**.

Квазиаббревиатуры — это имитации аббревиатур. Они также имеют абброконструкт (*афро-* в словах *афроазиат*, *афробант*, *афробургер* и т. д.; *ветро-* в лексемах *ветроагрегат*, *ветрогенератор*, *ветродвигатель* и т. д.; *лит-* в сокращениях *литагент*, *литобработчик*) и в синхронии сосуществуют с эквивалентными словосочетаниями (*афроазиат* — *африканский азиат*, *афробант* — *африканский бант* и т. д.; *ветроагрегат* — *ветроэнергетический агрегат* / *ветряной агрегат* / *ветровой агрегат* и т. д.; *литагент* — *литературный агент*, *литобработчик* — *литературный обработчик*). Однако в данном случае абброконструкт представляет собой не трансформированный атрибут, а абстрактный сокращённый элемент, напрямую присоединяемый к слову. Текстовые эквиваленты же являются не производящими для сложносокращённых слов, а производными от них. Такие «имитации аббревиатур» называются **абброморфемными квазиаббревиатурами**, их абброконструкт — **абброморфема**, процесс образования данных слов — **квазиунивербализация**, а процесс «развёртывания» сложных слов во вторичные словосочетания — **псевдоунивербализация**.

Выделяется третий тип сложносокращённых слов (или подтип абброморфемных квазиаббревиатур) — **абброаффиксоидные квазиаббревиатуры**, которые либо не имеют текстовых эквивалентов, либо имеют только окказиональные дублеты или псевдоэквиваленты. Абброконструктом в данных словах выступает **абброаффиксоид** (часть сокращённого слова, не способная «разворачиваться» в атрибут). Например, лексема *термомозаика* (559706 употр.) является абброаффиксоидной квазиаббревиатурой, так как имеет лишь окказиональные эквиваленты: *термостойкая мозаика* (35 употр.), *термическая мозаика* (17 употр.), *термоплавкая мозаика* (8 употр.), *термальная мозаика* (5 употр.); слово *бакфермент* имеет два псевдоэквивалента — *бактериологический фермент* и *бактерицидный фермент*. *Бакфермент* определяется как закваска для теста, в то время как словосочетания *бактериологический фермент* и *бактерицидный фермент* — добавки к молоку или сыру.

Абброэквивалентные аббревиатуры и абброморфемные квазиаббревиатуры представлены в Толковом словаре сложносокращённых слов русского языка. Абброаффиксоидные квазиаббревиатуры не могут включаться в словарь по причине отсутствия действительных текстовых эквивалентов. Именно с момента нахождения подобных сложных слов возникла идея составления дополнения — Словаря квазиаббревиатур. Кроме абброаффиксоидных

квазиаббревиатур, в него будут входить окказиональные сложносокращённые слова (единицы, употребляющиеся менее 500 раз: *фоскислота* (109 употр.), *термовещество* (151 употр.), *политголодовка* (266 употр.) и т. д.) и окказиональные текстовые эквиваленты (словосочетания, баланс индексов (далее — БИ) которых больше 500: *шумоизоляция — шумопоглощающая изоляция* (БИ — 573,31), *шумоподавление — шумовое подавление* (БИ — 581,15), *шумозащита — шумоизолирующая защита* (БИ — 1387,62) и т. д.

При составлении словарных статей с абброаффиксоидными квазиаббревиатурами учитываются следующие параметры:

1) Квантитативный: а) количество употреблений абброаффиксоидной квазиаббревиатуры; б) при наличии окказиональных эквивалентов и псевдоэквивалентов проверяется количество употреблений и баланс индексов этих единиц: окказиональные словосочетания употребляются малое количество раз, а их баланс индексов превышает отметку 500; псевдоэквиваленты — общеупотребительные слова, баланс индексов которых не больше 500.

2) Семантический: а) определение значения абброаффиксоидной квазиаббревиатуры; б) при наличии окказиональных эквивалентов и псевдоэквивалентов для выявления их семантики анализируются тексты, в которых встречаются данные единицы: окказиональные словосочетания могут либо совпадать по значению с квазиаббревиатурой, либо нет, псевдоэквиваленты однозначно имеют иное значение.

Структура словарной статьи абброаффиксоидной квазиаббревиатуры *термомозаика*:

Термомоза́ика, -и, ж. Декоративное изделие, выполненное при помощи нагревания и плавления концов цветных синтетических нитей и крепления их на основу с нанесённой схемой изображения ► 500: *термостойкая мозаика, термическая мозаика, термоплавкая мозаика, термальная мозаика* • *изделие, мозаика.*

Словарная статья включает следующие блоки:

а) блок толкования (заглавное слово — аббревиатура с проставленными ударениями, варианты аббревиатуры (если есть), грамматические характеристики аббревиатуры, пометы (если есть), толкование значения);

б) блок окказиональных эквивалентов или псевдоэквивалентов (если есть);

в) блок лексических эквивалентов;

г) блок отаббревиатурных производных (если есть).

Заключение. Словарь квазиаббревиатур — новый лексикографический труд, являющийся продолжением Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка. Материалом для этого словаря послужат абброаффиксоидные квазиаббревиатуры, псевдоэквиваленты, окказиональные сокращения и окказиональные текстовые эквиваленты.

Список литературы

1. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ОО ВПО В76 «Горловский ин-т иностр. языков»; Редкол. : С. А. Кочетова и др. — Вып. 3(29). Языкознание. — Горловка : Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2016. — С. 13–25. — ISSN 1992-9196.
2. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова, К. Ю. Емельянова и др.; под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет». — Донецк, 2023.

УДК 81'373.611

ПРОСТОРЕЧНЫЕ И РАЗГОВОРНЫЕ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ СЛОВА: СТРУКТУРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Зайберт Е. А., Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
lena.zaibert00@gmail.com, v.terkulov@donnu.ru

Введение. Работа посвящена описанию функционального потенциала просторечных и разговорных сложносокращённых слов в рамках формально-структурного подхода.

Цель исследования — описать структурные особенности сложносокращённых слова (далее ССС) с пометой «разг.» и «прост.» с выявлением их функционального потенциала. Задачи, которые обусловлены данной целью: 1) уточнить понятия «просторечие» и «разговорная лексика»; 2) дать принцип описания моделей образования ССС — просторечные и разговорные; 3) определить дешифровальные стимулы рассматриваемых ССС и их формальные модели; 5) рассмотреть функциональный потенциал.

Объектом рассмотрения в работе являются аббревиатуры, которые относятся к просторечной и разговорной лексике: *загранвиза, главгад, газозлектросварка, венбольной, авторазборка, политтусовка, ответработник, мужелюб, морпех и т. д.*

Предметом исследования являются формальные модели дешифровальных стимулов в гнездах эквивалентности разговорных и просторечных ССС.

Материалом для исследования послужили 136 разговорно-просторечных ССС, выбранных из «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» (под ред. В. И. Теркулова).

Актуальность работы заключается в описании сложносокращённых слов, которые находятся на периферии русского литературного языка, а

также за его пределами. Такая необходимость обуславливается констатацией подвижности лексикона современного русского языка и необходимостью прогнозирования взаимодействия его лексических и функциональных подсистем

Основная часть. Под ССС понимаем «единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащую в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [3, с. 70]. Просторечные единицы определяем как «слова, выражения, формы словообразования и словоизменения, черты произношения, имеющие оттенок упрощения, сниженности» [5]. Разговорными считаются «лексические единицы, употребляющиеся в разговорной речи» [2].

В ходе обработки материала было выявлено, что разговорно-просторечные ССС можно разделить на две группы: 1) ССС, которые употребляются только в разговорно-просторечном срезе лексики; 2) ССС без пометы, но в синонимическом ряду которых отмечаются разговорно-просторечные слова.

Модель образования ССС представляет собой модель универбализации — это «модель механизма сочленения компонентов словосочетания в конструкты композита» [4, с. 72]. Это модель интерпретации при помощи дешифровального стимула слова через словосочетания. Под дешифровальным стимулом (далее — ДС) подразумевается «стереотип расшифровки абброконструкта» [4, с. 75]. Например, для абброконструкта *броня* отмечаются дешифровальные стимулы *бронированная, бронированные, бронированный, броневая, броневой, для брони*. Данные слова или словосочетания выступают эквивалентами абброконструкта, то есть сокращённого компонента ССС, и могут использоваться для его замены в эквивалентном словосочетании, например *бронелетучка — броневая летучка*.

Формально-структурный анализ осуществляется в 2 этапа.

На первом устанавливается общая модель использования ДС, а на втором — конкретная формальная разновидность эквивалента [1]. Для просторечных и разговорных ССС отмечаются следующие модели: 1) х(адъект) — простое прилагательное, образованное от существительного: *народный депутат — нардеп; ответственный работник — ответработник*; 2) (предл)х — существительное с предлогом: *топливо для дизеля — дизтопливо*; 3) х-а(адъект) — сложный адъектив (у-х-а(адъект)): *новинка авиационной техники — авиановинка*.

На втором этапе для каждой эквивалентной пары выделяется конкретная модель формальной разновидности эквивалентности. С ее помощью устанавливается тип формального соответствия компонентов словосочетания и конструкта аббревиатуры. Объединение указанных

блоков позволяет создать структурно-функциональную модель ССС:

1) *Биофак* — х(адъект) — *биологический факультет* — Прил1ед + Сущ1ед — ЧоснПрил1ед+ Сущ1ед. Формальная схема словосочетания — Прил1ед + Сущ1ед, формальная схема аббревиатуры ЧоснПрил1ед+ Сущ1ед.

2) *Авиановинка* — у-(предл)х — *новинка в авиации* — Сущ1ед + предл + Сущ2ед — ЧоснСущ2ед + Сущ1ед (-предл). Следует обратить внимание на то, как реализуется в ССС функциональная составляющая значения. Например, для ССС *авиановинка* с пометой «разг», отмечаются значения:

1) Новая техника авиации, которая ранее не имела аналогов: *Военную авиановинку презентуют на МАКС-2021* (<https://www.bfm.ru/news/476589>); 2) Новая техника авиации, имеет аналоги, но с дополнительным функционалом: *Ожидается, что авиановинка станет одним из лучших самолётов региональной авиации по комфорту, грузоподъёмности и взлётно-посадочным характеристикам* (<https://www.rgo.ru/ru/article/vystavka-inturmarket-2023>). Как можно заметить, значения схожи между собой. Сфера употребления данного ССС чаще всего — СМИ, специализированные форумы. Данная формальная модель используются в этих контекстах с особым функциональным значением — для привлечения внимания читателей. Эмоциональная окрашенность — мелиоративная.

Итак, мы рассмотрели формальные модели дешифровальных стимулов просторечных и разговорных ССС, а также предприняли попытку соотнести их функциональное значение с контекстом. В дальнейшем планируется рассмотрение их употребления в контекстах диалогов.

Список литературы

1. Блюмина.О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук :10.02.02/ Блюмина Ольга Валентиновна. — Горловка, 2010. — 148с.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) // Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ», 2010. — Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/dic/?insa=x&az=x&word=%F0%E0%E7%E3%EE%E2%EE%F0%ED%E0%FF%EB%E5%EA%F1%E8%EA%E0> (дата обращения: 27.09.2023).
3. Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращённых слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). — Донецк: ДонНТУ, 2018. — С. 69–80.
4. Теркулов, В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — 2017. — № 6 — С.73-97
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Ушаков Д.Н.. — Москва : Аделант, 2014. — 800 с. — Режим доступа: <https://www.iprbookshop.ru/44160.html> (дата обращения: 27.09.2023).

ИМЕННАЯ ПРЕФИКСАЦИЯ КАК АКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС В РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Замальдинов В. Е., канд. филол. наук

ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», г. Нижний Новгород, РФ

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет

имени Козьмы Минина», г. Нижний Новгород, РФ

zvlad-nn@yandex.ru

Введение. Активные процессы реализуются на всех уровнях языка, в том числе и на словообразовательном. Словообразование занимает промежуточное положение между лексикологией и морфологией, имеет творческий характер, является средством создания новых единиц.

Цель работы состоит в том, чтобы представить системно-структурное описание префиксальных новообразований в медийных текстах.

Большой вклад в изучение активных деривационных процессов внесли Т. Б. Радбиль и Л. В. Рацибурская [4], В. Е. Замальдинов [1; 2], Н. А. Николина [3] и др.

Основная часть. К активным процессам в русском словообразовании относится именная префиксация. Приставка всегда присоединяется к целому слову и не влияет существенным образом на его семантику.

Продуктивны в медийных текстах словообразовательные неологизмы (новообразования) с греко-латинскими приставками *анти-*, *контр-*, *де-* с семантикой противоположности и отрицания. Приведём некоторые примеры: *Сразу вспоминаю старую концепцию американского политолога Чарльза Зиглера, что Вьетнам — это Украина для Китая — «анти-Китай»* («Новый день». 25.09.23); *Украинский конфликт возник на почве полного игнорирования любых интересов России, что подчёркивало как поведение стран Запада, так и государственная идеология Украины, которая превратила её в Анти-Россию* («Политнавигатор». 25.09.23); *Новости контр-культуры: томский фестиваль народных ремёсел «Праздник топора»* (заголовок) («LiveJournal». 28.08.23); *Британцы высмеивают контр-наступление* (заголовок) («LiveJournal». 30.08.23); *Дегероизация в медиа: эксперты обсудили способы борьбы с ложными идеалами* (заголовок) («РИА Новости». 19.05.21); *«Денационализация Европы»: в России предложили по дешёвке скупать банкротящиеся предприятия ЕС* (заголовок) («Абзац». 04.09.22). Новообразования с иноязычными препозитивными единицами *анти-*, *контр-*, *де-* свидетельствуют о социальных конфликтах, отличаются эмоциональной окрашенностью.

Распространены в медийной коммуникации новообразования-прилагательные с латинской приставкой *post-* с временной семантикой. Данный префикс соответствует русской приставке *после-*. Проиллюстрируем сказанное: *Поствыборное* (заголовок). *Почему Елене Кузиной не удалось победить?* («Заноза». 11.09.19); *Жизнь после коронавируса: 13 фактов о постковидном синдроме* (заголовок) («РБК Стиль». 29.07.21); *По факту поставок Украине дальнобойных ракет границу соприкосновения фронтов нужно отодвинуть вглубь «постукраинского пространства» на 150 километров* («NewsInfo.Ru». 08.02.23). Реже данный префикс сочетается с существительными: *ПостУкраина — это полигон отработки технологий когнитивных войн, репрессии продолжаются* (заголовок) («Мировое обозрение». 05.04.23); *Человечество с трудом переживает постковид* (заголовок) («Милосердие.ru». 02.08.23).

Востребованы в массмедиа такие приставки имён существительных, как *квази-*, *псевдо-* со значением неистинности и ложности. Приведём примеры: *Жительница Твери поверила квази-сотруднику банка и перевела мошенникам больше полумиллиона рублей* (заголовок) («Московский комсомолец в Твери». 24.08.23); *Время от времени, дабы отдохнуть от сочинения антироссийских пасквилей, квази-градоначальник с прислуживающей ему бандеровской шайкой «решает» другие проблемы жителей Купянска* («Крымское эхо». 15.09.23); *В качестве подтверждения Затулин напомнил о выступлении Токаева на прошлогоднем Петербургском экономическом форуме, где глава Казахстана, сидя на сцене рядом с Владимиром Путиным, назвал ДНР, ЛНР, Абхазию и Южную Осетию «квази-государствами»* («Инфо24». 28.09.23); *Смолянка потеряла кредитные деньги на псевдо-бирже* (заголовок) («Московский комсомолец в Смоленске». 28.09.23); *Нарушитель попросил продавца показать золотые цепочки. Девушка достала из витрины четыре. Одну из них псевдо-покупатель надел на шею, чтобы примерить, остальные три — положил на прилавок. А затем мужчина резко схватил товар и убежал* («Комсомольская правда». 28.09.23); *В Саратове удалось отодвинуть заведения псевдо-общепита от многоквартирных домов, запретить продажу алкогольной продукции в объектах общественного питания, имеющих зал для обслуживания посетителей менее 50 метров* («Московский комсомолец в Саратове». 28.09.23). Данные префиксы достаточно легко могут присоединяться к прилагательным: *Инвесторы обратили внимание на депозитарные расписки квази-иностранных эмитентов* (заголовок) («Frank Media». 13.12.22); *Как отметил Игорь Рузаков, сопредседатель партии «Зелёные», член Избирательной комиссии Свердловской области, ещё несколько лет различные интернет-технологии ассоциировались с протестным и квази-протестным электоратом, а сейчас это стало технологией лоялиста*

(«Повестка дня». 14.09.23); *Человека со слабой верой и без знания подлинной истории религии легко обмануть: подменить духовную жизнь псевдо-духовной и вложить в сердца прихожан вредоносные идеи* («РИА Новости Крым». 23.09.23); *По словам Потапенко, сегодня Почта России вынуждена «нести на себе огромный объём абсолютно ненужной псевдо-социальной инфраструктуры», которая плохо влияет и на прибыль, и на менеджмент* («Общественная служба новостей». 26.09.23). Именные новообразования с приставками *квази-*, *псевдо-* имеют, как правило, негативную оценочность, отражают общественно-политические реалии.

Зафиксированы в медийных текстах словообразовательные неологизмы с иноязычной приставкой *про-* с семой 'в интересах кого-, чего-либо'. Данный префикс активно сочетается с прилагательными, производными от имён лиц: *Судя по опубликованной «Лентой.Ру» цитате муфтия, он допускает, что у чеченцев могут «возникнуть вопросы» к французам по поводу их промакронского или антимакронского настроения* («Инфо24». 31.10.20); *Известный пробайденовский социолог Рэйчел Байткофер не скрывает своей обеспокоенности* («Новороссийский портал». 13.10.21); *Протрамповский тролль осуждён за мемы* (заголовок) («Полный РИО». 01.04.23).

Заключение. Таким образом, журналисты активно используют в медийных текстах словообразовательные неологизмы с такими приставками, как *анти-*, *контр-*, *де-*, *пост-*, *квази-*, *псевдо-*, *про-*. Новообразования с данными префиксами свидетельствуют о разобщенности современного общества, обозначают временные соотношения между событиями, отражают общественно-политические реалии.

Список литературы

1. Замальдинов, В. Е. Структурные особенности типовых новообразований в медийном словотворчестве / В. Е. Замальдинов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2016. — № 4. — С. 23-25.
2. Замальдинов, В. Е. Экспрессивно-игровые окказионализмы в языке современных российских СМИ / В. Е. Замальдинов // Вестник Академии наук Чеченской Республики. — 2020. — № 2(49). — С. 116-120. — DOI 10.25744/vestnik.2020.49.2.016.
3. Николина, Н. А. Активные деривационные процессы в современной художественной речи / Н. А. Николина // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: сборник статей Всероссийской научной конференции с международным участием, Ярославль, 27-28 мая 2022 года / Под научной редакцией Т. П. Курановой. — Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2022. — С. 168-179.
4. Радбиль, Т. Б., Рацибурская, Л. В. Лингвокультурологические особенности деривационных процессов в русском языке / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская // Русский язык за рубежом. — 2018. — № 3(268). — С. 43-49.

СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫЕ ОНИМЫ КАК АВТОНОМНЫЙ КЛАСС

Кириченко Т. А., Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
t_a_kirichenko@mail.ru, v.terkulov@donnu.ru

Введение. Большинство лингвистов (Т.С. Сергеева, Г.П. Улуханов, Д.И. Алексеев и др.) рассматривают разные структурные классы аббревиатурных сокращений как единую деривационную группу аббревиатур, вследствие чего при их анализе используются тождественные принципы описания. У нас вызывает возражения такой подход к рассмотрению разных аббревиатур разных формально-ономасиологических типов, поскольку сложносокращённые онимы (далее — ССО), сложносокращённые апеллятивы (далее — ССА) и инициальные аббревиатуры (далее — ИА) имеют разную ономасиологическую природу, и потому подход к каждому из этих классов сокращённых единиц должен быть особым.

Объектом нашего исследования являются сложносокращённые онимы — аббревиатуры, используемые для обозначения единичных объектов, которые чаще всего относятся к разряду эргонимов с реальной мотивацией, что и является материалом исследования (например, *Минцифры, Мосгортранс, Горснаб, Роснефть* и т. д.).

В качестве предмета исследования выступают мотивационные типы формирования ССО, их парадигматические объединения, структура ССО и подходы к их описанию.

Цель исследования: осуществить комплексный анализ ССО русского языка и определить их статус в ряду смежных явлений.

Поставленная цель обусловила решение ряда конкретных **задач**: дать определение ССО; выяснить их статус в ряду смежных явлений; охарактеризовать синхронный и диахронный подходы к изучению данного типа аббревиатур; описать структуру ССО и типы их формирования; установить систему парадигматических объединений ССО, описать ее сходства-отличия от парадигматики ССА; изложить методику описания данного типа аббревиатур; дать полную характеристику нескольким аббревиатурным группам ССО.

Основная часть. Чаще всего в работах по аббревиации констатируется, что аббревиация — это «произвольный процесс сокращения наименования какого-либо объекта» [1, с. 176]. По нашему мнению, образование ССО — абсолютно закономерный и не произвольный, а **стандартизированный** процесс, поскольку, как показали наши исследования, ССО конструируются, в результате чего происходит

затемнение внутренней формы наименования. Например, ССО *Росзарубежцентр* дешифруется как **Российский центр международного, научного и культурного сотрудничества при Министерстве иностранных дел Российской Федерации**. Таким образом, ССО являются результатом искусственного конструирования, что не позволяет поставить их в один ряд со ССА (которые образуются в результате стихийного процесса универбализации) и ИА (которые образуются в результате реального коррелятивного сокращения до первого звука или буквы).

Формирование ССО осуществляется **по законам делопроизводства**. Установление данного положения стало результатом выведения формальных моделей, по которым официальные эквиваленты благодаря абброконструктам «сворачиваются» в аббревиатуры. Выявлено два мотивационных типа образования ССО: **универбализационный** (ССО содержат в своей структуре абброконструкты (или слова) всех компонентов, входящих в официальное полное наименование) и **конструктивный** (ССО и соответствующее ему официальное полное наименование формально не соответствуют друг другу).

Таким образом, нами были выведены модели, которые отражают принципы формирования ССО, благодаря чему становится возможным предположение, что ССО — автономный ономаσιологический тип аббревиатур.

Для описания микросистемы ССО актуальным является разграничение двух подходов: диахронного (при котором устанавливаются деривационные связи между ССО и его эквивалентами) и синхронного (при котором констатируется мотивационная связь между ССО и его эквивалентами).

В ходе анализа синхронных эквивалентов, т. е. словосочетаний, которые употребляются в эквивалентных текстах как абсолютные синонимы (дублиеты) ССО, было отмечено, что гнездо эквивалентности ССО может включать в себя как **официальные эквиваленты**, так и **псевдоэквиваленты**, т. е. эквиваленты, полученные в результате псевдоунивербализации — ситуации, когда на базе сложносокращенного слова разворачиваются вторичные словосочетания, которые называют: объект, процесс, группу людей, но не учреждение; а также **интерэквиваленты**, т. е. эквиваленты, которые не называют какой-либо процесс или объект, а точно указывает на учреждение, видоизменяя (чаще всего — сокращая) его полное наименование.

Выявление множественной эквивалентности повлекло за собой потребность в **диахронном анализе**, благодаря которому удастся отграничить официальные эквиваленты от неофициальных. Это становится возможным благодаря хронологической, ономаσιологической, квантитативной и семантической интерпретационной методикам: данные методики дают возможность проверить все полные эквиваленты по базам

словарей сокращений, по количеству употреблений, по ономаσιологической структуре и заложенной в них семантике.

В парадигматике ССО мы выделяем: аббревиатурную парадигму, аббревиатурное поле, аббревиатурную группу, аббревиатурное гнездо и гнездо эквивалентности. Данные термины относятся и к парадигматике ССА, однако в ходе исследования было установлено, что обозначенные ими явления совершенно по-иному функционируют, поскольку в системе парадигматики ССО главенствующее положение занимают не дешифровальные стимулы, а модели образования ССО и собственная типология эквивалентов.

Комплексный анализ АГ «Мин-» и «Рос-» позволил сделать вывод о том, что ССО, содержащие аббревиатурные конструкции, которые указывают на тип делового объединения, чаще всего образуются по универбализационному типу; в то время как ССО с локативными препозитивными АК, указывающими на отнесенность делового объединения к определенному местоположению, имеют предрасположенность к образованию по конструктивному типу.

Также удалось установить, что ономаσιологическая природа ССО состоит в регулярном «свертывании» аббревиатуры таким образом, что в ее структуру редко попадают конструкции, указывающие на тип делового объединения (комитет, союз, министерство и т. п.), вследствие чего неизбежным становится процесс конструирования ССО. В этом процессе главенствующую роль занимает выделение ключевых компонентов в семантическом плане в соответствии с общепринятыми формальными моделями образования ССО, что является подтверждением нашей гипотезы: образование ССО — стандартизированный процесс.

Заключение. Проблема недифференцированности аббревиатур и вопрос об их автономных статусах на сегодняшний день переживают период своего разрешения. Сложносокращенные апеллятивы находят отражение своей ономаσιологической природы в Толковом словаре сложносокращенных апеллятивов русского языка под ред. В. И. Теркулова. Сложносокращенные онимы же только выходят на арену своей автономности, они впервые в истории языкознания рассматриваются как автономный класс.

Список литературы

1. Сергеева Т.С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 6 (24). — С. 174-179

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ГАЛЛИЦИЗМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Кравцова В. И., Харченко С. Ю., канд. филол. наук, доц.
ФГАОУ «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, РФ
syu_harchenko@volsu.ru, krawtsowa.nika@yandex.ru

Заимствование — это отражающий взаимодействие культур закономерный и естественный процесс развития языка путем усвоения им иностранных слов. Пришедшие в язык в процессе заимствования слова приспособляются к его системе, каждое иноязычное слово по-особому адаптируется к новой языковой системе на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Важным показателем освоенности иноязычной лексемы является ее участие в словообразовательных процессах языка-реципиента: укоренившееся заимствование приобретает статус производящего слова [1, с. 51], активизируя при этом деривационные средства принимающего языка [3, с. 274].

Словообразовательные возможности заимствованного слова повышаются, если оно быстро адаптируется к морфологической системе языка-реципиента: имена существительные получают формы числа и падежа и отнесенность к одному из значений грамматической категории рода; имена прилагательные приобретают словоизменительные черты прилагательных языка-реципиента; глаголы получают оформление глагольных классов и начинают спрягаться по сформированным в заимствующем языке моделям. Способность выступать в качестве производящих у иноязычных единиц зависит от потенциала конкретной лексемы, но при этом большую роль при словообразовании играет степень их употребительности. Если слово является широкоупотребительным, то от него активно образуются новые слова вне зависимости от его способности изменяться или склоняться. Так, единица *кофе* в русском языке имеет производные *кофейный*, *кофемолка*, *кофейник* и др., а от малоупотребительной лексемы *манто* производные отсутствуют.

Исследование словообразовательной деятельности слов, заимствованных из французского языка, позволило выделить в анализируемом материале четыре группы единиц:

1) производящие галлицизмы, создавшие только словообразовательную пару (они составляют около 10% от всех единиц исследования, выступающих в роли мотивирующих слов): *клавесин* — *клавесинный* [СТ, Т.1, с. 433], *жалюзи* — *жалюзийный* [СТ, Т.1, с. 336], *неглиже* — *неглижировать* [СТ, Т.1, с. 660] и др.;

2) галлицизмы, являющиеся исходным звеном словообразовательной цепи, включающей более двух звеньев (13% производящих): *пейзаж* — *пейзажист* — *пейзажистский* [СТ, Т. 1, с. 732], *ажур* — *ажурный* — *ажурно* [СТ, Т.1, с. 62], *жакет* — *жакетка* — *жакеточка* [СТ, Т.1, с. 335] и др. К этой группе относим только те единицы, которые не развили парадигматические деривационные отношения. В цепях преобладают суффиксальные дериваты, но встречаются и префиксальные (*авантаж* — *авантажный* — *неавантажный* [СТ, Т. 1, с. 56]), и конфиксальные (*дама* — *дамский* — *по-дамски* [СТ, Т. 1, с. 278]);

3) галлицизмы, являющиеся вершиной деривационной парадигмы (17% исследуемых производящих): *банальный* (*банальность*, *банально* [СТ, Т. 1, с. 84]), *медальон* (*медальончик*, *медальонный* [СТ, Т. 1, с. 583]), *гурман* (*гурманка*, *гурманство*, *гурманский* [СТ, Т. 1, с. 265]) и др. Парадигма заимствованного из французского языка слова может включать два производных (у слов *манжета*, *аллея*, *гипюр*, *желе* и др.), три деривата (у производящих *волонтёр*, *жетон*, *пасьянс*, *галерея* и др.), четыре производных (у галлицизмов *пикантный*, *корсет*, *бандаж* и др.), пять дериватов (*парламент*, *акушер*, *бюст*, *мародёр*, *ангажировать* и др.);

4) галлицизмы, являющиеся вершиной развёрнутого словообразовательного гнезда, включающего в себя и цепи, и парадигмы (около 60%): *бекас*, *кокет* и др. Словообразовательные гнёзда галлицизмов разнообразны по строению и включают различное количество цепей и парадигм, так, например, в гнезде галлицизма *жест* — 4 цепи и 3 парадигмы, а в цепи слова *кокет* — 10 цепей и 4 парадигмы.

Изучение галлицизмов, функционирующих в русском языке на современном этапе его развития, привело к следующей их типологизации по признаку деривационной активности:

1) галлицизмы, производные которых зафиксированы в современных словарях (*брошюра*, *дебош*, *авангард*, *империал*, *кабинет* и др.);

2) галлицизмы, не имеющие использующихся в СМИ и зафиксированных производных в современных словарях. Эти заимствования, как и заимствования из предыдущей группы, вошли в русский язык несколько веков назад, были зафиксированы в толковых словарях русского языка и словарях заимствований XIX в., но при этом по ряду причин не смогли образовать дериваты. В данную группу входят лексемы *абреже*, *кашне*, *дофин*, *гризетка*, *биде*, *консоме*, *акколада*, *жардиньерка*, *визави*, *бра*, *куафюра*, *ампула*, *брешь*, *антре*, *апплике*, *бильбоке*, *брульон* и др. Некоторые из подобных слов, например *жабо*, *бра*, *ампула*, *биде* и др., в русском языке относятся к несклоняемым существительным, в связи с чем их словообразовательный потенциал ограничен. Однако о нулевом словообразовательном потенциале в данных случаях говорить нельзя, так как наряду с обозначенными галлицизмами были заимствованы лексемы, относящиеся к несклоняемым

существительным в русском языке и обладающие словообразовательной активностью, дериваты которых зафиксированы в словообразовательных словарях XXI в. и активно употребляются в устной речи, в печатных и электронных СМИ: *желе* — *желеобразный* [СТ, Т. 1, с. 341]; *пальто* — *пальтецо*, *пальтовый*, *пальтишко*, *пальто-куртка* [СТ, Т. 1, с. 717–718]; *безе* — *безешка* [СТ, Т. 1, с. 89]; *нике* — *никейный* [СТ, Т. 1, с. 746], *кроки* — *крокировать* — *крокирование* [СТ, Т. 1, с. 499] и др. Можно предположить, что при дальнейшем функционировании в русском языке заимствования, не имеющие на данный момент производных, примут участие в композитном словообразовании;

3) галлицизмы, производные которых не зафиксированы в современных словообразовательных словарях, но активно используются в источниках СМИ (*аллюр* — *аллюрный*, *ассамблея* — *ассамблейный*, *винегрет* — *винегретный*, *жюри* — *жюриный*, *жюристь* и др.).

Таким образом, анализ словообразовательных отношений заимствованных из французского языка слов показал, что освоение галлицизмов в русском языке происходит неравномерно. Некоторые лексемы на данный момент не имеют производных, что может быть связано с ограниченным словообразовательным потенциалом, узкой сферой употребления, а также постепенным устареванием слов-заимствований. Большая часть галлицизмов характеризуется высокой способностью к образованию синтагматических отношений, в русском языке развила широкие словообразовательные отношения, что свидетельствует о полноценном укоренении.

Список литературы

1. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое : исследование по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 888 с. — Текст : непосредственный.
2. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. / А. Н. Тихонов. — 2-е изд., стер. — Москва : Русский язык. — 1990. — ISBN 5-200-01091-8. — Текст : непосредственный. — [СТ].
3. Харченко, С. Ю. Активные процессы в образовании имён существительных и отсубстантивной деривации конца XX — начала XXI вв. / С. Ю. Харченко. — Текст : непосредственный // Активные процессы в современной грамматике: материалы международной конференции 19–20 июня 2008 г. Под ред. С. В. Иванова, О. В. Фокиной. — Москва — Ярославль : Ремдер, 2008. — С. 274–276.

СЕМАНТИКА АББРОКОНСТРУКТА АВИА И ПРЕЗЕНТАТИВА АВИАЦИОННЫЙ ПО ДАННЫМ СОПОСТАВЛЕНИЯ С ИНТЕРПРЕТАТИВНЫМИ ДЕШИФРОВАТЕЛЬНЫМИ СТИМУЛАМИ

Лашко А. А., Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
alinalashko2506@gmail.com, v.terkulov@donnu.ru

Целью предлагаемой статьи является определение принципов, выделения значений абброконструкта *АВИА-* и прилагательного *авиационный*, а также составление словарной статьи «Авиа» для «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка».

Объектом исследования является абброконструкт сложносокращённого слова, то есть «конструкт аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова, коррелирующего с ней словосочетания» [3, с. 16]. Предметом исследования выступает значение абброконструкта, выделяемое при сопоставлении его презентативных и интерпретативных дешифровальных стимулов.

Наше исследование осуществляется в рамках синхронного подхода. Синхронный подход применим к сложносокращённым словам, имеющим на актуальном срезе языка формально связанные с ними мотивационными отношениями текстовые синтаксические эквиваленты

Дешифровальный стимул (ДС) определяется как «стереотип расшифровки абброконструкта» [3; с. 19], то есть является эквивалентом абброконструкта и может замещать его в тексте без изменения его смысла, например *авиановинка* — *авиационная новинка*, *авиаменеджер* — *менеджер по авиабилетам*, *авиабензин* — *бензин для авиации*, *авианадзор* — *надзор за авиакомпаниями и др.*

Можно выделить два типа дешифровальных стимулов: презентативы и интерпретативы.

Интерпретативные дешифровальные стимулы уточняют семантику абброконструкта и являются маркированными компонентами в оппозиции к презентативному стимулу.

Среди интерпретативов выделяется релятивы и модификативы.

В. И. Теркулов под релятивным ДС понимает «такой ДС, который использует семантику презентативного ДС с добавлением релятивной, актантной семантики существительного» [2, с. 147]. Е.Н. Михайлова отмечает: «Под релятивным ДС мы понимаем регулярные стереотипные модели расшифровок, которые реализуются в актантной и актантно-числовой семантике эквивалентных словосочетаний» [4, с. 76]. Например, для слова *авиасоглашение* отмечается эквивалент *соглашение с авиакомпанией*, представляющий авиакомпанию как референт,

выступающий в роли соучастника (комитатив комплементарный), для слов *авиапространство* — пространство для авиации или *авиаполигон* — полигон для авиации отмечается значение «назначение объекта» (дестинатив), для слова *авиаоператор* — оператор авиации реализуется значение «принадлежность объекта к определённому классу» (посессив) и т. д.

Модификационные дешифровальные стимулы содержат дополнительный ономазиологический признак, который отсутствует в структуре сложносокращённого слова, например *авиабезопасность* — *безопасность авиаперелетов*; *авиасервис* — *сервис для авиалиний*; *авиаработник* — *работник авиационной промышленности*.

Презентативные дешифровальные стимулы реализуют основную/общую трактовку абброконструкта, указывающую на наличие у объекта определённого признака, например *авиабитва* — *авиационная битва*, *авиабригада* — *авиационная бригада*, *авиагоспиталь* — *авиационный госпиталь*, *авиаиндустрия* — *авиационная индустрия*. Презентативные дешифровальные стимулы представляют собой прилагательные, в подавляющем большинстве случаев — относительные. Согласно широко распространённой точке зрения, значение относительных прилагательных тождественно значению слов, от которых они образованы, а различие между ними состоит лишь в принадлежности к разным частям речи [1, с.185].

Разработанная нами методика позволила выделить оттеночные значения и оптимизировать толкования значений абброконструктов и прилагательных. Конструкция с релятивом нами используется для интерпретации абброконструкта и презентатива — прилагательного:

1) *авиановинка* — *авиационная новинка* — *новинка в авиации* (*авиационный* = изобретённый в авиации);

2) *авиаоборудование* — *авиационное оборудования* — *оборудование для авиации* (*авиационный* = использующийся для авиации);

3) *авиабензин* — *авиационный бензин* — *бензин для авиации* (*авиационный* = подходящий для авиации);

4) *авиадетали* — *авиационные детали* — *детали для авиаций* (*авиационный* = предназначенный для авиации);

5) *авиапраздник* — *авиационный праздник* — *праздник авиации* (*авиационный* = посвящённый авиации);

В ходе исследования были зафиксированы следующие модификативные трактовки презентатива:

1) *авиаменеджер* — *авиационный менеджер* — *менеджер по авиабилетам* (*авиационный* = специализирующийся по авиабилетам);

2) *авиаагентство* — *авиационное агентство* — *агентство по авиабезопасности* (*авиационный* = ответственный по авиабезопасности);

3) *авиакорпорация* — *авиационная корпорация* — *корпорация авиационной промышленности* (*авиационный* = принадлежащая авиационной промышленности);

4) *авианадзор* — *авиационный надзор* — *надзор за авиакомпаниями* (*авиационный* = проводящийся за *авиакомпаниями*);

5) *авиаписьмо* — *авиационное письмо* — *письмо авиапочтой* (*авиационный* = отправленное *авиапочтой*).

На основе лексикографической интерпретации приведенных выше эквивалентов словарная статья адъектива авиационный и абброконструкта АВИА-:

✓ *Авиа-, Авиационный, -ая, -ое.* свойственный *авиации*, принадлежащий *авиации*, характерный для *авиации*, изобретённый в *авиации*, использующийся для *авиации*, совершённый *авиацией*, произведённая *авиацией*, подходящий для *авиации*, предназначенный для *авиации*, посвящённый *авиации*, созданный для *авиации*, построенная для *авиации*, проведённая при помощи *авиации*, специализирующийся по *авиабилетам*, ответственный по *авиабезопасности*, купленный на *авиарейс*, принадлежащая *авиационной промышленности*, объединивший *авиамоделлистов*, проводящийся за *авиакомпаниями*, предназначенный для *авиационной техники*, организующий *авиаперевозки*, отправленное *авиапочтой*, осуществлённый на *авиалайнерах*.

Заключение. Исследование позволило определить принципы трактования значения абброконструкта. На основании изложенного выше, можно сделать вывод, что семантику абброконструкта возможно определить в процессе сопоставления его эквивалентов, представляющих собой дешифровальные стимулы и подразделяющихся на интерпретативы и презентативы, что подтверждается наличием оттеночных значений, зафиксированных в эквивалентных текстах. Необходимо отметить, что абброконструктам свойственна полисемия. Подробное изучение данного явления планируется осуществиться в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.А. Земская. — М., 1973.
2. Теркулов В. И. Гнездо эквивалентности аббревиатуры в синхронном освещении / В.И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. — Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. — С. 140–147.
3. Теркулов В.И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В.И. Теркулов // Восточнославянская филология: сб. науч. тр. — Вып. 3(29). Языкознание. — Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2016. — С. 13–24.
4. Михайлова Е. Н. Модель прогнозирования релятивных дешифровальных стимулов / Е.Н. Михайлова // Новые горизонты русистики. — 2018. — № 6. — С. 74–80.

СИСТЕМА ДЕШИФРОВАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ КАК ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ

Михайлова Е. Н.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.n.mikhailova@mail.ru

Синхронный подход к изучению сложносокращённых слов констатирует множественную эквивалентность аббревиатуры, которая реализуется путём стереотипного многократного развёртывания абброконструкта (сокращённого компонента) в дешифровальные стимулы (ДС). Так, абброконструкт *полит* имеет следующие варианты текстовой реализации: *политический* (*политэмигрант* — *политический эмигрант*), *политика* (*политуправление* — *управление политикой*), *политик* (*политкарьера* — *карьера политика*), *политизированный* (*политдоклад* — *политизированный доклад*), *политолог* (*политпрогноз* — *прогноз политологов*), *политология* (*политфак* — *факультет политологии*) и др.

Все полученные эквиваленты сложносокращённого слова функционируют в рамках одного гнезда эквивалентности (ГЭ). Следует отметить, что у некоторых аббревиатур набор словосочетаний может отличаться из-за валентности главного слова. Например, ГЭ *финвложение* представлено двумя словосочетаниями: *финансовое вложение* и *вложение финансов*, а ГЭ *финразведка* только одним: *финансовая разведка*, так как главное слово *разведка* при управлении ДС *финансов* актуализирует его актантное значение, которое ему абсолютно не свойственно. Поэтому информативен анализ не отдельных ГЭ, а системы ДС в рамках одного абброконструкта, объединённых не только деривационными, но и семантическими отношениями.

В этой работе представлена попытка рассмотреть ДС с точки зрения лексико-семантического поля (ЛСП), под которым мы понимаем упорядоченное множество языковых единиц, объединённых общим семантическим признаком и словообразовательными связями вокруг ядерной семемы [2, с.73]. Единица с наименьшей степенью интерпретации значения составляет ядро ЛСП, как правило, это просто существительное. Далее заполняется центральная часть, в которую входят ДС с производным от ядра значением и с формальными изменениями.

В периферийную часть входят не только сложные слова, но и с наибольшей интерпретацией семантики ядра ЛСП. Например, в аббревиатурной группе *фин*, состоящей из 60 сложносокращённых слов и 19 лемм, ядро занимает ДС *финансы*, а центральную часть — *финансовый*, *финансирование*, *сфера финансов*, *область финансов*, *управление*

финансами, оставшиеся единицы, такие как *финансово-экономический*, *финансово-хозяйственный*, *финвопрос*, *финграмотность* и другие, заполняют периферийную часть.

Более подробно структуру ЛСП дешифровальных стимулов АК *фин* можно представить в таблице ниже.

Таблица

Структура ЛСП дешифровальных стимулов

Ядро ЛСП				
<i>Финансы:</i> <i>за финансами, о финансах, по финансам, с финансами, финансами.</i>				
Центральная часть ЛСП				
<i>Финансирование:</i> <i>для финансирования, в финансировании, по финансированию, финансирование.</i>	<i>Финансовый:</i> <i>финансовый, финансовая, финансовое.</i>		<i>Сфера финансов:</i> <i>в сфере финансов.</i> <i>Область финансов:</i> <i>в области финансов.</i> <i>Управление финансами:</i> <i>по управлению финансами.</i>	
Периферийная часть				
Сложносокращённое слово с АК <i>фин</i> :			Производные центральной части	
<i>Финансовый</i> + $N_2; N_3; N_7$	<i>Финансово-хозяйственный</i> + $N_2; N_5;$	<i>Финансово-экономический</i> + N_3	<i>Финансово-экономический</i>	<i>Финансово-хозяйственный</i>
<i>финансового отдела;</i> <i>по финансовым вопросам;</i> <i>о финансовом положении и др.</i>	<i>финансово-хозяйственной деятельности;</i> <i>за финансово-хозяйственной деятельностью</i>	<i>по финансово-экономическим вопросам.</i>	<i>финансово-экономический,</i> <i>финансово-экономическая,</i> <i>финансово-экономическое.</i>	<i>финансово-хозяйственная.</i>

Конституенты каждой части тесно связаны друг с другом, находятся между собой не только в деривационных отношениях, но и семантических. Центральная и периферийная части, вступая в гиперо-гипонимические отношения, с помощью гипонимов уточняют, конкретизируют семантику аббревиатуры. Например, сложносокращённое слово *финдеятельность* со значением «целеустремлённая активность, приводящая к изменениям в размере и составе внесённого капитала того или иного объекта» можно развернуть с помощью ДС, входящих в центральную часть ЛСП *фин*: *финансовая деятельность* и *деятельность с финансами*. Они дают реципиенту общую информацию, отражённую в толковании ССС. При использовании ДС, входящих в периферийную часть, семантика аббревиатуры становится конкретной: *финансово-хозяйственная деятельность*, *финансово-экономическая деятельность*, *деятельность в сфере финансов*. Иными словами, дана информация о разнообразии деятельности и в какой сфере она может осуществляться.

При рассмотрении лексической составляющей поля в центральной части можно выделить синонимические отношения лемм *сфера финансов* и *область финансов*, а также деривационные особенности формирования ДС: образование относительного прилагательного *финансовый* и отглагольного прилагательного *финансирование*.

Периферийная часть требует детального описания, так как здесь происходят изменения не только на формально-структурном, но и (на) семантическом уровнях. Она представлена двумя блоками: производными леммами центральной части ЛСП и леммами, являющимися сложносокращённым словом с его синтаксическим эквивалентом.

Такое разнообразие дешифровальных стимулов тесно связано с дистрибуцией разворачиваемой единицы и семантической сочетаемости единиц. Например, в ССС *финконтроль* базис *контроль* с семемой «*проверка*» предполагает семантические сочетания с классом слов, которые обозначают признак, объект и место. Абброконструкт *фин* при разворачивании занимает эти позиции при помощи семантических вариантов: *финансовый контроль* (признак); *контроль финансов* (объект). Однако позицию локатива ДС не может занять в силу своей семантической ограниченности, так как реализуется только через признак, объект или признак+объект. Примером последней схемы может служить синтаксический эквивалент ССС *финконтроль* — *контроль финансовой деятельности*.

Стоит учесть тот факт, что представленные в периферийной части токены, выступают также и в качестве сложного слова, например: *финконтроля* (*фининспекция* — *инспекция финконтроля*), *финансового контроля* (*фининспекция* — *финансового контроля*). Также в этой части ЛСП представлен не полный перечень ДС.

Таким образом, лексико-семантическое поле для организации системы дешифровальных стимулов в пределах одного абброконструкта даёт полную информацию об их формально-структурных, деривационных и семантических особенностях. Стоит отметить, что модель ЛСП, реализуясь в других абброконструктах, может потребовать детализации.

В следующих работах планируется разработка методики построения ЛСП и применение её в прогнозировании дешифровальных стимулов сложносокращённого слова.

Список литературы

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка : монография / В. П. Абрамов. — 3-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2020. — 336 с.
2. Борозенец Д. И. Построение семантического поля когнитии: критерии отбора материала / Д. И. Борозенец // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2021. — №4. — 73 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Назар Р. Н., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
nazar_roman@mail.ru

Введение. Важнейшей гуманитарной задачей лингвистики и одним из приоритетных направлений работы Российской академии наук является не просто создание корпусов текстов, а составление корпуса текстов русского языка.

Данным вопросом занимается корпусная лингвистика, как раздел прикладной лингвистики, разрабатывающий общие принципы использования и построения лингвистических корпусов или корпусов текстов.

Целью нашего исследования является изучение роли Национального корпуса русского языка в проведении лингвистических исследований.

Основная часть. Устный или письменный текст служит основным источником языкового материала для проведения филологических и лингвистических исследований. Анализируя тексты, лингвист может исследовать грамматические, морфологические, синтаксические, выразительные средства, частотность и продуктивность словоупотребления и сделать определённые выводы о том или ином языковом явлении. С конца XX — начала XXI столетия развитие науки и вычислительной техники дало толчок появлению огромного количества текстов в машинописном или электронном виде, что, в отличие от печатных, делает их более доступными, объединяет в библиотеки, коллекции и корпуса. Работая с большими объемами цифровых текстов, исследователь имеет возможность извлечь необходимую информацию намного быстрее и проще. Таким образом стали создаваться лингвистические корпуса, в которые тексты отбирались и размечались по различным лингвистическим методам, параметрам, репрезентативности, имели определенную систему поиска, возможность получения аналитических и статистических данных для различных экспериментальных исследований.

В мировой лингвистике еще с 50-х годов XX столетия существуют попытки собирания коллекций электронных текстов английского и французского языков. В 1978 г. академиком Ершовым А. П. была высказана идея создания «Машинного фонда русского языка» (МФ РЯ), которую попытались реализовать в 80-х годах XX столетия в Институте русского языка АН СССР Андриющенко В. М., Аношкина Ж. Г.,

Караулов Ю. Н., Колодяжная Л. И., Шайкевич А. Я. путем размещения на сайте МФ РЯ словарей, архивов текстов русской литературы XIX–XX столетий и газетных текстов конца 90-х годов XX века — всего около 10 млн словоупотреблений.

В 2003 г. был основан проект «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ, www.ruscorgo.ru), который и сейчас разрабатывают два института Российской академии наук: Институт русского языка им. В. В. Виноградова и Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича, в сотрудничестве с поисковой системой «Яндекс» и специалистами из Москвы, Санкт-Петербурга и других регионов.

Над созданием НКРЯ в разное время работали Аброскин А. А., Алексеевский Л. А., Архангельский Т. А., Вербицкая Л. А., Воейкова М. Д., Казанский Н. Н., Кудинов М. С., Кустова Г. И., Орехов Б. С., Плунгян В. А., Поляков А. Е., Рахлина Е. В., Савчук С. О., Сибирцева В. Г., Сичинава Д. В., Соколова Е. Г., Шаров С. А. и др.

Плунгян В. А. под корпусом понимает электронное собрание текстов, размеченное таким образом, чтобы в нём можно было быстро найти слова и конструкции с заданными грамматическими и другими интересными лингвистическими свойствами [3].

НКРЯ — представительная коллекция текстов на русском языке общим объемом более 6 млн текстов и 2 млрд слов, оснащенная лингвистической разметкой и инструментами поиска.

НКРЯ состоит из 46 подкорпусов, которые имеют следующее количество слов и словоупотреблений: основной (374 млн); газетный (790 млн — центральные (765 млн) и региональные сми (24 млн)); синтаксический (1,5 млн); социальные сети (157 млн); устный (13 млн); акцентологический (134 млн); мультимедийный (5,7 млн); мультипарки (458 тыс. — русский (229 тыс.) и англо-русский (229 тыс.)); параллельные (173 млн — 26 разновидностей — английский (44 млн), армянский (1,6 млн), башкирский (550 тыс.), белорусский (10 млн), болгарский (5,2 млн), бурятский (401 тыс.), испанский (5,4 млн), итальянский (4,9 млн), китайский (4,4 млн), корейский (73 тыс.), латышский (4,4 млн), литовский (702 тыс.), немецкий (30 млн), польский (6,4 млн), португальский (566 тыс.), румынский (903 тыс.), сербский (1,9 млн), словенский (2 млн), украинский (9,4 млн), финский (3,7 млн), французский (7,1 млн), хинди (123 тыс.), чешский (3,9 млн), шведский (16 млн), эстонский (2,2 млн)); многоязычный (5 млн); диалектный (599 тыс.); обучающий (664 тыс.); от 2 до 15 (4,4 млн); поэтический (13 млн); русская классика β (17 млн); исторический (14 млн — древнерусский (781 тыс.), берестяные грамоты (23 тыс.), старорусский (8,8 млн), церковнославянский (5,3 млн)); панхронический (383 млн) [2].

Тексты корпуса снабжены морфологической разметкой, разработанной под руководством В. А. Плунгына на основе системы

«Грамматического словаря» А. А. Зализняка. Эксплуатация корпуса осуществляется через онлайн-поисковую систему.

В НКРЯ тексты лингвистически аннотированы, а бурный рост электронных ресурсов обусловлен возможностью и необходимостью обработки большого массива информации для извлечения из неё лингвистических, литературоведческих и прочих данных.

Использование корпусов текстов даёт возможность наблюдать поведение языковых единиц (слов, словосочетаний, грамматических категорий, синтаксических конструкций и т. д.), интересующих исследователя, в естественной языковой среде, т. е. в реально существующих, а не искусственно сконструированных контекстах.

Используя статистические методы, корпусные исследования позволяют сформулировать, опровергнуть или подтвердить некоторую гипотезу о том или ином языковом явлении на большом объеме материала.

При этом если исследователь пользуется уже существующим корпусом, он полностью минует долгий и трудоемкий этап сбора материала (опрос информантов, работа со словарными картотеками или письменными текстами и т. д.) [1].

Общий объем текстов, индексируемых Яндексом и другими поисковыми системами, во много раз больше, чем объем НКРЯ. Однако поисковые системы разрабатываются для того, чтобы пользователи быстрее находили релевантную для них информацию, а не для лингвистических исследований. А НКРЯ позволяет получить точные числовые данные о том, как часто встречается определенное слово или словосочетание, искать общие конструкции, не содержащие конкретных слов, точную информацию о том, кто, когда и где написал и опубликовал каждый текст [2].

Заключение. Использование НКРЯ в повседневной деятельности лингвистов становится нормой. На материале корпуса выполняют практические задания, пишут курсовые и дипломные работы, защищают диссертационные исследования. Исследователь может быстро найти пример на грамматическую конструкцию или редкое слово, проверить употребление или написание интересующих единиц. Корпус — это не нормативное пособие, язык в нём отражается не с точки зрения автора, а таким, каким он является на самом деле.

Список литературы

1. Лаврентьев А. М. Корпусная лингвистика: идеология, методы, технологии / А. М. Лаврентьев // Сибирский филологический журнал. — 2004. — № 3–4. — С. 121–134.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL.: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 20.09.2023 г.).
3. Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение / В. А. Плунгян // Национальный корпус русского языка : 2003–2005. — М. : Индрик, 2005. — С. 6–20.

ДЕШИФРОВАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ СОКРАЩЕНИЙ: К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ

Рязанова В. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.riazanova@donnu.ru

Синхронно-эквивалентностный подход к словообразовательным процессам специализируется не на отношениях производности между словосочетанием и сокращением, что является основой разработанного в XX в. общепринятого понимания аббревиации, а на установлении актуальных эквивалентностных отношений между этими единицами. Под эквивалентностью понимается возможность использования в качестве абсолютных синонимов аббревиатуры и словосочетания, в которых формально выражены одни и те же компоненты (эти словосочетания называются синтаксическими эквивалентами). Такие единицы формируют гнезда эквивалентности аббревиатуры. Например, для сокращения *админцентр* носители языка используют регулярные расшифровки *административно-деловой центр, центр предоставления административных услуг, центр админуслуг, центр предоставления админуслуг, центр административных услуг* и т. д.

Гнезда эквивалентности сложносокращённых апеллятивов русского языка стали объектом описания в «Толковом словаре сложносокращённых слов русского языка» под ред. В. И. Теркулова (далее — «Словарь»), созданием которого занимается Лаборатория. Словник «Словаря» насчитывает более 11 тыс. сокращений, каждое из которых имеет гнездо эквивалентности с индивидуальным набором частотных синтаксических эквивалентов.

Предполагается, что множественная расшифровка (развёртывание компонентов сокращения в полнозначные эквиваленты, образующие словосочетание) аббревиатур происходит под влиянием дешифровальных стимулов — имплицитных знаний носителей языка, которые обуславливают выбор модели расшифровки аббревиатуры.

При этом предполагается также, что дешифровальные стимулы носителей языка коррелируют с внешними, внеязыковыми факторами: с местом проживания, возрастом, полом, уровнем образования и сферой деятельности носителя языка, его социальным окружением.

Актуальность исследования заключается в том, что вопрос влияния внеязыковых факторов на стратегию расшифровок аббревиатур носителями языка остаётся нерешённым. Нами не было обнаружено масштабных исследований аббревиатур и расшифровок, которые

проводились бы в когнитивном, лингворегионалистическом или лингвокультурологическом аспектах.

Как теоретические разработки Лаборатории, так и содержание «Словаря» базируются на опосредованном языковом материале, а именно на текстах, зафиксированных в сети Интернет. При этом изучение ответов реальных носителей языка в рамках исследований Лаборатории практически не проводилось (мы можем отметить только исследование А. И. Бровца, в ходе которого он проводил опрос среди своих подписчиков в социальной сети «ВКонтакте» на выявление симультанных конструктов [1]). В целом же масштабная эмпирическая база, включающая ответы респондентов, у Лаборатории отсутствует.

Решением этой проблемы может стать проведение опроса среди носителей языка, который позволит установить корреляцию между выбором носителями языка моделей расшифровок аббревиатур и сопутствующими внешними факторами.

В рамках исследования планируется решение следующих задач:

1. Проведение опроса среди широкого круга респондентов по специально разработанному опроснику и создание единой базы данных, включающую результаты опроса респондентов.

2. Обработка полученных ответов, в рамках которой планируется:

- выявить корреляцию между внешними факторами и приведёнными способами расшифровки аббревиатур;

- на основе ответов провести диагностику речевых особенностей жителей ДНР;

- провести диагностику отступления от языковых норм при образовании синтаксических эквивалентов среди носителей русского языка;

- провести сопоставления приведённых респондентами расшифровок с синтаксическими эквивалентами, зафиксированных в словарных статьях «Толкового словаря сложносокращённых слов русского языка» и т. д.

Верификация синхронно-эквивалентностного подхода может в корне изменить представление о процессе аббревиации, приблизив учение о словообразовании к реальной современной языковой ситуации.

Список литературы

1. Бровец А. И. О симультанных аббревиатурных конструктах (на материале аббревиационной группы электро) / А. И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2016 г.) : сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. — Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. — Т.1. — С. 41–51.

СООТНОШЕНИЕ НЕИНИЦИАЛЬНОГО АББРОКОНСТРУКТА С МОРФЕМОЙ И АФФИКСОИДОМ

Смирнова И. Р.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
smirinaa15@gmail.com

Объектом исследования выступает неинициальный абброконструкт как аббревиационная единица и словообразовательное средство русского языка. Под абброконструктом (далее — АК) понимается «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [5, с. 74], например АК *вент* в составе аббревиатур *вентствол* (*вентиляционный ствол*), *вентклапан* (*вентиляционный клапан*) и др. Неинициальным называется АК, состоящий как минимум из двух звуков и соответствующий части основы эквивалентного слова, например АК *воен-* в слове *воендело* (*военное дело*).

Целью исследования является описание характерных признаков и особенностей неинициального абброконструкта и выделение его на основании этих характеристик из ряда других словообразовательных средств, таких как морфема и аффиксоид. В задачи исследования входит: 1) перечислить признаки и свойства неинициального АК, которые комплексно резюмируют его языковую специфику; 2) обозначить отличия АК от морфемы и аффиксоида на основании его типовых особенностей; 3) описать единицы переходного типа, такие как абброморфема и аффиксоид.

Задача установления статуса сокращённых компонентов сложносокращённых слов на данный момент решена русистами в пользу отнесения таких единиц к морфемам: аффиксальным (Л. В. Щерба), в частности, префиксальным (В. Н. Троицкий), или же к особому типу морфем («абброморфема», «слогоморфема»), которые «нельзя в полной мере назвать ни корневыми, ни аффиксальными» (Д. И. Алексеев) [1, с. 19].

Формальное и функциональное сходство неинициального АК с морфемой обуславливает необходимость дифференцировать данные единицы на основании их базовых языковых особенностей.

Во-первых, существенным отличием неинициального АК от морфемы является наличие у него мотивационных и деривационных связей с лексическими единицами, посредством которых осуществляется дешифровка сложносокращённого слова (далее — ССС), в состав которого он входит: например, *автодорога* — *автомобильная дорога, дорога для автомобилей* и т. д.

Во-вторых, при словообразовании АК выступает не в функции префикса или префиксоида, а как формальное средство для осуществления

универбализации — формально-семантической трансформации (компрессии) словосочетания в слово: например, слово *автодорога* возникает на базе словосочетания *автомобильная дорога*, а не на базе слова *дорога*.

Исключения составляют квазиаббревиатуры (*авиабилет*, *юрислингвистика* и др.), для которых путем прямого присоединения абброконструкта к слову имитируется структура ССС. В этом случае АК выступает в качестве морфематизированного словообразовательного элемента — абброморфемы.

В-третьих, АК обладают специализированным значением, формируемым на основе семантики их развернутых эквивалентов: например, АК *вело-* в ССС *велодорога* является эквивалентом лексем *велосипедный* (*велодорога* — *велосипедная дорога*), *велосипед* (*велодорога* — *дорога для велосипеда*) и т. д., на базе которых у него формируется понятийное значение ‘относящийся к велосипедам, предназначенный для них’; морфемам же присуща ассоциативная семантика.

Вследствие морфематизации АК также может приобретать обобщенное значение, которое накладывается на семантику производных с его помощью слов. Например, АК *вело-*, используемому в функции абброморфемы при образовании слова *велоновости* (*новости* > *велоновости* ‘сообщения о последних событиях в отрасли, связанной с велоспортом’), присуща ассоциативная семантика ‘относящийся к чему-то (к отрасли) [rel¹], что связано с чем-то (со спортом) [rel²], где используются [rel³] велосипеды (где соревнуются на велосипедах)’.

Морфематизированные АК, или абброморфемы, сохраняют способность «разворачиваться» в полноценные лексические эквиваленты, регулярные или окказиональные, что не наблюдается для морфем: например, *велоновости* — *велосипедные новости*, *новости велоспорта*; *велостиль* — **велосипедный стиль*, **стиль велосипедистов*. Во втором случае, когда у ССС обнаруживаются только окказиональные развернутые соответствия, АК по своим семантическим и функциональным характеристикам сближается с аффиксоидом. Так называемый «абброаффиксоид», впервые описанный К. Ю. Емельяновой (см. [4]), отмечается, например, в словах *авиапират*, *авиабензин* (*авиа-*); в словах *астробиология*, *астрогеолог* (*астро-*) и т. д.

Неинициальный АК нередко рассматривается в ряду аффиксоидов — компонентов сложных или сложносокращенных слов, близких по словообразовательной роли к аффиксам и имеющих схожее, повторяющееся в словах значение, например «*авиа-* («авиалиния», «авианесущий»), *видео-* («видеофильм», «видеотека»), *орг-* («оргработа», «орготдел»), *теле-* («телемост», «телефильм», «телеуправляемый»)» [2] и др. Однако многие сокращенные компоненты, причисляемые в некоторых

словарях [2], энциклопедиях [3] и т. д. к аффиксоидам, например компоненты *орг-*, *теле-*, *авиа-* в словах *оргработа* (*организационная работа*) и *орготдел* (*организационный отдел*), *телемост* (*телевизионный мост*) и *телефильм* (*телевизионный фильм*), *авиалиния* (*авиационная линия*) и др., обнаруживают все характерные особенности неинициальных АК: 1) являются компонентами ССС, имеющих эквивалентные словосочетания на актуальном срезе языка; 2) обладают устойчивым значением, формируемым совокупностью их регулярных лексических эквивалентов; 3) входят в состав ряда слов, образующих абброгруппы — объединения лексем по признаку общности абброконструкта в русском языке, например «орг», «теле», «видео» и т. д.; 4) могут выступать средством образования новых слов вследствие морфематизации, например *теле-* в ССС *телемост*, *авиа-* в ССС *авиалиния*.

Стоит отметить, что формальный облик неинициальных АК и аффиксоидов в русском языке иногда совпадает: например, в словах *библиосфера* (префиксоид) и *библиоцентр* (АК) — *библиотечный центр*, *радионяня* (префиксоид) и *радиостанция* (АК) — *станция радиовещания* и т. д. Различия между АК и аффиксоидом в данном случае заключаются в их семантических свойствах: АК обладает понятийной семантикой, которую перенимает у эквивалента и выявление которой осуществляется посредством дешифровки ССС; аффиксоиды (например, префиксоиды *сверх-*, *псевдо-*, *полу-*, *недо-* и др.) не обладают свойством «разворачиваться» в словесный эквивалент, то есть слово с префиксоидом не может быть трансформировано в словосочетание без потери исходной семантики: например, *сверхдержава* + **сверхъестественная держава*.

Таким образом, сущностным отличием неинициального АК от морфемы и аффиксоида является наличие у него в языке мотивационных и деривационных связей с лексическими единицами. АК обладает понятийной семантикой, формируемой значением его регулярных лексических эквивалентов, в то время как морфеме и, в частности, аффиксоиду, сохраняющему отдаленную семантическую связь с корнем или основой, от которых он происходит, свойственна обобщенность значения. АК первоначально формируются в языке на базе лексических компонентов компрессуемых словосочетаний, в то время как морфемам свойственна воспроизводимость. Впоследствии неинициальные АК могут подвергаться морфематизации и использоваться в «готовом» виде в качестве абброморфемы или абброаффиксоида для словообразования на базе лексем.

Список литературы

1. Алексеев Д. И. Аббревиатуры как новый тип слов // Развитие словообразования современного русского языка: сб. науч. работ. М.: Наука, 1966. — С. 13-37.
2. Аффиксоиды русского языка. Словарь-справочник [Электронный ресурс] / М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая, Е. С. Громенко, А. С. Павлова, И. М. Егоров;

Институт лингвистических исследований РАН. — Режим доступа: <https://affixoid.iling.spb.ru>

3. Большая российская энциклопедия / гл. ред. С. Л. Кравец [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://bigenc.ru/>
4. Емельянова К. Ю. Абброаффиксоидные квазиаббревиатуры: причины невозможности образования текстовых эквивалентов / К. Ю. Емельянова // Чтения молодых учёных: материалы IV Респ. очнозаочной науч.-практ. конф. (Горловка, 12-13 апр. 2018 г.). — Горловка: Изд-во ОО ВПО «ГИИЯ», 2018. — С. 124–126.
5. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.

УДК 81'373.611

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ТЕОРИИ УНИВЕРБАЛИЗАЦИИ ДОНЕЦКОЙ ДЕРИВАТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Теркулов В. И., д-р филол. наук, проф.

ГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.terkulov@donnu.ru

Введение. Работа над Толковым словарём сложносокращённых слов русского языка привела к обнаружению ряда явлений в области аббревиации и, шире, универбализации, которые либо ещё не становились объектом научного рассмотрения и, следовательно, не получили терминологического обозначения, либо проявили некоторые черты, не замечавшиеся или игнорировавшиеся учёными ранее. Активное участие представителей Донецкой дериватологической школы в ряде научных форумов, таких, например, как Конгресс МАПРЯЛ, Санкт-Петербургская филологическая конференция памяти Л.А. Вербицкой и др., глубокое обсуждение наших работ нашими коллегами показало, что для более точного понимания базовых положений теории необходимы статьи, описывающие систему терминов, которые используются в наших изысканиях. Целью предлагаемой статьи является представление толкований основных наименований, входящих в терминологический аппарат «донецкой» теории универбализации.

Основная часть. Базовым понятием теории является понятие универбализации. В диахронии под универбализацией нами понимается трансформация словосочетания в слово, например *учительская комната* → *учительская*, *актёр кино* → *киноактёр*, *городской совет* → *горсовет* (диахронная универбализация). В синхронии универбализация — это явление мотивационной интерпретации слова через словосочетание и словосочетания через слово, независимо от того, слово ли образовано от

словосочетания или наоборот (синхронная универбализация). Например, в отношениях синхронной универбализации находятся как слово *велогонка* и словосочетание *велосипедная гонка*, реализующие отношения диахронной универбализации, так и слово *веган-кафе* и словосочетание *веганское кафе*, где с точки зрения диахронии слово является заимствованным из английского языка (англ. *vegan cafe*), а словосочетание развивается на его базе в результате псевдоунивербализации (см. ниже), формируя синхронное представление о слове как об аббревиатуре, находящейся с ним в синхронной универбализационной связи.

Существует две формальные разновидности универбализации:

1) лексическая универбализация, которая определяется как стяжение компонентов словосочетания в сложное слово; различаются:

а) юкстапозиция (словосложение) — способ словообразования, представляющей собой простое объединение слов, при котором составляющие производное слово единицы формально тождественны слову, например *метростанция* — *станция метро*, *быстро растворимый* — *быстрорастворимый*;

б) композиция (основосложение), когда объединяются «в одно слово несколько основ (выделено нами — В.Т.), в большинстве случаев с помощью соединительного гласного» [Кудрявцева, с. 133], например *асфальтоукладчик* — *укладчик асфальта*, *вольнослушатель* — *вольный слушатель*;

в) аббревиация, при которой в производном слове отмечается хотя бы один сокращённый эквивалент лексемы эквивалентного словосочетания, например, *граншлак* — *гранулированный шлак*, *Роснанотех* — *Российская корпорация нанотехнологий*, *ДС* — *диспетчерская станция*;

2) семантическая универбализация, которая реализует «включение значения (план содержания) одного из компонентов сочетания слов (при редукции его плана выражения) в семантическую структуру другого компонента» [Кудрявцева, с. 123]; различаются:

а) зллипсис, то есть замещение словосочетания одним из его компонентов — зависимым, например *столовая* — *столовая комната*, или главным, например *высокое давление* — *давление*;

б) универбация, при которой производное слово морфемно отличается от формально производящего, имитируя либо суффиксальную (*маршрутное такси* — *маршрутка*), либо безаффиксную (*регрессная выплата* — *регресс*) деривацию.

Универбализация является разновидностью компрессии, которая «объединяет те способы словообразования, по которым образуются номинативные единицы, тождественные по значению базовому слову или словосочетанию, но отличающиеся от них более краткой формой» [Земская 1981, с. 120]. Это позволяет рассматривать как компрессивные

образования не только универбаты, но и усечения, например *член-корреспондент* — *член-корр*, *диссертация* — *диссер*, *килограмм* — *кило* и *под*. [Земская 1981, с. 122–124], а также сокращённые словосочетания, например *выступить в соревнованиях на первенство мира* — *выступить на первенство мира* и т. п.

Возникновение универбатов обусловлено формированием на базе суммы значений лексем словосочетания-источника конденсированной эмерджентной семантики. Например, значение слова *гастроужин* «ужин, во время которого подаются блюда высокой кухни» не выводится из значений лексем, входящих в словосочетание *гастрономический ужин*. Для производящего словосочетания отмечается асимметричный дуализм «расчленённая форма — словная семантика», преодоление которого и осуществляется путём замены расчленённой формы цельной, словесной.

Создание новых лексем, оформленных по образцу универбатов, не на базе словосочетания, а на базе слова называется нами квазиунивербализацией. Например, для слов *пельменная* и *зоотехник* не существует производящих словосочетаний **пельменная комната* и **зоологический техник*: *пельменная* образована по образцу слова *столовая* как квазисубстантив, а *зоотехник* — по образцу, с одной стороны, аббревиатур с базисом *техник* (*авиатехник* — *авиационный техник*, *автотехник* — *автомобильный техник*), а с другой — аббревиатур с абброконструктом *зоо-* (*зоосад* — *зоологический сад*, *зооцентр* — *зоологический центр*).

Развёртывание вторичного словосочетания на базе слова называется нами диахронной псевдоунивербализацией. Например, как было сказано выше, слово *веган-кафе* является не аббревиатурой, а заимствованным английским словосочетанием *vegan cafe*, воспринятым и оформленным как слово. Однако образование в русском языке на базе существительного *веган* прилагательного *веганский* стало стимулом для развёртывания всех заимствованных и аналогически сформированных слов с компонентом *веган-* в словосочетания с указанным прилагательным: *Как вы решились открыть веганское кафе? — Изначального плана или мечты открыть веган-кафе не было* (<https://www.afisha.ru/restaurant-news/go-vegan-что-ести-куда-ходит-nachinayuschemu-veganu/>). Псевдоунивербализация может осуществляться как на базе псевдоунивербатов (см. выше), так и на базе универбатов. Например, для слова *автомагазин*, образованного от словосочетания *автомобильный магазин*, псевдоунивербализационно образовано словосочетание *магазин для автолюбителей*.

Явление псевдоунивербализации является основой для формирования синхронных отношений эквивалентности, то есть упомянутой выше синхронной универбализации.

Заключение. Терминологическую базу теории универбализации донецкой научной школы составляют термины «универбализация»,

«компрессия», «квазиунивербализация», «псевдоунивербализация». В дальнейших работах мы предполагаем дать внутреннюю типологию обозначенных ими явлений.

Список литературы

1. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л.А. Кудрявцева. — К. : ИПЦ «Киевский университет», 2004. — 208 с.
2. Земская Е.А. Русская разговорная речь и общие вопросы словообразования. Синтаксис / Е.А. Земская, Н.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. — М.: Наука, 1981. — 276 с.

УДК 81'373.611

МОДИФИКАТИВНЫЕ ДЕШИФРОВАЛЬНЫЕ СТИМУЛЫ АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ *АВИА*

Халабузарь А. О.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
stebuki@yandex.ru

Введение. Исследование продолжает цикл работ, посвящённых описанию дешифровальных стимулов аббревиатурной группы *авиа* [4; 5]. Под дешифровальным стимулом понимается «стереотип дешифровки абброконструкта» [2, с. 106]. Например, для абброконструкта *авиа-*отмечаются дешифровальные стимулы *авиационный* (*авиагигант* — *авиационный гигант*), *авиации* (*авиагарнизон* — *гарнизон авиации*), *авиатехники* (*авиавооружение* — *вооружение авиатехники*) и под. Объектом рассмотрения в предлагаемой статье являются модификативные дешифровальные стимулы, а предметом — их формальные и ономаσιологические структуры.

Основная часть. А. И. Бровец выделил среди дешифровальных стимулов «презентативные, выраженные относительным прилагательным с квалификативной семантикой (*автомобильная авария* — *автоавария*), и интерпретативные дешифровальные стимулы, среди которых различаются релятивные, выраженные падежными и предложно-падежными формами и актуализирующие значения числа и падежа (*авария автомобилей* — *автоавария*), и модификативные дешифровальные стимулы, включающие значимые компоненты, отсутствующие в структуре аббревиатуры (*автодорожная авария* — *автоавария*)» [1, с. 256].

Для описания дешифровальных стимулов нами используются понятия «токен» (конкретная речевая реализация дешифровального стимула) и лемма (словарная) форма, обобщение всех формально

связанных и семантически тождественных токенов) [5, с. 87]. Например, для модификативной леммы *авиатехника* нами обнаружены токены : *авиатехники* (*авиавооружение* — *вооружение авиатехники*); *авиатехникой* (*авиаснабжение* — *снабжение авиатехникой*); *авиационной техники* (*авиабаза* — *база авиационной техники*); *авиационной техникой* (*авиауправление* — *управление авиационной техникой*); для *авиатехники* (*авиаангар* — *ангар для авиатехники*); для *авиационной техники* (*авиаоборудование* — *оборудование для авиационной техники*); по *авиатехнике* (*авиаспец* — *специалист по авиатехнике*); по *авиационной технике* (*авиаспециалист* — *специалист по авиационной технике*).

Как показали наши исследования, актуальным является введение в научный обиход понятий субтокен, то есть словосочетание, включающее в свой состав основной токен, обычно являющийся релятивным, и сублемма, а «словарный» представитель таких словосочетаний. Например, релятивный токен авиации входит в состав модификативных субтокенов в области авиации (*авиаспециалист* — *специалист в области авиации*) и в области гражданской авиации (*авиауслуги* — *услуги в области гражданской авиации*), которые представляют сублемму область авиации «» леммы авиация. Такие дешифровальные стимулы мы называем сублеммными модификативами, противопоставляющимися леммным модификативам, реализующим токены самостоятельной, не входящей в состав других лемм леммы, например *авиабезопасность/авиационная безопасность*: *авиационной безопасности* (*авиаинспектор* — *инспектор авиационной безопасности*); по *авиабезопасности* (*авиасоглашение* — *соглашение по авиабезопасности*); по *авиационной безопасности* (*авиаспециалист* — *специалист по авиационной безопасности*). В ряде случаев возможно появление сублеммных модификативов у леммных модификативов. Например, для леммы *авиабилет* с токенами *авиабилета* (*авиакласс* — *класс авиабилета*); *авиабилетов* (*авиасервис* — *сервис авиабилетов*); в *авиабилетах* (*авиатариф* — *тариф в авиабилетах*); для *авиабилетов* (*авиахолдер* — *холдер для авиабилетов*); по *авиабилетам* (*авиаменеджер* — *менеджер по авиабилетам*) отмечается сублемма *бронирование*, -я *авиабилетов* с субтокеном по бронированию *авиабилетов* (*авиаменеджер* — *менеджер по бронированию авиабилетов*).

Таким образом, нами отмечаются адъективные леммы, например *авиатехнический*, -ая, -ое; *авиационно-технический*, -ая, -ое, *авиационный*, -ая, -ое *технический*, -ая, -ое: *авиатехнический* (*авиасклад* — *авиатехнический склад*); *авиационно-техническое* (*авиаоборудование* — *авиационно-техническое оборудование*); *авиационный технический* (*авиаколледж* — *авиационный технический колледж*), субстантивные леммы: *авиатехника*; *авиационная техника*, например *авиатехникой* (*авиаснабжение* — *снабжение авиатехникой*); *авиационной техники* (*авиабаза* — *база авиационной техники*); субстантивные сублеммы,

например лемма *авиация*, сублеммы: *воённая авиация*, например в военной авиации (*авиаслужба — служба в военной авиации*); *гражданская авиация*, например для гражданской авиации (*авиапространство — пространство для гражданской авиации*); *помощь авиации*, например с помощью авиации (*авиаопрыскивание — опрыскивание с помощью авиации*); лемма *авиатехника*, сублемма *обслуживание авиационной техники*, например по обслуживанию авиационной техники (*авиаинженер — инженер по обслуживанию авиационной техники*).

Тип токенов определяется схемами дешифровальных стимулов для эквивалентов аббревиатуры. Для данных схем «используются следующие символы: у — базисный компонент, х — признаковый, то есть дешифровальный стимул абброконструкта, ад — адъектив (прилагательное, адъективированное причастие), предл — предлог, а — компонент сложного слова, дополняющий стимул х, z — слово, входящее в дешифровальный стимул — словосочетание, входящее в состав составного эквивалента» [3, с. 305].

Для лемм и сублемм абброгруппы авиа отмечаются следующие схемы дешифровальных стимулов:

- 1) х-а (ад)-у: *авиатехнический* (*авиасклад — авиатехнический склад*);
- 2) х(ад)-z(ад)-у: *авиационный транспортный* (*авиаузел — авиационный транспортный узел*);
- 3) у-х-а: *авиалюбителей* (*авиаклуб — клуб авиалюбителей*);
- 4) у-х-z: *авиационного приборостроения* (*авиатехникум — техникум авиационного приборостроения*);
- 5) у-предл-х-а: *на авиаперевозки* (*авиасоглашение — соглашение на авиаперевозки*);
- б) у-предл-х-z: *по организации обслуживания авиаперевозок* (*авиаагент — агент по организации обслуживания авиаперевозок*).

Для определения семантической роли модификативов используются глубинные падежи. Нами выделяются: 1) агентив — роль производителя действия: *авиасоревнование — соревнование авиамоделистов*; 2) дестинатив — роль назначения референта: *авиаменеджер — менеджер по бронированию авиабилетов*; 3) дистрибутив — роль объекта представления или распределения: *авиарынок — рынок авиатехники*; 4) каузатив — роль источника состояния: *авиалюбитель — любитель авиатехники*; 5) локатив — роль, указывающая на место реализации референта: *авиакласс — класс в авиасалоне*; 6) поссессив — роль, указывающая на принадлежность референта: *авиарботник — работник авиационного предприятия*; 7) трансгрессив — роль, объекта видоизменения: *авиаремонт — ремонт авиалайнеров*; 8) фактитив — роль продукта деятельности: *авиапроизводство — производство авиаоборудования*.

Заключение. Формально-структурное и ономаσιологическое описание леммных и сублеммных модификативов обеспечивает создание

методик представления данных единиц в Толковом словаре сложносокращённых слов, создаваемом на кафедре русского языка Донецкого государственного университета. В дальнейших работах мы предполагаем дать комплексное описание всех дешифровальных стимулов, входящих в аббревиатурную группу авиа.

Список литературы

1. Бровец А.И. Дешифровальный стимул аббревиатуры: когнитивная, диахронная и синхронная трактовки / А.И. Бровец // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума: в 2-х томах. Т.1. — Симферополь, 2019. — С. 244–251.
2. Теркулов В.И. Сложносокращенные апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 97–112. — <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112>.
3. Халабузарь А.О. Составные абброконструкты с компонентом "авиа": формальное и ономазиологическое описание / А.О. Халабузарь // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей III Международного симпозиума: в 2-х томах. Т.1. — Симферополь, 2019. — С. 302–307.
4. Халабузарь А.О. Презентативные дешифровальные стимулы аббревиатурного гнезда «авиа» / А.О. Халабузарь // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). — Том 4: Филологические науки. Культура и искусство / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. — С. 69–72.
5. Халабузарь А.О. Релятивные дешифровальные стимулы аббревиатурной группы «авиа» / А.О. Халабузарь // Новые горизонты русистики. — 2020. — № 12. — С. 84–91.

УДК 81'242:00

ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ В РАМКАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕТЕВОГО ДИСКУРСА

Шашков И. А., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет
имени К.Е. Ворошилова», г. Луганск, РФ
shashkov.phd@mail.ru

Введение. Глобализация сетевого пространства предопределяет возможности информационного воздействия на языковую личность сетевого пользователя. Ретрансляция информационного материала в рамках функционирования веб-ресурсов и сетевых сообществ всегда будет эффективной в силу уязвимости природы организации языковой личности реципиента, так как участник дискурсной практики данной категории является интерпретатором информации, закодированной с позиции языковой

личности продуцента и представляющей систему ретранслируемых ценностей. В своей совокупности набор стратегий, тактик и приёмов способствуют реализации одной из основных задач языковой личности продуцента – завладению вниманием читателя, посредством трансформации данного статуса в статус активного интерпретатора.

Цель работы представлена необходимостью задействования методологического инструментария лингвистической статистики в исследовании языковых средств, используемых в дискурсных практиках Сети, что позволяет выявлять количественные характеристики языкового материала, обладающего суггестивно-манипулятивным потенциалом, через ретрансляцию которого осуществляется анонсирование субъективно-иницированных ценностных ориентиров.

Основная часть. «Одним из реальных оснований применения статистики в изучении языка и речи нужно признать объективную присущность языку количественных признаков, количественных характеристик» [1, с. 11]. На наш взгляд, даже элементарные данные, полученные посредством математических вычислений и являющиеся объективными доказательствами, имеют преимущество при построении обоснованных предположений и языковых теорий в противовес словесным предположениям, выражаемым количественными понятиями типа «много», «часто», «редко», «малоупотребительно» и т.д. (Б.Н. Головин).

Показатель случайности или существенности отклонения наблюдаемых частот является доказательством действия предполагаемого статистического закона, «внешним выявлением которого и оказываются наблюдаемые выборочные частоты с их колебаниями» [1, с. 40], а полученные данные, на наш взгляд, позволяют судить о взаимовлиянии языковых средств на имплицитно заложенную установку формирования текстового продукта, что проявляется в реализации лингвокреативного потенциала языковой личности продуцента и позволяет:

1) вывести когнитивно-прагматическую нагрузку текста через анализ его количественных и качественных характеристик, что в свою очередь способствует наглядной систематизации качественно-количественных особенностей репрезентации когнитивно-ценностного ориентира;

2) выявить лингвокреативные предпочтения автора в создании апперцепционного фона посредством репрезентации действительности через призму авторской текстотворческой деятельности, передаваемой разноуровневыми средствами языка;

3) проследить возможность влияния экстралингвистических факторов и тематического оснащения гипертекста на задействование соответствующего разноуровневого языкового инструментария с целью вовлечения языковой личности реципиента в информационно-интерпретативную практику;

4) определить динамику языкового инструментария при анализе его участия в тех или иных синтаксических позициях, что способствует восприятию и интерпретации информационного материала;

5) проанализировать частотность задеирования субъективно подобранных языковых средств в гипертекстовом пространстве сетевых сообществ и информационных источников веб-ресурсов с позиции когнитивно-прагматических особенностей функционирования сетевого дискурса, а также изучить особенности воздействия частотных языковых средств на формирование содержания гипертекстового произведения в целом;

6) проверять гипотезы о субъективно запланированном, с позиции продуцента, соотношении языковых единиц разных уровней, что влечёт за собой сходство и различие стилей в речи и языке;

7) проанализировать доленое задеирование средств языка, участвующих в формировании когнитивно-ценностных образований, своими множествами представляющих единства высказываний, направленных на выполнение тактико-стратегических задач по реализации дискурсивной практики.

Заключение. Результаты лингвостатистических исследований позволяют выявить нагрузку значимого частеречного фона, а это в свою очередь способствует созданию субъективно прогнозируемого апперцепционного фона. Выявление активности разноуровневых языковых единиц позволяет выяснить приоритетное их задеирование продуцентом в рамках кодирования информационного материала, что и является доказательством реализации суггестивно-манипулятивного воздействия в адрес массовой языковой личности реципиент-аудитории со стороны языковой личности продуцента.

Список литературы

1. Головин, Б. Н. Язык и статистика / Б. Н. Головин. – Москва, «Просвещение», 1970. – 190 с.
2. Шашков, И. А. Языковая личность продуцента в русскоязычном религиозном интернет дискурсе: дисс. ... канд. филол. наук: спец.: 10.02.01 «Русский язык»; 10.02.19 «Теория языка» / И.А. Шашков; науч. рук.: В. И. Теркулов. – Донецк, 2019. – 263 с.

Русский язык.
Актуальные проблемы лингворусистики
Подсекция 1

УДК 376.68 — 056.87

**СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ: ПРОБЛЕМЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Алексеенко О. Н.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.alekseenko@donnu.ru

Введение. Актуальность работы обусловлена значимостью проблемы улучшения качества общения и эффективности коммуникации в современном обществе. В условиях постоянного развития информационных технологий и расширения международного взаимодействия, культура речи становится одним из ключевых факторов успешности межличностного и профессионального общения.

В современном мире, где информация распространяется быстро и повсеместно, особенно важно уметь четко, ясно и грамотно выражать свои мысли. Это важно как для профессиональной деятельности, так и для повседневной жизни. Умение правильно и убедительно говорить помогает в решении различных задач, от успешных деловых переговоров до установления гармоничных отношений с окружающими.

Цель исследования — рассмотреть современную концепцию культуры речи, ее основные принципы и проблемы, а также определить перспективы развития данной области в контексте современной культуры.

Основная часть. Анализ последних исследований и публикаций показывает, что современная концепция культуры речи активно изучается и обсуждается учеными, преподавателями и специалистами в области коммуникации.

Исследователи подчеркивают, что культура речи является сложным и многогранным явлением, которое включает в себя различные аспекты общения, такие как грамотность, стилистика, риторика, этика и прагматика.

В последние годы наблюдается значительный интерес к изучению культуры речи в контексте межкультурной коммуникации, поскольку общение между представителями разных культур требует особого внимания к особенностям речевого поведения и восприятия [1].

Также актуальным является вопрос о том, как современные технологии влияют на культуру речи. С одной стороны, информационные технологии упростили доступ к информации и ускорили процесс коммуникации, но с

другой стороны, они могут снижать качество общения, способствуя распространению неграмотности и нарушению этических норм.

Еще одно направление исследований связано с изучением роли культуры речи в формировании имиджа и авторитета личности. Умение грамотно и убедительно выразить свои мысли является важным фактором успеха в профессиональной и общественной деятельности [5].

Культура речи является неотъемлемой частью культуры общества и отражает уровень его развития. Она включает в себя знания и навыки использования языка, уважение к собеседнику и умение выражать свои мысли и чувства. В современном мире, где общение становится все более разнообразным и сложным, культура речи приобретает особое значение [2].

В современном обществе вопрос о культуре речи становится особенно актуальным, поскольку от уровня владения языком зависит успешность межличностного и профессионального общения, эффективность решения различных задач и качество выполнения профессиональных обязанностей.

Современная культура речи имеет широкое применение в повседневной жизни. Например, она помогает нам эффективно общаться с коллегами, друзьями и близкими. Умение слушать и понимать других людей позволяет нам лучше понимать их потребности и желания, что в свою очередь помогает находить компромиссы и избегать конфликтов. Кроме того, культура речи помогает нам развивать свои коммуникативные навыки, что является важным фактором успеха в профессиональной и личной жизни.

Современная концепция культуры речи основывается на ряде принципов, которые определяют основные направления работы в данной области:

Знание и соблюдение литературных норм является основой культуры речи. Это предполагает умение правильно употреблять слова, строить предложения, соблюдать орфоэпические, морфологические и синтаксические нормы.

Культура речи предполагает уважительное отношение к собеседнику, его мнению и позиции. Это проявляется в умении слушать и слышать собеседника, быть тактичным и вежливым, избегать конфликтных ситуаций и проявлять толерантность [3].

Культура речи требует от говорящего умения выражать свои мысли точно и ясно, избегая двусмысленности, многословия и неуместных слов. Это позволяет создать эффективное общение между собеседниками и достичь поставленных целей.

Культура речи подразумевает умение выбирать наиболее подходящие языковые средства для выражения своих мыслей в зависимости от речевой ситуации. Например, при общении с коллегами или друзьями мы используем одни языковые средства, а при выступлении перед аудиторией — другие.

Культура речи не ограничивается знанием и соблюдением норм литературного языка; она также предполагает стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, изучению новых языковых явлений и возможностей их использования в различных ситуациях общения.

Несмотря на то, что культура речи является важным аспектом современного общества, в ней существует ряд проблем, которые требуют решения: снижение уровня грамотности влияет на распространение безграмотности в интернете и социальных сетях; влияние иностранных языков вызывает проникновение иностранных слов и конструкций в русский язык; появляется отсутствие интереса к изучению родного языка: многие люди считают изучение языка ненужным или скучным; наличие речевых ошибок в медиа и интернете приводит к тому, что ошибки воспринимаются как норма [4].

Для улучшения ситуации необходимо усилить контроль за грамотностью в СМИ и интернет-пространстве; организовать курсы и мастер-классы по культуре речи для разных возрастных групп и профессиональных сфер; внедрить программы по культуре речи в учебные заведения разного уровня; создать условия для саморазвития и самообразования в области культуры речи; поддерживать и популяризировать использование литературного языка.

В заключении, хочется отметить, что современная концепция культуры речи является важным аспектом для развития общества и личности. Это понятие включает в себя использование правильного словарного запаса, грамматики и произношения, а также избегание грубости, стереотипов и дискриминации. Она способствует эффективному общению, уважению к собеседнику и избеганию конфликтов.

Для успешного применения данной концепции необходимо постоянное обучение, самоконтроль и взаимодействие с другими членами общества. Только таким образом, мы сможем создать гармоничное коммуникативное пространство, где каждый сможет выразить себя и быть услышанным.

Список литературы

1. Антонова, Е.С. Русский язык и культура речи: учебник / Е.С. Антонова, Т.М. Воителева. — М.: Academia, 2018. — 272 с.
2. Боброва, С.В. Русский язык и культура речи (для бакалавров) / С.В. Боброва, М.А. Мищерина. — М.: КноРус, 2018. — 232 с.
3. Введенская, Л.А. Русский язык. культура речи. деловое общение (для бакалавров) / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. — М.: КноРус, 2019. — 335 с.
4. Голуб, И.Б. Культура письменной и устной речи / И.Б. Голуб. — М.: КноРус, 2018. — 400 с.
5. Черняк, В.Д. Русский язык и культура речи (для бакалавров) / В.Д. Черняк. — М.: КноРус, 2018. — 154 с.

ПРОБЛЕМЫ ВАРВАРИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Бессарабов О. В.¹, Бессарабова Ю. В.²

¹МБОУ «Школа № 150 города Донецка», г. Донецк, РФ

²МБОУ «Школа № 126 города Донецка», г. Донецк, РФ
bessarabovayulia@mail.ru

Введение. Проблема варваризации русского языка является актуальной и требует внимания. Каждый язык — важный элемент национальной культуры, и его сохранение и развитие имеют существенное значение. Варваризация русского языка представляет собой процесс проникновения иноязычных слов и выражений в русскую речь без необходимости. Это может создавать проблемы для понимания текстов, особенно для людей с недостаточным владением иностранными языками.

Кроме того, варваризация языка может привести к потере уникальности русской культуры и идентичности. Наш язык имеет богатую историю и культурное наследие, которые следует сохранять и развивать. Также варваризация языка может создавать проблемы для образования и научных исследований. Вмешательство иноязычных элементов затрудняет понимание и изучение русской науки и литературы.

Решение проблемы варваризации русского языка требует совместных усилий от общества, образовательных учреждений и государственных органов. Необходимо осуществлять контроль и регулирование использования иноязычных слов и выражений в русской речи. Важно также поощрять изучение и развитие русского языка как национального достояния.

Наряду с этим важно уделять внимание и развитию русского словарного запаса и лексикона. Необходимо продолжать работу по созданию новых русских слов и выражений для описания современных явлений и технологий. В конечном счете решение проблемы варваризации русского языка позволит сохранять и развивать культурное наследие нации, обеспечивая легкое понимание и общение внутри общества.

Все исследователи языка сходятся во мнении, что мы переживаем время резкой активизации жаргона (арго, сленга). Жаргонизмы переполняют речь людей, СМИ, художественную литературу.

Основная часть. Примеры варваризации в русском языке можно найти в различных областях. Например, в сфере информационных технологий появилось множество новых слов и выражений, таких как «интернет», «сайт», «социальные сети» и т. д. В эпоху Петра I имело место заимствование многих технологических терминов из западноевропейских языков. В советское же время произошло активное использование

иностранных слов и выражений, пришедших из английского языка, а также «запознавание» (как когда-то сказал В.И. Даль) с идеями западной культуры.

Однако варваризация языка вызывает и споры, и критику. Некоторые считают, что массовое пополнение русского языка иностранными словами приводит к его обеднению и потере «национального характера». Другие приветствуют такое развитие, считая это нормальным процессом заимствования и обогащения языка новыми словами и понятиями.

Когда общество ощущает нестабильность и неопределенность, возникает потребность в создании новых слов и понятий, чтобы описать эти процессы и явления. Это может быть вызвано политическими, социальными или экономическими изменениями.

В такие периоды в языке и культуре происходит варваризация — процесс, когда заимствуются слова или понятия из других языков или культур, чтобы заполнить пробелы в лексиконе или описать новые явления. Это своего рода броуновское движение в языке, когда происходит интенсивный и неупорядоченный поиск средств выражения.

Нестабильность языка отражает нестабильность общества, так как язык является отражением культуры и способом коммуникации. Если общество находится в состоянии перемены и неопределенности, то его язык будет отражать это состояние. Нестабильность языка может быть временным явлением, которое преодолевается, когда общество стабилизируется и находит новый порядок и значимость.

Одной из основных причин варваризации русского языка является влияние иностранных культур, особенно англоязычной. В современном мире английский язык часто используется в качестве международного языка коммуникации, и многие слова и выражения из него переходят в русский язык. Это особенно заметно в сфере информационных технологий, маркетинга, моды и музыки.

Однако варваризация русского языка может привести к следующим негативным последствиям:

1) потере национальной культурной и языковой идентичности; введение иностранных слов и конструкций может создать разрыв между старым и новым поколениями, а также привести к потере уникальности русского языка;

2) ухудшению языковых навыков; введение иностранных слов может привести к неправильному использованию русского языка и ухудшению грамматической и орфографической компетенции;

3) затруднению в коммуникации; использование иностранных слов и выражений может привести к непониманию и коммуникативным проблемам между людьми, особенно если они имеют разный уровень владения иностранными языками;

4) размыванию терминологии; введение иностранных слов и конструкций может привести к размыванию терминологии в различных областях знаний, что может затруднить их изучение и применение;

5) усложнению обучения русскому языку для иностранных студентов; введение иностранных слов и конструкций может создать сложности для иностранных студентов, изучающих русский язык, особенно если они привыкли к другой грамматике и лексике.

В целом варваризация русского языка является сложным явлением, которое требует баланса между сохранением национальной идентичности и открытостью к новым словам и выражениям.

Нарушение языковых правил в СМИ может быть «оправдано» тем, что они стараются привлечь внимание читателей или зрителей, создавая контент, который вызывает эмоции или шокирует. Такой подход основывается на использовании подсознания аудитории и может быть создан из коммерческих соображений. Однако отсутствие правил игры в языке может привести к недостатку информационной надежности и качества сообщений, а также к несоблюдению основных этических норм.

Сохранение нормы нормального поведения в речи — это гарантия эффективного и добросовестного общения в обществе. Поэтому важно акцентировать внимание на необходимости соблюдения «правил игры» в языке и обращать общественное внимание на эти вопросы. Обучение и пропаганда языковых норм могут помочь улучшить качество языка, использованного в СМИ, и обеспечить развитие более гармоничного общества.

Заключение. Таким образом, варваризация в языке и культуре является постоянным процессом, отражающим изменения в обществе и жизни людей. Она может вызывать как положительные эмоции, так и негодование, но, в любом случае, она свидетельствует о развитии и живости языка. Варваризация является серьезной проблемой для русского языка и требует активного внимания и борьбы. Важно развивать грамотность русского языка, сохранять его нормы, нормы общения и культуру родного языка. Это позволит сохранить язык в своей оригинальности и уникальности.

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОЙ ПРАГМАТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДОНЕЦКОГО ЖУРНАЛИСТА

Бурляй А. С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
anna.burlyai@mail.ru

Влияние военных корреспондентов на российское информационное пространство с началом специальной военной операции в Донбассе существенно усилилось. Одним из наиболее заметных трендов стало появление и распространение текстов, подготовленных для персональных телеграм-каналов военкоров. Эти блоги выполняют функции не только своеобразного дополнения публикаций, подготовленных для крупных федеральных СМИ, но и отдельных медиа. В них корреспонденты делятся своими впечатлениями, наблюдениями и анализом происходящего на фронте. Кроме того, персональные блоги военкоров служат неформальными каналами для распространения личного мнения журналистов.

Военные корреспонденты играют важную роль в формировании информационного пространства в условиях конфликта. Их тексты позволяют аудитории получить достоверную информацию о происходящем на фронте, а также сформировать собственное мнение о ситуации.

Благодаря ярко выраженной персонализированности и доверительному тону, в котором ведутся личные блоги военкоров, они располагают аудиторией к себе. Это позволило установить доверительные отношения между телеграм-каналами военных корреспондентов и их аудиторией.

Для более глубокого понимания влияния военных корреспондентов на российское информационное пространство необходимо проанализировать особенности их языковой личности. «Языковая личность журналиста выступает в качестве субъекта, анализировать который необходимо, выделяя три уровня» [1, с. 192]:

- Вербально-семантический уровень отражает лексический запас, синтаксические конструкции и стилистические особенности, характерные для конкретного журналиста.
- Когнитивный уровень отражает знания, убеждения и ценности, которые формируют мировоззрение журналиста.
- Прагматический уровень отражает цели и задачи, которые журналист ставит перед собой при создании текстов.

При этом военных корреспондентов, действующих в Донбассе, можно условно поделить на две группы:

- Журналисты, работающие в рамках командировки, постоянно не проживая в пределах территории проведения СВО.

- Корреспонденты, выполняющие свои профессиональные обязанности и являющиеся жителями Донбасса.

Это деление принципиально важно по следующим причинам. Во-первых, человек формируется теми, кто его окружает, кто является носителем ценностей, признаваемых большинством в конкретном регионе: «человек формируется своим окружением, которое, несомненно, несёт в себе „региональное сознание“, те ценностные „вехи“, которые определены жизнью региона» [3, с. 123], а также через речь конкретного человека или группы лиц «выявляются не только социально-этнические признаки продуцента, но и ментальность, национально-культурная сущность индивида, а у представителя того или иного региона — региональная специфика его мировидения» [2, с. 398]. Во-вторых, жители Донбасса имеют более глубокие знания и понимание ситуации в регионе, что отражается в их текстах.

Для понимания специфики коммуникативных потребностей языковой личности донецкого военного корреспондента, можно классифицировать их следующим образом: контактоустанавливающая, информационная и воздействующая.

Контактоустанавливающая потребность связана с необходимостью автора сообщений улучшить восприятие его информационных продуктов аудиторией. Это может быть достигнуто путём использования различных методов коммуникации, таких как выработка особенного стиля написания текстов, адаптация классических журналистских жанров под свою аудиторию и т. д.

Информационная потребность направлена на передачу содержания сообщений. В случае военного корреспондента эта потребность реализуется в репортажах о боевых действиях и жизни военных на передовой, интервью с военными или гражданскими лицами, ставшими свидетелями боевых действий, анализе ситуации на поле боя и другой актуальной, чаще всего эксклюзивной, информации.

Воздействующая потребность связана с желанием автора сформировать определенное отношение аудитории к событиям и фактам, а также стимулировать активность у читателей. Для достижения этой цели военный корреспондент может использовать различные приемы, такие как использование эмоционально окрашенной лексики, риторических вопросов, иронии или категорических высказываний.

Анализируя сообщения в телеграм-канале «Военкор Астрахань», можно сделать следующие выводы о характере коммуникативных потребностей донецкого военкора. Он реагирует на сообщения медиадискурса, использует подачу сообщений от первого лица, привязку к актуальным событиям, а также использует фото- и видеоматериалы для усиления эффекта от написанного текста. Военный жаргон, коннотативно окрашенная и обценная лексика, иронический контекст, риторические

вопросы и категорические высказывания играют важную роль в его коммуникации.

Рассматривая телеграм-каналы «AKUTIN.DPR.RU», «МАЙ ДНР», «Vreeg Time», можно заключить, что языковая личность донецкого журналиста сформировалась не только благодаря региональной среде, но и под воздействием социально-политической обстановки последних десяти лет. Для неё характерно задеиствование в речи упрощений, обращение к просторечию, употребление ненормативной лексики, включая обсценную и искаженную украинскую, что часто применяется как средства информационного воздействия.

Таким образом, коммуникативные потребности донецкого военкора реализуются через разнообразные методы и приемы, которые помогают ему эффективно взаимодействовать с аудиторией и доносить свою информацию. Прагматические установки не только формируют образы военных корреспондентов, представленные в медиа, но и оказывают воздействие на характер формирования языковой личности донецкого журналиста.

Список литературы

1. Бурляй, А. С. Средства речевого воздействия языковой личности журналиста Донбасса в интернет-дискурсе / А. С. Бурляй // Русский язык в поликультурном мире : Сборник научных статей V Международного симпозиума, включенного в программу Международного фестиваля "Великое русское слово". В 2-х томах, Симферополь, 08–12 июня 2021 года / Отв. редактор Е.Я. Титаренко. — Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021. — С. 191-195.
2. Курмакаева, Н. П. Региональная составляющая в идиолекте языковой личности поэта Донбасса / Н. П. Курмакаева // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье : Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума, Новозыбков, 17–20 мая 2022 года / Редколлегия: С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов, С.М. Пронченко. — Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2022. — С. 398-403.
3. Теркулов, В. И. Региональная дискурсивная языковая личность / В. И. Теркулов // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России : Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием, Новосибирск, 11–15 октября 2021 года. — Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью "Академиздат", 2021. — С. 122-124.

КУЛЬТУРА НАУЧНОЙ РЕЧИ КАК АСПЕКТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА

Евсеева М. Г., канд. филол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
m.evseeva@donnu.ru

Введение. Актуальность данной публикации обусловлена объективной необходимостью публичного изложения результатов практической деятельности и теоретических изысканий в устной либо письменной форме, возникающей у современных педагогов достаточно регулярно. В настоящее время наблюдается отчётливая тенденция расширения круга возможностей для подобного рода профессиональной самопрезентации ввиду появления значительного числа специализированных Интернет-ресурсов, где педагог может опубликовать статью или выступить в режиме онлайн-трансляции. Таким образом, культура научной речи становится одной из неотъемлемых составляющих педагогического профессионализма.

Основная часть. В то же время, располагая значительным багажом материалов, содержательность и качество которых более чем достойно обнародования, педагоги-практики зачастую слабо владеют научным стилем устной и письменной речи в частности и культурой научной речи в целом. Это закономерно, ведь владение стилем порождается практикой, а более или менее обширная практика написания и обнародования научных текстов у большинства педагогов имела место в студенческие годы.

Вторая причина затруднений, возникающих у педагога-практика при необходимости пользоваться научным стилем изложения, на наш взгляд, заключается в том, что профессиональная деятельность педагога предполагает активное пользование иными речевыми стилями. Из них ближайшим к научному является научно-популярный, которым традиционно излагается учебный материал. Однако степень его научности весьма вариативна в зависимости от возраста обучающихся, изучаемой дисциплины, стиля преподавания конкретного педагога. Официально-деловой стиль, обязательный для всех видов документации, каковой в практике педагога немало, также весьма далёк от научного. Он имеет собственную целевую направленность, семантическую детерминированность и аппарат речевых клише, свойственных только этому стилю.

И наконец, наибольшее влияние на публичную речь педагога оказывает та специфическая комбинация художественного и публицистического стилей, в русле которой выдержаны практически все труды отечественных корифеев педагогики — как классиков, так и

современников. Одних названий «Педагогическая поэма», «Баллада о воспитании» и «Сквозь призму сердца», на наш взгляд, достаточно, чтобы оценить стилевую специфику данного пласта текстов.

Для читающего их педагога закономерно прийти к убеждению, что, поскольку так словесно оформляют свой профессиональный опыт Макаренко, Амонашвили, Шаталов, то именно в таком стиле и следует составлять публичные тексты о своей работе педагогу, желающему быть услышанным и понятым коллегами. Это убеждение абсолютно верно, когда речь идёт о различных методических формах профессиональной самопрезентации. Однако научные тексты имеют собственную стилевую, структурную и содержательную специфику, которой очевидным образом следует придерживаться при их написании.

Культура научной речи является одним из важнейших показателей культуры исследователя. Характерной особенностью научного языка ученые считают формально-логический способ изложения материала, применение специальной терминологии, использование которой требует особой точности, наличия рассуждений, обоснования выводов и т. п.

Поэтому при написании и оформлении текста научной работы следует обратить внимание на сжатость, лаконичность изложения материала; логическую последовательность, смысловую и стилистическую взаимосвязь между разделами, подразделами, отдельными абзацами; смысловую завершенность, целостность, связность мыслей; аргументацию каждого положения достаточным количеством фактического материала, акцентирование главных мыслей; правильное оформление цитат, сносок; стилистическую, орфографическую, пунктуационную грамотность.

Далее целесообразно остановиться на феномене научной картины мира, которая представляет собой один из аспектов языковой картины мира.

Науку обычно определяют как особую сферу духовной и интеллектуальной деятельности человека и человечества, целью которой является выработка достоверного знания об окружающей нас действительности. Вместе с тем, наукой называют и сам результат этой деятельности — систему более или менее достоверных знаний о данной области действительности — в виде совокупности количественных законов, общих идей и принципов, законченных теорий, а также новых рабочих гипотез [1]. С другой стороны, для науки характерно постепенное накопление ядра более устойчивых знаний, куда входят названные законы, принципы, и, главным образом, количественная сторона концептуальных теорий. Дело в том, что даже способность той или иной теории предсказывать новые явления не исключает того, что данная теория правильно отражает только количественную сторону явлений (в пределах определенной теории). Вместе с тем она может давать ложное объяснение природы явлений. Такими были, например, теория Птолемея в астрономии; теории теплоты, электричества, магнетизма, построенные на идеях особых

невесомых жидкостей: теплорода и т. д. — в физике. Вообще по мере общего развития науки определяются все более четко и границы истинности или степень точности самых количественных законов.

Научная картина мира возникает как «результат подсознательной экстраполяции более достоверного, однако ограниченного знания на всю действительность, на область, где полная проверка идей принципиально недостижима» [2, с. 42]. В создании научной картины мира проявляется свойство человеческого разума всегда распространять знания за рамки опыта, необходимого для жизни, за пределы их практического использования, и, исходя из малого набора фактов, дорисовывать весь видимый окружающий мир. Делается это тем более свободно, чем меньше известно опорных фактов, о чем говорит появление мифов и сказок космологического и космогонического содержания у всех народов перед тем, как у них появилась точная наука.

Заключение. Таким образом, наука в стадии теории представляет собой изложение более или менее доказуемых допущений, в котором объективный дефицит доказательности компенсируется логичностью аргументов, рациональностью структуры текста и стилистической выверенностью. И зачастую именно рациональность текстовой подачи и уровень культуры научной речи позволяют вновьсозданной теории быть услышанной и принятой научным сообществом, чтобы затем качественно оформиться и обрести практическую ценность

Список литературы

1. Васильева А. Н. Основы культуры речи [Текст] / А. Н. Васильева. — М.: Русский язык, 1990 — 247 с.
2. Основы научной речи: Учеб. пособие для студ. нефилол. высш. учеб. заведений [Текст] / под ред. В. В. Химика, Л. Б. Волковой. — СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003.

УДК 376.68 — 056.87

К ВОПРОСУ О НЕТОЖДЕСТВЕННОСТИ ПИСЬМЕННЫХ И УСТНЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

Казанцева И. Г.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

i.kazantseva@donnu.ru

Введение. Учебно-профессиональные функции научной речи весьма широки: это выступление студентов на практических занятиях и семинарах, ответы на зачётах и экзаменах, участие в конференциях и т. д.

В связи с этим перед преподавателями-русистами возникают задачи комплексной характеристики устной научной монологической речи.

Основная часть. Многие годы среди лингвистов существовало мнение о тождественности письменных и устных научных текстов как единицы обучения. Это привело к тому, что именно устная форма научной речи оказалась наименее изученной в плане лексическом и композиционно-синтаксическом. В свою очередь, результатом этого явилось формирование у учащихся искусственной модели речи. По нашему мнению, это связано с тем, что устная форма научной речи занимает промежуточное положение между письменной и разговорной речью. Это своеобразный стилистический пласт, объединяющий черты и той, и другой, и требующий особого лингвометодического рассмотрения. В пользу этого мнения говорят и данные психофизиологических исследований: речевой поток строится по законам устной формы речи. Естественно, в докладе книжных средств больше, чем в лекции. Это происходит потому, что на лекции преподаватель стремится увлечь аудиторию, постоянно обращается к ней; его речь имеет целью объяснение материала менее осведомлённой аудитории и, конечно, отличается от выступления студента на ту же тему. Что касается общих требований к устной и письменной формам научной речи, то на первый план выходят точность, последовательность, логичность, доступность изложения.

Обратимся к языковым особенностям устной научной монологической речи. Анализ лексического состава показывает, что в ней довольно часты замены книжных слов стилистически нейтральными, что обусловлено стремлением говорящего сделать сообщение максимально доступным для слушателей. При этом возникают свойственные лишь устной речи формулы-стереотипы (например, вместо «как указывалось» — «как я уже говорил»).

Многие исследователи научного стиля вычленяют в качестве его характерной особенности господство имён существительных. В устной его форме на первое место выступает глагол как более динамичная категория. В письменных текстах господствует родительный падеж, далее следуют именительный, винительный, предложный, творительный, дательный. В лекторской же речи наблюдается увеличение количества употребления именительного падежа, а родительный утрачивает своё господство. Заметно различие в цепочке генетивов: в устном высказывании она обычно ограничена числом 3, в письменном может быть до 7. Несомненно, для письменных научных текстов характерно отсутствие экспрессивности изложения. Для устной научной речи эмоционально-экспрессивные качества являются обязательными, иначе она не смогла бы выполнять функцию воздействия на слушателей. Средства выражения экспрессивности варьируются по жанрам и носят чаще всего лексический характер. Круг лексики этого назначения составляют существительные,

прилагательные и наречия оценочного характера («штука», «абсурд»). Для устной формы характерна и адресованность выступления, проявляющаяся различными средствами обращённости речи для установления контакта со слушателями («как вы видите», «вы помните, что...»). Часто используются и формы императива: «посмотрите», «запомните», «запишите» и т. д.

Для выражения функций общения и воздействия в устном научном монологе широко используется и авторское «я». При этом употребляются личные местоимения, местоименно-глагольные формы, выражения оценки и мнения («я считаю», «мы с вами убедились, что...», «я поддерживаю мнение...»). Отмечен и неличный способ выражения авторского «я»: «ясно, что», «мне кажется, что» и т. п. Отметим, что неличные конструкции рекомендуется применять в любом типе текста, а личные — в таких жанрах, как, например, выступление.

В устном научном монологе употребляются преимущественно глагольные предикативные конструкции, так как именно глаголу принадлежит организующая роль. Основным типом сказуемого является простое глагольное сказуемое, следующим по употребляемости — составное именное сказуемое. Преобладание простого глагольного сказуемого объясняется тем, что такие предикативные конструкции очень удобны именно в устном произнесении.

Для устной научной речи характерно дублирование подлежащего главного предложения: «Задачи, которые мы решаем, они...» Наблюдается повторение в главной и придаточной части предложения местоименного подлежащего: «Они подвергаются обработке на следующем этапе, после того как они были введены в процесс».

В письменной научной речи распространены предложно-падежные сочетания: условные («в случае»), причинные («в силу», «в связи», «в результате»), временные («во время», «в течение»). В устной речи эти конструкции используются гораздо реже в связи с требованием простоты изложения.

Под влиянием устной формы в научном изложении возникают и некоторые разговорные элементы: вставные и вводные конструкции, вопросно-ответные построения, риторические вопросы, семантически избыточные слова, присоединительные и парцеллированные конструкции (парцелляция используется для логического подчёркивания членов предложения в связи с коммуникативной задачей, например: «В эту систему входит большое количество элементов. Их 3000»). Риторические вопросы являются средством мобилизации внимания слушателей. В устном научном монологе наблюдается также увеличение числа служебных слов: союзов, предлогов, частиц. Встречается большое количество предложений с обратным порядком слов.

Для учебной лекции характерны более простые синтаксические построения за счёт меньшего употребления причастных и деепричастных

оборотов, сложноподчинённых предложений, так как это значительно облегчает восприятие студентами учебного материала на слух.

Заключение. Таким образом, анализ лингвистических особенностей устной научной речи даёт возможность рассматривать её как зону пересечения и взаимодействия письменных языковых средств с устно-разговорными на фоне широкого привлечения общелитературных средств. Преподавателям-русистам необходимо обращать внимание студентов на эти особенности при изучении функциональных стилей русского языка, в частности научного стиля речи.

УДК 37.015.31

ИКТ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Кузнецова В. И.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва, РФ

kuznetsova.veronika2020@gmail.com

Введение. Перед современным образованием стоит множество задач по актуализации учебных материалов, внедрению инновационных технологий в образовательный процесс, адаптации к требованиям рынка труда, реформированию государственных стандартов и т. д. Обучение иностранным языкам, в частности русскому языку как иностранному (РКИ), также подвержено влиянию социально-экономических трендов.

Основная часть. Потребности и особенности учащихся сегодня отличаются даже от тех, что были у студентов, получавших образование десять лет назад. Теперь обучающиеся нуждаются в иной подаче материала (интерактивно-визуальной), они более самостоятельны в поиске информации и в освоении новых программных средств, а также более заинтересованы в социальных аспектах будущей профессиональной деятельности и менее в исторических (иными словами, предпочитают синхронию диахронии).

Пространство Интернета позволяют учесть данные характеристики современных студентов и предоставить новые способы презентации и отработки учебной информации. В методике преподавания РКИ особая роль отводится лингвокультуроведческому компоненту («культуроведению, ориентированному на язык» [2, с. 99]), в центре которого находится языковая личность студента, ее интеллектуальный и культурный потенциал.

Следовательно, многие методисты заняты вопросом реализации лингвокультуроведческого аспекта преподавания РКИ средствами виртуальной среды. Так, широкое распространение получают веб-квесты, затрагивающие многие повседневные ситуации общения и знакомящие с национально-культурным компонентом русского языка; онлайн-экскурсии (формат VR и AR), использование геймификации и гипертекста; интерактивные календари российских праздников и значимых дат, содержащие аудиовизуальные аутентичные материалы и «обращение к личному опыту обучающихся и актуальным для них темам, включение юмора, использование игровых технологий» [3, с. 388] и пр.

Формирование вторичной языковой личности обучающихся в условиях виртуальной языковой среды проходит эффективнее при соблюдении принципа мотивации, заключающегося в необходимом эмоциональном отклике студента в процессе обучения, лишь после которого возможно запоминание значимой для учащегося информации. Все вышеперечисленное входит в содержание деятельностного подхода (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.В. Рубцов), где особая роль отводится личности, ее сознанию и деятельности в контексте общественных отношений. А реализация личностного и творческого потенциала иностранного студента в условиях смешанного формата обучения через познавательную, поисковую, совместную, игровую активность сегодня органично дополняется средствами ИКТ.

Так, раскрытие содержания лингвокультуроведческого компонента в обучении РКИ является неотъемлемой частью освоения русского языка иностранными студентами. Информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе уже активно используются преподавателями в рамках деятельностного подхода, направленного на формирование у учащихся коммуникативной компетенции. Однако необходимость учета индивидуальных психофизиологических особенностей обучающихся как в реальном, так и в Интернет-пространстве является задачей личностно-ориентированного подхода, ключевыми понятиями которого выступают «индивидуализация» и «персонализация» процесса обучения. Индивидуализация «относится к учебным стратегиям, направленным на достижение целей обучения по разным когнитивным стилям» [1, с. 92], то есть позволяет учитывать особенности восприятия и мышления студента, сформированные способы работы с учебным материалом, его склонности и привычки. Персонализация помогает раскрыть познавательный потенциал учащегося, который выражается в его индивидуальных и когнитивных качествах, составляющих личность студента.

Заключение. Предоставление иностранным студентам информации лингвокультуроведческого характера в обучении РКИ с учетом их интересов и потребностей проходит эффективнее через средства ИКТ. К

образовательным преимуществам Интернет-среды относятся разнообразные аудиовизуальные материалы, веб-приложения (календари, экскурсии, квесты, мини-игры), программные средства (презентации, системы тестов, распознавание речи и изображений), а также технологии нейросетей (генерация изображений по текстовому описанию «text-to-image», чаты и виртуальные ассистенты и пр.), развитие и применение которых в методике преподавания РКИ представляет собой отдельную тему для исследования.

Список литературы

1. Вишняков С.А., Махаева Р.С. Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного в России и европейских странах // Наука и школа. — 2020. — №1. С. 90–94.
2. Дейкина А.Д., Анисина Ю.В. Специфика культуроведческого компонента профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных военнослужащих // БГЖ. — 2021. — №1. — С. 98–102.
3. Кожевникова М.Н., Хамраева Е.А., Кытина В.В. Онлайн-путешествие в Россию: виртуальная социокультурная среда для обучения русскому языку как иностранному // Русистика. — 2022. — №3. — С. 377–392.

УДК 81.373.611

ВОПРОСЫ КОМБИНАТОРИКИ В СТРУКТУРЕ РУССКОГО СЛОГА И ТРУДНОСТИ ЕЁ УСВОЕНИЯ

Кулиш С. В., Сторчак Л. В., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
s.kulich@donnu.ru

Введение. Слог — это единица квантования фонемного потока на определённые фонемные группы, в пределах которых действуют строгие закономерности в отношении сочетаний фонем друг с другом. В этом случае наглядно представлена дистрибуция фонем и появляется возможность исследовать их комбинаторику. При этом слог рассматривается как элементарная модель, лежащая в основе любой группировки фонем в речевой цепи.

Цель. Представляет интерес выявление комбинаторики фонем в разных позиционных типах слогов. Для большей наглядности консонанты должны быть объединены в более крупные единицы в составе слога — модели сочетаний. Моделирование предполагает анализ на фонологическом уровне без учёта различных фонетических законов.

Основная часть. В данной работе исследуются модели сочетаний согласных по способу образования в структуре слога русского языка.

Будем описывать модели сочетаний в терминах следующих классов: взрывные (Т), аффрикаты (С), щелевые (S), сонорные (R). При их сочетании теоретически возможны 16 моделей двусоставных сочетаний согласных, 64 модели трёхсоставных, 256 — четырёхсоставных, 1024 — пятисоставных (сочетаний шести согласных в структуре русского слога не обнаружено). В действительности же, чем больше протяженность сочетаний, тем менее разнообразны по составу модели.

В свою очередь внутри модели реализуются не все возможные конкретные консонанты, что свидетельствует об их различной функциональной нагрузке. Для выявления функциональной нагрузки каждой модели сочетаний вводим единицу измерения — коэффициент степени измерения полноты «К». Вычисляем «К» для моделей двух-, трех- и четырехконсонантных сочетаний.

Комбинаторные возможности многих сочетаний ограничены, а сочетания RC, CC в начальном слоге и CR, CS, CC, SC в конечном слоге вообще не выражены. Уточним, что комбинаторная активность согласных зависит от количества сочетающихся консонантов: чем больше консонантов, тем ниже активность фонем. Что касается трех- и четырехконсонантных сочетаний, то здесь числовые показатели «К» очень низкие, и прослеживается закономерность: комбинаторные возможности согласных обратно пропорциональны длине консонантного сочетания. Этим объясняется большое количество нереализованных моделей. Количество реализованных моделей наибольшее в неначальных слогах. Показатели валентности фонем в структуре слога позволяют сделать вывод о том, что наибольшими комбинаторными способностями в данных типах слогов обладают фонемы: (с), (т), (р), (в), а наименьшими — фонемы: (ц), (й), (ж). Для двухконсонантных сочетаний наибольший коэффициент степени полноты имеет модель TR, для трехконсонантных - STR, SSR, для четырехконсонантных — TSTS.

Данные о структуре русского слога, комбинаторных возможностях составляющих его консонантных элементах интересны не только с теоретической, но и с практической точки зрения, так как позволяют лучше выстроить методику обучения русскому произношению не только студентов, для которых русский язык родной, но и для студентов-иностранцев. Особенно это актуально при обучении русскому языку китайских студентов, поскольку китайский слог имеет жесткие правила построения: в начале слога не может быть стечения согласных, в конце слога не может быть шумных согласных, фонетическая комбинаторика в пределах слога исключена. Разные классы звуков в пределах слога занимают фиксированные позиции. Различия в построении слога русского и китайского языков приводят к большому количеству ошибок в речи китайских студентов. Для успешного овладения нормами произношения и ударения, а также преодоления ошибок в речи предлагается ряд методических рекомендаций.

Заключение. Таким образом, типы слогов и формулы их строения, характерные для русского языка, являются постоянными и устойчивыми единицами его фонетической системы. Вариативная черта слоговых структур — их фонемный состав. Комбинаторные свойства фонем зависят от позиции слога: в начальном и неначальном слоге сонорные легче сочетаются с предыдущими согласными, а глухие и звонкие согласные — с последующими, а в конечном слоге наоборот. Неначальный же слог обладает большей свободой в сочетаемости элементов.

УДК 615.849

РЕЧЕВОЙ АКТ ПРОСЬБЫ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Лю Сяоя

ФГБОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет», г. Самара, РФ
963336159@qq.com

Речевые акты играют важную роль в повседневной коммуникации. Они являются способом выражения потребностей и желаний, а также взаимодействия с другими людьми. Правильное построение речевых актов требует внимания к деталям, учета социальных норм и контекста общения, а также умения слушать и адаптироваться к потребностям и ожиданиям других людей [2, с. 217–225]. Одним из наиболее распространенных речевых актов является просьба.

Просьба — это разновидность побуждения, которое выражается собеседнику в момент общения. Она может присутствовать в разных контекстах и социальных ситуациях, но её основная цель — передать, что говорящий просит что-то у другого человека. В то же время это не только способ получить помощь или выполнение желания, но и проявление уважения к другому человеку и регулирование взаимоотношений в коммуникации [3, с. 198–205].

Важной характеристикой речевого акта просьбы является его зависимость от воли адресата. Мы не можем принудить адресата выполнить нашу просьбу, но мы можем попросить его или убедить сделать это. Поэтому эффективность речевого акта просьбы зависит от умения использовать соответствующие стратегии и тактики коммуникации.

Речевой акт просьбы связан также с реализацией различных социальных ролей. Например, родители могут просить своих детей выполнить определенные задания, начальник может просить своих подчиненных выполнить определенную работу, друзья могут просить друг друга о помощи и т. д. Каждая социальная роль предполагает определенные правила и ожидания, которые могут влиять на успешность

речевого акта просьбы. Итак, речевой акт просьбы можно рассмотреть как форму социального действия.

Социальное действие, как одно из основных понятий социологии, представляет собой простейший элемент социального взаимодействия любого типа. С его помощью происходит жизнедеятельность индивидов и функционирование групп, а также социальное взаимодействие. Впервые понятие социального действия было введено в науку немецким социологом Максом Вебером [1, с. 602]. В дальнейшем большой вклад в изучение проблемы социального действия внесли такие известные социологи, как Э. Тургон, Т. Парсонс, Г. Беккер и др.

Перспективной представляется идея Макса Вебера: «Не все типы взаимоотношения людей носят социальный характер; социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других...» [1, с. 625]. Другими словами, социальное действие — это осознанное действие человека, обладающего мотивами и целями, причем смысл этого поведения связан со смыслом поведения других людей.

То есть социальное действие относится к активным проявлениям людей, включающим их поведение, решения, выборы и реакции на различные ситуации. Оно может быть индивидуальным или коллективным, может осуществляться в рамках социальных ролей и норм, а также быть направленным на достижение определенных целей.

Важно отметить, что просьба, как форма социального действия, может проявляться в различных ситуациях и в соответствии с этим может быть классифицирована. Вот несколько конкретных типов проявления просьбы в качестве социального поведения:

1) По цели просьбы:

Просьба о конкретной услуге — попросить кого-то выполнить определенное действие или задачу (*Можешь ли ты помочь мне переехать в новую квартиру в выходной день? Будь так любезен, отнеси эту посылку в почтовое отделение, пожалуйста.*) [4, с. 117–119];

Просьба о финансовой поддержке (*Мог бы ты одолжить мне немного денег до следующей зарплаты? Пожалуйста, рассмотри возможность предоставления финансовой помощи нашей благотворительной организации.*) [4, с. 117–119];

Просьба о совете или мнении по определенному вопросу (*У меня сложное решение передо мной, ты можешь дать мне совет или поделиться своим мнением на эту тему?*) [4, с. 117–119].

2) По сфере просьбы:

Личные просьбы — просить помощи у друзей, членов семьи или близких людей (*Можешь ли ты позаботиться о моей кошке, пока я буду в отъезде?*).

Профессиональные просьбы — просить коллег о помощи в рабочих или профессиональных вопросах (*Будьте так любезны, предоставьте мне*

отчет по прошлому кварталу? Прошу вас продлить срок выполнения этого проекта на несколько дней, так как возникли непредвиденные обстоятельства);

Общественные просьбы — просить общественность о поддержке определенной инициативы или просьбы к государственным или общественным организациям (*Прошу вас поддержать нашу петицию, которая направлена на сохранение парка в нашем районе. Просим вас присоединиться к нашему марафону в поддержку борьбы с раком.*)

3) По характеру взаимоотношений:

Формальные просьбы — просить что-то у незнакомых людей или в более официальных ситуациях (*Прошу прощения, могли бы Вы дать мне указания, как добраться до аптеки? Если нетрудно, могли бы Вы отправить мне копию договора?*);

Неформальные просьбы — просить что-то у знакомых или близких людей (*Ещё раз тебя прошу, не звони так часто. Не мог бы ты одолжить мне свою книгу на выходные?*)

4) По способу выражения просьбы:

Устные просьбы — просить устно, при личном общении или по телефону. Письменные просьбы — просить письменно, через электронную почту или сообщения.

Каждая из этих категорий просьбы представляет собой конкретное проявление социального поведения, которое позволяет нам общаться, взаимодействовать и получать поддержку от других людей в различных ситуациях. Просьба является важным элементом социальной жизни и способствует развитию наших отношений и общества в целом.

Классификация просьбы как формы социального действия помогает нам лучше понимать различные аспекты и контексты функционирования просьбы, а также эффективно взаимодействовать с другими людьми в социальной среде.

Понимание и правильное использование речевого акта просьбы также требует учета культурных особенностей и норм. Различные культуры могут иметь разные подходы к речевому акту просьбы, и то, что считается вежливым и эффективным в одной культуре, может быть неуместным или непонятным в другой.

В целом, просьба является формой социального действия, которая позволяет нам выразить наши потребности и желания, а также взаимодействовать с другими людьми. Умение правильно использовать просьбу требует учета контекста, социальных ролей и культурных норм, что способствует успешному взаимодействию и достижению наших целей.

Список литературы

1. Вебер, М. Основные социологические понятия (Пер. с нем. М.И. Левиной) / М. Вебер; Избранные произведения. —М.: Прогресс, 1990. — 808 с.— ISBN 5-01-001584-6

2. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике: Вып.16. Лингвистическая прагматика. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217–237.
3. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. — Москва: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. — 291 с.
4. Алексеева, А. В. Характеристика речевого жанра просьбы: прагматическая и коммуникативная специфика (на материале региональных документов) / А. В. Алексеева // Вопросы когнитивной лингвистики, Выпуск 2, 2009. — С. 117–124.

УДК 81'373.2

ЗРИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ КАК ОСНОВА «БУКВЫ ЗАКОНА» И ШАБЛОН В ОНОМАСТИКЕ

Мозговой В. И., канд. филол. наук, доц.

ФБГОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
towi48@mail.ru

Введение. Понятие «буква закона» по мере развития цифровизации всё чаще рассматривается как неуклонное выполнение собственниками шаблонов, установленных имеющими «власть» над именем. До тех пор пока она исходила от Бога-ономатета, это было оправдано природой номинации, утверждающей в онимосфере нормы её Создателя. Но как только законодателями «онимной моды» стали чиновники, настоящие собственники имён превратились в безропотных исполнителей, поскольку номинация уже прошла якобы этап юридического утверждения и «бесстрастного» описания моделей филологами. Но даже филологи в этом случае вынуждены были согласовывать свои языковые нормы с номинаторами, как правильно писать [1]: «*Центр Донецкой словесности*», «*Центр Донецкой Словесности*» или *Центр донецкой словесности*?; *обучающиеся* или *студенты*; *ДонГУ* или *ДОНГУ*; *ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»* или *Донецкий государственный университет*?; *водители лад*, «лад», или «*Лад*»? На что «номинаторы» безапелляционно отвечали: только *обучающиеся*, поскольку эта формула охватывает всех (но кого?); только «*Донецкой Словесности*», поскольку это собственное имя (СИ), но так ли это?

Зрительные знаки, не имеющие в устной речи значения, приобретали в официальном употреблении всё более принципиальный смысл, от которого стала зависеть судьба именуемого объекта (денотата) и собственника, вплоть до его уничтожения: «*Центр Донецкой словесности*» (в Донецке), но *Центр донецкой словесности*» (в Донбассе); *обучающиеся* (где и в чём?), но *студенты* (конкретного учебного заведения); *ДонГУ*

(университет в Донецке), но *ДОНГУ* (неизвестный объект с неопределённым адресом); *ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»* (учреждение?), но *Донецкий государственный университет* (университет); *водители лад*, *водители «лад»*, *водители «Лад»* (речевые метафорические формулы), но *водители марки «Лада»* (официально закреплённая марка машины).

Основная часть. Во всех этих и подобных случаях проблема в первую очередь связывается с употреблением кавычек, прописной буквы и, соответственно, изменемостью / неизменемостью СИ.

Употребление кавычек. Школьная трактовка кавычек как парного знака препинания, который «...употребляется для выделения прямой речи, цитат, названий литературных произведений, газет, журналов, предприятий...» [3, с.128] и т. п., не выдерживает критики, поскольку к названию по недомыслию могут относить в таком случае всё или частично всё. Например, в Донском государственном техническом университете к ним отнесли все факультеты и кафедры (Факультет «*Приборостроение и техническое регулирование*», Кафедра «*Высшая математика*», Кафедра «*Математика и информатика*» и т. п.), а в Донецком национальном техническом университете только выборочные (Кафедра «*Теоретическая механика*», но кафедра экономики и менеджмента).

Между тем, к употреблению кавычек в ономастике следует относиться предельно осторожно, поскольку они переносят адресную функцию СИ в разряд метафорических коннотаций, обращая внимание на условность ассоциативной информации об объекте (не случайно в польском языке их называют *sztyśłów* «чужеслов»):

- киносериял «*Звёздные войны*»;
- детский сад «*Золушка*» (г. Донецк);
- Грузовые автоперевозки «*Ез Дун*» (Крым);
- гастром «*VonAppetit*» (г. Донецк);
- КБ «*Южное*» (г. Днепрпетровск);
- БМПП «*Терминатор*»;
- мороженое «*Лю-Блю*» и т. п.

Вот почему кавычки **не могут употребляться**:

А. Если название не обладает адресно-выделительной функцией, т. е. фактически не является СИ: правильно *факультет техносферной безопасности*, а не *факультет «Техносферная безопасность»*;

Б. Если СИ является номинацией реального объекта: правильно *Донецкий государственный университет*, а не *Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет»*. В данном случае реальное СИ лишается права на склонение, а конструкция противоречит синтаксису, уместному для текста устава («*Донецкий национальный университет — это государственное бюджетное учреждение высшего образования*» с

удалением тавтологии), но ложному для формы, типа *Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования — (это) «Донецкий национальный университет»;*

В. Если в номинации объекта участвует несколько денотатов: *Государственное профессиональное образовательное учреждение «Докучаевский техникум» Государственной организации высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»* (рекомендуемый вариант: *Докучаевский техникум Донецкого национального университета экономики и торговли имени Михаила Тугана-Барановского*).

Употребление прописной буквы. Традиционно заглавные и прописные буквы считаются синонимами, отличающимися от строчных лишь своим размером и употребляемые «...в начале текста, после точки и других конечных знаков препинания, в собственных именах...» [1, с. 314–315]. Это приводит к парадоксальному выводу о том, что СИ — это слова, написанные с прописной буквы, а прописная буква или прописные буквы являются символом уважения к персоне или свидетельством значимости объекта. Между тем в отличие от большинства западноевропейских культур прописная буква в русском языке является сигнально-правовым знаком, выделяющим единично-уникальный объект (денотат) из серии подобных и указывающим на неприкосновенность главных атрибутов собственника (имени, фамилии, отчества) и освоенной человеком онимосферы:

– магазин какой? — «*Стройцентр*», а не «*Строй Центр*» (что? — *Центр*, какой? — *Строй*);

– гостиница какая? — «*Донбасс-палац*», а не «*Донбасс Палац*» (что? — *Палац*, какой? *Донбасс*).

Количество прописных букв в однозначно составных именовании, куда явно или скрыто, но обязательно входит группа онимного денотата (*город, река, магазин, студент, университет* и т. п.), не ограничивается, как сказано в большинстве справочников, первым словом, а зависит от того, сколько слов в структуре именовании, теряя лексическое значение, переходят в разряд СИ,

– рассказ Ю. Олеши «*Три толстяка*», но кафе «*Три Толстяка*»;

– *львиное сердце* — *Ричард Львиное Сердце*;

– *Золотые ворота* (древние ворота в Киеве), но *Золотые Ворота* (станция метро в Киеве).

Таким образом, нарицательные по своему происхождению слова, типа *генерал, партия, клуб, капитан, главный* могут превращаться в СИ в случае, если они теряют лексическое значение и связываются с другим онимным денотатом:

– *генерал Антонов* — *улица Генерала Антонова* (это уже не «генерал», а «улица»);

- *партия товара* — *Партия регионов* («партия» ассоциируется с конкретной политической организацией);
- *клуб* — *Клуб офицеров* (имеет адрес);
- *управление промышленностью* — *Главное управление финансами* (одно, уникальное, курирующее массу региональных управлений).

При этом не оправданной в русской и, шире, восточнославянской ономастике является перенесение графики названий, уместных для вывески или бланка, в текст документа (например, паспорта, где сведения о его владельце записываются прописными буквами, например, *ЛИСИЦА АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ*, что нивелирует роль прописной буквы (это человек или животное?) в отличие от строчной, прописной и прописных букв в сложных именовании (например: *вуз* — *вузах* — *ВУЗ* — *ВУЗах*, *ДГТУ* — *ДонГУ* — *ДОНГУ*), вариативно самых невероятных, требующих особых пояснений:

- *вуз* пишется строчными буквами, которые указывают на обычное слово, изменяющееся по падежам (*в вузах*, *из вуза*), состоящее из корня и служащее основой для образования новых слов (*вузовский*, *довузовский*);
- аббревиатура *ДГТУ «Донской государственный технический университет»* (г. Ростов) не изменяется по падежам и не образует новых слов, но *ДонГУ* — сложная аббреконтструкция, состоящая из двух структурных элементов:

1) *Дон-* — сокращённое СИ от *Донецк*, которое фиксируется прописной буквой;

2) *ГУ* — аббревиатура от «*государственный университет*», которая фиксируется прописными буквами.

Заключение. Расширяющийся кризис в правовой ономастике может преодолеть лишь совместная деятельность лингвистов, юристов и социума, которые бы создавали условия для формирования приемлемых норм функционирования национальной онимосферы [2].

Список литературы

1. Мозговой, В.И. Денотаты, референты, онимная норма, или феномен В.М. Калинкина / В.И. Мозговой. // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. Научный журнал — № 1. Донецк: ДонГУ, 2021. — С. 65-72.
2. Мозговой, В.И. Теоретические и практические проблемы формирования норм в ономастике / В.И. Мозговой. // XVI Крымские Международные Михайловские литературно-ономастические чтения (13 сентября 2022 г.): материалы конференции / ред. В.М. Калинкин, А.В. Петров; Институт филологии Крымского федерального ун-та им. В.И. Вернадского — Симферополь, 2023. — С. 43– 53.
3. Розенталь Д.Э. Справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей / Анализ фантазийных наименований в лингвистической экспертизе товарных знаков / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — М.: 1972. — 495 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ «АНТИПЛАГИАТ» С ЦЕЛЬЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ТОЖДЕСТВА ТЕКСТОВ

Напреенко Г. В., канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово, РФ
galina_napreenko@mail.ru

Введение. Сопоставление текстов в аспекте тождества осуществляется с помощью методов, которые могут быть разграничены следующим образом: авторские методы, предполагающие выявление параметров-идентификаторов для каждого текста отдельно (в таком случае любой текст будет содержать свой набор таких параметров); методы, применяющие информационные технологии, статистику и пытающиеся выявить параметры-идентификаторы, универсальные для любого текста. В данной статье осуществляется применение системы «Антиплагиат» и ее аналога в качестве метода, позволяющего выявить параметры тождества и различия текстов, а также установить степень оригинальности текстов.

Цель исследования — сопоставить исходный текст и его варианты на русском языке в аспекте их схожести (в широком смысле — тождественности) с помощью сервисов по выявлению (идентификации) заимствований.

Основная часть. Широкое применение систем по обнаружению заимствований определяет большое количество исследований по оценке их работы в образовательном [1], правовом [4] и прочих аспектах. В статье данные системы применяются не как сервисы, стоящие на страже защиты интеллектуальной собственности, а как метод, во-первых, выявления параметров-идентификаторов, способствующих установлению тождества текстов друг с другом, во-вторых, установления степени оригинальности текста. Материалом исследования явился отрывок интервью главы МИД Сергея Лаврова (136 слов) [3]. Объектами для сопоставления стали тексты обратного машинного перевода (ОМП). ОМП вслед зам Н. Д. Голевым мы понимаем как «„трансляционный продукт“, полученный в результате машинного (компьютерного) перевода текста или других единиц (слов, словосочетаний, предложений и т. д.) с языка R на язык N и обратного перевода полученного „продукта“ с языка N на язык R» [2, с. 36]. Запись текста ОМП осуществляется следующим образом: T1 русск.→T2 русск.-исп. →T3 исп.-русск.

Перевод, в том числе машинный, включен в вариантологическую парадигму. Мы полагаем, что текст ОМП — это вариант исходного текста, так же как перевод, осуществляемый переводчиком, является вариантом авторского инварианта. ОМП как вторичный текст является результатом преобразования исходного текста, механизмами трансформаций которого

являются изменения на лексико-грамматическом уровне в процессе машинного перевода (далее — МП). При этом трансформации, которые обнаруживаются в полученном варианте, осуществляются машиной в процессе двойного перевода (с русского на иностранный язык, а затем обратно на русский).

С целью получения «трансляционного продукта» исходный текст (инвариант) был переведен с помощью Google-переводчика на арабский, хинди, английский, китайский, испанский языки. Затем каждый полученный текст был переведен обратно на русский язык также посредством Google-переводчика. Таким образом, получено пять вариантов ОМП. Отметим, что в рамках исследования сопоставляются тексты на русском языке в зеркале перевода. Результаты проверки текстов ОМП в системе «Антиплагиат» расположены в таблице от наименее уникального текста к наиболее уникальному.

Испанский	Английский	Хинди	Китайский	Арабский
24,6 %	44,99 %	44,99 %	66,52 %	66, 74 %

Показателем оригинальности текста, согласно системе «Антиплагиат», является «доля фрагментов проверяемого текста, отнесенных к оригинальному тексту, в общем объеме текста». Так, оригинальный текст — это фрагмент, который не был обнаружен системой ни в одном источнике, то есть такой текст (фрагмент текста) воспринимается системой как оригинальный, не имеющий совпадений, цитирований и самоцитирований.

Согласно результатам, приведенным в таблице, текст ОМП, полученным посредством машинного перевода на испанский язык и затем обратно на русский (Т1 русск.→Т2 русск.-исп. →Т3 исп.-русс.), является наименее уникальным, то есть содержащим наибольшее количество совпадений с другими текстами. Текст ОМП через арабский язык (Т1 русск.→Т2 русск.-араб. →Т3 араб.-русс.) является наиболее уникальным, то есть процент фрагментов, совпадающих с различными источниками, в данном тексте наименьшее. Процент оригинальности исходного текста равен нулю (фрагмент интервью взят из открытых источников).

Существуют альтернативы системы, например, Advego. В основе программы AdvegoPlagiatus — работа нескольких алгоритмов: алгоритм шинглов, алгоритм лексических совпадений, алгоритм псевдоуникализации. Проверка текстов на уникальность в данной программе показала следующие результаты:

Английский	Хинди	Испанский	Арабский	Китайский
58 %	66 %	70 %	76 %	97 %

Согласно результатам проверки наиболее уникальным текстом является ОМП Т1 русск.→Т2 русск.-кит. →Т3 исп.-кит., наименее уникальным из представленных для анализа текстов является ОМП Т1 русск.→Т2 русск.-англ. →Т3 исп.-англ.

Расхождения в результатах проверки (Антиплагиат.ру, Advego, а также программы eTXT) могут быть обусловлены следующими факторами. В первую очередь, это связано с разным назначением программ. Кроме того, системы используют различные источники для проверки исследуемого текста: открытые интернет-источники, внутреннюю базу учебных заведений, базу нормативно-правовых документов, закрытые онлайн-библиотеки и прочее. Так, сервис «Антиплагиат» использует для сопоставления текстов наиболее широкую базу источников на предмет заимствований, в то время как eTXT работает с открытыми интернет-источниками.

Заключение. Несмотря на расхождения в результатах проверки, полагаем, что использование программ по обнаружению заимствований может заключаться в их применении с целью установления тождества и различия текстов, выявления степени их схожести. Результатом проверки текстов является не только степень оригинальности, но и выделенные ресурсом фрагменты, обнаруженные в других источниках, то есть идентифицированные заимствования. Перспективой исследования является анализ непосредственно данных фрагментов на лексическом и грамматическом уровнях в аспекте выявления параметров, позволяющих установить тождество или различие исследуемых текстов.

Список литературы

1. Авдеева, Н. В. Содействие проекта «Антиплагиат.РГБ» повышению уровня российского образования и науки / Н. В. Авдеева, И. В. Сусь // Открытое образование. — 2020. — Т. 24, № 4. — С. 41–46.
2. Голев, Н. Д. Источниковый потенциал обратного машинного перевода / Н.Д. Голев // КРСУ жарчысы. — 2018. — Т. 18, № 1. — С. 36–45.
3. Интервью главы МИД Сергея Лаврова. URL: <https://www.1tv.ru/news/2023-03-10/448829-eksklyuzivnoe-intervyu-glavy-mid-sergeya-lavrova-smotrite-etim-vecherom-na-pervom-kanale> (дата обращения: 10.08.2023).
4. Чернов, Ю. И. Гражданско-правовые и административно-правовые аспекты создания и развития в России системы «Антиплагиат» / Ю. И. Чернов, К.О. Салова // Очерки новейшей камералистики. — 2018. — № 2. — С. 33–37.

О РОЛИ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» В СИСТЕМЕ ВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Стебунова А. Н., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
alla.stebunova@mail.ru

Введение. Формирование профессиональной компетентности студентов высшей школы является одной из задач современной образовательной системы Российской Федерации. Образовательная деятельность является ведущей деятельностью в подготовке будущего специалиста, ей подчиняется вся область личностного развития, в том числе профессиональные, эстетические и деятельностные аспекты нравственности. Значительную роль в этом процессе играет развитие языковой культуры.

В настоящее время высшее образование играет важную роль в обеспечении развития общества, построении сильного государства и гуманизации социальных отношений. Это особое значение высшего образования состоит не только в подготовке квалифицированных кадров, способных эффективно управлять экономикой и государством в современном мире, но и в повышении культуры социальных и межличностных отношений. Эта задача может быть выполнима только в том случае, если выпускник вуза получит не только профессиональные и специальные знания в той или иной отрасли, но и необходимые навыки образцового владения грамотной и красивой литературной речью на государственном языке Российской Федерации — русском языке.

Цель статьи — определить роль дисциплины «Русский язык и культура речи» в составе образовательных программ высшего образования с целью повышения грамотности студентов и сохранения чистоты русского языка.

Основная часть. Главной целью курса культуры речи является формирование образцовой языковой личности высокообразованного специалиста, речь которого соответствует принятым в образованной среде нормам, отличается выразительностью и красотой. Уверенное владение родным языком, способность быстро понимать речь окружающих и грамотно реагировать на неё, способность ясно излагать свои мысли в устной и письменной форме необходимы специалисту в любой области. [3, с. 91]. Изучение дисциплины «Русский язык и культура речи» способствует, в первую очередь, развитию коммуникативной компетенции.

С какими же трудностями сталкиваются студенты Республики в процессе изучения данной дисциплины? Как показали наши наблюдения, в русской речи студентов нефилологического профиля Донецкого

государственного университета на всех языковых уровнях встречаются отклонения от норм русского литературного языка. Некоторые из них являются следствием интерферирующего влияния украинского языка. Хотим отметить, что в данной статье мы делимся собственным опытом и опытом наших коллег. Учитывая специфику лингвальной и культурологической компетенций в процессе изучения данного курса донецкими студентами, преподавателями кафедры русского языка было создано учебное пособие «Учись говорить и писать правильно». Сначала часов, отводимых на изучение данной дисциплины, было достаточно. Лекционные занятия были рассчитаны на поток. Для проведения практических обучающиеся делились на группы. На всех факультетах филологического профиля курс «Русский язык и культура речи» читался полтора года (3 семестра!). Результаты такой работы трудно переоценить: студенты овладевали нормами русского литературного языка, коммуникативными качествами речи, могли анализировать тексты разных стилей и жанров, овладевали навыками построения публичной речи. И как результат — занимали призовые места в Республиканских олимпиадах по русскому языку среди студентов вузов Донецкой Народной Республики.

Однако в настоящее время изменение в ОПОП привело к резкому сокращению часов на изучение этого курса, что негативно сказалось на уровне речевой и общей культуры наших студентов. В учебном плане на его изучение выделяют 36 часа (18 час лекций и 18 час практических занятий, а на некоторых направлениях подготовки только 36 часов практических). Такое количество часов не позволяет преподавателям помочь студентам освоить этот курс. В ходе выступления на пленарном заседании съезда Общества русской словесности, состоявшемся 26 мая 2016 г., президент России В. В. Путин отметил: «Роль русского языка в такой многоликой многонациональной, красивой стране, как Россия, ещё и в том, чтобы создавать единую российскую нацию, быть языком межнационального общения. ...Сбережение русского языка, литературы и нашей культуры — это вопросы национальной безопасности, сохранения своей идентичности в глобальном мире» [1].

Следовательно, на всех занятиях в процессе обучения в ненавязчивой форме необходимо проводить культурно-воспитательную работу, воспитывать у языковой личности XXI века чувство гордости за родной язык, который воплощает в себе культурные и исторические традиции народа. Но выполнить это при таком количестве часов невозможно.

Заключение. Дисциплина «Русский язык и культура речи» — очень нужный учебный предмет в вузе на всех факультетах филологического профиля, поэтому он должен быть в планах всех специальностей и направлений подготовки. Необходимо изучать эту дисциплину на 1 и 2 курсах (3 семестра), а на 3 курсе предложить читать следующие дисциплины: «Культура речи и деловое общение» или «Русский язык и деловая коммуникация» (на выбор, 1 семестр). Мы полагаем, что такой

подход в изучении данной дисциплины будет способствовать формированию навыков правильной русской речи у студентов, научит их пользоваться речью в зависимости от её назначения, сформирует навыки делового общения. Необходимо помнить и о том, что этот курс призван решать не только обучающие, но и воспитательные задачи. Известный лингвист Ю.Н. Караулов обращает внимание на то, что «есть одно неотъемлемое свойство языковой личности, одна из обязательных её характеристик, которую никак нельзя обойти и о которой необходимо сказать несколько слов ... Речь идёт о любви каждого говорящего к своему языку... Любовь к языку — это одно из проявлений любви к родине, которая всегда с нами, всегда в нас ... Amor linguae сохраняется на всю жизнь ...» [2, с. 259–260].

Список литературы

1. Выступление президента РФ В. В. Путина на пленарном заседании съезда Общества русской словесности 26 мая 2016 года / <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52007>
2. Караулов Ю. Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи её изучения. Язык и личность. — М.: Наука, 1987. — 263 с.
3. Стебунова А.Н. Роль дисциплины «Русский язык и культура речи» в формировании конкурентоспособной личности // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). — Том 4: Филологические науки. Часть 1 / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. — Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. — С. 91–93

УДК 372.882

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НЕЙРОСЕТЕВОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Сторожева Е. С.

МБОУ «Школа № 20 г. Донецка», г. Донецк, РФ
katya.storozheva@internet.ru

Введение. Использование современных технологий ИИ открывает новые горизонты для методики преподавания гуманитарных дисциплин. В частности, интерес представляет использование нейронных сетей в преподавании русского языка и литературы [2].

Учитывая современные реалии, связанные с изменениями в подходе к процессу обучения, затяжному периоду дистанционного формата

обучения, трансформациями в сознании школьников, очень актуальной для педагога становится задача налаживания коммуникации с обучающимися. Ещё более актуальной эта задача выглядит в связи с возвращением отдельных школ Донецкой Народной Республики к очному формату обучения. Учитывая восприимчивость и интерес «нового поколения» к современным технологиям, использование последних представляется необходимым для процесса увеличения вовлеченности и заинтересованности при решении образовательных задач.

Использование нейронных сетей на уроках русского языка и литературы. Более 90 % информации здоровый человек получает через зрение или ассоциирует с геометрическими пространственными представлениями. Компьютерная графика имеет огромный потенциал для облегчения процесса познания, она позволяет развивать у учащихся пространственное воображение, практическое понимание, художественный вкус. Современные нейросети позволяют создавать различный контент для учебных занятий, который позволяет делать задания для учеников увлекательными и более индивидуализированными. Касаясь именно визуализации, это может быть зашифрование пословиц, поговорок, книг, поддерживающие мемы, образы отдельных фрагментов произведений и т. д.

Чтобы введенный текст был качественно интерпретирован, потребуется подробно прописать каждый образ/объект из произведения, но это уже вторичный текст, созданный интерпретатором. Неудачный опыт можно применить как «образовательный потенциал», показывая, как важно иметь представление об объекте (предмете, образе) и его визуальной составляющей, а это целое направление работы на уроках литературы, на практических заданиях по изучению устаревшей лексики или фразеологизмов на уроках русского языка. Сама модель Kandinsky 2.2 позволяет выбрать масштаб изображения и его стиль от цифровой живописи до имитации «кисти» известных художников. В любом случае в качестве мотивирующего элемента урока подобная нейросеть заслуживает внимание [3].

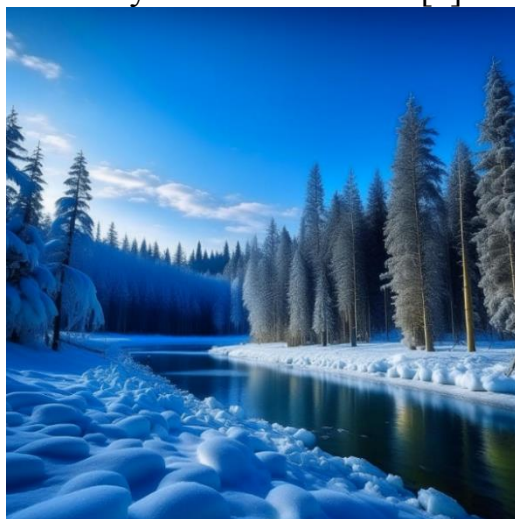

Рис. 1. Иллюстрация к стихотворению А.С. Пушкина «Зимнее утро» по версии нейросети Kandinsky 2.2

На уроках русского языка интересно выстраиваются задания по работе с фразеологизмами и крылатыми выражениями. Для данных заданий можно использовать нейросеть Midjourney.

Рис. 2. Иллюстрации фразеологизмов «делить шкуру неубитого медведя», «хлеб всему голова», созданные с помощью нейросети Midjourney

Учитывая повсеместное проникновение социальных сетей в жизнь современных школьников, можно использовать этот факт, для повышения заинтересованности к отдельным произведениям и писателям, а также к предмету литература в целом. В частности, интерес представляет создание постов в соцсетях от имени известных поэтов и писателей [1].

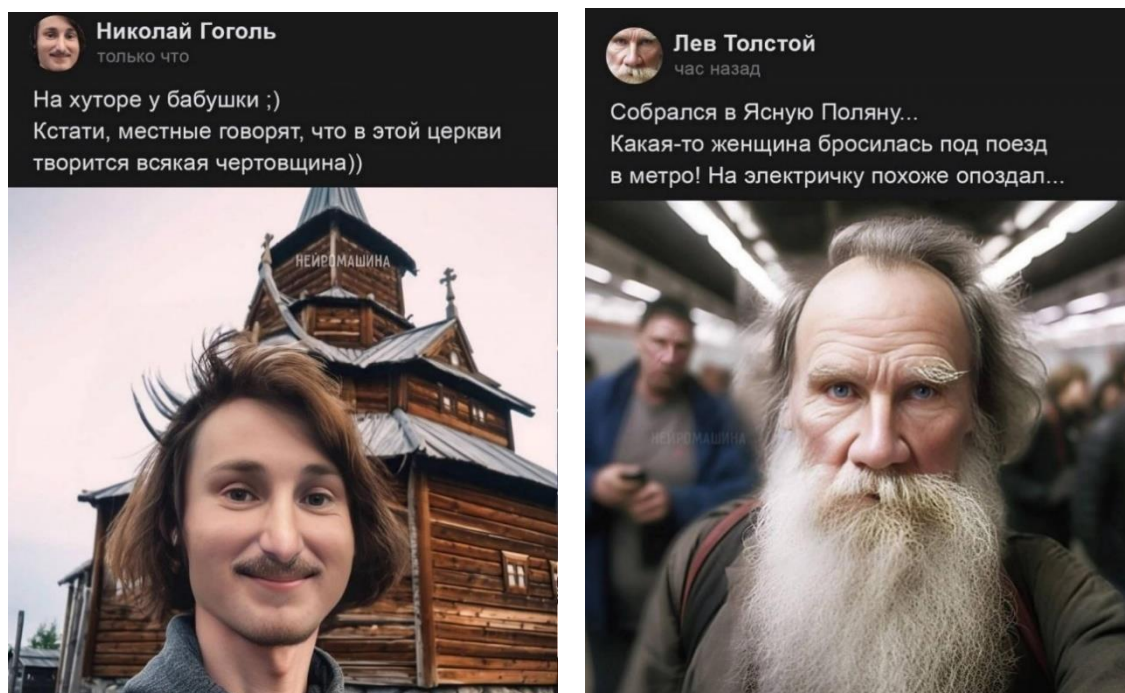

Рис. 3. Посты из соцсетей писателей, созданные с помощью нейросети Midjourney

Говоря об искусственном интеллекте, следует обратить внимание на инструмент (<https://www.myheritage.com/deep-nostalgia?lang=RU>) «Deep Nostalgia» от «MyHeritage». Это технология создания видео с анимацией лиц на фотографиях и просмотра реалистичного видеоролика - превосходный ресурс для уроков.

Заключение. Однако важно помнить, что нейросети не заменят роли учителя. Они могут быть полезным инструментом, но не могут полностью заменить живого человека и индивидуальный подход к обучению. Учителя должны оценивать и адаптировать задания, созданные нейросетью, чтобы они соответствовали потребностям и уровню обучающихся.

Таким образом, использование нейросетей для образовательного процесса может быть полезным дополнением к образовательному процессу, но требует внимательного подхода и контроля со стороны учителя.

Список литературы

1. Астафьева О.А. Нейросети в помощь учителю-филологу. Часть 1 / О.А. Астафьева // URL: https://profcentr.ggtu.ru/images/documents/materials_vebinar/2023/september/0509Astafieva.pdf?ysclid=lmyv6icdph709988545
2. Дедова Т. В. Использование нейросетей для подготовки заданий по русскому языку и литературе / Т.В. Дедова // Актуальные исследования. 2023. №38 (168). URL: <https://apni.ru/article/7019-ispolzovanie-nejrosetej-dlya-podgotovki>
3. Ледова Е.Н. Искусственный интеллект на уроках русского языка и литературы / Е.Н. Ледова // URL: <https://urok.1sept.ru/articles/699034>

УДК 81.243

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Харитоновна-Шолина Д. А.

Ярославский филиал ФГБОУ ВО «Петербургский государственный университет путей
сообщения Императора Александра I», г. Ярославль, РФ
yaroslavl@pgups.ru

Введение. Модель урока для иностранной аудитории отражает единую концепцию, построенную на определенном методе, при котором необходимо не только обратить внимание на особенности восприятия изучаемого контента носителями разных культур, но и учесть те принципы обучения, которые несомненно будут использоваться при написании предполагаемого урока.

Основная часть. При составлении урока русского языка как иностранного (далее РКИ) стоит учесть некоторые общедидактические

принципы, а именно: принцип научности, принцип систематичности и последовательности в обучении, принцип систематичности и последовательности, принцип преемственности, принцип доступности, принцип активности выражается в понимании психического отражения как активного процесса. Все перечисленные принципы вполне очевидны и не нуждаются в дополнительных комментариях. Однако, далее речь пойдет о принципах, куда более значимых для создания модели урока для иностранной аудитории.

Принцип наглядности. Принцип наглядности в обучении означает привлечение различных наглядных средств в процесс усвоения учащимися знаний и формирования у них различных умений и навыков. Данный принцип с уверенностью можно назвать одним из главных в области РКИ, так как беспереводное обучение (без использования другого языка в ходе урока) не может обойтись без вспомогательных средств. Сущность принципа наглядности состоит в обогащении учащихся чувственным познавательным опытом, необходимым для полноценного овладения не только абстрактными понятиями, но и для понимания ранее не изученных слов. *Принцип связи теории с практикой.* Главная особенность этого принципа заключается в том, что студенты прежде всего понимают значение теории в жизни человека, в его практической деятельности. Такой навык является одним из важнейших критериев качества знаний иностранных студентов. Именно, умея применять полученные на занятиях знания в реальной жизни, студенты смогут участвовать в беседах, вступать в диалог с людьми на улицах, иметь возможность жить в иной, отличной от их собственной языковой среде. *Принцип прочности* означает способность учащегося при необходимости воспроизвести изученное и воспользоваться соответствующими знаниями в практической деятельности. Очевидным является тот факт, что данный принцип тесно связан с предыдущим. Оба принципа служат общей цели — умению коммуницировать в чужеродной языковой среде. *Принцип индивидуального подхода к учащимся* рассматривается как сложное явление в педагогике, которое определяет обучение и предполагает активную роль субъекта учебной деятельности. Говоря об условиях успешной реализации индивидуального подхода, стоит отметить дифференциацию, которая выражается в учете первоначальной подготовки учащихся, постановку лично значимых для ученика целей, выработку устойчивых и рациональных навыков самостоятельной работы и умения осуществлять системный подход к овладению знаниями. Данный принцип также принято называть одним из важнейших для преподавания в иностранной аудитории. Не случайно более эффективным является обучение иностранцев в малых группах. Пользуясь собственным опытом преподавания РКИ, можно с уверенностью сказать, что один и тот же материал усваивается группой студентов из 2 человек на одно занятие

быстрее, чем аналогичный материал группой из 7 человек. *Мотивационный принцип* состоит из совокупности определенных мотивов. А мотив — это предмет деятельности, по которым всегда стоит определенная потребность [2]. В свою очередь, потребность вызывает определенное переживание, интерес, побуждение, придает смысла учебной деятельности.

Обратим внимание на узкоспециальные принципы, а именно принципы РКИ. Следуя логике нашего рассуждения, обратимся, в первую очередь, к принципу *сознательности обучения*, который состоит в том, что учащиеся должны осмысленно воспринимать теорию изучаемого языка, не только заучивать, но и понимать правила фонетики, лексики, грамматики, словоупотребления и далее сознательно строить высказывания сначала по образцам, а потом на заданную тему без опоры на речевые образцы. *Коммуникативный характер обучения*. Особенность данного принципа проявляется в попытке приблизить процесс обучения языку к процессу общения. Например, дать учащимся возможность сделать вывод после изучения той или иной языковой особенности, аргументировать свою позицию. *Ситуативно-тематическое представление учебного материала*. Одной из важнейших задач преподавателя является научить обучающихся высказываться по определённым предложенным темам и ситуациям. Иными словами, необходимо постоянно, независимо от темы занятия, создавать условия для речевого общения. *Функциональный подход к отбору и подаче языкового материала* предполагает отбор того лексикограмматического материала и синтаксических конструкций, на основе которых учащиеся общаются в условиях коммуникативно-речевых ситуации. Следуя *принципу системности в изучении языкового и речевого материала* учащийся должен научиться постигать языковую структуру, распознавать зоны влияния родного языка, осознавать и закреплять в памяти до уровня автоматизма элементы изучаемого языка, не совпадающие с элементами родного. *Рациональный учёт родного языка учащихся* с одной стороны, помогает переносу знаний, умений и навыков из родного языка в изучаемый язык, а с другой, — помогает преодолеть специфические трудности, из-за несоответствия родного и изучаемого языка. *Учёт конкретных условий, целей и этапов обучения*. Цели изучения формулируются в зависимости от профессии, возраста, личных интересов обучающегося. В современной методике принято выделять начальный, средний и продвинутый этапы обучения. Наконец, благодаря *принципу достижения в процессе обучения русскому языку общеобразовательных, развивающих и воспитательных целей* у учащихся складывается определённое понимание системы языка. Преподаватель готовит их к самообучению, вырабатывает навыки обращения со словарём, учебником, справочником, компьютерными программами.

Заключение. Преподавание русского языка неотделимо от ознакомления учащихся с культурой, историей, обычаями и традициями народа — и в этом реализуется воспитательная цель.

Список литературы

1. Основные методические принципы обучения РКИ. Основные методы обучения РКИ // Мультиурок URL: <https://multiurok.ru/files/osnovnye-metodicheskie-printsipy-obucheniia-rki-os.html> (дата обращения: 15.09.2023).
2. Радченко, О.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен Текст. / О.А. Радченко, Н.А. Закуткина // Вопросы языкознания. 2004. — № 6. — С. 25–47.
3. Харитоновна-Шолина, Д.А. Понятие исторической памяти в сознании носителей русского, английского, немецкого и испанского языков: автореф. дис. филолог. наук: 7.45.04.01. — Ярославль, 2021. — 115 с.

Русский язык.
Актуальные проблемы лингворусистики
Подсекция 2

УДК 80

**ИРОНИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ**

Борисова Е. Г., д-р филол. наук, проф.

ФГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, РФ
ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук»,
г. Москва, РФ
egbor@mail.ru

Лексика политического дискурса отличается гибкостью и изменчивостью: ее обновление происходит по нескольку раз в год. Язык политических сообщений в медиа и в блогосфере находится под влиянием текущих сообщений. Используются единицы, значение которых понятно только тем, кто знает их исходное употребление, например, *кружевные трусики*, *печеньки* (связано с дискурсом майдана), *тыквенный раф* (дискурс престижного потребления, а также высмеивания его и т. п. Эти единицы названы нами дискурсно обусловленная лексика или «обусловы» [1].

В большинстве случаев (хотя и не всегда) такое использование сопровождается ироническим оттенком и негативной характеристикой, ср. *рукопожатные* или *люди со светлыми лицами* — иронически о политиках и публицистах либеральной ориентации.

Заимствования из других языков позволяют маркировать иронию, поскольку являются показателями чужой речи. И действительно, в современном политическом дискурсе имеется некоторое количество заимствований из нескольких языков, используемых для иронической номинации.

Из относительно недавнего можно вспомнить выражение хайлайкли из английского *highly likely* «весьма правдоподобно», которым тогдашний премьер-министр Великобритании Тереза Мей сопроводила обвинение России в отравлении Скрипалей. Ирония касается неопределенности высказываний некоторых деятелей.

Большое количество слов и выражений заимствуется из украинского языка в дискурсе, посвященном событиям на Украине. Во время Майдана получило хождение выражение *вониждиты*, касающееся молодых участников протестов. Впрочем, одновременно в русский язык вошел и перевод «онижедети», в каком виде оно существует до сих пор.

В послемайданный период в русском языке — первоначально на территории Украины закрепились украинские слова *зрада* и *перемога*, часто употребляемые парно. Они используются до сих пор. Можно отметить и ироническое употребление наименований русских или антимайданных деятелей: *колорады*, *ватники* (или просто *вата*), *орки*.

В последние два года стали использоваться и украинские военные термины: *захиснки*, *контрнаступ*.

Наконец, следует отметить и заимствование (давнее) из немецкого *Wunderwaffe*, которому для обеспечения иронического эффекта придана форма *Вундервафля*.

В целом можно заметить, что в политическом дискурсе отмечается взаимодействие между несколькими подвидами дискурса. Автор может предполагать, что его адресат знаком с достаточно известными фрагментами: высказываниями политиков, цитатами, а также с распространенными типовыми реакциями рядовых участников (обычно встречающимися в сетях, блогах и комментариях). В таком случае он может использовать распространенные, нередко чужие высказывания. Но чтобы отстроиться от авторов этих сообщений, включается ироническая интонация. Так в текст могут попасть и высказывания на иностранных языках, если есть основания полагать, что адресатам они понятны. Заметим, что такие употребления включают момент узнавания, что служит маркером близости автора и адресата и повышает степень доверия к сообщению.

В дальнейшем подобные высказывания ждут два варианта развития. В результате частого употребления некоторые такие слова и выражения входят в язык, становятся крылатыми словами. Именно такой путь проделали речения на французском типа *шерше ля фам* или *селяви*, а в более позднее время *ЛОЛ*, *баксы* и т. п. Однако большинство речений типа обусловов довольно быстро выходит из употребления, хотя иногда остается шанс на возвращение и активное употребление, как произошло с выражениями *кружевные трусики* или *печеньки*, которые приобретают черты лексики, заполняющей определенные номинационные лакуны.

Список литературы

1. Борисова Е.Г. Обновление словаря за счет недавних цитат: дискурсно обусловленная лексика и ее отражение в словарях [Текст] / Е. Г. Борисова, Т. С. Попенкова // Русский язык за рубежом. — 2019. — № 1 (272). — С. 14–18.

МЕМ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ И ОСОБЫЙ ВИД ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АКТИВНОГО ТЕКСТА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Гладкая Н. В., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
Nata.gladkaya25@yandex.ru

Активное развитие Интернета и социальных сетей за последние десять лет способствует формированию нового вида коммуникации — интернет-коммуникации, направленной на визуальный элемент текста. Традиционно интернет-коммуникация реализуется тремя способами: текстовой, визуальной информацией и креолизованными формами. Активный рост визуальной информации в Интернете вызвал широкий интерес лингвистов к паралингвистическим средствам, сопровождающим интернет-текст. Поскольку комедия избегает агрессии и позволяет переводить спорные темы в шутки, а анонимность публикации позволяет автору чувствовать себя защищенным от нападков и критики других пользователей, креолизованные тексты (тексты, сочетающие вербальные и невербальные компоненты) являются наиболее популярными в Сети, в основном комического характера.

Учитывая инстант-характер современной культуры, которая ориентирована на быстрое восприятие и передачу информации, интернет-мемы становятся идеальными каналами культуры, возникающими неожиданно и быстро распространяющимися в сети Интернет. Мемы содержат и передают в сокращенной форме только значимую культурную информацию. Такой феномен — это проявление творческого потенциала пользователей социальных сетей и реакция на существенные изменения в обществе. Культурное содержание мемов делает их прецедентными текстами, и для правильного их понимания пользователю необходимо обладать определенным культурным фоном.

Теория мемов впервые стала предметом исследования благодаря работам Ричарда Докинза, который рассматривал данное явление с использованием биологических аналогий. Докинз приводил примеры мемов, включающие мелодии, идеи, модные слова, фразы и проч. Он отмечал, что подобно тому, как гены передаются от одного организма к другому с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мемы распространяются от одного мозга к другому путем имитации [2].

Работа Докинза стала важным этапом в исследовании теории мемов, а также способствовала развитию идеи репликации у других авторов. Ричард Броуди, например, рассматривает мем как представление знаний,

необходимое для создания большего количества его копий у людей, а сами мемы — репликаторы, воспроизводящие процесс мышления [1]. Ю.В. Щурина рассматривает интернет-мемы, включая текстовые, графические и видео мемы, но не учитывает аудио-мемы [3].

Исследование теории интернет-мемов является перспективным, так как мемы способны передавать значимую информацию обществу в сжатом виде, объединяя текстовые и иконические компоненты. Кроме того, мемы играют важную роль в оказании аффективного воздействия на эмоциональное состояние получателя, а также активизируют различные когнитивные механизмы, такие как фокусирование, диссонанс и инференция.

Семантика интернет-мемов вызывает особый интерес, поскольку она предоставляет возможность изучить принцип декодирования вложенной в мемы информации. Однако следует понимать, что из-за их креолизованного характера процесс расшифровки существенно усложняется. Вербальные и иконические компоненты мемов образуют особые семантические связи, которые при взаимодействии формируют уникальный смысл мемов. Поэтому целесообразно рассматривать значение интернет-мема в индивидуализированной речевой ситуации.

Интернет-мем, в своей природе являющийся культурной гибридизацией, представляет собой уникальное явление среди паралингвистических активных текстов. В нем присутствуют различные семиотические коды, что делает его коммуникативно-прагматически мощным и требует от участников общения высокого уровня коммуникативной компетенции. Изучение семантики интернет-мема сегодня является актуальным и перспективным направлением, так как он тесно связан с импликацией, когнитивным диссонансом и инференцией, и требует более тщательного анализа.

Список литературы

1. Броуди, Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. / Р. Броуди. — М., 2007. — 304 с.
2. Докинз, Р. Эгоистичный ген. / Р. Докинз. — М.: Мир, 1993. — 318 с.
3. Щурина, Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Филология. 2012. — № 3. — С. 160–172.

ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТИХОТВОРЕНИЯ В. СКОБЦОВА «ДОНЕЦКИЙ СПАС»

Гордиенко В. П.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.gordienko@mail.ru

Введение. В статье дан лингвопоэтический анализ стихотворения донецкого поэта, члена Союза писателей РФ, ДНР и ЛНР Владимира Скобцова «Донецкий Спас». Особое внимание уделяется антитезе и фразеологическим единицам в классическом и трансформированном виде. Анализ построен на рассмотрении нескольких ведущих мотивов произведения: темы войны, темы единства Донбасса и России, темы Бога.

Цель статьи состоит в том, чтобы определить, как та или иная единица языка (слово, словосочетание, грамматическая форма, синтаксическая конструкция) включается автором в процесс словесно-художественного творчества, каким образом то или иное своеобразное сочетание языковых средств приводит к созданию эстетического эффекта.

Основная часть. Лингвопоэтический анализ художественного произведения предполагает систематизацию языковой структуры, которая даёт понимание образа мира и образа автора с позиций определенного эстетического идеала. М.М. Бахтин утверждал, что «поэтический стиль условно отрешен от всякого взаимодействия с чужим словом, от всякой оглядки на чужое слово» [1], а литература вообще — это не простое использование языка, а его «художественное самосознание» [2, с.287].

Язык поэзии соответствует художественному функциональному стилю и содержит в себе его отличительные черты: закон языковой экономии, устойчивые (фразеологические) словосочетания, кольцевая композиция, аллитерация и др.

В поэтическом произведении каждое слово несёт на себе многозначную выразительную нагрузку. Характерная авторская особенность поэтики В. Скобцова — слова, которые как бы неожиданно «выстреливают»: «И на крови Донецкий Спас, /И позывной берёт мессия».

Всего в двух коротких строках закон речевой экономии наделяет слова «на крови Донецкий Спас» особой экспрессией и определяет главную идею стихотворения, тем самым выполняя эстетическую функцию. Инверсия и трансформированный, переосмысленный фразеологизм, а также невольное сравнение с храмами Спаса на крови в Петербурге, Екатеринбурге и других российских городах как символа воскресения Иисуса Христа — всё это осознаётся как очень сложный и противоречивый образ с глубочайшим смыслом: Донецкий Спас — это

весь окровавленный горящий Донбасс. И это сближает и роднит его с Россией.

Следующая строка «И позывной берёт мессия» с фразеологизмом «брать (взять) позывной». Фразеологизм обычный, не трансформированный, но автор неожиданно подаёт его в сочетании с высоким, наполненным религиозным благоговением словом «мессия». По большому счёту, это можно назвать оксюмороном. Художественное воображение автора совмещает несовместимое в реальной жизни. Сам мессия становится воином. Он не может стоять в стороне и наблюдать «Столетия предрассветный час, /Век тёмный, времена лихие». Слишком много поставлено на кон: «Проснулся Зверь в кромешной темноте/И Зверем Богу названа цена». Продаётся всё, прогибаются все перед силой всемирного зла.

Под угрозой само существование Божьего мира, мира добра и благочестия. И если сам мессия встал с рядовыми воинами-защитниками веры православной плечом к плечу в общей беде, то разве может кто-то из людей оставаться в стороне от этой мировой битвы? Как много сказано всего тремя словами: «И позывной берёт мессия».

Лирика В. Скобцова насыщена фразеологическими единицами, которые являются одним из важнейших приёмов автора. Кроме уже названного, в тексте стихотворения употреблены ещё семь устойчивых словосочетаний, которые характеризуют военное время: «времена лихие», «лицом к лицу», «плечом к плечу», «ложится тень», «спонсоры крутые», «на прицел берёт», «прицел наводит».

Тема войны тесно связана в этом произведении с синтаксическим параллелизмом и эпифорами: «Лицом к лицу к беде Донбасс, /Плечом к плечу в беде Россия». Параллелизм заключается в сходном построении предложений, строк или строф. Эпифора — повторение в конце стихотворных строк слова или словосочетания. Автор вместил в эти две строки ещё и скрытую антитезу. Если исключить инверсию, то смысл прозвучит так: «Донбасс лицом к лицу к беде, а Россия плечом к плечу в беде».

Синтаксический параллелизм, лексический повтор, эпифора и скрытая антитеза присутствуют в конце каждой строфы:

«Накрыло тучами Донбасс, /Ложится тень на всю Россию»;
«Что на прицел берёт Донбасс, / Прицел наводит на Россию»;
«На небесах сплошной Донбасс, / Под небесами вся Россия»;
«И вызывается Донбасс, / И отзывается Россия».

В стихотворении каждое слово и словосочетание являются образом, вобравшим в себя признаки двух или нескольких тропов, речевых фигур и других изобразительных средств языка. Так, выражение «На небесах сплошной Донбасс» является аллегорией. Это троп, заключающийся в иносказательном изображении отвлечённого понятия при помощи

конкретного жизненного образа. Под «сплошным Донбассом» на небесах следует понимать светлые, лёгкие и чистые души тысяч погибших воинов, детей, мирных жителей Донбасса, превратившихся в ангелов, которые обитают на небе.

Совсем другое, противоположное значение, у аллегорического выражения «Летит осколочный фугас, / Потомок Каина и Кия».

Каин, старший сын Адама и Евы, первый родившийся на земле человек, а также первый убийца. Осколочный фугас — тоже убийца, потомок Каина. Кий — персонаж народных легенд и летописей, основатель Киева. Киев начал войну в Донбассе, и сейчас убивает его жителей и своих сограждан, посылая их на войну.

В каждой строфе стихотворения идёт переключка между словами Донбасс и Россия. Народ Донбасса всегда стремился вернуться на свою историческую родину, в Россию. И эта мечта сбылась, но её ещё надо отстаивать. Но теперь Донбасс тоже часть России, уже на законных основаниях, и уже навсегда. Поэтому в стихотворении Россия и Донбасс всегда употреблены в паре друг с другом.

Это невероятно сильное по духу стихотворение обязано своим существованием автору, его умению и таланту создавать в поэзии мужской стиль — открытый, резкий, без лишних слов и без внешней красоты. При этом поэзия В. Скобцова способна переименовать, переделать и возвысить мир.

Заключение. Таким образом, проведённый нами лингвопоэтический анализ стихотворения «Донецкий Спас» доказывает, что соблюдение эстетических критериев понимания языковых особенностей поэтического произведения, использование разнообразных средств языковой выразительности позволяет поэту Владимиру Скобцову создавать мужскую поэзию, отражающую образ мира, соответствующий эстетическому идеалу автора.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Слово в романе [1934-1935] // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: «Худож. лит.», 1975. <https://studfile.net/preview/9493911/page:5/>
2. Бахтин М.М. Язык в художественной литературе // Собр. соч.: В 7 т. — М., 1997, Т. 5. — С. 287– 326 с.
3. Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. — М.: Наука, 1982. — 312 с.
4. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. Заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2003 — 256 с.

**ОСОБЕННОСТИ
НОМИНАТИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ПОЭМЕ
Е.А. ЕВТУШЕНКО «ДАЛЬНЯЯ РОДСТВЕННИЦА»**

Дмитриева Т. В.

ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», г. Самара, РФ
tukmakovatatyana@yandex.ru

Введение. Поэтические тексты Евгения Евтушенко давно привлекают исследователей с точки зрения номинативного словотворчества. Но не менее оригинальной в этом плане, на наш взгляд, предстает регулярная деривационная система.

Цель работы — проанализировать особенности номинативного словообразования поэзии Е.А. Евтушенко на материале поэмы «Дальняя родственница». **Задачи** исследования: проанализировать регулярные дериваты с формально-семантической точки зрения; выявить продуктивные словообразовательные типы; проанализировать окказиональные дериваты с формально-семантической точки зрения; обобщить особенности номинативного словообразования поэмы. Методом сплошной выборки было найдено 136 существительных. Из них — 5 окказиональных дериватов и 131 регулярный дериват.

Основная часть. Под словообразовательной регулярностью в работе понимается «повторяемость формальных и семантических отношений словообразовательно соотносительных слов» [1, с. 134]. Продуктивность рассматривается как свойство «модели и конструкции, которые в языке той или иной эпохи служат образцом для построения новых слов и словоформ» [2, с. 217].

В поэме Е.А. Евтушенко «Дальняя родственница» в плане номинативного словообразования продуктивны агентивы (примерно 10 % от общего числа существительных). Причем употребительны в основном имена лиц женского пола с разными суффиксами: высокопродуктивными -иц- и -к- — *родственница, учительница, тетка, хозяйка* и непродуктивными — *гостья, колдунья, старуха, трусиха* и др. Имена лиц мужского пола с продуктивными суффиксами -ец, -чик встречаются реже — *мосфильмовец, переводчик, разночинцы*.

Обширно словообразование абстрактных лексем (примерно 7 % общего числа существительных). Употребляются отглагольные существительные с суффиксами -ениј-/-аниј-: *внушение, название, отчаяние, одичание*. В корпусе имен существительных продуктивен словообразовательный тип с мотивирующей основой именем прилагательным со значением отвлеченного признака: *старость, застенчивость*.

Остальные регулярные дериваты не демонстрируют системность.

Особый интерес представляют окказиональные дериваты, которые существуют, «как правило, лишь в определённом, породившем их контексте» [3, с. 238] и являются фактом речи [4, с. 15]. Они создаются с особой целью и не теряют экспрессивности.

Окказионализмы в поэме «Дальняя родственница» образованы по образцу посредством фонетической игры: «*Я как-то был на званом выпивоне, // а поточней сказать - // на **выбивоне***» [5, с. 84]. Или: «*Есть вещи поотчаянней отчаянья - // душа, // что неспособна на **оттаянье...***» [5, с. 86]. У остальных окказионализмов слово-образец в контексте отсутствует. *Феллинизмы, копполизмы* — дериваты, образованные от прецедентных имен, отсылающие к творчеству известных режиссеров. Абстрактное существительное *безбольность*, образованное от предложно-падежного сочетания, выражает авторскую оценку ситуации отсутствия совести, о чем мы узнаем в финале поэмы.

Заключение. Номинативный строй поэмы Е.А. Евтушенко «Дальняя родственница» с точки зрения словообразования представляет сочетание регулярных и окказиональных дериватов. Среди регулярных дериватов продуктивны агентивы и абстрактные существительные, что способствует метафорической передаче ключевых образов поэмы — совести и чести — и взаимодействия общества с ними. Окказиональные дериваты усиливают оценочность текста и отображают позицию автора.

Список литературы

1. Шведова, Н. Ю., Арутюнова, Н. Д., Бондарко и др. Русская грамматика: в 2 т. Москва: Наука, 1980–1982. Т.1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — 1982. — 783 с.
2. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 324 с.
3. Намитокова, Р. Ю. Авторские новообразования: структура и функционирование. — Майкоп: изд-во АГУ, 2015. — 359 с.
4. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность. — М., 1992. — 221 с.
5. Евтушенко, Е. А. Почти напоследок : Стихотворения и поэмы. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 191 с.

**СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-
СОМАТИЗМОМ *НОГА* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

Дьякова Т. А., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств
имени Михаила Матусовского», г. Луганск, РФ
diako122@rambler.ru

Введение. В последнее время возрос интерес лингвистов к фразеологии писателей, объектом исследований стало творчество А. А. Ахматовой, А. В. Вампилова, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, В. М. Шукшина и др. писателей. К настоящему времени составлены словари фразеологии И. А. Бунина, В. И. Даля, М. А. Шолохова, поэтической фразеологии А. С. Пушкина, фразеологических единиц отдельных произведений А. С. Грибоедова, В. П. Астафьева.

Фразеологический фонд произведений Михаила Матусовского достаточно разнопланов семантически и стилистически. Одну из групп фразеологизмов составляют единицы, компонентом которых являются наименования частей тела человека или животного, т. е. соматические фразеологизмы, где понятие «соматический» рассматриваем как 'относящийся к телу, его строению; телесный'. Исследователи считают, что фразеологизмы с компонентами-соматизмами являются одними из древнейших слоёв фразеологии и составляют наиболее употребительную часть фразеологического состава языка (Ф. Вакк, Э. М. Мордкович). К исследованиям разных аспектов функционирования фразеологизмов с компонентами-соматизмами обращаются Н. Ф. Алефиренко, А. П. Бабушкин, В. А. Маслова, В. Н. Телия, Р. Х. Хайруллина и другие ученые.

Цель работы — проанализировать семантико-стилистические особенности использования фразеологизмов с компонентом-соматизмом *нога* в произведениях М. Л. Матусовского.

Основная часть. Фразеологические единицы с компонентом *нога*, выбранные из произведений писателя, — часть материала, который предполагается включить в «Словарь фразеологии Михаила Матусовского», попытка осмысления способа подачи материала, структуры словарной статьи, предоставления этимологических и лингвокультурологических комментариев. Проектная словарная статья состоит из заголовочного слова (в данном случае — соматического компонента) и устойчивых выражений, которые располагаем в алфавитном

порядке с учетом размещения знаменательных частей речи, входящих в их состав. Фразеологические единицы подаем в авторском структурно-грамматическом и орфографическом оформлении, указываем их толкование, зафиксированное фразеографическими источниками; проводим анализ авторской трансформации (в случае ее наличия); определяем стилистическую окраску и функции ФЕ в произведениях М. Матусовского. Заключает рассматриваемые устойчивые выражения иллюстративный материал.

Устойчивых выражений с компонентом *нога* насчитывается пять.

НОГА

Встать с левой ноги — разг. ‘быть в мрачном, плохом настроении, раздражённом состоянии’ [5, с. 103]. Фразеологический оборот восходит к языческому действию, основанному на вере в противопоставление злого начала (*левый*) — доброму (*правый*), символика перешла от язычников к христианам, приобрела интернациональный характер (В. М. Мокиенко). В структуре фразеологизма произведена трансформация: инфинитив *встать* → ф. м. р. ед. ч. прош. вр. *встал*. В тексте фразема служит для психоэмоциональной характеристики персонажа: *По сдвинутым к переносью бровям можно понять, что старик не в духе, что встал сегодня он с левой ноги и лучше к нему бы не подступаться...* [2, с. 163].

Еле волочить ноги – едва (чуть) волочить ноги, разг. ‘с большим трудом, напряжением идти тихо (от усталости, слабости, болезни)’ [5, с. 89]. Автор подверг выражение трансформации: во-первых, структурной: произошла замена наречного компонента *едва* семантически однородным *еле*; во-вторых, произведена грамматическая замена: глагол *волочить* → атрибутивная глагольная форма (деепричастие в ф. несом. вида) *волоча*. В художественном тексте фразеологизм применен для характеристики состояния лирического героя, придания эмоциональной выразительности повествованию: *Набродившись по городу до изнеможения, еле волоча ноги, мы решили возвращаться домой метрополитеном* [3, с. 486].

Еле ноги унести — ***ноги унести***, разг. ирон. ‘убегать, спастись бегством’ [5, с. 705]. Автор трансформирует фразеологизм: 1) расширяет структуру наречием *еле*; 2) преобразовывает глагол: неопр. ф. *унести* → ф. м. р. ед. ч. прош. вр. *унес*. Фразеологический оборот в художественном произведении используется для речевой характеристики персонажа: *«Я от Максюты еле ноги унес. Меня на хутор Раменский вместе с одним пареньком за фуражом, или, проще сказать, за сеном, послали, а мы ушились»* [3, с. 18].

Мчаться со всех ног — ***со всех ног***, разг. экспрес. ‘стремительно, очень быстро (броситься бежать)’ [5, с. 414]. Выражение возникло из наблюдений за аллюром лошадей, является калькой с фр. *à toutes jambes* [1, с. 405]. Писатель подвергает узуальную ФЕ структурной трансформации:

расширяет оборот глаголом *мчаться*, употребляя его в ф. ж. р. ед. ч. прош. вр. *мчалась*. Фразеологизм используется для образной характеристики поведения животного: *Ее [кошку — Т. Д.] приглашали к блюду с молоком, но она не мчалась со всех ног, а шла степенно, проявляя спокойствие и выдержку* [3, с. 441].

Унести ноги — разг. ирон. ‘убежать, спастись бегством’ [5, с. 705]. Образную основу фразеологизма составляет метонимический перенос наименования части на целое (ноги — тело человека), именно ноги в традиционной культуре символизируют хождение и путь [4, с. 422]. Фразеологический оборот используется для речевой характеристики персонажей, автор подвергает выражение трансформации: 1) грамматической: инфинитив *унести* → ф. мн. ч. 1 л. буд. вр. *унесем*: «*Ну, хорошо, мы с вами утопаем, унесем ноги отсюда, останемся живыми и здоровыми...*» [3, с. 386]; 2) структурной (изменяет порядок слов узуального оборота) и грамматической: инфинитив *унести* → ф. мн. ч. 1 л. прош. вр. *унесли*: «*Честно говоря, не знаю, как мы ноги оттуда унесли*» [3, с. 208].

Заключение. Итак, рассмотрев фразеологизмы с компонентом-соматизмом *нога*, можем сказать, что фразеология составляет неотъемлемую часть художественно-образной системы Михаила Матусовского; рассмотренные выражения гармонично вписаны в текст поэтических и прозаических произведений. Писатель использует в художественных текстах фразеологические единицы не только в форме, зафиксированной фразеографическими источниками, но и подвергает отдельные фразеологические обороты семантической и структурной трансформации. В художественных произведениях соматические фразеологизмы выполняют различные стилистические функции, способствуя созданию образности, придавая выразительность характеристикам персонажей, описаниям их действий, поступков, состояний.

Список литературы

1. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.
2. Матусовский М. Л. Горечь : Книга стихотворений / М. Л. Матусовский. — Москва : Советский писатель, 1992. — 192 с.
3. Матусовский М. Семейный альбом // Матусовский Михаил. Проза (С. Литературная гордость Луганщины) / М. Матусовский. — Луганск : ООО «Виртуальная реальность», 2011. — С. 7–550.
4. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Междунар. отношения. — Т. III. — 2004. — 704 с.
5. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. — 3-е изд., испр. — Москва : Астрель : АСТ, 2008. — 878 с.

ЭМОДЗИ И ЭМОТИКОНЫ КАК ВИД РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ МОЛОДЕЖИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Зарицкая И. Н., канд. филол. наук, *Московская Т. В.*
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского», г. Донецк, РФ
irina_zaritska@mail.ru

Введение. Вынужденный переход на обучение в дистанционном формате в Донецких вузах резко сократил возможность живого общения, привел молодых людей к социальной изоляции, что стало серьезным недостатком данного вида образования. У обучающихся сформировался сетевой образ жизни и мышления, что существенно повлияло на их языковую культуру, значительно увеличив время использования интернет-пространства не только в образовательных целях, но и для коммуникации.

Цель данной работы рассмотреть особенности речевой коммуникации молодежи, возникшие в русском языке под влиянием Интернет-среды.

Основная часть. О преимуществах и недостатках дистанционного образования написано большое количество научных и научно-популярных работ, проведено немало всевозможных исследований, в том числе о функционировании сетевого (электронного) языка. Психологи изучают трансформацию коммуникативных практик молодежной аудитории под влиянием феномена мобильности. На наш взгляд, особо актуальным является вопрос воздействия Интернет-среды на речевую коммуникацию молодежи.

Длительное дистанционное обучение отрицательно повлияло на речевое поведение молодых людей. Как правило, обучающиеся не умеют четко, лаконично, последовательно и аргументировано выражать свои мысли, не умеют дослушивать говорящего, не перебивая. Кроме того, их устная речь засорена словами-паразитами, речевыми ошибками, неточностями. Недостаточность знаний приводит к ситуации коммуникативного тупика [4, с. 186].

Несмотря на ограниченность непосредственного личного общения, сетевая коммуникация имеет массу преимуществ, позволяя поддерживать связь, не зависимо от расстояния между коммуникантами. Интернет-среда способствует мобильной передаче информации, формируя своеобразную сетевую культуру и специфический язык. В виртуальном пространстве у обучающихся создаются принципиально новые модели социального и межличностного взаимодействия. Студенты объединяются в онлайн-сообщества с общими интересами, связанными в основном с процессом обучения.

Контакты в Интернете происходят преимущественно в письменной форме. При этом меняется стратегия и тактика речевого поведения: происходит оптимизация языковых ресурсов на фоне совмещения устных и письменных возможностей речи. Чтобы избежать бессвязности и неясности при изложении своей мысли, коммуникатор использует эмодзи (идеограммы в виде небольших картинок с визуальным эффектом от изображения) и эмотиконы (пиктограммы, состоящие из типографских знаков изображения эмоции).

Человеческая речь основана на трансляции информации посредством определенного кода: слов и их сочетаний. При живом общении смысл фразы передается с помощью интонации, мимики, жестов, т. е. невербального проявления. В письменной речи для этого используются ограниченный набор графических средств: знаки препинания. Других внеречевых способов передачи эмоции литературный язык не имеет. В то же время, студенты обладают стойким стремлением к эмоциональному наполнению текста.

В процессе коммуникации в Интернет-среде подростки игнорируют установленные языковые нормы, что обусловлено, во-первых, не контролируемостью Интернет-площадок, во-вторых, возможностями клавиатуры гаджетов, быстрой доступностью смайлика, в-третьих, желанием «усредниться», писать, как все, нивелируя плохое знание орфографических и пунктуационных норм. Кроме того, молодые люди всегда торопятся и часто одновременно общаются с разными пользователями, а использование эмодзи и эмотиконов позволяет не задумываться над формулировкой мысли. При этом у молодежи утрачиваются навыки «настоящей художественной речи, а отсюда и теряются языковые способности» [5, с. 138].

Для Интернет-среды основными признаками стиля являются спонтанность, упрощение и ускорение, несмотря на письменное воспроизведение. Культура сетевого общения предполагает обязательное использование в процессе коммуникации идеограмм и пиктограмм. Собеседники по переписке воспринимают сообщение, не содержащее смайлика, как правило, негативно, неодобрительно, как слишком серьезные. Происходит, по мнению лингвистов, смещение нейтрального стиля общения в сторону оживления [1, с. 205–208].

Исследователи отмечают, что эмодзи и эмотиконы расширяют грамматику визуального языка, оживляют виртуальное общение. Мировоззрение людей, использующих данные символы, состоит из большого спектра переживаний, включая дополнительный визуальный код [2]. Однако следует отметить, что графические средства не могут иметь точных лексических значений, поэтому характеризуются многозначностью, метафоричностью, нередко обладают метонимическими сдвигами значений. Следовательно, данный вид общения практически возвращает коммуникантов к дописьменной эпохе.

Заключение. Таким образом, широкое использование студентами коммуникативного канала приводит к смене кодировки их языка [5, с. 142]. Интернет-среда с ее специфическими особенностями влияет на изменение языковой личности подростка. Использование эмодзи и эмотиконов, с одной стороны, облегчает коммуникацию, особенно замкнутым, трудно вступающим в контакт людям. С другой стороны, преподаватели высших учебных заведений вынуждены решать задачи, связанные с повышением языковых навыков обучающихся, поскольку литературная языковая норма в молодежной среде потеряла актуальность.

Процессы трансформаций в системе сетевого языка продолжают непрерывно, поэтому невозможно говорить об исчерпывающих исследованиях каких-либо аспектов их изучения. Анализ новых языковых категорий необходимо проводить с позиций, совершенствования теоретической базы (углубления и уточнения основных понятий) и основных подходов к рассмотрению фактического материала (классификации и систематизации). Отдельного рассмотрения требуют семантические новообразования, появляющиеся за счет сужения, расширения или переосмысления уже имеющихся в языке конструкций [3].

Список литературы

1. Виноградова, Н. В. Компьютерный сленг и литературный язык: проблемы конкуренции / Н. В. Виноградова // Исследования по славянским языкам. — 2001. — № 6. — Сеул. — С. 203-216.
2. Войнов, Д. А. «Эмодзи» как технология политической коммуникации в Интернете / Д. А. Войнов // Электронный научный журнал «Век качества». — 2016. — №4. — С. 103–112. — URL: <http://www.agequal.ru/pdf/2016/416007.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана.
3. Иванченко, В. Я. Интенсивная деривация как живой процесс развития языка / В. Я. Иванченко, Т. В. Московская // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: матер. VI Междунар. научн. конф.и (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). — Т. 4: Филологические науки. Часть 2: Языкознание, литературоведение, журналистика. — Донецк : ДонНУ, 2021. — С. 23–26.
4. Иссерс, О. С. Речевое воздействие / О. С. Иссерс. — Москва : Флинта: Наука, 2009. — 224 с.
5. Помельникова, Е. А. Отражение языковых способностей молодежи в субкультуре мобильной коммуникации / Е. А. Помельникова // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». — 2011. — № 1(9). — С. 136–412.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОД БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ В СТРУКТУРЕ ЦИКЛА ПРОИЗВЕДЕНИЙ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н.В. ГОГОЛЯ

Калмыкова Д. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
darya-kalmikova@mail.ru

В цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя осуществляется своеобразный срез этнокультурного дискурса соприкосновения историй и культур — основ национальной ментальности. Действие исследуемого цикла произведений свободно переносится из 19 века («Сорочинская ярмарка») в 17 век («Вечер накануне Ивана Купала»), затем в 18 в. («Майская ночь, или Утопленница», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством»), после вновь в XVII («Страшная месть»), а потом опять в XIX («Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка») и завершает цикл «Заколдованное место» сюжетным переплетением событий, происходящим в 19 в. Данный цикл гоголевских произведений как бы соединяет прошлое и настоящее, быль и небыль. При этом течение времени в драматических повестях автора не разрывается на страницах произведения, а пребывает в «некой духовной и исторической слитности» [2].

Данный цикл фокусируется на историко-культурном националистическом дискурсе гоголевских драматических произведений, не затрагивая проблем персональной национальной идентичности. Также, в нем тесно переплетаются элементы национальной (русской и украинской) этнокультур. Анализ, проводимый в рамках данной работы, позволяет сделать опосредованные выводы о том, что в историческом срезе общества на стыке двух культур происходит взаимопроникновение общих понятий и традиций. Умелое сочетание и выдержанное уместное использование этнолингвистических мотивов в тексте, позволяет создать уникальный культурный код, включающий исторические, культурные, локальные, хромотипические, языковые и бытовые особенности, что обеспечивает колоритность содержания авторского произведения. Эти выводы вытекают из совокупного исследования того, как Гоголь разрабатывал тему культурных традиций народов в своих художественных произведениях. Самое важное в гоголевских произведениях то, что автором опосредована особая национальная идентичность на стыке двух культур и традиций. Кроме того, трактование культурного кода в его текстах позиционируется на разноуровневых ментально-исторических дискурсах и бытовых реалий времени [6].

В начале 21 века исследователи творчества Н. В. Гоголя полагают, что его национальная идентичность была определена гражданским патриотизмом и глубочайшей преданностью обоим национальным культурам, их богатству, разнообразию и схожести этносов [7].

Однозначный вывод о причине такого взаимопроникновения культур в тексте гоголевских художественно-драматических произведений сделать достаточно сложно. По мнению одних исследователей (П. И. Дышлевый, Л. А. Жуховицкий, И. Ф. Заманова), — это неизбежное «смещение языков» украинца, пишущего для русских читателей в устоявшейся поликультурной обстановки первой трети 19 столетия (открытие европейской литературы, науки, засилье галлицизмов, снижение культурного уровня общества, инертность и падение духовности мещанского сословия, «дворянский жаргон», разрушение традиционного мифологического мировоззрения в народной среде и т. д.). По мнению других (И. П. Колева, С. С. Константинова, О. А. Корнилов), — это не вынужденное двуязычие, а «непринужденное манипулирование языковыми средствами в культурном диалоге с элементами комизма». Несомненно следует отметить тот факт, что реализация подобного диалога культурных реалий представляет собой часть авторской задачи. Так, именно стремлением великого автора, представляется поиск ответов на вечные вопросы об этических законах общества, морали и духовности, системах культурных ценностей, духовной опоре на четкую гражданскую позицию в разных культурах, в родственных славянских национальных культурах» [3]. Исследование И.П. Колевой показало, что этнолингвистический поход к изучению произведений Н.В. Гоголя, происходит как реконструкция через язык и поэтику богатого национального культурно-исторического достояния собственного народа, его (языческого, мифологического) мировоззрения (комплекса устойчивой картины мира в обществе, нравственно-этических норм, иерархии ценностей, народной идиоматики и т. д.) [5]. В исследовании О. А. Корнилова отмечается, что поиск и выделение элементов нравственно-философского, общеславянского, опыта через анализ языковой картины мира в определенном временном культурном срезе — это смысловой ключ к художественно-драматическим текстам Н.В. Гоголя [7].

Научная доказательная база в различных трактовках исследователей открывает всё новые возможности постановки и решения подобных проблем в современной лингвистике. Так, например, инструментарий лингвистического анализа художественного текста произведений цикла Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» при поиске способов осуществления диалога культур, могут существенно дополнить представления о языковой картине мира на стыке культурно-временных явлений 19 столетия.

В рамках проводимого в данной статье анализа отдельного цикла авторских произведений, следует говорить не столько обо всей картине

мира, сформированной языком, сколько о её репрезентации в данном цикле произведений Н.В. Гоголя. Данное уточнение необходимо, так как авторский художественный текст обуславливает общие черты языковой картины мира нации и эпохи, которой автор принадлежит, и особые черты — в преломлении именно авторских представлений, по сравнению со всем дискурсивным текстовым наследием автора. Таким образом, с точки зрения поставленной в рамках данного исследования исследовательской задачи, необходимо обозначить понятие «языковой картины мира» до «картины мира, смоделированной автором в тексте конкретного произведения или цикла произведений» — в данном случае повестей цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» [4].

Образный уровень этнолингвистической лексики организован как текстовая модель мира, т. е. отражение мира реального в преломлении авторского видения. Так автором художественные образы произведения систематизируются в структуре историко-культурных представлений общества [5]. Языковой уровень формы (особенности лексики, синтаксиса, морфологии, фразеологии) реализуется в системе изобразительно-выразительных средств языка, использованных в структуре художественных произведений. В цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки», как и в любом прозаическом тексте, особенно важен лексико-семантический фон, как в авторской речи, так и в стилизованной речи персонажей. Это фразеологемы и метафоры, которые определяют образно-смысловую строй текста, словарный состав (лексические единицы как средство создания национального колорита), игра функциональных стилей (просторечие и официально-деловая лексика в речи персонажей как средство их характеристики).

Понятие о языковой картине мира позволяет подойти также к решению вопроса о соотношении личного (авторского) и надличностного знания в тексте художественно-драматических произведений цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». Анализ художественных изобразительно-выразительных средств авторского текста, с точки зрения их системной связанности, открывает более многогранность проникновения бытовой этнолингвистической лексики в содержание гоголевских произведений. Такое образное кодирование закреплено в языке в качестве «единой системы взглядов» нации, некой «коллективной памяти социума» и «ментальной философии» носителей языка [6]. Таким образом, в рамках данной статьи предлагается трактовать репрезентацию языковой картины мира автора в художественном тексте, как дополнительную категорию текстового анализа. В указанных гоголевских литературных произведениях подобного рода анализ производится для постижения авторского мышления, так как они строятся по законам народно-фольклорной лексики и социального мифологического сознания [4]. В ходе исследования произведений Н. В. Гоголя, происходит также

переосмысление этно-фольклорного материала, который в структуре авторских произведений приобретает личностные аспекты, как часть его ментального опыта.

Далее методом сплошной выборки из цикла повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» было отобрано 126 слов, относящихся к специфической авторской этнокультурной кодированной коммуникации [1].

Из них можно выделить следующие 3 тематические группы:

Группа 1: «Наименования людей, их внешнего вида»:

1. Детали внешности героя: *дрибушки, оселедец, рудый, стусан, чуб*.
2. Наименования национальных элементов костюма: *видлога, жупан, кобеняк, кунтуш, свитка, тулуп, подбитый черными смушками, шуба из решетиловских смушек; запаска, плахта, портки, сукня, черевики, лапотки; капелюх, намитка, очипок, хустка, шапка из решетиловских смушек*.

3. Атрибуты одежды: *гаман, дукат, монисто, синдячка, стричка, заплата, полутабенек*.

Группа 2: «Предметы быта человека и элементов его деятельности»:

1. Предметы быта: *дижа, дышло, каганец, кухва, кухоль, макитра, макогон, малахай, миска, табакерка, чарка*.
2. Предметы мебели: *люлька, скрыня, тахта, сундук*.
3. Музыкальные инструменты: *бандура, кобза, сопилка, цимбала*.
4. Танцы: *гопак, горлиця, тропак*.
5. Игры: *дурень, каша, тесная баба*.

Группа 3. «Наименования пищи и элементы застолья»:

1. Наименования пищевых продуктов: *борщ, бублик, буряк, буханец, варенуха, вареник, галушка, гречаник, кавун, каравай, книш, корж, кутья, оселедец, паляница, пугря, сластены, смалец, сыровец, товченик, цыбуля, щи*.

3. Элементы застолья: *вечерница, колядование, Сорочинская ярмарка, щедрование*.

Классификация подобных характеризующих культурно-исторических наименований бытовой лексики по тематическому принципу позволила сделать вывод о том, что шире в повестях использовались этнокультурные реалии, относящиеся к человеческой деятельности, наименованиям пищевых продуктов и процессам принятия пищи, одежде и предметам быта. Таким образом, гоголевские литературные произведения цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» построены по канонам народного мифологического сознания, но в процессе литературной обработки, переосмысления фольклорного материала содержание такого текста приобретает авторские, личностные аспекты. Гоголь, творчески культивировал национальные чувства, посредством описания культурного кода традиций народа и местности, в которой он проживал. В цикле

«Вечера на хуторе близ Диканьки» автор обратился к картинам реальной жизни и красочно транслировал элементы культурно-национального кода в структуре художественных текстов.

Список литературы

1. Гоголь, Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки [Текст] / Н.В. Гоголь. — Санкт-Петербург : Азбука. — 2007. — 320 с.
2. Дышлевый, П.И. Что такое общая картина мира [Текст] / П.И. Дышлевый, Л.В. Яценко. — Москва : Знание, 1984. — 64 с.
3. Жуховицкий, Л.А. Время Гоголя / Л.А. Жуховицкий // Нева, 2009. — № 3. — С. 213 — 217.
4. Заманова, И.Ф. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя: пространство и время: Монография [Текст] / И.Ф. Заманова, Н.В. Бардыкова. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. — 168 с.
5. Колева, И.П. О комическом в творчестве Н.В. Гоголя: традиции и новаторство / И.П. Колева // Русская словесность, 2008. — № 1. — С. 18 — 25.
6. Константинова, С.С. Этнология. Конспект лекций [Текст] / С.С. Константинова. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2005. — 176 с.
7. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] / О.А. Корнилов. — Москва : ЧеРо, 2003. — 287 с.

УДК 81'42

ИГРА «ФАРАОН» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ I-ой ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Карпенко А. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
anna.karpenko1981@bk.ru

Введение. Карточная игра представляет особую реальность, которая предписывает определённые действия участникам согласно правилам, предусмотренным для каждой отдельно взятой игры, и психологическим понятиям игрового поведения. Игровой процесс зависит от социокультурной среды, определяющей не только значение в бытовом укладе, но и объясняющей символы и сюжеты, которые нашли отражение в игре. Следовательно, игра представляет собой процесс, как происходящий сам по себе, так и зависимый от культурной, правовой и экономической жизни.

Целью статьи является определение содержания концепта «игра фараон» и выявление культурных коннотаций, связанных с данной игрой в русской бытовой действительности, на примере произведений литературы I-ой пол. XIX века. В исследовании мы опираемся на пропозициональную

модель — фрейм и рассматриваем игру фараон на основе интертекстуального анализа как тип лексического концепта в русской литературе XIX века.

Основная часть. Фрейм — это базовая пропозициональная модель, состоящая из слотов: узловых, включающих постоянные данные, и терминальных, включающих переменные данные, отражённые в конкретной ситуации. Согласно утверждению Н.Н. Болдырева, «фрейм — это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определённой, часто повторяющейся ситуации» [2, с. 61].

Ю.М. Лотман, определяя карточную игру как дворянскую модель окружающего мира, сравнивал её с устройством государства. Он пришёл к выводу о том, что как и во власти, так и в азартной игре человек противостоит неизвестным факторам, случаю. Самодержавный произвол был подобен азартной игре, где непредсказуемость определяла исход события. Карты реализовывали психологическую потребность дворянина в свободе действий, не регламентированных правилами. Сформировалось представление, что случай может способствовать обогащению, карьерному росту, царской милости. Социальная жизнь определялась волей случая.

Самой фатальной карточной игрой Т.Э.А. Гофман назвал фараон (она же «банк», «банчок», «шtos»), которая была придумана на юго-западе Франции в XVIII веке и стала популярной в России в его конце: *В то время дамы играли в фараон* [6, с. 228]. Как полагал Ю.М. Лотман, «предельная упрощенность игры практически сводила к нулю при честной игре самый вопрос картежного искусства. Последнее заменялось Случаем. Это выдвигало на первый план философию случайности или мистику, вторжение потусторонних сил в закономерный порядок» [3, с. 127].

Для фараона свойственно моделирование универсума, отмеченного дискретностью. Выделяется единица, определяющая начало и конец игрового действия — талья: *«Талья длилась долго <...> Наконец талья кончилась»* [6, с. 234]. Универсум фараона отражён в оде Г.Р. Державина «На счастье»: *На карты ставят век златой / Судьбами смертных пунтируют¹. Вселенну в трантелево² гнут* [4]. Однако фараон эволюционирует, переходя из одного сюжета в другой. Так, в «Пиковой даме» А.С. Пушкина мотив искушения игрой явился не только сюжетообразующим элементом, но и структурой фрейма, в котором *игра — жизнь*, разворачивающаяся согласно когнитивному контексту (на протяжении трёх вечеров Германн посещает дом Чекалинского, занимая позицию понтёра, делает ставку на «три верные карты» и увеличивает её каждый раз вдвое). Узловыми слотами фрейма игры (они же объекты) являются «понтёр» (предикат — *понтировать*) и «банкомёт» (предикат — *метать*): *Бабушка <...> стала против него понтировать; — Сколько-с?*

¹ Пунтируют — понтируют.

² Трантелево — ставка, увеличенная в 30 раз.

— спросил, прищуриваясь, **банкомет**, — извините-с, я не разгляжу [6, с. 229].

Маркёры, которые представляют ход игры, неизменны: в первый вечер — *тройка*, на второй — *семерка*, а на третий — *туз*. Но если графине Анне Федотовне и Чаплицкому эти мистические карты принесли выигрыш, то для Германна третья карта оказалась демонической, роковой случайностью, разыгранной с Германном самим фараоном. Эти же маркеры стали спасительным выигрышем, освободившим героя от крупного долга в новелле В.Ф. Одоевского «Мартингал»³.

В сюжете повести «Выстрел» фараон представлен как причинно-следственная составляющая конфликта между героями: *Сильвио молча продолжал метать. Офицер, потеряв терпение, взял щётку и стёр то, что казалось ему напрасно записанным. Сильвио взял мел и записал снова* [6, с. 58]

Оригинальная модификация психологической новеллы, в основе которой лежит таинственный случай, создаётся в «Мартингале» В.Ф. Одоевского [1]. Уже само название произведения определяется термином карточной игры, означающим игру на *квит*⁴. Автор описывает быт игрока, влекомого пагубной страстью, унаследованной от отца, к игре фараон: *Если б вы знали. Как я взрос на картах, что едва ли не с молоком матери я сосал их проклятых!* [5, с. 366]. Общие наставления, звучащие от бывалых игроков, имевшие опыт проигравшихся, представлены в одном семантическом компоненте как у А.С. Пушкина в «Пиковой даме»: *Она дала ему три карты, с тем, чтоб он поставил их одну за другою, и взяла с него честное слово **впредь уже никогда не играть*** [6, с. 232], так и у В.Ф. Одоевского в «Мартингале»: *«А нуще всего **никогда не понтирую** — знай, мечи честный банк...* [5, с.366]. В обоих произведениях «счастливая» развязка кроится в трёх картах, но только для Германна дама оказывается демонической волей Случая, а для дядюшки из новеллы В.Ф. Одоевского — выигрышем.

Как таковой фараон в «Мартингале» В.Ф. Одоевского не представлен. Он является развязкой фантастического сюжета, в котором акцентируется внимание не на действии игрока, оказавшегося во власти Случая, а на психическом состоянии героя, у которого возникают галлюцинации во время наблюдения за игрой: *Перед ним холодное, неумолимое лицо палача: палач вынимает карту за картой и ставит их на жизнь или смерть...* [5, с. 373]. Игру «фараон» в новелле можно назвать мистической пародией со счастливой развязкой сюжета: *«... отрывистые дрожащие голоса произносят как будто из могил: семерка... идет... убита... тройка... дама...»* [5, с. 373]

³ Мартингал — термин карточной игры, означающий увеличение(постоянное) стваки. Герои В.Ф. Одоевского играют в азартную игру (банк).

⁴ Играть на квит (арго игроков) – играть на весь свой выигрыш (т. е. давая проигравшему шанс сквитаться).

Заключение. Подводя итоги, отметим, что к теме игры, в частности игры фараон как одной из определяющих досуг русского дворянства XIX века, обращались многие писатели. Карточная «кабала» по-разному отражалась на судьбе героев. Интертекстуальный анализ установил двойственную семантику игры фараон в «Пиковой даме» А.С. Пушкина. Провокационная роль игры, приведшая героев к дуэли, показана в пушкинском «Выстреле». «Роковой игрой», оказавшей положительное влияние на судьбу героя, представлен фараон в новелле В.Ф. Одоевского.

Список литературы

1. Барыкина, А. В. Жанр новеллы в русской литературе первой трети XIX века: автореф. дис. ...канд. филол.наук: 10.01.01 / Барыкина Алла Викторовна. — Волгоград, 2007. — 24 с.
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. — Тамбов : Изд-во ТГУ, 2001. — 123 с.
3. Лотман, М.Ю. Тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / М.Ю. Лотман // Труды по знаковым системам. 7: Памяти Петра Григорьевича Богатырева — Отв. ред. З. Минц. Тарту, 1975. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 365). — С. 120–142.
4. Ода Н.Г. Державина «На счастье». — Режим доступа: https://gorodstih.ru/derzhavin/na_schastie (обращение — 08.10.23).
5. Одоевский, В.Ф. Мартингал // Повести и рассказы. — М., Худож. литература, 1988. — 384 с.
6. Пушкин, А.С. Собрание сочинений: в 10 т. — М: Художественная литература, 1962. — Т. 6. — 592с.

УДК 821.161.1

РАЗГОВОРНО-БЫТОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В РАННЕЙ ПОЭЗИИ А. ТВАРДОВСКОГО

Криволап С. С.

ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств
имени Михаила Матусовского», г. Луганск, РФ
krivolap_2016@mail.ru

Введение. В современной фразеологии существуют различные взгляды на классификацию фразеологических единиц. Их разграничивают по: 1) степени семантической слитности (В. В. Виноградов): фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения (коммуникативные фразеологические выражения (поговорки, афоризмы) и номинативные, то есть словосочетания)); 2) грамматической структуре (В. П. Жуков, А. И. Молотков, Н. М. Шанский): именные, глагольные, субстантивные и т. д.; 3) стилистической окраске (С. Г. Гаврин,

В. Н. Телия): межстилевые (общеупотребительные), книжные, разговорные и просторечные фразеологизмы.

Цель работы — проанализировать функции фразеологических оборотов, использованных Александром Твардовским в ранней поэзии, рассмотреть их с точки зрения стилистической окрашенности.

Основная часть. Творчество Александра Твардовского богато различными образными средствами (эпитеты, метафоры, сравнения). Так, для создания эмоционально-экспрессивной выразительности в лирике раннего периода поэт использует фразеологические единицы, которые по стилистической окраске могут быть определены как «разговорно-бытовые».

Фразеологизм *следа он в жизни не оставил* поэт употребляет в стихотворении «Перевозчик» (1927): *Ни внуков, ни своей избы, / Сиди в землянке, как в колоде. / И — старость... / Скоро, может быть, / Его никто не дозовется. / Тогда **помянут ли добром**, / Не говоря о лучшей славе: / **Следа он в жизни не оставил**, / Как по руслу реки паром* [2, с. 38].

Фразеографический источник так толкует единицу: *оставить след (следы)*, экспрес. ‘сделав что-либо значительное, добившись существенных результатов в чём-либо, сохранить за собой признание среди кого-либо’ [3, с. 439]. Автор меняет узуальную ФЕ (структурная трансформация выражения при помощи отрицательной частицы *не*), что позволяет создать выразительный художественный образ.

Еще один общеязыковой фразеологизм *поминать добром* кого, что, разг. ‘вспоминая, отзываться с благодарностью о ком-либо, о чём-либо’ [3, с. 501] писатель изменяет при помощи частицы *ли*, придавая тексту характер доверительного общения.

В стихотворении «Гостеприимство» А. Твардовский пишет: *Трястись в телеге **битый день** / И не сойти назло, / Минуй столько деревень, / Довольно тяжело... / Теперь, товарищ, не гляди, / Не жди, всему свой срок...* [2, с. 52]. Сочетание *битый день* — авторская трансформация идиомы *битый час*, разг. экспрес. ‘очень долго. О времени, потраченном на что-либо’ [3, с. 25]. В устойчивом обороте наблюдается структурная замена одного компонента другим, стилистически равноценным, а семантически — более объемным по темпоральной характеристике (*час* — *день*).

Для создания антитезы в описании приема гостя в этом стихотворении «Гостеприимство» А. Твардовский применяет устойчивое выражение *ты не будешь лишним ртом*: *Сегодня за его столом, / Усевшись рядом с ним, / И **ты не будешь лишним ртом**, / А гостем дорогим* [2, с. 52]. Автор словаря рассматривает фразеологическую единицу *лишний рот*, разг. пренебр. в значении ‘человек, который в тягость другим как едок, иждивенец’ [3, с. 358], в произведении Александр Твардовский при помощи частицы *не* создает отрицание, что способствует созданию антитезы (*лишний рот* — *дорогой гость*).

Тематика ранней поэзии Твардовского разнообразна — от быта до описания природы. Так, в стихотворении «Разлив Днепра», написанном в

1933 году, автор повествует о внезапном увеличении скорости и объема воды в реке, вызванном интенсивным таянием снега в верховьях: *Широко разлился Днепр. / Ни конца, ни края нет. / Затопил берега, / Заливные луга* [2, с. 60]. Фразеологизм зафиксирован в словаре: *ни конца, ни края, разг. экспрес. 'О чём-либо бесконечном, беспредельном'* [3, с. 400]. Слово *нет* широко употребляется в составе ФЕ (*сойти на нет, цены нет, прямо слов нет*). Автор расширяет компонентный состав словом *нет*, которое используется для усиления психоэмоционального восприятия лирическим героем явления природы.

В 1934 году из-под пера выходит произведение под названием «Мужичок горбатый». А. Твардовский повествует о том, как неказистый мужчина ходил в батраки к попу, при этом умудрялся соблазнять жену и дочь священника: *В батраки к попу ходил / В рваных лапоточках, / Попадью с ума сводил / И попову дочку* [2, с. 81]. Поэт изменяет узуальный порядок слов идиомы *сводить / свести с ума*, разг. '1) раздражать, волновать, лишать способности здраво рассуждать, 2) сильно увлекать, пленять, очаровывать' [1, с. 248]. Фразеологическая единица служит в тексте для придания экспрессивности образу персонажа (*неказистый мужичок — попадью с ума сводил*).

В стихотворении «Прошло пять лет...» Александр Твардовский пишет о возвращении мужа домой к жене, которую он хочет увидеть и преподнести при этом подарок, ситцевый платок, в надежде порадовать ее: *И вдруг он видит по пути / В лавчонке захолустной / Платков таких — хоть пруд пруди, / И стало очень грустно* [2, с. 117]. Автор употребляет идиому *хоть пруд пруди*, разг. неизм. 'очень, слишком много, в избытке' [1, с. 345] для формирования характеристики психоэмоционального состояния героя, разговорный характер сочетания подчеркивается использованием редупликации (*пруд пруди*).

Заключение. Рассмотрев отдельные разговорно-бытовые фразеологизмы из произведений Александра Твардовского, можем сказать, что: 1) фразеологические единицы — неотъемлемая часть авторского стиля писателя; 2) использование разговорно-бытовых фразем свидетельствует о близости языка автора к народной речи; 3) устойчивые сочетания служат для реализации творческого замысла автора, создания характеристик персонажей, природных явлений, придания выразительности речи лирического героя.

Список литературы

1. Быстрова, Е. А. Учебный фразеологический словарь русского языка / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. — Ленинград : Просвещение, 1984. — 271 с.
2. Твардовский, А. Т. Собрание сочинений : в 6 т. / А. Т. Твардовский. — Москва : Худ. лит., 1976. — Т. 1. — 434 с.
3. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. — 3-е изд., испр. — Москва : Астрель АСТ, 2008. — 878 с.

К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА

Панчехина М. Н., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
tranchehina@gmail.com

Введение. Под *лингвокультурной идентичностью* понимается принадлежность человека к конкретному языковому и культурному социуму, осуществляемая на основе самоотождествления субъекта с подсистемами языка и культуры. Лингвокультурная идентичность обуславливается внутренними и внешними факторами. Как отмечает В.В. Красных, «внутренние факторы соотносятся с этнической и культурной самоидентификацией личности. Внешние факторы самым непосредственным образом связаны с лингвокультурным окружением, < > с лингвокультурой как таковой» [1, с. 11]. Предметом рассмотрения в данной статье является собственно языковая реализация лингвокультурной идентичности в речи жителей Донбасса.

Основная часть. При изучении городского просторечия донбассовцев особую важность имеет лексическая зона, которая «определяется словами, отличающимися от слов общенационального фонда» [2, с. 216]. В этой сфере В. И. Теркуловым выделяются *собственно лексические регионализмы*, имеющие абсолютные синонимы в литературном языке (тремпель / вешалка, плечики) и *этнографические регионализмы*, соотносящиеся с реалиями местности, её традициями (*бутылёк* — «шахтёрские посиделки»). К последнему типу относятся и неофициальные урбанонимы: например, *Первая линия* вместо улицы Артёма. Указанные разновидности регионализмов наиболее характерны для устной речи. Использование лексем такого типа позволяет жителям региона определить носителя речи как «своего», то есть как субъекта, говорящего на одном языке с донбассовцами.

Безусловный интерес представляет включение регионализмов в письменную речь, в частности, художественный контекст литературных произведений. В течение последнего десятилетия тема Донбасса и боевых действий на его территории актуальна для гражданской патриотической лирики. Однако лингвокультурная уникальность данного региона отмечена и в тех текстах, которые можно назвать классическими для современной русской литературы.

В поэзии Алексея Парщикова (1954–2009), одного из ярчайших представителей метареализма, широко используется типичная для донецкой местности лингвокультурема «уголь» (Например: название

стихотворения «Угольная элегия»). Однако визитной карточкой поэта можно считать стихотворение «Жужелка» [3]:

Казалось, твари всея земли
глотнули один крючок,
уснули — башенками заросли,
очнулись в мелу трущоб,
складских времянок, посадок, мглы
печей в желтковом дыму,
попарно — за спинами скифских глыб,
в небе — по одному!

Жужелка — собственно лексический регионализм, абсолютный синоним в литературном языке слушателями и читателями Алексея Парщикова был найден не сразу. Ср. «Алексей прочитал мне это стихотворение, держа на вытянутых руках невзрачный камушек, кусок застывшей лавы, пузырчатый шлак, найденный им на обочине шоссе. Оказалось, что всё стихотворение посвящено ему, точнее, тем ассоциациям, которые у поэта вызвал этот невзрачный объект. Не зная ключа, все эти красоты текста каждый воспринимает по-своему» [4]. Таким образом, под *жужелкой* подразумевается *угольный шлак*, метафорически описанный в стихотворении с одноимённым названием. Возникновение данного лексического регионализма связывают со звуком, который возникал при перекачивании обломков шлака; очевидно, что фонетическое оформление слова также привлекло внимание поэта. В стихотворения включён и другой лексический регионализм: *посадка* — то есть *лесополоса*. Использование подобных единиц в поэтическом дискурсе позволяет создать такой художественный образ, который имеет уникальную номинацию, отображающую культуру и язык региона как спецификум.

Заключение. Лингвокультурная идентичность жителей Донбасса осуществляется при помощи создания и использования территориально маркированной лексики. Сфера бытования городского просторечия не ограничивается устной формой: лексические регионализмы включаются в литературные произведения о Донбассе. Можно предположить, что именно регионализмы закрепляют в письменной речи наименование тех культурных реалий, которые наиболее значимы для жителей данного региона. Если со временем регионализм может исчезнуть из устной речи, то в поэзии он сохранится как микрокомпонент культурно-исторического наследия Донбасса.

Список литературы

1. Красных В.В. Лингвокультурная идентичность Homo Loquens / В.В. Красных // Мир русского слова. — 2017. — №4. — С. 11–15.
2. Теркулов В.И. Интерферентные явления в донецком региолекте / В.И. Теркулов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2021. — №3. — С. 209–223.

3. Парщиков А.М. Стихи и поэмы, эссе, переводы, письма, фотографии, биография и воспоминания о поэте / А.М. Парщиков. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://parshchikov.ru/> (дата обращения: 15.09. 2023).
4. Бавильский Д. Нулевая степень морали. Алексей Парщиков / Д. Бавильский. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.topos.ru/article/1356> (дата обращения: 15. 09. 2023).

УДК 80; 378.147

ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ СЛОВЕСНОСТИ

Солунова Я. А.

Колледж Елабужского института ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет», г. Елабуга, Республика Татарстан, РФ
isolunova@mail.ru

Введение. Одной из ключевых компетенций в современном образовании является общекультурная компетенция. Теоретиком и исследователем компетенций, которые могут быть сформированы в процессе школьного обучения, является А.В. Хуторской. Именно ему принадлежит одно из самых полных определений общекультурной компетенции: «...круг вопросов человеческой культуры, по отношению к которым обучающийся должен быть хорошо осведомлен, обладать познаниями и опытом деятельности, это — особенности национальной и общечеловеческой культуры, духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов, культурологические основы семейных, социальных, общественных явлений и традиций, науки и религии в жизни человека, их влияние на мир; компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере <...> опыт освоения учеником научной картины мира, расширяющейся до культурологического и всечеловеческого понимания мира» [4, с. 115].

Можно заметить, что в основе своей указанная компетенция содержит направленность на освоение обучающимися социального опыта. Становится очевиден социально-практический потенциал общекультурной компетенции, выражающийся в овладении обучающимися моделями образцового поведения в рамках собственной культуры, а также моделями уважительного, толерантного отношения к представителям иных культур. Кроме того, высокий уровень сформированности общекультурной компетенции позволяет обучающимся быть успешными и полноценными членами общества вне зависимости от того, какую социальную роль они

будут выполнять. Велик потенциал общекультурной компетенции и с мировоззренческой точки зрения, поскольку именно через нее формируется научная картина мира в сознании ученика, что является одним из главнейших результатов обучения согласно Федеральному государственному образовательному стандарту [3].

Становится очевидна необходимость искать пути и средства формирования общекультурной компетенции в условиях современной школы.

Для учителя-русоведа очевиден путь обращения к художественной литературе, которая содержит в себе поистине богатый потенциал с точки зрения культурологического и социального аспектов. Однако современному школьнику часто может быть непонятна и неинтересна классическая литература. Усложняется задача и тем фактом, что во многом культурно верные и образцовые модели поведения, мировоззрение и идеи, характеры и конфликты, представленные в классических произведениях, могут быть неясны обучающимся. Конечно, классическая литература не может устареть, она все так же актуальна, но тот язык, те формулы, та форма, в которой представлены важнейшие аспекты содержания произведения, которые можно взять для развития общекультурной компетенции обучающихся, не всегда удачны. Потому важно обратить внимание на современную литературу, в частности — на современный роман.

Цель доклада — продемонстрировать потенциал современного романа при формировании общекультурной компетенции.

Основная часть. Обратившись к списку современных отечественных писателей, можно заметить плеяду выдающихся имен. Мы подробно остановимся на двух современных писателях — Алексее Иванове и Гузель Яхиной.

Алексее Иванову принадлежит множество романов, некоторые из которых можно считать не совсем детскими или подростковыми. Однако заслуга этого писателя в том, как он рассказывает об истории и природе своего родного края, а вместе с тем и самой России. Особенно это видно в романе-пеплуме «Тобол», отдельные главы из которого можно взять в качестве материала для внеклассного чтения или внеклассных мероприятий. Этот роман обладает глубоко насыщенным историческим содержанием (история освоения русскими Сибири и сибирских городов), что само по себе располагает к формированию общекультурной компетенции посредством развития исторических знаний о родной стране, родной культуре. Произведение «Тобол» мы также считаем материалом, на основе которого можно формировать умение противостоять ложным сведениям в диалоге о путях становления государственности родной страны, что в современных реалиях является крайне важным; умение работать с историческими первоисточниками; умение сравнить

документальную историю и «художественную». Все это несомненно касается общекультурной компетенции. Однако в романе есть и другие важные аспекты, затрагивающие указанную компетенцию. В частности, это диалог культур и их столкновение. Причем это столкновение можно проследить по трем линиям:

1. Столкновение культур одного народа. Эта оппозиция представлена компонентами «столичный житель» (Санкт-Петербург) и «сибирский житель» (Тобольск). Образы, которые могут быть интерпретированы таким образом, например, Иван Демарин и Семён Ремезов.

2. Столкновение культур разных народов. Эта оппозиция представлена через образы русских людей и коренных сибирских племен (в частности, остяков — современное «ханты»). Это самая яркая оппозиция, поскольку именно через нее показаны важнейшие конфликты моделей поведения, верований, устоев и характеров, сформированных средой. Образы, могущие быть интерпретированы в таком ключе — остячка Айкони и Григорий Новицкий. Через образ последнего, в частности, можно рассмотреть метафору того, какие трансформации происходят с душой человека при столкновении с иной культурой и важность сохранения собственной идентичности: влюбившись в Айкони, Григорий как бы отвергает Христа, за чем следует духовная и физическая смерть [2].

3. Столкновение разных религиозных культур. Эта оппозиция представлена через образы сибирских язычников и православных, а также — через образы старообрядцев и православных. Роман в таком случае может помочь начать сложный диалог о непростых страницах русской истории, о необходимости пытаться найти компромиссы в рамках конфликта между представителями собственного народа и т. п.

Таким образом, роман А. Иванова является весьма ценным на уроках литературы при формировании общекультурной компетенции.

С точки зрения общекультурной компетенции романы Гузель Яхиной также невероятно богаты.

К примеру, каждый из ее романов полон иноязычных вкраплений: татарских, немецких, французских («Зулейха открывает глаза»), немецких («Дети мои»). Этот материал может быть изучен при формировании представлений о другой национальной культуре, пробуждении интереса и уважительного отношения к ней. Помимо прочего, в ее романах можно найти и представителей других национальностей, говорящих на привычном им языке: русских аристократов, говорящих по-французски; киргизы; узбеки и проч. Также ценными с этой точки зрения могут оказаться размышления самой писательницы о языках: например, эпизод, где Якоб Бах («Дети мои») сравнивает звучание лексемы «солнце» в немецком и киргизском языке, отмечая обусловленность звучания характером народа.

Кроме того, в указанных романах можно найти и проанализировать глубокие культурные и мировоззренческие трансформации, происходящие

под влиянием исторических событий и трагедий (Зулейха из традиционно патриархальной становится современной ее условиям женщиной; Якоб Бах вынужден менять себя, свои устои, свой привычный образ жизни, свой взгляд на мир).

Произведения писательницы также содержат насыщенный этнокультурный и социокультурный материал: татарские выражения и названия духов, а также религиозные выражения («Зулейха открывает глаза»); паремиологический фонд и ономастика поволжских немцев («Дети мои»); социолекты и диалекты представителей разных концов страны («Эшелон на Самарканд»).

Все эти аспекты можно анализировать именно на уровне языка, поскольку Г. Яхина умело работает с языковыми единицами своих текстов, что будет актуально для уроков русского языка, внеклассных мероприятий, связанных с филологией и проектно-исследовательской деятельности по указанному направлению.

Заключение. Таким образом, современный роман может стать весьма эффективным и ценным материалом при формировании общекультурной компетенции. Задача учителя-словесника при выборе произведения для изучения и анализа четко осознавать те цели, которые он ставит на том или ином занятии и в соответствии с этим выбирать материал, который может содержать в себе больше аспектов, актуальных и эффективных для уроков русского языка или же наоборот — уроков литературы.

Список литературы

1. Иванов, А.В. Тобол. Мало избранных: роман-пеплум. / А.В. Иванов. — М.: Изд-во АСТ, 2019. — 827 с. — ISBN 978-5-17-113938-4.
2. Иванов, А.В. Тобол. Много званых: роман-пеплум / А.В. Иванов. — М.: Изд-во АСТ, 2019. — 704 с. — ISBN 978-5-17-100420-0.
3. Федеральный государственный образовательный стандарт: сайт — URL: <https://fgos.ru/>. — М., 2023 (дата обращения: 13.09.2023).
4. Хуторской, А.В. Дидактическая эвристика: Теория и технология креативного обучения / А.В. Хуторской. — М.: Изд-во МГУ, 2003. — 416 с. — ISBN 5-211-04710-9.
5. Яхина, Г.Ш. Дети мои: роман / Г.Ш. Яхина; предисл. Елены Костюкович. — М.: Издательство АСТ: ред. Елены Шубиной, 2019. — 493 с. — ISBN 978-5-17-107766-2.
6. Яхина, Г.Ш. Зулейха открывает глаза / Г.Ш. Яхина. — М.: Изд-во АСТ, 2015. — 512 с. — ISBN 978-5-17-090436-5.
7. Яхина, Г.Ш. Эшелон на Самарканд / Г.Ш. Яхина. — М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. — 507 с. — ISBN 978-5-17-135479-4.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ФИЗИЧЕСКОГО АСПЕКТА ПРИЗНАКОВОГО МИРА В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЗАГАДКЕ

Тюрина А. Е., Доброва С. И., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
svetdobr@mail.ru

Введение. Исследование способов и механизмов вербализации разносубстанциональных по своей природе фольклорных миров: предметного, признакового, процессуального и количественного — осуществляется на основе разработанной И. С. Климас типологии фольклорных миров [6]. Особый научный интерес в ряду обозначенных подходов имеет изучение способов и механизмов вербализации основных аспектов признакового мира как значимой разновидности фольклорных миров. Дифференциация разноаспектного состава признакового мира произведена на материале русской народной загадки с учетом специфики исследуемого жанра [2; 3; 4].

Основная часть. **Материал исследования** составил авторитетное в научном отношении собрание энигматических текстов Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач» [1], опубликованное в 1876 году. Общее количество исследованных текстов исчисляется 2504 загадками.

На основе применения **комплекса апробированных методик** формирования разнофункциональных словников репрезентантов фольклорных миров с автоматизацией подсчета показателей частотности и определения частотного ранга лексем [5] реконструирована **система номинаций, представляющих признаковый мир** в русской народной загадке. В настоящей работе исследована системная организация репрезентации физического аспекта признакового мира в русской народной загадке на материале номинаций, указывающих на физические параметры.

В исследуемом корпусе текстов лексико-семантическая группа номинаций, указывающих на физические объекты, представлена 78 лексемами в 350 словоупотреблениях. Корпус исследуемых номинаций систематизирован по девяти лексико-семантическим подгруппам. Данные количественных и статистических показателей репрезентантов физического аспекта признакового мира представлены в таблице 1.

В исследуемом корпусе энигматических текстов по показателям частотности словоупотреблений доминирует лексико-семантическая подгруппа «**Номинации по размеру**», которая представлена 17 лексемами в 149 словоупотреблениях, что составляет 42,5 % от общего количества словоупотреблений в границах исследуемой лексико-семантической группы.

Таблица 1

Лексико-семантическая группа «Номинации, характеризующие физические параметры»

№ п/п	Лексико-семантическая подгруппа	Ко-во лексем	Процентный показатель	Кол-во словоупотр-й	Процентный показатель
1.	Номинации по размеру	17	22	149	42,5
2.	Номинации по физическому состоянию	21	27	97	28
3.	Номинации по форме	9	11,5	39	11
4.	Номинации по возрасту (молодость, зрелость, старость)	9	11,5	23	6,5
5.	Номинации, указывающие на соматизмы	9	11,5	18	5
6.	Номинации по функциональному назначению	7	9	10	3
7.	Номинации по вкусовым параметрами	3	4	9	2,5
8.	Номинации по силе звука (аудивные характеристики по шкале тихо / громко)	2	2,5	3	1
9.	Номинации по скорости	1	1	2	0,5
	Итого	78	100 %	350	100 %

Номинации, указывающие на размер, представлены в порядке следования убывающих частот: *маленький (58), долгий (17), малый (17), толстый (9), высокий (7), длинный (6), широкой (6), низкий (5), большой (5), тонкий (4), тоненький (4), худой (3), тесный (2), узенький (2), толстенький (2), небольшой (1), коротуций (1)*. «Маленький мальчик / Всем под ноги смотрит. — **Порог**» [1, с. 22, № 87]; «Посмотрю я в окошко: / Идет *длинный* Антошка. / Выгляну в окошко: / Стоит *долгий* Антошка. / Сидела барыня у окошка, / Мимо нее прошел *длинный* Антошка. — **Дождь**» [1, с. 297, № 1917].

Высокими показателями частотности отличается лексико-семантическая подгруппа «**Номинации по физическому состоянию**», которая представлена 21 номинацией в 97 словоупотреблениях, что составляет 28 % от общего количества словоупотреблений в границах исследуемой лексико-семантической группы. Номинации, указывающие на физическое состояние, представлены в порядке следования убывающих частот: *сухой (29), живой (14), мокрый (11), чистый (8), калиновый (5), крепкий (4), дыроватый (4), опаленный (4), узловатый (3), жиденький (3), двойной (2), вялый (1), убитый (1), спутанный (1), браный (1), набористый (1), дыристый (1), гибкий (1), дырявый (1), мохнатый (1), сочный (1)*. «Пометушки метут, / Поскребушки скребут, / *Сухое* дерево несут; / Не пышет, / Не дышит, / *Живую* душу берет. — **Гроб**» [1, с. 315, № 2040].

Медиальные показатели частотности характеризуют лексико-семантическую подгруппу «**Номинации по форме**», которая представлена 9 номинациями в 39 словоупотреблениях, что составляет 11% от общего количества словоупотреблений в границах исследуемой лексико-семантической группы. Номинации, указывающие на форму объектов, представлены в порядке следования убывающих частот: *крутой* (10), *кривой* (7), *горбатый* (7), *круглый* (7), *острый* (3), *кубаристый* (2), *кругленький* (1), *гнутой* (1), *продолговатенький* (1). «*Кривой* бельмес / Под горшок залез. — **Ухват**» [1, с. 361, № 2396]; «Летит птица: / Нос долог, / Голос звонок, / Крылья *остры*; / Цари ее боятся; / Кто ее убьет / Тот свою кровь прольет. — **Комар**» [1, с. 201, № 1640б].

Лексико-семантическая подгруппа «**Номинации по возрасту (молодость, зрелость, старость)**» представлена 9 номинациями в 23 словоупотреблениях, что составляет 6,5% от общего количества словоупотреблений в границах исследуемой лексико-семантической группы. Номинации, указывающие на возраст, представлены в порядке следования убывающих частот: *старый* (11), *молодой* (5), *незрелый* (1), *налитой* (1), *недозрелый* (1), *спеленький* (1), *зрелый* (1), *молоденький* (1), *спелый* (1). «*Молодой* конек, / За море ходок; / Спинка / Соболинка, / А брюшко беленькое. — **Ласточка**» [1, с. 244, № 1588]; «*Старый* Афанасий / Лычком подпоясан. — **Голик**» [1, с. 295, № 2393г].

Лексико-семантическая подгруппа «**Номинации, указывающие на соматизмы**» представлена 9 номинациями в 18 словоупотреблениях, что составляет 5 % от общего количества словоупотреблений в границах исследуемой лексико-семантической группы. Номинации, указывающие на телесные составляющие объекта, представлены в порядке следования убывающих частот: *слепой* (5), *лысый* (5), *кучерявый* (2), *плешистый* (1), *беззубый* (1), *безротый* (1), *волосистой* (1), *куроносенький* (1), *крутоносый* (1). «*Мать* голодуха, / *Дочь* краснуха, / *А сын* кучерявый. — **Печь, огонь и дым**» [1, с. 14, № 144д]; «*Беззубая* баба / Кости грызет. — **Мялица**» [1, с. 144, № 1186 б].

Лексико-семантическая подгруппа «**Номинации по функциональному назначению**» представлена 7 номинациями в 10 словоупотреблениях, что составляет 3% от общего количества словоупотреблений в границах исследуемой лексико-семантической группы. Номинации, указывающие на функциональную составляющую объекта, представлены в порядке следования убывающих частот: *колокольный* (2), *кованный* (2), *печной* (2), *веретянской* (1), *намощенный* (1), *половой* (1), *маханский* (1). «*Бычок* кованный, / *А хвост* ворованный. — **Игла с ниткой**» [1, с. 78, № 605б].

Лексико-семантическая подгруппа «**Номинации по вкусовым параметрам**» представлена 3 номинациями в 9 словоупотреблениях, что составляет 2,5 % от общего количества словоупотреблений в границах лексико-семантической группы. Номинации, указывающие на вкусовые параметры, представлены в порядке убывающих частот: *сладенький* (6),

сладкий (2), пресный (1). «В маленьком горшочке / Уха сладка. — Орех» [1, с. 197, № 1372в]; «Пресное молоко / На пол лют. / Ни ножом, ни зубами / Соскоблить нельзя. — Солнечный луч» [1, с. 244, № 1824].

Лексико-семантическая подгруппа «**Номинации по силе звука (аудивные характеристики по шкале тихо / громко)**» представлена 2 номинациями в 3 словоупотреблениях, что составляет 1% от общего количества словоупотреблений в границах лексико-семантической группы. Номинации, указывающие на силу звука, представлены в порядке следования убывающих частот: *звонкий (2), громкий (1)*. «Над кислой рекой / Колокольчики звонки. — Рукомойка» [1, с. 37, № 249а]; «Ноги тонки, / Бока звонки, / А хвост закорючкой. — Собака» [1, с.124, № 907].

Минимальные показатели частотности характеризуют лексико-семантическую подгруппу «**Номинации по скорости**», которая представлена 1 номинацией в 2 словоупотреблениях, что составляет 0,5 % от общего количества словоупотреблений в границах исследуемой лексико-семантической группы: *быстрый (2)*. «Между гор, / Между дол / Бежал *быстрый* конь / Под красной попоной. — Корабль» [1, с. 244, №1526]; «Туда-сюда ножки, / Рыло остро, / Глаза *быстры*, / Хвостиком виль-виль-виль. — Рак» [1, с. 256, № 1631а].

Заключение. Анализ системы репрезентантов физического аспекта признакового мира в русской народной загадке позволяет определить многофункциональный характер исследуемого пласта лексики и расширяет научные данные о значимом сегменте фольклорно-языковой картины мира [4], отраженной в энигматических текстах.

Материалы исследования

1. Садовников, Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Д. Н. Садовников. — Москва: Терра, 1996. — 332 с.

Список литературы

2. Доброва, С. И. Морфогенез образного параллелизма макро- и микрокосма в русских народных загадках / С. И. Доброва // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. — 2023. — Том 16. — Выпуск 3. — С. 780-788. — <https://doi.org/10.30853/phil20230093>
3. Доброва, С. И. Textoобразующая функция образного параллелизма макро- и микрокосма в русских народных загадках / С. И. Доброва. // «Русский язык III тысячелетия в зеркале лингвистической науки». XXXIX Распоповские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. (Воронеж, 25–27 марта 2022 г.). — Воронеж: ВГУ, 2022. — С. 33-40.
4. Доброва, С. И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия : монография / С. И. Доброва. — Воронеж: ВГПУ, 2004. — 175 с.
5. Доброва, С. И., Халилова, Д. Х. К вопросу о типологии словников номинаций бытовых реалий (артефактов) в фольклорном тексте: структура, содержание, функциональное назначение (на материале сказок А. Н. Корольковой) / С. И. Доброва // Известия ВГПУ. — № 2 (283). — 2019. — С. 238-244.
6. Климас, И. С. Ядро фольклорного лексикона / И. С. Климас. — Курск, 2000. — 94 с.

Русский язык.

Актуальные проблемы регионалистики

УДК 81'373.211

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ТОПОЭФФЕКТОР (НА ПРИМЕРЕ ГОДОНИМОВ ВОЛГОГРАДА)

Антоненко Н. С.

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, РФ
yala-211_824431@volsu.ru

XX век стал периодом глобальных изменений для современного Волгограда и всей страны. Основные исторические события можно отслеживать даже по переименованию самого города: Царицын до революции, Сталинград до развенчивания культа личности, Волгоград до наших дней.

Изменение государственной идеологии является экстралингвистическим топоэффектором — комплексным механизмом, индуцирующим возникновение и определяющим направление функционально-семантических трансформаций топонима [1, с. 61]. Процесс переименования как разновидности искусственной номинации, проявляющейся в замене одного имени собственного другим [3, с. 191], является основным проявлением такого механизма.

Годонимы дореволюционного Царицына, насколько возможно судить по сохранившимся картографическим источникам, чаще всего реализовывали локативный и гидронимический лингвистические коды [см. 2]. Такие наименования были связаны с населенными пунктами Российской Империи (улицы *Ростовская*, *Моздокская*, *Елецкая*) или водными объектами (улицы *Невская*, *Донская*, *Хоперская*).

Многие номинации, зафиксированные еще планом города 1914 года, сохранились до наших дней из-за их идеологической нейтральности (например, улицы *Гродненская*, *Ковровская*, *Ковенская*). В то же время большой пласт наименований, несмотря на отсутствие политической окрашенности, был изменен после Октябрьской революции. Эти трансформации зафиксированы планом уже Сталинграда, датированным 1925 годом. Так, название улицы *Княгининская* было связано с одноименным населенным пунктом на территории современной Нижегородской области, однако из-за созвучия с дворянским титулом линейный объект был переименован в улицу *Рабоче-Крестьянская*. По аналогичным причинам не могло сохраниться название улицы *Царевская*, которая году была переименована в улицу им. *Емельяна Пугачева*, а затем — в улицу *Пугачевская*.

Антирелигиозная идеология молодого Советского государства не подразумевала существования в городе наименований, связанных с церковными событиями и праздниками. Большое количество таких номинаций было заменено на политически «правильные»: улица *Покровская* → улица *Жигулевская*, улица *Преображенская* → улица *Комсомольская*, улица *Спасская* → улица им. *Володарского*, улица *Троицкая* — улица им. *Урицкого*, улица *Успенская* → улица им. *Ленина*.

Как видно уже по приведенным примерам, после Октябрьской революции особенно актуальным становится присвоение наименования в честь исторической фигуры. Подобные номинации существовали и в дореволюционном Царицыне, но были единичными: улицы им. *Пушкина*, *Гоголя*, *Ломоносова*. После 1925 года количество таких названий значительно возрастает. Особый интерес представляет судьба некоторых из них.

По описанным выше причинам название улицы *Предтеченская* сохраниться не могло, поэтому линейный объект был переименован в улицу им. *Троцкого*. Однако по причине внутривластной борьбы за власть, разгоревшейся после смерти В.И. Ленина, такая номинация вновь становится идеологически неприемлемым. Через некоторое время объект будет переименован в улицу *Исполкомская*. Такое «многоступенчатое» изменение названия не было единичным:

- улица *Борисоглебская* → улица *Зиновьева* → улица *Кирова*;
- улица *Каширская* → улица *Минина* (председатель реввоенсовета

Царицына, затем — член «зиновьевской оппозиции») → улица *Циолковского*.

Идеологическая составляющая обнаруживается и в названиях, посвященных событиям Великой Отечественной войны. Сталинградская битва — еще один топонимический фактор, оказавший значительное воздействие на топонимическую систему. Во-первых, в результате массированных бомбардировок и боевых действий на территории города существенная часть застройки и, соответственно, линейных объектов оказалась разрушена. Во-вторых, стремление увековечить память участников обороны города привело к изменению наименований восстановленных улиц, переулков и площадей. Так, улица *Сурская* была переименована в улицу *10-й Дивизии НКВД*, оборонявшей город в 1942 году. В результате восстановления или переименования появляется большое количество однотипных наименований, увековечивающих память воинских соединений: улицы *13-й Гвардейской*, *35-й Гвардейской*, *39-й Гвардейской* и целый ряд других.

После Великой Отечественной войны пристальное внимание уделяется сохранению имен непосредственных участников этих событий. Большое количество улиц сначала Сталинграда, а затем и Волгограда связываются с конкретными персоналиями. В городе появляются,

например, улицы им. *маршала Чуйкова, генерала Апанасенко, капитана Рачкова*. Отметим, что и в наше время многим новым линейным объектам присваивают имена героев Сталинградской битвы и Великой Отечественной войны.

Развенчивание культа личности как часть государственной идеологии отразилась в двух аспектах. Во-первых, переименование города в Волгоград. Во-вторых, переименование ряда элементов городской застройки. Обращает на себя внимание история городской набережной. В 1914 году этот объект отмечен как *Безымянная набережная*, в 1925 — набережная им. *Степана Разина*, в 1942 — набережная *Сталинская*, до 1975 — набережная *Центрального района*, в 1975 было присвоено современное название: набережная им. *62-й Армии*.

Закономерным кажется предположение, что 1990-е годы не могли не отразиться на топонимической системе Волгограда. Однако это не соответствует действительности. Вопреки ожиданиям, после распада Советского Союза историческое наименование было возвращено только одному линейному объекту: в 1991 году улица им. *Ворошилова* была переименована в улицу *Козловская*. Других изменений в этот период не произошло.

Таким образом, для Волгограда государственная идеология действительно является одним из топоэффекторов, однако его воздействие проявляется неравномерно.

Список литературы

1. Ильин, Д. Ю. Топоэффектор как катализатор изменений в функциональной семантике топонимических единиц / Д. Ю. Ильин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2012. — № 1. — С. 61–67.
2. Ильин, Д. Ю., Сидорова Е. Г. Лингвистические коды волгоградских топонимов как отражение региональной топонимической политики / Д. Ю. Ильин, Е. Г. Сидорова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19, № 6. — С. 69–80. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.6>
3. Разумов, Р. В. Процесс переименования объектов в Российской Федерации в 1990–2000-е гг. как особая социокультурная практика / Р. В. Разумов // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 4 (23). — С. 196–204. — DOI: [10.20323/2499-9679-2020-4-23-196-204](https://doi.org/10.20323/2499-9679-2020-4-23-196-204)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В ШАХТЁРСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Белых А. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

a.belyih@donnu.ru

Актуальность данной исследовательской работы проявляется в уникальности шахтерского языка, который формируется под влиянием особенностей горнорабочего труда. Шахтерский язык обогащается уникальными терминами, выражениями и метафорами, которые отражают не только технические аспекты горного дела, но и культурные особенности шахтерского сообщества. Этот язык может служить объектом изучения для лингвистов и социологов, помогая лучше понять менталитет и образ жизни шахтеров.

Правильное использование и понимание шахтёрских терминов и их стилистических вариаций имеет важное значение для безопасности в шахтерской деятельности. Изучение стилистических синонимов способствует богатству языка и развитию языковой культуры.

Цель этой статьи заключается в том, чтобы изучить анализ стилистических аспектов шахтёрской речи с целью выявления её особенностей.

Изучение различных лексических и фразеологических единиц в шахтёрской речи, которые могут выполнять одну и ту же семантическую функцию, но иметь разные стилистические оттенки. По мнению В.В. Виноградова, исследование языка, особенно в области лексики, фразеологии, частей речи и синонимических конструкций, с применением анализа выразительных качеств (экспрессии) речевых средств, определения синонимических эквивалентов и вариантов, является теоретической основой развития национальной речевой культуры [2, с. 170].

Создание стилистических синонимов в языке шахтёров — это интересное исследование лексикона и стилистики, специфичного для этой профессиональной группы. Шахтёры, как и многие другие специалисты, могут использовать разнообразные приемы для обогащения своей речи и точной передачи значений. Вот некоторые способы формирования стилистических синонимов в языке шахтёров:

1. Технические термины: Шахтёры могут использовать технические термины, которые точно описывают процессы и оборудование в шахте. Например, «горизонтальный выработанный выход» и «горизонтальный выработанный проход» могут использоваться как стилистические синонимы.

2. Словообразование: Создание новых слов или выражений путем префиксов, суффиксов или других аффиксов. Например, можно образовать словосочетание «накопленная порода» и синонимичное «накопительная горная масса».

3. Словоупотребление: В зависимости от контекста и стилистических особенностей, шахтёры могут выбирать разные слова для обозначения одного и того же объекта или действия. Например, «добыча» и «извлечение» могут быть стилистическими синонимами.

4. Окказиональные слова: Окказиональные слова — это особые слова или выражения, которые используются в узкой социальной группе или профессиональной области. В случае шахтерского сленга окказиональные слова могут включать термины, связанные с работой шахтера, специфическим инструментарием и условиями в шахтной окружающей среде. Ниже приведены некоторые примеры окказиональных слов в шахтерском сленге:

«Бибики» — куски угля, камни или другие нежелательные продукты, которые попадают в угольный поток при добыче.

«Распашонка» — специальная одежда, предназначенная для защиты от пыли и грязи в шахтной среде.

«Покажка» — небольшой пасынок угля, который воротится в шахтном потоке при сортировке.

«Хвосты» — отработанный материал, который остается после разрыва породы при взрывании в шахте.

«Воротка» — разделение между несдвинутыми частями и машинными захватами плавного подъема шахтных глиноземных и кордной стропы к руднику.

«Провал» — груженный вагон, перевернувшийся на пути вверх.

«Дыровня» — шахтный выемочный технологический инструмент для создания отверстий или бурения отверстий.

«Кирпичик» — небольшой кусок угля или горной породы.

5. Арготические выражения: Шахтёры могут иметь свой собственный аргот, который используется внутри сообщества. Эти арготические выражения могут служить стилистическими синонимами для обыденных слов.

«Дурнота» — неопытный шахтер или тот, кто не справляется с работой.

«Жарка» — сильное перегревание породы, что может привести к авариям.

«Накачка» — собирание и подготовка инструментов и оборудования перед началом работы.

«Подёргушки» — пассажиры поезда на шахтный участок.

«Свистульки» — трудности, сложности в работе или жизни шахтеров

Важно отметить, что создание стилистических синонимов в языке шахтёров может быть связано с необходимостью точной коммуникации в опасных и сложных условиях шахты.

6. Экономия слов: В условиях шахты, где времени и энергии может не хватать, шахтёры могут использовать более краткие и удобные формулировки, которые становятся их стилистическими синонимами.

Например, «геологическое исследование» может быть синонимично «добыча угля» вместо «извлечение угля из земли», «взрыв» вместо «подрыв взрывчатыми веществами», «поддержка» вместо «укрепление потолка шахты», «газоотвод» вместо «вентиляция для удаления вредных газов».

7. Фразеологические обороты: В языке шахтёров могут существовать устойчивые фразы или обороты, которые являются стилистическими синонимами для более общих выражений. Например, «находиться на глубине» и «находиться внутри шахты» могут быть синонимами.

8. Диалектные особенности: В разных регионах и шахтёрских сообществах могут существовать свои диалектные особенности, включая уникальные слова и выражения. Эти особенности могут стать стилистическими синонимами для стандартных терминов.

«Панда» — отработанная территория шахты, где уже не добывают уголь (понятие используется в Донецкой области).

«Лава» — слой угля или других полезных ископаемых. В разных областях это может быть названо «пластом» или «жилой».

Диалектные особенности могут варьироваться в разных шахтерских сообществах и зависят от исторических, культурных и географических факторов.

9. Метафоры и аллегории: Шахтёры могут использовать метафоры и аллегории, чтобы описать сложные процессы и ситуации в шахте. Эти образные выражения могут служить стилистическими синонимами.

«Осёл» — выражение, аллегорически обозначающее вентиляционный трубопровод, имеющий перпендикулярные отводы от основной трубы, похожие на уши осла.

Пример использования: «Забирайся в этот осёл и выведи все газы из выработки!» (Проникни в этот вентиляционный шланг и удали все опасные газы из выработки!)

Формирование стилистических синонимов в языке шахтёров — это результат не только технической специфики, но и культурных особенностей и необходимости эффективной коммуникации в уникальной среде шахты.

В заключение стоит отметить, что профессионализмы, связанные с горным делом, не охватывают всю матрицу понятий в этой области и, следовательно, не обладают строгой внутренней системностью.

Шахтёрская лексика содержит стилистические синонимы, которые точно отражают специфику шахтёрской деятельности, позволяя более точно и ясно описывать процессы, инструменты, и оборудование, используемые шахтёрами. Некоторые стилистические синонимы могут оказаться более устаревшими или использоваться в конкретных регионах. Это свидетельствует о сохранении традиций и уникальных особенностей в языке шахтёров.

Список литературы

1. Антипова, А. Такого шахтерского жаргона больше нигде нет [Электронный ресурс] // Голос Украины. 2009. № 129 (4629) — Режим доступа: <http://www.golos.com.ua/Article.aspx?id=139165>.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова / Виноградов В.В. // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 162–189.
3. Горное дело. Терминологический словарь. — 3-е изд. — М., 1981. — 476 с
4. Жеребило, Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник [Электронный ресурс]. — <http://www.studmed.ru/docs/document30276>
5. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: АЗЪ. 1994 г.

УДК 81'28

ОБ ИДИОЛЕКТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Курмакаева Н. П., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kurmakayeva@mail.ru

Введение. В XXI в. продолжена работа лингвистов по переосмыслению отношений по линии <человек — его язык >, поскольку еще в середине XX в. было заявлено, что «язык существует только в речи индивидуумов», а собственно речь понимается как «творческая деятельность, свободная и целенаправленная» (Э. Косериу). Так лингвистика в процессе своей «антропологизации» ввела в научный обиход понятия *человек говорящий, языковая личность, языковая картина мира*. А высказывание М.М. Бахтина о речевом опыте индивида как «о процессе освоения — более или менее творческого — чужих слов (а не слов языка)» получило развитие не только в теории интертекста, но и в теории *идиолекта* языковой личности (например, у О.Г. Ревзиной в связи с лингвопоэтическим феноменом М. Цветаевой). Признается, что *идиолект* остается до сегодняшнего дня «одним из базовых понятий в области исследования индивидуальных особенностей языка» [1, с. 100]. Этим обусловлена

актуальность настоящего исследования, **целью** которого является уточнение понятия *идиолект региональной языковой личности* (РЯЛ) в соотнесенности с понятием *региолект* (*региональная речь*) и выявление специфики идиолекта РЯЛ.

Основная часть. Лингворегионоведение, центральной единицей которого является понятие *региолект* (язык региона как вариант национального языка), следуя в русле антропоцентрической парадигмы, тоже освоило новые понятия, связанные с человеком, продуцирующим региолектно окрашенную речь: *региональная языковая личность*, *региональный речевой дискурс*, *региональная языковая картина мира*. Это позволяет полагать, что понятие *идиолект РЯЛ* также становится предметом изучения лингворегионалистики, поскольку региолект не существует без его продуцентов и их коммуникативно-речевых особенностей (данному явлению в 2019 г. был посвящен Международный научный форум «Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье» в г. Новозыбкове Брянской обл.).

Термин *идиолект* [греч. Ideos — свой, своеобразный, особый + (диа)лект] — совокупность речевых особенностей, присущих определенному субъекту, особенностей его словаря, фразеологии, отклонений от речевой нормы и т. п. — своего рода противоположность термина *диалект*, в нем отражается «индивидуальное варьирование языка в отличие от территориального и социального варьирования» [1, с. 100], заключенного в понятии *диалект*. Идиолект неотделим от *языковой личности*, от её индивидуально-авторских языковых средств, в первую очередь — лексикона, в котором проявляется её дискурсивный опыт и через который эксплицируется её мировосприятие, так как слово наряду с выполнением основной функции номинации предмета сообщения является средоточием мысли, «квантов» смысла (по М.М. Бахтину), аккумулятором культуры, в том числе региональной.

Идиолект РЯЛ соотносится с *региолектом* как индивидуальное с коллективным, частное с общим, это две взаимодополняющие ипостаси регионального речевого дискурса и разновеликие составные части региональной языковой картины мира. Идиолект РЯЛ можно условно принять за макроединицу региолекта. В идиолекте РЯЛ вербализовано индивидуально-авторское мышление о ближайшем окружающем мире и о мире вообще.

Известно мнение специалистов, что собственно национальный язык представляет собой совокупность *идиолектов*, то есть конкретных и индивидуальных реализаций языковой системы, доступных прямому наблюдению. В Лингвистическом энциклопедическом словаре он охарактеризован как «„точечный“ представитель определенного *идиома*» (литературного, территориального или социального), что позволяет в

нашем случае связывать его с донецким региолектом. Однако требуется серьезное уточнение: по мнению донецких учёных, региолект — «это не отдельный идиом, имеющий своих носителей, а определенная регионально маркированная организация всего языкового пространства региона» [2, с. 17], следовательно, идиолект региональной языковой личности, как и сам региолект, будет отличаться сложностью и уникальностью организации его системы, то есть многовекторностью словаря, порой необычным сочленением в нем разноидиомных компонентов [3, с. 37].

Если *региолект* функционально привязан к ограниченному по известным параметрам социуму или субэтносу, то идиолект РЯЛ маркирует носителя речевой индивидуальности из этого региона, с его уровнем образования, возрастом, интенциями и коммуникативно-речевыми компетенциями. В связи с этим изучение языка, например, регионального художника слова или местного журналиста предполагает, с одной стороны, отграничение общего (региолектного) от частного (идиолектного), с другой — обязательный учет их взаимосвязи и взаимообусловленности. Что обычно служит маркерами так называемого «донецкого текста»? Как правило, они узнаются без труда: *Он снимет в забое шахтерки, сложит их, засечет куток и пойдет рубать мягкий коксующийся уголек* (В.Гроссман, Жизнь) — это профессиональные шахтерские слова и выражения. С одной стороны, они — составная и очень важная часть донецкого региолекта, а с другой — неотъемлемая составляющая идиолекта художника слова, повествующего о судьбе шахтера из Донбасса. Или другой пример. В Донецке на улице можно услышать такой диалог: - *Не подскажете, как добраться до ЦУМа?* — *Это вам нужно на первую линию перейти, там второй маркой доедете.* Выделенные словосочетания — маркеры донецкого речевого дискурса почти ушедшей эпохи, а их продуцент — носитель тех историко-культурных знаний о реалиях города, которые уже малоизвестны современному молодому поколению дончан: *Первая линия* — ныне улица Артёма, а *вторая марка* — троллейбус второго маршрута, курсирующий по улице Артёма. Потому можно говорить, что значительная часть «донецких» слов и выражений сохраняется и реализуется в определенных коммуникативных условиях как некая идиолектная «инкрустация» социально-бытового или художественного дискурса отдельных индивидов.

Из этого следует, что специфика идиолекта РЯЛ в том, что он возникает и живет во времени. Его бытование в рамках современного регионального социума (субэтнуса) зиждется на ретросвязи с ушедшей или уходящей эпохой.

В российской лингвистической традиции понятие *идиолект* используется и в широком смысле как совокупность текстов, порождаемых говорящим, для изучения закономерностей языка вообще, и в узком — как «совокупность собственно структурно-языковых особенностей (стабильных

характеристик), имеющих место в речи отдельного носителя языка» [4, с. 95]. Очевидно, что для лингворегионоведения, как в целом для лингвокультурологии, принципиальным является узкий аспект, работа в русле которого даёт исследователю возможность увидеть уникальные коммуникативно-речевые компетенции языковой личности писателя (поэта, публициста, журналиста и др.), в том числе особенности его индивидуально-авторского текстообразующего арсенала и способы отражения в языке его произведений (текстов) региолектных черт.

Заключение. Идиолект РЯЛ — динамическая, отмеченная временем функциональная система. Состояния данной системы в каждую эпоху важны для понимания динамики и направлений развития региолекта. Наблюдающееся в настоящее время движение в сторону активизации словаря войны в идиолекте РЯЛ определяет перспективы в изучении данного феномена — выработка методов и приемов описания идиолекта РЯЛ в его развитии и взаимообусловленности с региолектом.

Список литературы

1. Богданова Е.В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике / Е.В. Богданова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2011. — Т. 1. — № 4-1. — С. 100–108.
2. Донецкий региолект : монография / Под ред. В.И. Теркулова. — Донецк: Изд-во ООО «НПП «Фолиант», 2018. — 265 с.
3. Курмакаева Н.П. Введение в лингворегионоведение: Теоретический курс: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. / Н.П. Курмакаева. — Донецк: ГОУ ВПО «ДОННУ», 2021. — 205 с.
4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. — М.: Изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2006. — 698 с.

УДК 811.161.1'282.2

НАИМЕНОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ДЕЙСТВИЙ В СФЕРЕ ИСКОННЫХ ТРУДОВЫХ ЗАНЯТИЙ В РЕЧИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЕЙ¹

Рассахатская М. В.

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, РФ
m.rassakhatskaya@volsu.ru

Введение. Лексика, обозначающая исконные трудовые занятия, рассматривается языковедами как объект исследования с позиции различных подходов: диалектологического, лексикографического, этнолингвистического и др. Учеными отмечается, что исконные трудовые занятия передаются из поколения в поколение как жизненно необходимые,

составляют материальную и духовную культуру народа [2; 3; 4; 5]. Среди них, в частности, выделяются кузнечное и плотницкое дело. Так, кузнечное ремесло издревле ценилось как высшее умение и искусство; основная работа кузнеца (или коваля) состояла в изготовлении простых инструментов и утвари, подковке лошадей, но его дело было важно и в обрядовой жизни народа: он отливал свадебный венец и обручальные перстни, «приковывающие» будущих супругов друг к другу, и т. д. Необходимые навыки требовались и от плотников: мастера плотницкого дела занимались изготовлением материалов и украшений для построек из дерева, строили дома и хозяйственные сооружения; важная роль отводилась им в духовной жизни народа, поскольку они участвовали в структурировании «своего» пространства и отделении его от «чужого» [3, с. 21–22].

Цель данного исследования — охарактеризовать специфику номинаций предметов кузнечного и плотницкого дела и связанных с ними действий в речи диалектоносителей. Материалом для изучения послужила совокупность словоупотреблений, извлеченных из речи носителей донских и украинских говоров в пунктах их смешанного проживания на территории Волгоградской области.

Основная часть. Обращение к выбранному нами объекту исследования требует некоторых уточнений. Материал характеризуется лингвистической пестротой и этноязыковой неоднородностью. Михайловский округ исконно относится к территории донского казачества, однако в его границах отмечено компактное проживание диалектоносителей, владеющих украинским диалектом разной степени сохранности. Исторические данные свидетельствуют о том, что на территории бытования донских говоров в XVII в. появились украинские переселенцы, приток которых усилился с началом освоения солевых промыслов. В дальнейшем на этих землях возникают крупные украинские слободы, основанные донскими старшинами — Д. Ефремовым, С. Себряковым, которые селили украинцев на своих землях. В настоящее время генетический украинский язык фиксируется исследователями в том числе и в административном центре округа — г. Михайловка [1]. Следует отметить, что исконные трудовые занятия донских казаков и украинских переселенцев (хохлачего населения) различались. Занятием истинного казака являлась военная служба, только крайняя нужда требовала от него взять в руки инструмент; украинские переселенцы выполняли разнообразные виды работ — от земледелия до строительства [1]. Однако кузнечное дело и плотничество становились постепенно одним из источников дохода для обоих этносов.

Общая характеристика материала — наименований предметов и связанных с ними обозначений действий исконных трудовых занятий — позволяет выделить в речи диалектоносителей следующие тематические

группы существительных: 1) обозначение лиц, деятелей кузнечного ремесла и плотничества (*коваль, кузнец, молотобоец; плотник*); 2) материал для изготовления (*железо; дерево, кора*); 3) сырье (*бревно, доска, заготовка*); 3) приборы, инструменты и приспособления для работы (*клещи, молоток, лерка, диал. терпух; долбежник, рубанок, топор, укр. сокира, шкурка*); 4) специально оборудованные места, помещения для выполнения работ (*кузня, цех; сарай*); 5) обозначение выполняемых работ (*покраска, установка; распиловка, ошкуривка*); 6) наименование готовых изделий и сооружений или их части (*латки, навесы, подковы, скобы; дом, ножка, полочка*). В массиве фактов разграничивается преимущественно общеупотребительная и специальная лексика, реже наблюдаются просторечные и территориально ограниченные единицы, например: *Ну, наждаками и, этими, напельникеми; Зажимаешь тисы, кончик немного подстукаешь, чтобы тоньше был* (п. Реконструкция), ср. диал. *тисы* — «слесарное приспособление для зажимания обрабатываемого предмета, тиски» [3, с. 590].

Изучение предикатной лексики, обозначающей действия, связанные с исконными трудовыми занятиями, позволяет выделить несколько тематических групп, в наполнении которых участвуют глаголы социальной деятельности и физического воздействия: 1) общее обозначение работ (*ковать, ремонтировать; настрогать, перекрыть*); 2) назначение приборов, инструментов и приспособлений для работы (*брать, зажимать; вытянуть, зашкурить*); 3) результат воздействия на материал, изделие (*погнул, испортил, разг. отламывали, растлил*). Среди глагольной лексики в речи информантов, помимо общеупотребительных и специальных слов, фиксируется разнообразие просторечных обозначений действий: *Посля... шипы нарезаются, сымается пила; Тогда все сваривали там же в кузне* (п. Реконструкция). Глагольных диалектизмов при этом не зафиксировано. Следует отметить, что обозначения предметов и связанных с ними действий в работе кузнеца и плотника достигается не только путем прямой номинации, но и с помощью экспрессивно-оценочных средств: приема описания (*здоровый был такой, терпух назывался*), устойчивых оборотов (*идти на верстак / сборку*), уменьшительно-ласкательных суффиксов (*гвоздик, полочки*) и др.

Заключение. Проведенное исследование позволяет говорить о многообразии и широте используемых лексических единиц при описании кузнечного дела и плотничества. В материале зафиксирована общеупотребительная и специальная лексика, связанная с особенностями трудовых занятий, ставших профессией информантов; реже наблюдаются диалектные слова, просторечные номинации, украинизмы. Большинство единиц отражает материальную сторону кузнечного и плотничьего дела, однако экспрессивно-оценочные средства указывают на значимость рассмотренных занятий в духовной культуре народа. Это связано

с восприятием труда как важной составляющей жизни, стремлением сохранить традиции своих предков, украсить быт. Деление рассмотренной лексики на тематические группы позволяет выделить важнейшие микротемы в содержании фрагментов речи диалектоносителей: «лица по виду занятия, профессии», «специально оборудованные места, помещения для выполнения работ», «способы воздействия на материал» и др.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01215 (<https://rscf.ru/project/23-28-01215/>).

Список литературы

1. Городской округ Михайловка Волгоградская область. — URL: <https://mihadm.com/officially/country> (дата обращения 16.04.2023). — Текст : электронный.
2. Королькова, М. Д. К проблеме анализа диалектной ремесленной лексики / М. Д. Королькова. — Текст : непосредственный // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / отв. ред. С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. — С. 298–307.
3. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 3 / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2004. — 704 с. — Текст : непосредственный.
4. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун ; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Волгоград : Издатель, 2011. — 704 с. — Текст : непосредственный.
5. Тупикова, Н. А. Наименования лиц и предметов в сфере исконного промысла, ремесла, ручного мастерства и связанные с ними обозначения действий, функций, отношений в речи диалектоносителей / Н. А. Тупикова, Н. А. Стародубцева. — Текст : непосредственный // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021 / отв. ред. С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2021. — С. 516–532.

УДК 161.81.1

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХМАО-ЮГРЫ

Сироткина Т. А., д-р филол. наук, доц.

БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет», г. Сургут, РФ
sirotkina71@mail.ru

Введение. Филологическая регионалистика является актуальным направлением современных регионоведческих исследований. Как мы отмечали ранее, она «заняла в настоящее время достойное место среди других регионоведческих наук. Одна из важных задач филологической регионалистики — исследование и описание языка региона. Лингвисты изучают речь диалектоносителей и городских жителей, ономастическое

пространство местности, язык художественных произведений региональных авторов. Другая важная задача — изучение региональной литературы. По наблюдениям исследователей, «в отечественном литературоведении последних лет значительно активизировалось внимание к краеведческому материалу, «хронотопической образности», «образам местности», «местнографии», методологии социально-исторического литературоведческого исследования» [Полякова 2015: 7].

Однако сегодня речь пойдет о прикладном, методическом значении филологической регионалистики, о том, каким образом информация о языке и литературе региона используется педагогами в целях формирования лингвокраеведческой компетенции обучающихся.

Основная часть. В школах разных регионов России ведутся курсы лингвистического краеведения, разрабатываются программы факультативов, издаются учебные пособия. Например, в Перми в 2004 году был издан учебно-методический комплекс для школьников «Русская речь Прикамья», состоящий из учебного пособия, рабочей тетради и методических указаний для учителя. Работать с таким комплектом материалов очень удобно, мы использовали его, например, при проведении занятий для старшеклассников в летнем краеведческом лагере «Отечество», в который приезжали в начале двухтысячных ребята со всего Пермского края.

Если говорить об опыте работы в данном направлении преподавателей вузов, нельзя не упомянуть такую практику, как создание студенческих научных объединений. Так, например, многопрофильное студенческое объединение «Филологическая регионалистика» работает в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина [Желтова 2013: 85].

Рассмотрим, каким образом реализуется в методическом плане филологическая регионалистика в Югре, в частности — в Сургуте.

Одно из важных направлений деятельности филологов региона — ведение элективных курсов и факультативов по лингвистическому краеведению. В 2015 году на нашей кафедре было издано учебно-методическое пособие по данному курсу, которое могут использовать не только школьные учителя, но и преподаватели, ведущие подготовку студентов-филологов [Сироткина 2015].

Одно из важных направлений исследований — выявление особенностей югорского текста. В последнее время югорский текст все чаще становится объектом не только филологических, но и методических исследований. Важно, чтобы его анализом занимались не только исследователи-профессионалы, но и студенты, школьники. Этому способствует создание учебно-методических материалов, которые используют как вузовские преподаватели, так и школьные учителя при проведении факультативных занятий, при подготовке школьников к научным конференциям, конкурсам разного уровня.

Идея исследования, описания и использования методического потенциала регионального текста не является новой, югорская литература не так часто привлекалась как материал для системного её изучения. Поэтому, исходя из практических потребностей, в 2017–2018 учебном году на кафедре филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета были созданы учебные пособия для школьников ХМАО — Югры «Литературное краеведение: филологический анализ регионального текста» [Галян 2017] и студентов-филологов «Литературное краеведение: филологический анализ регионального (югорского) текста» [Галян 2018].

Немалую роль играет региональный материал и в преподавании русского языка как иностранного. Так, в учебное пособие по чтению и аудированию [Репонь 2018] мы с коллегами включили тему «Сугут», изучение которой призвано помочь иностранным студентам сориентироваться в культурном пространстве ХМАО-Югры, освоить некоторые региональные реалии. Текстами для чтения по данной теме стали в данном пособии стихи и проза региональных авторов, студенческие эссе и тексты некоторых других жанров. Мы принципиально поместили туда тексты, созданные рядовыми носителями языка, студентами СурГПУ.

За прошедшие с 2018 года 5 лет было издано еще несколько учебных пособий по русскому языку как иностранному, в которые обязательно включались и региональные тексты [Ляшук 2020; Ляшук 2021].

В настоящий момент актуальной для нас стала работа по методическому сопровождению курсов русского языка как неродного. Так, в настоящий момент разрабатывается система заданий курса по русскому языку для детей-инофонов «Мой край, моя Югра» (программа курса разработана учителями-предметниками сургутской школы № 22 в 2022 году, а в настоящий момент на кафедре филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета готовится сборник заданий по данному курсу).

Данный сборник, как и программа курса, будет включать семь разделов, каждый из которых посвящен определенной теме: «Мы живем в Югре», «Давно это было», «Малые народы Югры», «Литература народов Югры», «Города Югры», «Мой северный город Сургут», «Возвращение к истокам».

Каждый из разделов содержит разноуровневые задания для обучающихся. Учитель, работающий с конкретной группой детей-инофонов, выбирает те из них, которые соответствуют уровню обучающихся.

Обязательна в ходе изучения курса работа с этимологией. Так, например, разные версии происхождения названия реки Обь обучающиеся узнают из соответствующего текста.

Особенно важна при изучении данного курса лингвокультурологическая составляющая. Информацию об отдельных исторических событиях на территории ХМАО-Югры дети-инофоны получают в процессе изучения второй темы, «Давно это было». Тексты, включенные в данный раздел, повествуют о том, когда на территории Югры жили мамонты, о жизни в Сургуте в XIX веке политических ссыльных, о начале нефтедобычи в нашем крае.

Заключение. Таким образом, актуальные данные современной регионалистики необходимо использовать в процессе преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного, а также при изучении русской литературы. Мы знаем, что работа по филологическому краеведению ведется не только в Сургуте, но и в других городах Югры. Поэтому есть уверенность в том, что обучающиеся в Югре будут знать региональную специфику местной культуры, ценить язык и родное слово, быть патриотами той земли, на которой они живут.

Список литературы

1. Галян С. В., Сироткина Т. А. Литературное краеведение: филологический анализ регионального текста. Учебное пособие для общеобразовательных школ. — Сургут: РИО СурГПУ, 2017. — 165 с.
2. Галян С. В., Ларкович Д. В., Сироткина Т. А. Литературное краеведение: филологический анализ регионального (югорского) текста. Учебное пособие для студентов. — Тюмень: Аксиома, 2018. — 167 с.
3. Желтова, Н.Ю. Филологическая регионалистика. О деятельности многопрофильного студенческого объединения / Н.Ю. Желтова, Т.В. Махрачева // Филологическая регионалистика. — 2013. — № 1 (9). — С. 85 — 88.
4. Ляшук В., Сироткина Т. Русская стилистика — активная коммуникация. Практический курс. — Банска Быстрица: Belianum, 2020. — 156 с.
5. Ляшук В. М., Сироткина Т.А. Русская лексикология: активная коммуникация : учебник для словацких студентов. — Сургут: РИО БУ «Сургутский государственный педагогический университет», 2021. — 130 с.
6. Полякова, Л.В. Филологическая регионалистика как наука: в постановке проблемы // Филологическая регионалистика. — 2015. — № 3-4 (15-16). — С. 4 — 16.
7. Репонь А., Сироткина Т. Русский язык как иностранный: чтение и аудирование текста. — Сургут: РИО СурГПУ, 2018. — 168 с.
8. Сироткина Т.А., Галян С.В. Лингвистическое краеведение: элективный курс. Для учителей общеобразовательных школ. — Сургут: РИО СурГПУ, 2015.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗАДАЧ ПО ВЫПОЛНЕНИЮ ПОРУЧЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Сулова И. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irina.al.su@mail.ru

Введение. Языковая политика государства должна быть направлена на укрепление основ самой государственности и создавать комфортные языковые условия для развития личности во всех областях. В этой связи Президентом Российской Федерации В. В. Путиным четко определены задачи, стоящие перед обществом в этой области: «Сбережение русского языка, литературы и нашей культуры — это вопросы национальной безопасности, сохранения своей идентичности в глобальном мире», — считает президент России. По его мнению, в решении столь важной задачи должны принимать участие не только заинтересованная общественность или ответственные органы власти, но и граждане нашей страны. Ведь русский язык и литература нужны нам для того, чтобы мы могли не только понимать друг друга «на уровне сиюминутных потребностей», но и существовали в одном культурном контексте, чувствовали глубинное единение.

«Мы должны сделать всё, чтобы знание классической и современной литературы, грамотная речь стали неотъемлемой частью жизни страны, по сути, правилом хорошего тона, чтобы это стало модным, чтобы об их сохранении и развитии заботилось всё наше общество», — сформулировал задачу глава государства. К таким системным задачам, безусловно, относится и сбалансированная, эффективная языковая политика.

Для России с её этническим, культурным разнообразием и сложным национально-государственным устройством это, безусловно, один из очевидных приоритетов. Вопросы сохранения и развития русского, всех языков народов нашей страны имеют важнейшее значение для гармонизации межнациональных отношений, обеспечения гражданского единства, укрепления государственного суверенитета и целостности России.

В связи с политикой тотальной украинизации, проводимой в нашем регионе ранее, остро стоит вопрос владения русским литературным языком жителями Донецкой Народной Республики. Специфика региона в области грамотного, всестороннего владения русским языком требовала и требует аккуратного и компетентного подхода в области преподавания данной дисциплины, начиная с дошкольного образования и заканчивая

формированием устойчивого владения навыками профессионального общения.

Основная часть. Опыт преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи», введенной властями Донецкой Народной Республики еще до момента воссоединения с Российской Федерацией, четко продемонстрировал реальную языковую ситуацию у абитуриентов и студентов. Средства массовой информации также регулярно демонстрируют отголоски этой же проблемы у местных политиков и представителей разных профессий. Оказалось, что думающие по-русски люди, плохо формулируют мысли, совершая огромное количество речевых, грамматических и орфоэпических нарушений. Мы часто слышим: договор-договорА, звонит, поняла, обеспечение, коллеги по работе, я с Макеевки и многое другое, что выделяет представителей наших регионов, оторванных десятилетиями от возможности изучать литературный язык в полном объеме.

И в этой связи хотелось бы, чтобы в решении языковых проблем в Донецкой Народной Республике был осуществлен комплексный объективный анализ существующих проблем и на основе данного анализа была принята программа по решению этой важнейшей проблемы.

В свою очередь, учителя и преподаватели русского языка могут и должны принять активное участие в разработке учебных программ, начиная с дошкольного уровня, координируя данные программы с обучением в начальной, средней и старшей школах. Преимущество учебных программ — наиважнейшее условие успешного освоения основ языка.

В детских садах языковое обучение сужается до групп для детей с нарушениями дикции. А другие воспитатели обучают детей таким образом, как они сами представляют язык. Приходя в школу, ребенок не может самостоятельно описать картинку, ответить на вопрос, требующий развернутого ответа. Вместе с этим, программа русского языка для учеников первого класса сводится к натаскиванию по фонетическому разбору слова, цель которого ребенок и родители не понимают. К изучению этой же темы дети подходят только к 7 классу. Из начальной школы ученик выходит «немым».

Отсутствуют реально работающие методики для уроков по развитию речи. В итоге мы получаем ситуацию с «молчащими» студентами либо со студентами, даже не догадывающимися о своих многочисленных ошибках в устной и письменной речи.

Не секрет, что в области методики преподавания русского языка создан вакуум, который не позволяет учителям и преподавателям системно подходить к решению повседневных учебных задач, используя современные технические средства обучения. Дефицит специалистов в области методики преподавания русского языка и литературы отражается

на уровне подготовки учителей русского языка и литературы. Сокращение часов на обучение русского языка в вузах ДНР явно не способствует улучшению ситуации в области владения русским языком. Закрывать глаза на отсутствие возможности восполнить пробелы коммуникативных компетенций в профессиональной речи вредно и губительно, в первую очередь, для специалиста. Умения, сформированные в процессе обучения в школе и высшем учебном заведении, позволяют специалистам в разных областях уверенно коммуницировать с будущими работодателями, в рабочем процессе с коллегами, в момент ведения деловых переговоров, при оформлении документов. Языковые компетенции дают возможность работнику не отвлекаться на исправление устных и письменных нарушений, чётко формулировать цели и задачи своей профессиональной деятельности, описывать проблемы, которые неминуемо возникают в любой сфере. Выделение дополнительных часов в вузе для студентов нефилологических специальностей с целью обучения основам делового языка помогут будущему работнику активнее и увереннее вливаться в коллектив, где он может продемонстрировать результат с первых дней трудовой деятельности.

Заключение. Крайне необходимо привлечь к решению задач, поставленных Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, как можно большее количество специалистов из разных областей — СМИ, телевидение, исследовательские институты и практикующие специалисты школ и вузов — для того, чтобы сделать грамотного человека тождественным модному человеку. Формирование языковой картины мира у современного человека должно основываться на системном государственном подходе в сфере языковой политики. Гордиться грамотной речью надо учить с детства. Для решения этой задачи должны быть подключены родители, детские сады, школы и высшие учебные заведения. Только общая заинтересованность в создании образа современного, культурного человека, вовлеченность в этот процесс общества помогут переломить ситуацию с некоторой деградацией системы обучения и воспитания человека, идущего в ногу со временем, в котором речевая культура является неотъемлемой частью общей культуры личности.

Лингвистика войны: перспективы научного исследования языкового пространства военных конфликтов

УДК 343.3

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Боговая О. Ф., Косяк Е. Л., канд. юрид. наук
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
antosya72@rambler.ru

В условиях активизации на территории Российской Федерации подрывной деятельности иностранных спецслужб и иностранных некоммерческих организаций, направленной на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации, имеет место рост количества зарегистрированных преступлений и правонарушений, совершаемых на почве экстремизма. Данные экстремистские проявления опасны тем, что они побуждают представителей отдельных социальных групп к совершению деструктивных действий, переходящих из виртуальной плоскости (социальные сети) в реальную жизнь, а именно побуждают к совершению таких общественно опасных деяний, как взрывы объектов инфраструктуры, поджоги зданий органов государственной власти и управления, акции гражданского неповиновения и пр.

В Законе РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — Закон «О противодействии экстремистской деятельности») [1] дано определение термина «экстремизм», являющееся основанием для выделения в уголовном законодательстве целого ряда преступлений экстремистской направленности. Согласно примечанию к ст. 282.1 УК РФ, преступлениями экстремистской направленности признаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и пунктом «е» части 1 ст. 63 УК РФ.

Наличие в УК РФ специальной нормы, предусматривающей ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности продиктовано значительной общественной опасностью таких деяний. Распространяемые публично, в том числе в сети Интернет призывы к экстремистской деятельности могут достаточно быстро активизировать и структурировать экстремистскую мотивацию в среде достаточно широкого круга лиц, сочувствующих радикальным

общественным движениям. В дальнейшем тем самым облегчается процесс вовлечения таких лиц в подрывную деятельность, осуществляемую конкретными экстремистскими организациями, руководимыми и финансируемыми в том числе спецслужбами иностранных государства, недружественных Российской Федерации.

Публичным признаётся призыв, размещённый открыто и доступный для восприятия неопределённому кругу лиц из числа пользователей теми или иными интернет-ресурсами или социальными сетями, в большинстве своём администрируемыми из государств, недружественных Российской Федерации. При этом верно отмечает А.В. Корнилов «Не имеет ни малейшего значения, насколько или какая часть данной аудитории как реального адресата восприняла или разделяет предлагаемую позицию» [2].

Например, житель г. Донецка на своей странице в «Twitter» разместил публикацию, призывающую к надругательству над телами погибших военнослужащих Российской Федерации из подразделения «Ахмат» («кадыровцы должны быть похоронены в свиных шкурах»). Несмотря на установление органами следствия только двух свидетелей, ознакомившихся с публикацией, было признано, что размещение высказывания в свободном доступе для неограниченного круга пользователей при наличии значительного количества просмотров является достаточным основанием для привлечения лица к уголовной ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Уголовную ответственность влекут не только публично распространяемые высказывания о необходимости совершения конкретных агрессивных действий на почве идеологической, национальной, расовой вражды и ненависти, но и высказывания общего характера о допустимости применения насилия на почве ненависти к конкретной социальной или национально группе («холокост вам раем покажется», «разбомбить «орков» (жаргонное название военнослужащих ДНР и Российской Федерации)), «выселить «вату» (синоним сторонников Русского мира).

Для уяснения понятий «ненависть» и «вражда» следует обратиться к Толковому словарю русского языка. Согласно данному изданию, под «ненавистью» необходимо понимать «чувство сильной вражды, злобы» [3, с. 408], а «вражда» определена как «отношение и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью» [3, с. 102].

Заслуживает внимания утверждение А.В. Корнилова, что необходимо «обращать внимание на грамматическую форму, в которой заключено сообщение. В русском языке призывы, как правило, выражаются глаголами повелительного наклонения — «делай», «бей», «спасайте» и т. д.» [2].

Однако правоприменительная практика свидетельствует о наличии в значительном количестве публикаций не прямых, а так называемых имплицитных или скрытых призывов с использованием сослагательного наклонения. В содержании таких призывов нет прямого и конкретного побуждения к активным действиям, в то же время они содержат

высказывания и суждения о целесообразности, возможности и желательности совершения конкретных экстремистских действий, выраженные глаголами в форме сослагательного наклонения (например, комментарий «щоб здохло ДНР, Новоросія пропала і Московія сконала»).

Актуальным является разграничение юридической квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и публичных призывов к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ). Последняя согласно ст. 1 Закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» признаётся частью экстремистской деятельности. Основным критерий квалификации преступных деяний именно по ст. 205.2 УК РФ заключается в том, что экстремистская деятельность с политической или идеологической мотивацией, оправдывающей или поощряющей осуществление для достижения конкретных целей террора в форме насилия признаётся террористической деятельностью. Согласно п. 1 ст. 3 Закона РФ от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ (в редакции от 26 мая 2021 года) «О противодействии терроризму» [4], террористическая деятельность включает в себя организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к нему; создание террористических сообществ и организаций; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; содействие террористической деятельности; пропаганду и оправдание идей терроризма.

Террористическая составляющая конкретных призывов, по нашему мнению, должна обязательно выражаться в призывах к совершению общеопасных насильственных действий (массовые убийства, поджоги, взрывы, использование оружия массового уничтожения и пр.) на почве идеологической, национальной, политической ненависти и вражды.

Проблем квалификации преступлений, совершаемых на почве экстремизма, достаточно много. Поэтому в настоящем докладе акцент был сделан на наиболее актуальных вопросах, которые требуют разрешения в целях практической реализации борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Список литературы

1. «О противодействии экстремистской деятельности»: Закон РФ от 25 июля 2002г. № 114-ФЗ/ URL: <https://base.garant.ru/12127578/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/> (дата обращения: 22.09.2023).
2. Корнилов А.В. Разграничение публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — Право. №4 (10)/ URL: <https://lib.tsu.ru/mminfo/000063105/pravo/10/image/10-092.pdf>
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. — Москва, 2008. — 944 с.
4. «О противодействии терроризму»: Закон РФ от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ (в редакции от 26 мая 2021 года)/URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 22.09.2023).

ЯЗЫК ВОЙНЫ: РАСШИРЕНИЕ КОДА И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Ионова С. В., д-р филол. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина»,
г. Москва, РФ
sionova@mail.ru

Введение. Язык войны и текстовая коммуникация, обслуживающая дискурсы военного противодействия, являются в значительной степени эмоционально опосредованными объектами изучения, что определяет актуальность лингвистического исследования данного аспекта коммуникации в актуальных контекстах нашего времени. Для выражения различного вида эмоционального содержания язык не только вырабатывает, но и пополняет, расширяет специальный код — систему эмотивных знаков и речевых приемов, которые делают возможной коммуникацию на уровне человеческих чувств. В применении к дискурсам военного времени можно говорить о том, что в них вырабатываются специфические механизмы, необходимые для выражения военной риторики, противопоставления сфер «своих» и «чужих», легитимации запрещенных речевых практик и, как следствие, осуществления эксплицитного и интенсивного эмоционального воздействия на адресата.

Цель данного исследования состоит в выявлении специфики языка войны и коммуникативных практик, определяющих выполнение задач военного противостояния сторон и оказания информационного и эмоционального воздействия на адресата. В работе анализируется массив примеров использования языка войны и ведения воздействующей коммуникации в российских и украинских изданиях 2022 — 2023 гг.

Основная часть. Война по своей диалектической природе предполагает отрицание существующих закономерностей и связей в результате накопления критической массы противоречий (см. обзор: [Демченко, 2016]). В связи с этим апелляция к нормам, законам, правилам, общественным установлениям, критериям справедливости мирного времени в ситуациях военного противостояния невозможна. Война знаменуется разрушением существующего политического равновесия, разрывом контактов и отношений, уничтожением связей, а часто и традиций. Все эти признаки социо-экологического баланса [Ионова, 2013] в подобной ситуации прекращают свое действие.

Данные закономерности отчетливо проявляются в языке прессы воинствующих противников.

Ярким признаком дискурса в СМИ военного времени является экспликация лексики тематических областей неправовых и античеловеческих действий против групп лиц, расширение

эмоционального словаря публичных дискурсов. Традиция эвфемизации и мелиорации данной тематической области в дискурсах мирного времени претерпевает изменения, проявляется тенденцию к использованию открытых способов вербализации темы убийства: *убивать, вешать, казнить, уничтожать, сжигать в камерах, резать, мочить*. По словам директор департамента информации и печати МИД РФ М.В. Захаровой, «восемь лет киевские нацисты убивали молча, теперь о планах национальной чистки говорят открыто» (Известия, 19 октября 2022). Отметим, что в российских СМИ для вербализации данной темы используются косвенные обозначения и эвфемизмы: *баран* (труп противника), *забаранить, прибаранить* (убить), *груз 200, трехсотые, груз 400, попытка обескровить войска* [Словарь сленга, 2019].

Военное противостояние предполагает, что в качестве противника выступает враг. «Свои» и «чужие», «мы / наши» и «они», получают четкое и определенное обозначение. Со стороны российских СМИ: *враг, военные, бойцы ВСУ, бойцы укрвермахта, наемники, укрнацисты, пленные, укроволяки, зе-команда, деятели бандеровского режима в Киеве, мясо* (Там же). В используемых номинациях чаще всего проявляется ирония, высмеивание глобалистских планов и реальных действий противника. Со стороны украинских СМИ используются обозначения российских военных, мирных людей, любых представителей России как опасных, ненужных, лишенных человечности существ: *нелюди, не-человек, русский биомусор, кацапы чёртовы, москальнота, лишние и бесполезные для Украины* и др. Дискурс войны со стороны участников, испытывающих страх, ужас перед противником, неизбежно требует его семантической демонизации, нейтрализации семантики человечности, дающей повод для возможного проявления сочувствия к врагу, намеренно стимулируются низменные чувства по отношению к нему.

Военная риторика предполагает открытые призывы к осуществлению неправовых и насильственных действий по отношению к противнику, его сторонникам и мирному населению, выражение угрозы: *обещать русским всё что угодно, а потом после победы всех вешать* (Аваков), *спокойно и методично убивать русских по всему миру* (Б. Филатов), *убивать «русский биомусор»* (Фарион), *убить около 1,5 млн человек, так как они «лишние и бесполезные» для Украины* (Буткевич), *хороший русский — это мертвый русский* (Омелян) и др.

Наиболее эксплуатируемые содержательные мотивы текстов связаны с универсально значимыми эмотемами: *семья, дом, дети, любовь, хаос* и др., нарушение традиционной аксиологии которых вызывает сильнейшие реакции и порождает эмоции, способствующие усилению эмоций неприятия, ненависти, презрения к противнику. См., например, публичное выступление политиков, нагнетающих эмоциональный накал собственной речи: *Для того, чтобы уничтожить нацию, необходимо уничтожать, в первую очередь, детей* (Шарафмал, *wsws*, 18.03.2018), П. Порошенко:

Дети в Донбассе должны сидеть в подвалах, а Украина выиграет эту войну, так как население Донбасса ничего не умеет (Порошенко, YouTube, 15.11. 2014). Цель украинских пропагандистов возбудить ненависть к противнику за счет интенсификации речевых действий, предназначенных для собственной аудитории, однако, порождает ответные эмоции ненависти у российского адресата, поскольку затрагивает его глубинные, личностные смыслы.

Информационное пространство последних месяцев все чаще заполняется номинациями и описанием разнонаправленных эмоций: *сомнение в своих силах; украинцы в ужасе; бороться со страхом и отчаянием; чувствуется психологическая усталость; украинский законодатель сдерживала слезы; вызывает противоречивые чувства; призыв не поддаваться панике; ощущение тревоги.* Порождение страха у противника как главная цель террористических действий по закону эмоционального воздействия иррадирует на собственную аудиторию, заражая ее эмоциями негативного спектра — страхом и отчаянием. См. Заголовки газет: *Эмоциональный призыв украинского законодателя во время нападения России: «Пожалуйста, спасите наших людей» (Брито, 25.02. 2022); Город украинского страха: враг начал сдавать позиции на флангах Артемовска (Svpressa, 29.09.2023).*

Применяемый в информационных войнах «обнаженный» эмоциональный дискурс призван довести пропагандистские идеи до автоматизма эмоционального восприятия, рефлексов, их эмоционального присвоения сообщений.

Заключение. Анализ материала показывает, что механизмы эмоционального воздействия в текстах военного времени имеют специфику по отношению к привычным тактикам ведения эмоциональной коммуникации. Их изучение и описание является актуальной областью современных исследований, востребованной в условиях ведения информационной войны.

Список литературы

1. Демченко Т.И. Диалектика и политика войны // Lex Russica, 2016. — № 5 (114). — С. 81 — 104.
2. Ионова С.В. Признаки экологичности и проблема их выделения в лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / В.И. Шаховский. — Волгоград, 2013. — С. 89 — 98.
3. Россия лингвистическая: научные направления и школы Волгограда. Коллективная монография / В. И. Шаховский, С. В. Ионова, А. А. Дьякова. — Волгоград: Волгоградское научное изд-во. — 389 с. ISBN: 978-5-906081-13-1.
4. Словарь сленга ополченцев Донбасса // Деловая газета, 08 октября 2019. URL: https://news.rambler.ru/army/42962032/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/army/42962032-sostavlen-slovar-slenga-opolchentsev-donbassa/?ysclid=ln6i0p76eg_125007699 (Дата обращения: 24.09.2023).

УКРАИНИЗМЫ В РЕЧИ РУССКОГОВОРЯЩЕГО ДОНБАССА

Коробова-Латынцева В. С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.korobova-latyntseva@donnu.ru

В современном городском просторечии Донбасса отмечаются украинизмы — слова и выражения, которые реализуют субъективную оценку поведения и поступков, внешности и состояний, прочих видов отношений принципиально важных для говорящего [1; 2].

Сохранение и актуализация украинизмов в речи донбассовцев имеет ряд причин: Донбасс находился в составе Украины достаточно длительный промежуток времени; несколько поколений выросло и сформировалось в условиях обучения в школах и вузах на украинском языке; делопроизводство, средства массовой информации, культурная жизнь и сфера развлечений были тотально украиноязычными; политизация общества усиливалась враждебной риторикой официального одноязычия (монополии на язык) и прочее.

В сознание говорящего второй (неродной) язык входил путём навязывания во время простых повседневных действий: фона в случае прослушивания новостей и лекций, наглядности — при просмотре фильмов, сериалов и т. д. Можно предположить, что языки науки и обучения как предельно абстрактные языки воплощали идею двуязычия и органично, развивая творческий подход, помогали реализоваться личности, однако подтверждающих или опровергающих данных у нас нет.

Украинизмы, даже в настоящих условиях свободы языковой реализации, еще остаются в активном запасе жителя Донбасса как культурные стереотипы, которые играют немаловажную роль в понимании идентичности донбассовца. В определенной степени это сбой: когда молодой человек с окончанным высшим образованием и знанием нескольких языков запинаясь, говоря на родном русском языке, и не может подобрать более точное определение по тому или иному поводу, кроме как на украинском языке. Это осознанное замещение на лексическом уровне интересно с точки зрения теории речепорождения и психолингвистики, лингвистической (лексической) контактологии. Жителям Донбасса долгое время приходилось иметь встроенного переводчика в операционной системе мозга: ведь многие сферы жизни требовали немедленного перевода с родного на официальный — и эту машину не так просто остановить, она продолжает творчески проявлять себя в речи.

Представим классификацию лексического материала, собранного путем опроса жителей Донбасса и анализа их речевого поведения в сети

Интернет. Для выявления тех или иных тематических групп мы руководствовались принципом коммуникативной значимости и частотности употребления слов и выражений. Это группы, посвященные ключевым моментам оформления взаимоотношения человека с окружающим миром и действительностью. Рассмотрим самые крупные из них:

1. **Эмоционально-оценочные выражения о лицах, чертах и неодобряемом поведении:** *региол.* *дуркуватый, дурный* (дурак), *ирон., игровое употребление хэрой* (псевдогерой, самоназванный, но в действительности таковым не являющийся), *взагали по загалям* (в общих чертах, поверхностный, ни о чем), *лагидный* (1. нежный, 2. слащавый), *падлюка* (падло), *региол.* *сволота, наволоч* (сволочь) и т. д.

2. **Слова, служащие оформлению межличностных отношений:** *никого это не турбует* (никого это не волнует); *ирон.* *маемо те, що маемо* (имеем что имеем, выражение Леонида Кравчука), *шалене кохання* (сумасшедшая любовь), *бачили очи, що купували/брали* (видели глаза, что покупали), *не дай божЕ (не приведи Господи)*, *кохаю* (люблю), *скубстись* (ссориться), *жалкуваты* (сожалеть), *сумуваты* (скучать) и т. д.

3. **Названия тяжелых и деструктивных состояний:** *занепад* (упадок), *безлад* (хаос, беспорядок), *схиблений* (повернутый на чем-то), *халепа* (беда), *спека* (жара), *руина* (разруха) и т. д.

4. **Политические неологизмы:** *попередники* (предшественники), *майдан, кияны, игровое употребление панду геть* (от майданного лозунга всех времен «Банду геть!»), *чубатые* (народ Украины, доверяющий провластной пропаганде, синоним «хохлы»), *шановне панство* (правлящая группировка Украины), *хабарь* (взятка) и т. д.

5. **Лексика периода вооруженного конфликта:** *перемога* — *зрада*, *региол.* *тикати*, *игровое* *щевмерлые*, *игровое* *понадусёшныи/понадусёшники*, *региол.* *зблукати/блукануть*, *спалах*, *цигарка*, *паляница*, *рагули*, *игровое* *цеевропейцы*, *селюки*, *свидомые*, *заховаться*, *региол.* *бахкает* и т. д.

6. **Составление новых слов в подражание украинизмам:** *попизже* (попозже), *пидпидтрымка* (усиленная, дважды поддержка), *ты кит чи кот?* (наблюдение из М.А. Булгакова «Белая гвардия»), искусственная замена в русских словах звука О на И и т. д.

При последующей саморефлексии или при ответе на уточняющий вопрос, почему реципиент употребил в своей речи слово из украинского языка, можно услышать самые разные объяснения: 1) значение слова полнее; 2) слово ярче передает смысл окружающего контекста; 3) слово емче, что позволяет сэкономить языковые средств для передачи нужного смысла; 4) форма слова и его интонирование передают информацию о личном отношении и оценке того, о чем идет речь; 5) интересно и смешно звучит, значит, можно наполнить особым настроением беседу.

Отмечаются также случаи, когда то или иное слово получает значение, противоположное тому, которое реализовано в языке-источнике.

Например, *цікавий* (интересный) — странный, но не настолько, чтобы уделять ему внимание, *кумедний* (смешной) — странный, но смешного в нем мало, *працювати, працюю* (работать, работаю) — уделять время бессмысленному, монотонному или малоинтересному делу, *гарний* (хороший, красивый) — сдержанный восторг или отсутствие одобрения и т. д. Иначе говоря, заимствования с контекстуальным изменением в семантике возникают, когда говорящий хочет выразить свое отношение завуалированно, не обидеть, назвав вещи своими именами, применяется способ эвфимизации.

Если региолектные украинизмы, обусловленные фактом совместного проживания народностей, во многом касались устройства быта (*буряк* «свёкла», *кутята* «щенки», *шухлядка* «шкаф», *скарб, майно* «имущество», *чорнобровці* «бархатцы», *жменя* «ладонь», *балакати* «говорить», *брехати* «говорить, сплетничать, ругаться, грубо выразиться», *вимикати* «выключать» и т. д.) и представлены не только самостоятельными частями речи, но и служебными, помогающими оформить высказывание: *хай* «пусть», *нема* «нет», *бо* «потому что», *чи* «или» и т. д. [1], то лексическая группа, о которой идет речь в статье, состоит исключительно из слов знаменательных частей речи (чаще это имя существительное и имя прилагательное) и никак не влияет на структуру высказывания в целом, играя роль особого семантического ударения и выделителя в контексте.

Современные украинизмы в речи жителей Донбасса актуальны по причине их близкой связи с недавним прошлым, его осмыслением. Интересно то, что большинство слов обладают негативной оценочностью, обращают внимание на плохие обстоятельства в форме предупреждения. Или, как в случае с военной лексикой, обыгрывают наименования врага и враждебных форм мышления и идеологий. Чаще всего это слова не из народного языка, как было ранее, а из литературного: это широко тиражируемые в СМИ или политическом дискурсе образы и понятия.

Список литературы

1. Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина и др.; под ред. В.И. Теркулова. — Донецк: Издательство ООО «НПП» Фолиант», 2018. — 267 с. — ISBN 978-5-6041177-3-6.
2. Коробова-Латынцева, В. С. Лексико-семантическое поле «Человек» в донецком региолекте / В. С. Коробова-Латынцева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2021. — № 4. — С. 105-114. — EDN TRZPRJ.

ГРАФИЧЕСКАЯ ИГРА В СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ ВРЕМЁН СВО

*Прокофьева Н. А.*¹, канд. филол. наук, доц., *Акулович И. А.*^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург, РФ

²ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
„ЛЭТИ” им. В.И. Ульянова (Ленина)», г. Санкт-Петербург, РФ
n.prokofieva@spbu.ru, iaakulovich@etu.ru

Каждое время ставит перед обществом свои вопросы, однако во многом одинаковые условия порождают тождественные или похожие ответы. В частности, условия военного конфликта вызывают к жизни необходимость продвижения ряда ценностей, на основе которых выстраивается идеологическая позиция участников.

В исторической ретроспективе военный конфликт вызывает подъём патриотических настроений, что поддерживается актуализацией соответствующих концептов: *свой-чужой* (противопоставление как квинтэссенция конфликта); *враг* (сатирическое высмеивание врага, например в карикатурах, обеспечивает преодоление страха: смешное не может быть страшным); *Родина* (сюда же будут относиться вечные ценности: *семья, мать, жизнь, религия*). В разные времена один из этих концептов оказывается доминирующим, остальные вторичными. Тогда как в условиях другого конфликта роли могут поменяться.

Сегодня, когда на повестке дня стоит специальная военная операция, естественным образом к жизни было вызвано множество концептов, которые объединяют людей и толкуют причины проведения СВО. К таким относятся концепты *свой, победа, правое дело*. Именно эти понятия обыгрываются в социальной рекламе с помощью приёмов графической игры.

Следует отметить, что с началом СВО актуализировались лозунги времён Великой Отечественной войны. С помощью таких аллюзий подчёркивается ценность исторической преемственности, а нынешняя кампания приравнивается к народной войне. С помощью включения в современную картину мира лозунгов времён ВОВ возрождается вся система коннотативных положительнооценочных семем, связанных с семантическим полем «армия», «победа». Однако прослеживаются и новые коннотации, вызванные к жизни сегодняшней повесткой дня. В частности, в лозунге *Победа будет За нами!* используется получивший с началом СВО широкое распространение символ *Z*. Он становится знаком-отсылкой к текущей ситуации. Графическая игра, связанная со знаками *Z, O, V*, получает широкое распространение с первых дней СВО: *Za Родину!*; *Za победу!*; *Za Россию!*; *Za мир без нацизма!*; *VOZмездие неизбежно* и т. д. Она становится настолько естественно востребованной, что возникает

спонтанно, вне политического контекста, просто при перечислении, например, имён участников циркового шоу (см. шоу братьев Запашных (Запашных) «Страшная сила»). Это знак поддержки политики государства, который работает на возрождение и укрепление патриотических настроений.

Подобным образом названные символы функционируют при обращении в социальной рекламе к прецедентным феноменам из области культуры и искусства, причём следует отметить, что обыгрыванию подвергаются преимущественно культовые кинокартины, положительно оцениваемые большинством («Брат»: *Сила V правде*), и события, связанные с первенством, превосходством России (например, первенство СССР в гонке космических технологий: визуальная компонента ряда реклам *Всё у нас получится*). Таким образом, формируется образ сильного государства, имеющего славную историю, которая получает продолжение сегодня, и исход ситуации (*победа, первенство*) предрешён.

Второй концепт, получивший широчайшее распространение, — концепт «свой/свои». Надо сказать, что исторически сложилось так, что именно противостояние *свой-чужой* обладает особой значимостью в русской культуре. То есть обращение к нему беспроектно в русской ментальности. Кроме того, для текущей операции это определяющий, главенствующий концепт, поскольку он и есть объяснение причин необходимости военного решения конфликта: нельзя оставить в беде своего. В соответствии с тенденциями развития современного медиадискурса, всё больше уходящего в социальные сети, главный символ СВО превратился в хештег (*#своихнебросаем*), а в социальной рекламе он переосмысливается благодаря графической игре — выделению (цветом или шрифтом) совпадения графического изображения притяжательного местоимения и аббревиатуры СВО: *Присоединяйся к СВОим*. Эта графическая игра становится центральным образом социальной рекламы (современного аналога плакатов времён ВОВ) и ответом на вопросы о неизбежности СВО и её задачах.

В целом можно говорить, что с помощью графической игры реализуется стратегия ненавязчивого возрождения патриотических настроений в опоре на исконные концепты русского менталитета.

**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛА *ПИТАТИ*
КАК ВЕРШИНЫ ДРЕВНЕРУССКОГО
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА**

Борисова Л. П., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
donnuborisova@yandex.ru

Разноаспектное изучение словообразовательных гнёзд русского языка (далее — СГ) на протяжении длительного времени остаётся приоритетным среди многочисленных проблемных направлений современной лингвистики. Однако не зависимо от объекта исследования, содержание которого формируется на основе однокорневого словообразовательного материала, характеристике вершинного слова любого «макрогнезда» необходимо уделять особое внимание. При этом не имеет значения, в каком направлении ведется исследование: вершина любого СГ во многом определяет и формально-структурные, и семантико-структурные особенности гнёзд, которые она формирует. С целью генетической квалификации вершины СГ как конкретной лексической единицы крайне необходима её этимологическая «экспертиза». Это представляется особенно важным тогда, когда структура гнезда (или нескольких гнёзд) рассматривается в историческом аспекте и когда возникает необходимость выяснения причин эволюции СГ, долговечности его существования в языке или, наоборот, причин его раннего разрушения в связи с утратой активности большинством производных.

Попытаемся продемонстрировать сказанное на примере этимологической характеристики корня и основы вершинного слова *питати* словообразовательного гнезда древнерусского периода, при составлении которого был использован разнообразный фактический материал памятников письменности XI–XIV веков. Производные этого СГ не имели широкого отражения в лексике восточнославянских языков, поскольку были отмечены определенной «жанровой» принадлежностью и активно употреблялись в памятниках церковно-книжной литературы. В своей известной работе А. С. Львов отмечал, что в тексте «Повести временных лет» с корнем *-пит-* были употреблены только три слова (*пища*, *напитати* и *воспитати*). Первое из них было связано исключительно с религиозными понятиями, а более ранние формы *напитати* и *воспитати* в более поздних редакциях были заменены глаголами *накормити* и *воскормити* [4, с. 157–158]. Корень книжного по своему происхождению

глагола *nutati* (**pit-*), по мнению многих этимологов, был генетически связан с общеславянской корневой морфемой индоевропейского происхождения **pas-*. Континуанты этого корня, зафиксированные в различных индоевропейских языках, свидетельствуют о некогда существовавших в нем нескольких значениях — ‘*пасту*’, ‘*охранять*’, ‘*кормить*’. Показательны в этом отношении факты из латинского языка: *pasko, pascere*: 1) ‘*пасту*’ (*gregem, boves*); ‘*разводить*’ (*equos*); 2) ‘*кормить, питать, содержать*’ (*aliquem*) и 3) ‘*ухаживать, холить, отрацивать*’ (*barbam, crinem*). Ср. еще: *pascuum* 1) ‘*пастбище, выгон*’; 2) ‘*корм, пища*’ [3, с. 634–635]. В приведенной выше цепочке значений последнее, очевидно, является производным от второго, а второе — от первого, основного. Такая семантическая эволюция корня, видимо, имела место не во всех индоевропейских языках, а только лишь в некоторых (например, в латинском и общеславянском, где отмеченные значения были распределены между резко разошедшимися звуковыми комплексами, утратившими былую связь). Возможность такой эволюции находит подтверждение и в других фактах. Например, болгарское *храна* ‘*пища*’ и старославянское *хранити* ‘*беречь*’, т. е. защищать от кого-либо или чего-либо.

Однако более убедительной представляется точка зрения, поддержанная А. А. Зализняком, о сближении праславянского **peitja* с иранским **pitu* (ср. авест. *pitu* ‘*пища*’; в дигонском наречии осетинского языка *fid* ‘*мясо*’). Значение осетинского *fid* этот ученый объясняет специализацией первичного общего значения ‘*еда*’ [2, с. 36]. Корень **peit*, очевидно, не имел распространения во всех зонах праславянского диалектного пространства. Он был издавна известен только тем диалектам, на базе которых позднее сложились южнославянские и западнославянские языки, представлявшие собой локально ограниченную праславяно-иранскую изоглоссу (ср. чеш. *píce*, польск. *pisa* и др.). В древнерусские тексты книжного характера слова *nutati* и *пища* проникают из церковнославянского языка и активно вступают в синонимические отношения с исконными восточнославянскими образованиями, имеющими корни -*ѣд-* (с его многочисленными модификациями) и -*кѣрм-*.

В целом ряде случаев при неверной интерпретации этимологии корня вершинного слова могут возникать ошибки в определении лексического состава словообразовательного гнезда. Так, некоторые этимологи склонны были видеть восточнославянский рефлекс корня **peit* в глаголе *пичкать*, имевшем в диалектной речи ряд производных (в словаре «Живого великорусского языка» В. И. Даля находим, например, такие слова, как *подпичкать*, *пропичкать*, *распичкать* со значениями ‘*пропихнуть, силой проглотить*’ и др.). Однако уже М. Фасмер считал такое родство недостоверным (подробнее см. [5, с. 270]). Более полную точку зрения на происхождение этого слова высказывала в свое время Т. В. Горячева, которая рассматривала *пичкать* как интенсивный глагол на -*kati*,

восходящий к **pičati* с незасвидетельствованным значением ‘толкать, совать, набивать’ [1, с.107–108]. Убедительного объяснения до сих пор не получило морфонологическое чередование звуков основы [x] // [ч]. Возможно, перед нами пример «вертикальной замены» (субституции) согласных. Глагол *пичкать* был когда-то мотивирован словом *пихать*, а не *питать*, со значением ‘толкать, засовывать’. Примеры подобной структуры находим в глаголах, образованных от междометий и звукоподражательных слов (*хихикать, баюкать, каркать, хрюкать* и под.). По нашему мнению, был возможен такой переход: **пих-ка(ть) > *пиш-ка(ть) > *пич-ка(ть)*. Приведенные выше аргументы позволяют нам не включать в состав СГ древнейшего периода с вершиной *питати* производные от *пичкать*, поскольку на генетическом уровне эти слова не были связаны.

Многочисленные производные с корнем *-пит-* входили в состав СГ с вершиной *питати* как лексические единицы церковнославянского языка восточнославянской редакции XI–XIII вв., являясь при этом достоянием лексического фонда старославянского языка. У вершины *питати* был словообразовательный вариант — *питѣти*. Эта коррелятивная пара, по мнению А. С. Львова, сложилась еще в старославянском языке. Более ранней была форма *питѣти*, которая употреблялась, когда речь шла о птицах и детях. Эта форма глагола передавала не действие, а состояние. Замена суффиксального *-ѣ-* на *-а-* в основе инфинитива привела к появлению более поздней формы *питати*, обозначавшей одновременно и действие, и состояние. В связи с этим необходимость в одновременном употреблении двух глаголов отпала. Словообразовательный потенциал производных с основой *питѣ-* в этом гнезде с самого начала был ослаблен.

Первоначально СГ с вершинами *питати / питѣти* включало в свой состав неоднородный материал, но эта структура на протяжении почти семи веков сохраняла свое единство. Все словарные единицы с корнем *-пит-* отличались постоянством употребления, поскольку были связаны между собой сильными или слабыми парадигматическими отношениями. Дериваты этого гнезда были хорошо известны и понятны всем, кто владел культурой словоупотребления в литературно-книжном русском языке вплоть до XVIII века.

Список литературы

1. Горячева, Т. В. Этимологические заметки *Этимология* / Т. В. Горячева. — Москва: Наука, 1980. — С.107–112.
2. Зализняк, А. А. Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода / А. А. Зализняк // *Вопросы славянского языкознания*. — Вып.6. — Москва: Изд-во АН СССР, 1962. — С.28–45.
3. Латинско-русский словарь / Сост. Дворецкий И. Х., Корольков Д. Н. — Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. — 950 с.

4. Львов, А. С. Лексика «Повести временных лет» / А. С. Львов. — Москва: Наука, 1975. — 367 с.
5. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. — Т. 3. — Москва: Прогресс, 1987. — 831 с.

УДК 81'0 + 811.1/8

МЕСТО ПРАМИРОВОГО ЯЗЫКА СРЕДИ ОСНОВНЫХ ПАРАДИГМ ГЛОТТОГОНИИ

Горюнова Т. Н.

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
tatiana.nikolayevna@list.ru

Введение. На протяжении всего периода существования наук о языке вопрос о его происхождении оставался актуальным, и сегодня он не утратил этой актуальности. Это связано, в первую очередь, с тем, что именно язык является тем фундаментальным звеном, связывающим культуру, историю, пронося многовековые знания и опыт через поколения.

Цель данного исследования — актуализировать знания в области различных междисциплинарных глоттогонических гипотез, в особенности в сфере происхождения и развития прамирового языка, а также уточнить его роль для культуры современного общества.

Основная часть. Прежде чем говорить о роли прамирового языка в любых глоттохронологических исследованиях, следует определиться, что же такое глоттогония, глоттохронология, прамировой язык, и почему все эти определения и теории имеют сегодня такое существенное значение для современной науки. Итак, прежде всего, глоттогония — один из разделов лингвистики изучающий эволюцию человеческого языка. Как и все проблемы генезиса, глоттогоническая проблема ставится ещё в глубокой древности, получая разрешение в многочисленных мифах о происхождении речи. Языку, по мнению большинства учёных, свойственно эволюционное развитие: в противном случае в результате каждого революционного скачка прежний язык изменялся бы коренным образом и исчезало бы взаимопонимание между людьми, между старшим и младшим поколениями. Впрочем, в отечественном языкознании высказывалась и противоположная точка зрения: например, Н. Я. Марр и его последователи считали, что языку, как и другим общественным явлениям, свойственны не только эволюционные, но и революционные изменения [2, с. 298–302].

Глоттохронология, в свою очередь происходит от слов *glotta* «язык», *chronos* «время» и *logos* «слово, учение» и являет собой область

сравнительно-исторического языкознания, занимающаяся выявлением скорости языковых изменений и определением на этом основании времени разделения родственных языков и степени близости между ними [1, с. 109].

Важнейшей линией разделения между группами концепций (как научными парадигмами) является отношение к принципиальному качественному различию между человеческими языками и коммуникативными системами животных. На сегодняшний день существуют следующие глоттогонические парадигмы:

1) Сальтационизм — парадигма «большого скачка». Приверженцы сальтационистских концепций (с разовым «большим скачком») делают упор на непреодолимость так называемого «Рубикона», того самого качественного различия между человеческими языками и коммуникативными системами животных, в ходе эволюционного развития как постепенного адаптивного изменения. Здесь предполагаются либо единичная мутация, либо быстрые радикальные сдвиги в когнитивной сфере, такие как изобретение символизации, логических отношений, рекурсии.

2) Континуализм — парадигма непрерывного развития. Противоположный полюс занимают весьма популярные, особенно среди биологов и этологов континуалистские концепции, отвергающие само существования языкового Рубикона. Согласно этому взгляду, восходящему к идеям Ч. Дарвина, многочисленные особенности звуковой и жестовой коммуникации, уже присутствующие у животных, постепенно развивались, комбинировались у предков человека. В результате множества мутаций, развития орудийной деятельности, мозга, гортани, дыхательных мышц и других необходимых компонентов, а также благодаря естественному отбору элементы «языка животных» превратились в членораздельную речь человека.

3) Многоступенчатая экосоциальная парадигма. В последние годы набирает силу противостоящая им третья позиция, согласно которой существует несколько этапов подготовки к речи, прорыва к речи и возрастания сложности языка. Здесь языковой Рубикон признается реальным, значительным, но наши предки преодолели его эволюционно, пройдя множество этапов.

Основным недостатком всех теорий XVIII века является чрезмерное упрощение глоттогонической проблемы. Выводя происхождение языка из общественного договора, сторонники социальной теории языка совершенно не ставят вопроса о возможности «договора» до существования речи. Если основываться на том, что число человеческой популяции возрастало с момента появления первого человека, с чем на данном этапе развития науки не спорит ни одна теория, то логично предположить, что для малого количества людей, населяемых планету изначально, какими бы они ни были, достаточно было иметь один

полноценный язык для коммуницирования друг с другом. Более того, наличие большого количества языков или разобщённость в едином языке (сводимая к примитивному существованию отдельных звуков, выкриков и междометий) не смогло бы способствовать дальнейшему формированию, организации и развитию человеческого общества, возникновению цивилизации и появлению культуры. Отсутствие такого целостного языкового предка стало бы предпосылкой для полной разобщённости современного общества, если бы оно каким-то образом вообще смогло бы сформироваться. Человек — существо социальное, и, если бы у первых людей не было бы средства общения друг с другом, не существовало бы никакой возможности научиться договариваться, предпринять первые попытки коллективного труда и разделения его продуктов. И уж точно не было бы никакого развития и различного рода прогресса, потому как большинство научных и культурно-исторических исследований базируются на ретранслируемом опыте предков, за основу берутся уже неопровержимые истины, доказанные гипотезы. Если бы не существовало единого средства общения, точного способа передать различного рода полученный опыт будущим поколениям, мы бы никогда не знали о уже совершённых открытиях, никогда не смогли синтезировать существующие гипотезы для дальнейших исследований. Наука, как и всё известное современному обществу, никогда бы не начало своего существования, или в лучшем случае на освоение самых примитивных знаний ушло бы огромное количество времени.

Исследуя проблему происхождения естественного человеческого языка сквозь призму существующих парадигм, невозможно не заметить, что в их подходах не хватало рациональной целостности и синхронности. Полученные знания и опыт никак не помогают ответить на существующие вопросы, но напротив порождают всё больше новых, а истина теряется, поскольку, отдаляясь от первоначальной теории Божественного откровения, человек стал достаточно противоречив в разнообразии появляющихся теорий, однако именно наличие единого гипотетического языкового предка есть то звено, которое связывает прошлое с настоящим, помогая прогнозировать будущее человеческого языка. Единый протоязык, существовавший в колыбели человечества, разделился под воздействием его субъективного влияния, а именно — разницы в интерпретации. Этот процесс хорошо описан в Библии. История о создании Вавилонской башни есть ни что иное, как подробное изложение процесса смешения человеческого языка и его последующего разделения. Когда в процессе разности в интерпретации и определении концептов люди стали по-разному изъясняться, они не смогли однозначно вербализовать речь друг друга, и как следствие — перестали друг друга понимать.

Язык приобретает всё большую значимость в качестве руководящего начала в научном изучении культуры. В некотором смысле система

культурных стереотипов всякой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию. Наивно думать, что можно понять основные принципы некоторой культуры на основе чистого наблюдения без того ориентира, каковым является языковой символизм, только и делающий эти принципы значимыми для общества и понятными ему.

Заключение. Сегодня как никогда приобретает актуальность проблема сохранения культуры. Остро стоит вопрос о глубоких исследованиях в областях культурологии, филологии, истории и литературы. Большая часть человеческой жизни и деятельности протекает в алгоритме, построенном на основании собственного эмпирического опыта. Знания и человеческий опыт всегда передавался из поколения в поколение потомкам для сохранения и совершенствования. Именно благодаря этой непрерывной цепочки современное знание существует и развивается.

Рассматривая проблему глоттогенеза сквозь призму христианского учения, мы открываем новые границы глоттохронологических исследований и находим новые пути поиска ответов на давние филологические вопросы, что ранее не представлялось возможным.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь языкознания / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 109.
2. Общее языкознание [Текст] / Отв. ред. чл.-кор. АН СССР Б. А. Серебренников. — М., 1970. — 602 с.

УДК 81'374:81'373.47:808.1

ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ *КОРОНАВИРУС* В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ

Емельяненко А. В., канд. филол. наук, *Климова Т. В.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
g.emelianenko@donnu.ru, nata.clim2012@yandex.ru

Введение. В начале 2020 года мир столкнулся с новой проблемой — пандемией коронавируса. Безусловно, любое событие в жизни отражается в языке. За короткое время концепт *коронавирус* стал одной из доминант сознания человечества. Известно, что восприятие каждого человека отличается в зависимости от социального статуса, экономических, общественно-политических, культурных и идеологических факторов, что отражается в процессе коммуникации, которая на сегодняшний день тесно

связана с визуализацией, ведь современное поколение с новым ритмом жизни быстрее реагирует на яркие, выразительные образы, слияние вербальных и невербальных компонентов, то есть на креолизованные тексты. Несмотря на значительное количество работ, посвященных креолизации, в современном мире **актуальным** является изучение экспрессивного потенциала лексемы *коронавирус* в составе негомогенных текстов: недостаточно определено влияние исследуемой лексемы на декодирование и интерпретацию остальных компонентов текста.

Целью данной работы является выявление влияния лексемы *коронавирус* на восприятие креолизованных текстов.

Основная часть. Сам термин *коронавирус* используется в медицинском дискурсе давно: он закрепился в словаре, стал стилистически нейтрален. Развилась семантическая деривация, появились морфологические производные и вторичные речевые употребления (фразеологические обороты, паремии и так далее). Термин вошел в язык и оброс системными связями.

Особенностью информационно-коммуникативной среды современного общества стало использование элементов альтернативных семиотических систем. Распространение в лингвистике получил термин, введенный Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым, — «креолизованный текст».

Креолизованный текст — это текст, который состоит из знаков различных систем: языковых (вербальных знаков) и невербальных, то есть знаков, принадлежащих к другим семиотическим системам, «к другим знаковым системам, нежели естественный язык» [1, с. 56]. Различные виды креолизованных текстов образуют открытую сложную систему знаков; мемы, демотиваторы, эдвайсы и комиксы выступают в качестве ее базовых элементов.

Не удивительно, что лексема *коронавирус* стала частью достаточно большого количества креолизованных текстов.

В ходе работы методом простой случайной выборки в Интернет-пространстве были отобраны 321 креолизованный текст с лексемой *коронавирус*. Все они являются текстами с полной креолизацией, то есть в текстах присутствуют оба компонента (вербальный и визуальный). Эти компоненты образуют сложные смыслы. Вербальный компонент представлен печатным вариантом, без гиперкода.

Следует отметить, что креолизованный текст является не простым сочетанием своих составляющих, а довольно сложным феноменом, характеризующимся специфическими суггестивными особенностями. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический компоненты такого текста неразрывно связаны друг с другом и обеспечивают не только целостность и связность произведения, но и его коммуникативный эффект. Тексты вербализуют изображения, а изображения иллюстрируют тексты.

Вербальный компонент креолизованного текста зависит от изобразительного ряда, а само изображение выступает в качестве обязательного элемента текста.

Верификация экспрессивного потенциала лексемы *коронавирус* в креолизованных текстах была проведена с помощью экспериментальных методик. Экспериментальная гипотеза состояла в том, что экспрессивность лексемы *коронавирус* влияет на восприятие креолизованных текстов.

В результате когнитивного теста и свободного ассоциативного эксперимента, проведенных с учащимися 10–11 классов МБОУ «Средняя школа № 57 города Макеевки» и студентами филологического факультета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет» (всего 83 человека), было выявлено ассоциативно-вербальное поле лексемы *коронавирус*, общее ассоциативное ядро которого сводится к медицинским понятиям.

Изучение степени экспрессивной выразительности звуковой оболочки лексемы *коронавирус* с использованием электронной программы ВААЛ, разработанной на основе экспериментальных исследований Александра Павловича Журавлёва, показало, что лексема производит в основном отрицательные впечатления: *страшный, холодный, угловатый, грубый, злой*.

С целью выявления влияния лексемы *коронавирус* на эмоционально-оценочные коннотации креолизованных текстов информантам были по очереди представлены креолизованные тексты без изучаемой лексемы и с ней, была замечена следующая тенденция: появление в составе креолизованного текста лексемы *коронавирус* несколько меняет его восприятие, количество людей, испытывающих положительные эмоции, значительно снижается (диаграмма 1).

Диаграмма 1. Восприятие креолизованного текста

Диаграмма 1. Влияние лексемы *коронавирус* на эмоционально-оценочные коннотации креолизованных текстов

Заключение. Таким образом, коммуникация в обществе подвергается изменениям, меняется структура построения и подачи текста. Структура его становится более стандартизированной и конкретно направленной, учитывается таргетирование групп по интересам. При донесении информации в Интернете используются тексты, сочетающие вербальные и визуальные элементы — креолизованные тексты, в которых лексема *коронавирус* тоже нашла свое отражение. Экспериментальным путем было выявлено, что появление в составе креолизованного текста лексемы *коронавирус* несколько меняет его восприятие, количество людей, испытывающих положительные эмоции, значительно снижается. Перспективной задачей для дальнейших исследований является разработка экспериментальных методик анализа экспрессивного потенциала лексемы, применение их на большем языковом материале, а также установление зависимости ассоциативных реакций и восприятия респондентами креолизованных текстов от экстралингвистических факторов, таких как возраст и пол.

Список литературы

1. Емельяненко, А. В. Лингвистика креолизованного текста : Учебно-методическое пособие для студентов направления подготовки 45.04.01 Филология (Магистерская программа «Русский язык : теоретические и практические аспекты») / А. В. Емельяненко. — Донецк : ДонНУ, 2019. — 80 с.
2. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин // Оптимизация речевого воздействия. — Москва : НиолаПресс, 1990. — 186 с.

УДК 81'373

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР НАЗВАНИЙ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ

Жанжигитов С. Ж.

НАО «Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева»,
г. Астана, Республика Казахстан
syrym.g_96@mail.ru

Введение. Названия нормативных актов обозначаются терминами *тема* или *заголовок*, а также используется слово *заглавие* — заглавия нормативных актов, заголовки нормативных актов, подзаголовки нормативных актов. Мы продолжим использовать эту цепочку как ряд синонимов. В целом, мы считаем более рациональным использовать варианты «*заглавие*» и «*заголовок*», поскольку заголовки нормативных актов представляют собой небольшое заглавие (по сравнению с казахским

языком тема — тақырып, заголовок — тақырыпша, заглавие — атау, мәтіннің басы). Заголовки — это название статьи, письма, поста, блога, презентации. Тема часто используется в отношении масштабного текста, мероприятия — *тема диссертационной работы, тема грантового проекта, тема конференции, тема выставки* и т. д.; названия текстов на газетных и журнальных страницах, сайтах, в социальных сетях задаются *заголовком*; касательно же разделов, глав книг, или жанров определенного типа, относящиеся к темам объединяющих книг используются слова *заглавие, название*.

Итак, в зависимости от видов законодательных текстов и нормативных актов (цель, содержание, сфера применения, структура, система) мы различаем использование *темы* и *заголовка*. Мы пояснили, что термин «тема» не может использоваться как полностью синонимичный вариант термина «заголовок». В целом, изучая характеристики темы и заголовка, мы рассматриваем их как неотъемлемую часть текста.

Основная часть. В целом, тема и заголовок не являются неисследованной областью языкознания, их изучение началось еще в 1920-х годах прошлого века. В качестве одной из первых работ по теме и подтеме в русском языкознании можно упомянуть работу С.Д. Кржижановского «Поэтика заглавий», написанную в 1931 году [1]. В данной работе производится комплексный анализ художественной и организаторской функций темы, детализируются и обсуждаются ее особенности. Эта работа С. Д. Кржижановского ценна еще и тем, что является одним из первых фундаментальных исследований по теме и заголовку. С этого времени происходит раскрытие функции темы в тексте в русском языкознании. Эти исследования впоследствии стали причиной написания многих диссертационных работ, монографий в данной области (например, научных исследований В. П. Вомперского, Н.А. Кожинной, С. В. Ляпуна, Р. Т. Кожобековой, Г. К. Ихсангалиевой и др.).

Несмотря на то, что в казахстанском языкознании вопрос темы широко не изучен, ученые не оставили его без внимания. Например, диссертации Бахарева Н. Е. «Структурно-функциональное развитие заголовков» [2], Ихсангалиевой Г. К. «Функционально-прагматический анализ заголовков (на материале казахстанских газет и телепрограмм)» [3] и Кожобековой Р. Т. «Особенности фразеологизации тем на страницах прессы» [4] посвящены проблеме темы и заголовка, в том числе изучению проблемы в контексте языка средств массовой информации.

Относительно рассматриваемого вопроса уточним, что выделяют четыре различные функции темы и заголовка:

Во-первых, тема и заголовок имеют коммуникативную функцию, исходя из этого они о чем-то сообщают.

Во-вторых, тема имеет апеллятивную функцию, поскольку непосредственно связана с читателем, поэтому тема не только сообщает

читателю об определенной вещи, но и воздействует на него на определенном уровне, является основой проявления интереса (или наоборот), формирования первой мысли. Данную функцию темы и заголовка можно объяснить следующим образом, например, заголовки в юридических текстах информируют о правах в принятом законодательном акте государства. Любой, кто прочитает его, поймет, что он должен делать, свои обязанности или обязанности кого-либо еще в соответствии с этим законом. Например, в качестве доказательства рассмотрим использование заголовков (их информационный характер) в законе «О гражданстве Республики Казахстан»: «Гражданин и государство» (заголовок статьи 1); «Законодательство Республики Казахстан О гражданстве» (заголовок статьи 2); «Быть гражданином Республики Казахстан» (заголовок статьи 3); «Документ о гражданстве» (заголовок статьи 4); «Правовое положение граждан Республики Казахстан» (заголовок статьи и др.

В-третьих, тема и заголовок в тексте соответствуют точке зрения и позиции определенного человека и отражают своеобразие автора этого текста.

Наряду с проблемой темы и заголовка, М. Я. Блох внес значительный вклад в эту область — теорию текстовых единиц. Полагаем, что уместно упомянуть М. Я. Блоха, который предложил выделить в теории лингвистики текста новую единицу текста, наряду с упомянутыми выше текстовыми единицами — тема, заголовок, заглавие. Кроме того, при анализе составных единиц законодательных текстов ценным было признано научное высказывание ученого, объясняющее единицу, получившую название «диктема». По сути, это вывод представлял собой идею, сформировавшуюся в середине 20 века относительно коммуникативных единиц языка. Ученый описал диктему (лат. dico, dixi, dictum — говорю, выражаю) как следующую коммуникативную структуру [5]:

– диктема, представляемая сочетанием нескольких предложений или одним предложением, состоящим в *позиции, имеющей особое информационное значение* в зависимости от контекстной ситуации и целей и намерений говорящего и писателя;

– в тексте письменного монолога (поэтапно распространяющего информацию) *диктема* изображается абзацем, в диалогической речи диктема произносится репликой;

– как представительная интегративная единица языка, *диктема* выделяет четыре своих основных функционально-знаковых аспекта: *номинацию* (заглавие), *предикация* (описательное выражение информации), *тематику* (описательное изложение темы) и *стилизацию* (в зависимости от цели текста).

Суть высказывания диктемы ценна в отношении тем и заголовков законодательных текстов, рассматриваемых в данной статье. Мы построили «поиск» диктем в законодательных нормативных текстах, в

результате чего принципы теории, предложенные М. Я. Блохом, также были доказаны в этих текстах. Например, в Законе «Об образовании» в начальной части нормативного акта мы определили следующий параграф, который представлен самостоятельно перед основным разделом «Общие положения», без каких-либо заголовков, номеров:

«Настоящий Закон регулирует общественные отношения в сфере образования, определяет основные принципы государственной политики в этой сфере и направлен на обеспечение конституционного права на образование граждан Республики Казахстан, а также иностранцев и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Республики Казахстан» (ЗО РК).

Заключение. Таким образом, виды законодательных нормативных актов зависят от отраслей права и внутренне делятся на множество типов — закон, кодекс, правило, указ, приказ, постановление, постановление и т. д.; они различаются по объему, структуре, содержанию, назначению и функциям, поэтому языковая природа законодательных текстов также является самостоятельным явлением. Мы считаем, что лингвистике законодательных текстов следует уделить особое научное внимание, поскольку определены ее лингвистические, коммуникативные, информационные, структурные, системные, отраслевые характеристики.

Список литературы

1. Кржижановский, С. Д. Поэтика заглавия / С. Д. Кржижановский. — Москва: Никитинские субботники, 1931. — 32 с.
2. Бахарев, Н. Е. Структурно-функциональное развитие заголовков (на мат-ле заголовков из газет и журналов за 1903-1907, 1935-1939, 1965-1970 годы): Дис. канд. филол. наук / Н. Е. Бахарев. — Алма-Ата, 1971. — 222 с.
3. Ихсангалиева, Г. К. Функционально-прагматический анализ заголовков (на материале казахстанских газет и телепрограмм) : автореф. дис. на соиск. ... канд. филол. наук / Г. К. Ихсангалиева. — Алматы, 2000. — 26 с.
4. Қожабекова, Р. Т. Баспасөз бетіндегі тақырыптардың фразеологиялану ерекшеліктері: Филол. ғыл. канд. дис. / Р. Т. Қожабекова — Алматы, 2002. —140 б.
5. Блох, М. Я. Диктема в уровневой структуре языка / М. Я. Блох // Вопросы языкознания. — 2000. — №4. — С. 56–67.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИКИ СЛУХОВОГО ВОСПРИЯТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. АХМАТОВОЙ

Касьяненко Н. Е., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
kasyanenko_natusya@mail.ru

Введение. В настоящее время в лингвистической науке велик удельный вес исследований, проводимых в рамках антропоцентрической научной парадигмы, которую лингвисты называют еще когнитивной (см., например, [1; 2; 4]) и др. Речь, в частности, идет о концептах, реализации которых составляют в языке лексико-семантическое поле сенсорной лексики, номинирующей звуковые, зрительные, тактильные, слуховые восприятия человека. Среди таковых значимое место отводится единицам слухового восприятия, поскольку слух — одно из чувств человека, участвующих в восприятии окружающей действительности и структурирующей ее. Непреходящий интерес лингвистов к подобным единицам свидетельствует об *актуальности* избранной темы.

Лексика слухового восприятия играет большую роль не только в быденном языке, но и в языке художественной речи. Она не только содержит знания о мире, но и участвует в создании художественного образа. Такие единицы, смыкающиеся со словами, которые передают звуковые проявления, активно присутствуют и в творчестве А. Ахматовой — одним из ведущих авторов Серебряного века.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении специфики употребления А. Ахматовой лексики слухового восприятия в когнитивном аспекте.

Лексика слухового восприятия соотносится с языковыми средствами воплощения: совокупностью форм глаголов *слушать/слышать*, глаголов с семей 'звучать', наличием существительного *ухо* и т. п.

Основная часть. Преобладающая часть лексики слухового восприятия у поэтессы — это существительные и глаголы: имена *гам, голос, гул, звон, звук, крик, клик, пение, рыдание, свист, скрип, смех, стон, стук, шепот, шорох, шум* и др.; глаголы — *бормотать, выть, греметь, гроыхать, грохотать, грянуть, жужжать, звенеть* и многие другие.

Родовым обозначением лексических единиц, обозначающих звуковые проявления, воспринимаемые слухом, выступают чаще всего лексемы *звук* или *голос*, объективирующие содержание соответствующего концепта: «*И звуки, как тайные знаки, пред нами кружились во мраке*» [3, с. 239]; «*И я всюду слышу звуки / Песенки степной*» [3, с. 88]; «*Тут мой голос смолкает вещей*» [3, с. 228]; «*И не был мил мне голос человека*» [3, с. 183].

Физические характеристики звука носителями русского языка определяются с учетом нескольких параметров: степени выраженности, или силы, высоты, тембра (окраски), тона. В составе лексико-семантического поля, кроме родовых наименований звуков (они занимают ядерное положение); здесь присутствуют и номинации, делающие акцент на различных особенностях звука: неясности (*гул*), силе проявления (*грохот, лепет*), характерных моментах (*свист, плеск, скрип*). Например, сила звука у А. Ахматовой воплощена в лексемах *грай* и *воплъ*. Словарное определение первой — ‘**громкий** беспорядочный крик, карканье’ сопровождается пометой нар.-поэт. А лексема *воплъ* дефинируется как ‘очень громкий крик’ — ср.: «*Злая память никак не истратит: <...>Грай вороний и вопль паровоза*» [3, с. 239].

Лексикой слухового восприятия всегда отражает определенную когнитивную ситуацию, которая в непозитической речи носит универсальный характер и включает определенные составляющие: *субъект, воспринимающий звук, — источник звука (и / или вместилище звука) — характер звука — путь распространения — назначение или причина*. Однако в поэзии А. Ахматовой этот когнитивный механизм выступает в редуцированном виде, поскольку выделить все его составляющие практически невозможно. Это можно объяснить особенностями лирики: повышенным удельным весом слов и их семантической осложненностью, меньшей детализацией и «развернутостью», большей энергичностью. Субъектом восприятия у поэтессы часто выступает лирическая героиня: «*Неоправимые слова / Я слушала в тот вечер звездный*» [3, с. 224], а иногда она предстает и как источник звука: «*И песней я не скличу вас*» [3, с. 130].

Звук, голос принято рассматривать как функцию организма или атрибут реальности. Если в нехудожественной речи звуки характерны для реалий, которые способны их издавать, то в поэзии звуковые проявления свойственны объектами, лишенным такой способности: «*Гулом полны алтари и склепы*» [3, с. 164]; «*К уху жарко приникает черный шепоток беды*» [3, с. 177].

В поэзии А. Ахматовой выделяются несколько тематических групп лексики слухового восприятия, которые дают представление об источнике звука:

- лексика, передающая звуки человека (*плакальщицы, художника, поэта* и т. п.);
- объектов фауны (*мышей, собак, соловья, ворон, воронов, филина, орлицы и пр.*): «*На кривой сосне / Соловей не молк*» [3, с. 165];
- реалий растительного мира (*деревьев, ковыля, тополей, ивы, крапивы* и т. д.): «*Шумят деревья весело-сухие*» [3, с. 110];
- природных проявлений и стихий (*ветра, обвала, пожара*): «*Грузный ветер окаянно воет*» [3, с. 137];

- водных объектов, в том числе рукотворных (*арыка, прилива, реки, ручейка*): «**Арык** на местном языке, / *Сегодня пущенный, лепечет*» [3, с. 206];
- абстрактных понятий (*славы, победы, поэзии, беды, тоски, клятвы, и пр.*): «*Там шепчутся белые ночи мои / О чьей-то высокой и тайной любви*» [3, с. 235];
- музыкальных инструментов (*барабанов, скрипки, бубенчиков, окарины, трубы, шарманки, флейты*): «*И слышнее песня окарины*» [3, с. 80];
- мифологических мистических существ (*духа, ангела, домовых, сирен*): «**Ангел** полуночи / *До зари беседует со мной*» [3, с. 176];
- культовых предметов (*колокола, алтаря, склепа*): «*Он [сон. — Н. К.] был во всем... / И в деревенском колокольном звоне*» [3, с. 223];
- иных реалий (*фонарей, юбок, пера и пр.*): «*Слегка хрустел апрельский тонкий лед*» [3, с.133].

Заключение. На основании изложенного можно сделать некоторые предварительные выводы:

- звуки окружающего мира воспринимаются через слуховые ощущения и закрепляются в языке в соответствующей лексике; чаще всего их синтагматика определяется связью с глаголами *слушать / слышать*, лексемами с семантическим примитивом ‘звучать, производить звук’, существительным *ухо*;
- лексика слухового восприятия является существенной составляющей идиостиля поэтессы и воплощается в номинациях, составляющих лексико-семантическое поле концептов *звук, голос*. Они отражают основные параметры звука и определенную когнитивную ситуацию, которая в лирике А. Ахматовой представлена в усеченном виде. Данная когнитивная ситуация ориентирована на передачу устойчивых составляющих: *субъект, воспринимающий звук, — источник звука (и / или вместилище звука) — характер звука — путь распространения — назначение или причина*;
- лексика слухового восприятия у поэтессы в зависимости от источника звучания отличается тематическим разнообразием. При этом среди этого разнообразия преобладают номинации людей, птиц и музыкальных инструментов; слова такого рода акцентируют важнейшие темы творчества поэтессы (*смерть, разлуку, любовь, разочарованность в жизни и др.*);
- употребление лексики слухового восприятия у А. Ахматовой соотносится с эстетикой акмеизма, которая предполагает наличие конкретно-чувственной детали, смысловую емкость слова, психологизм как отражение явлений окружающего мира.

Список литературы

1. Аксёнова, А. А. Проблема репрезентации звука в художественном мире произведений О. Мандельштама / А. А. Аксёнова // Известия ВГПУ. Сер. Филологические науки. — 2020. — № 7. — С. 169–173.
2. Атаманова, Н. В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф.И.Тютчева / Н. В. Атаманова. —Брянск: Брян ООО «Ладомир», 2012. — 215 с.
3. Ахматова, А. А. Сочинения: в 2-х томах. Т. 1. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья М. Дудина // А. А. Ахматова. — М.: Худ. литература, 1987. — 511 с.
4. Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. —2016. — № 4. — С.10–20.
5. Крейдлин, Г. Е. Голос, голосовые признаки и оценка речи / К. Е. Крейдлин // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — С. 141–153. ISBN 5-02-011227-5
6. Ларин, Б. А. О лирике как разновидности художественной речи / Б. А. Ларин // Эстетика слова и язык писателя. — Л.: Худ. литература, 1974. — С. 54–101.

УДК 615.849

ТЕХНОЛОГИЯ КООПЕРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ И ЕЁ РОЛЬ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Могила Н. Н., Головки А. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.mogila@donnu.ru

Введение. Модернизация образования в ДНР требует не только активного насыщения учебных заведений новыми педагогическими технологиями, но и кардинального изменения образовательных приоритетов, подходов к построению индивидуальных образовательных траекторий и парадигмы в целом. К таковым, несомненно, относится технология кооперативного обучения, модели которой являются альтернативой моделям, основанным на конкуренции.

Целью данного исследования является изучение условий внедрения в преподавание русского языка формата кооперативного обучения как одного из основных показателей повышения речевой активности и коммуникативной компетенции обучающихся, эффективного взаимодействия с другими людьми в ситуациях формального и неформального межличностного и межкультурного общения, овладения русским языком как средством получения различных видов информации.

Основная часть. Методика кооперативного обучения — это вариант обучения в сотрудничестве, связанный с большим разнообразием обучающих структур. Л. Г. Рубцова в своей работе «Организация

групповой работы учащихся», убеждает нас в том, что форма работы основана на технологии сотрудничества, работе в малых группах, парном обучении, проектной деятельности [3].

Термин «кооперативное обучение» первоначально возник как официальная педагогика под руководством американских ученых Карла Смита, Дэвида Джонсона и Роджера Джонсона.

Кооперативное обучение — это совместная работа учеников над общей задачей, обмен информацией и поддержка друг друга. По мнению Карла Смита, кооперативное обучение — это использование малых групп для целей обучения, в которых обучающиеся работают вместе таким образом, чтобы максимально повысить не только свою успеваемость, но и успеваемость других.

В настоящее время на процесс обучения оказывают влияние идеи, сформулированные в трудах теоретиков общей и педагогической психологии 50-60-х годов XX века (Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина), прогрессивных учителей-практиков (А. С. Макаренко, А. В. Сухомлинского и др.), что нашло отражение в утверждении сотрудничества, как одного из оснований принятия решений в педагогическом коллективе.

И. А. Зимняя отмечает: «Сотрудничество — это гуманистическая идея совместной развивающей деятельности детей и взрослых, скрепленных взаимопониманием, проникновением в духовный мир друг друга, коллективным анализом хода и результатов этой деятельности... В основе стратегии сотрудничества лежат идеи стимулирования и направления педагогом познавательных интересов учащихся» [2].

Истоки становления кооперативного обучения заложены в трудах Я.А. Коменского, который отмечает, что тайна великой учёности — это многое спрашивать, усваивать и учить других. Важной выступает идея о том, что обучать — это значит, все усвоенное в свою очередь пересказывать товарищам или всякому, желающему слушать.

Необходимо отметить богатый опыт использования кооперативного обучения в школах, колледжах и институтах в США, которые нашли отражение в ряде исследований американских учёных (Давид и Роджер Джонсон, Шломо и Яэл Шаран, Роберт Славин, Элизабет Кохен, Патрисия и Ричард Жмак).

Возникновение и развитие кооперативного образования вытекает из самой сущности кооперативных отношений, где привычка к совместной работе и чувство солидарности воспитывались с момента его зарождения. Основные принципы, на которых были основаны российские кооперативы, изначально были направлены на воспитание высших человеческих качеств, просвещение трудящихся, помощь и содействие нуждающимся.

Следует акцентировать внимание на то, что особое значение имеет изучение системы кооперативного образования на разных этапах развития,

ее места и роли в развитии регионального образования, влияния на формирование образовательной базы.

В рамках исследования интересно отметить взгляды психологов, выделяющих системообразующие основания кооперативного обучения. К. Ковка и М. Дойч опираются на теорию социальной *взаимозависимости*, где сотрудничество показано как результат позитивной взаимосвязи индивидуальных целей; сущность групповой работы и взаимоотношения ее членов (группа представляет собой «динамическое целое»), где изменения в статусе отдельных членов или подгрупп изменяют статус других членов или подгрупп.

Л. Выготский, Ж. Пиаже и Д. Дьюи основывают свою теорию обучения на развитии познания, где взаимодействие рассматривается как необходимый компонент когнитивного роста.

Заслуживает внимание работа Р. Нисбет, в которой автор среди основных типов кооперации выделял:

1) *автоматическую кооперацию*, существующую на инстинктивно-биологическом уровне, связанную с организацией стай и борьбой за выживание, безопасностью потомства, половым поведением и т. д.;

2) *традиционную кооперацию*, опирающуюся на традиции поколений и исторически сложившиеся социальные нормы;

3) *спонтанную кооперацию*, основанную на знакомстве, сочувствии и привязанности, определяемое ситуативными условиями;

4) *директивную кооперацию*, характерную для военных организаций, некоторых видов предпринимательства, где отсутствие добровольного участия является решающим условием существования группы;

5) *контрактные формы кооперации*, где объединение индивидуальных интересов участников происходит на основе формальных или неформальных договоренностей между ними.

Исследователи отмечают, что сложность кооперативного обучения отчасти объясняет тот факт, что оно, как правило, используется реже, чем «соревновательное» или «индивидуальное», даже если в долгосрочной перспективе кооперативное обучение более эффективно, чем два других [1].

Многие ученые, учителя-практики термины «кооперативное обучение» и «сотрудничество» воспринимают как синонимы. Рассматривая термин «сотрудничество» в различных источниках, можно отметить, что оно понимается как:

- участие в каком-либо общем деле;
- совместные действия, деятельность;
- работа в каком-либо учреждении;
- совместная деятельность, труд.

Изобилие заимствованных терминов в современном русском языке, — серьезная проблема. В большом количестве и не всегда уместные — они вытесняют из речи аналогичские по значению русские слова. Сейчас стали модными слова «коллаборация», «коллаборативность», «компетенции коллаборации» и др. Можно услышать: «*Мы сделали коллаборацию...*», вместо «*Мы сотрудничаем...*» или «*В результате сотрудничества...*».

Действительно, английское слово «*collaborative*», в переводе на русский язык, обозначает — *общий, объединенный, совместный*. Необходимость (рациональность) его пользования в образовательной среде, мы рассмотрим в следующих работах.

Заключение. Использование кооперативных методик реализует идею сотрудничества обучающихся, учит конструктивному взаимодействию, способствует улучшению психологического климата в аудитории, создает доброжелательную атмосферу и значительно повышает мотивацию к изучению лингвистических и прикладных дисциплин, способствует формированию коммуникативной компетенции.

Таким образом, по сравнению с групповой работой, внедрение форм и методов технологии кооперативного обучения является более выгодными, которые способствуют развитию в обучающихся познавательной и самостоятельной деятельности в образовательном процессе.

Список литературы

1. Валеева, Н. Ш. «Шведский стол» стратегий в рамках кооперативного обучения // Вестник Казанского технологического университета. / Н. Ш. Валеева, С. Д. Пивкин, Э. В. Севостьянова — 2013, Т.16 — № 21. — С. 350–353.
2. Зимняя, И. А. Педагогическая психология / И. А. Зимняя. — Ростов-на-Дону: Издательство «Вишня», 1997. — 480 с.
3. Рубцова, Л. Г. Организация групповой работы учащихся / Л. Г. Рубцова. — URL: http://skolaharangino.ucoz.ru/Methodic_books/organizacija_grupповoj_raboty_uchashhikhsja.doc
4. Ситаров, В. А. Дидактика: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / В. А. Ситаров — Москва: Издательский дом «Академия», 2002. — 368 с.
5. Скаткин, М. Н. Методология и методика педагогических исследований / М. Н. Скаткин — Москва: Издательский дом «Педагогика», 1986. — 151 с.

ПРИМЕНЕНИЕ АССОЦИАТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СТУДЕНТАМИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Могила Н. Н., Елисеев Н. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.mogila@donnu.ru, nik.eliseev@yandex.ru

Введение. Недостаточное умения обучающихся работать с информацией, анализировать, обобщать, выстраивать логическую последовательность своей речевой деятельности требует поиск целесообразных методов и подходов в обучении.

Одной из основных задач преподавателей ФГБОУ ВО «ДонГУ» — сформировать в студентов при изучении славянских языков умения выделять главное и отсекают второстепенное. Как сделать так, чтобы обучающийся не «дрейфовал» в безбрежном информационном море?

Многие учёные, преподаватели и методисты стараются дать ответ на этот вопрос, но он остается «открытым» и нуждается в серьёзных методических исследованиях. Этим и объясняется актуальность изучения данной проблемы.

Основная часть. Сегодня, на наш взгляд, методы ассоциативного мышления являются самыми эффективными для достижения поставленных целей в обучении студентов, которые позволяют преподавателю устанавливать взаимосвязь между отдельными определениями, фактами, явлениями, в результате чего упоминание одного понятия вызывает в обучающихся воспоминание о другом, сочетающим с ним; способствуют решить главные задачи реализации программы по изучению славянских языков.

Ассоциация (от средневекового латинского слова *association* — соединение) — это связь, возникающая при определенных условиях между объектами и явлениями окружающего нас мира [2]. Явление ассоциации положено в основу методов ассоциативного обучения, которые рассматривают обучение как усвоение объективно существующих связей и отношений между объектами и явлениями окружающего нас мира. Чем шире опыт познания этих связей и отношений, тем богаче внутренний интеллектуальный мир человека.

Упоминание ассоциативного способа запоминания заимствованных слов обнаруживаются уже в научных кругах прошлого века. Описание одного из первых научных исследований, посвященных ассоциативному методу, встречается в трудах Энтони Аткинсона (там он носит название метода *ключевых слов* — *key word method*). Эксперименты учёного доказали высокую эффективность применения этого способа запоминания иностранных слов. Согласно этому методу, к каждому слову

придумывается своя словесная и визуальная ассоциация, которая всплывает сразу же после того, как человек сталкивается с таким словом.

Исследования отечественных ученых (А. В. Брушлинский, Д. Н. Богоявленский, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, В. С. Мухина, С. Л. Рубинштейн, О. К. Тихомиров, В. Д. Шадриков, П. А. Шеварёв) и зарубежных исследователей психологии и гештальтпсихологии (В. Вундт, Г. Спенсер, Э. Титченер, Т. Циген, М. Вертхаймер, К. Дункер, В. Келлер, Э. Бано, А. Ф. Осборн, С. Д. Парней, К. Патрик и др.) показывают, что ассоциации помогают прочнее удерживать знания в долговременной памяти, так как ассоциативная природа человеческого восприятия и мышления дает хорошие основания для использования его в обучении.

Л. В. Занков в своих трудах отмечал, что учащиеся лучше усвоят материал, если восприятие его будет связано с работой различных анализаторов, так как в этом случае каждый ученик сможет опереться на те представления, которые у него наиболее развиты (по этому признаку выделяются аудиалы, визуалы, кинестетики) [1].

Стоит признать, что такой подход позволяет ученым классифицировать ассоциации по принципу воздействия на различные анализаторы. Рассмотрим некоторые из них.

1. *Фонетическая ассоциация*: слова в английском и, например, русском языке имеют одинаковое звучание, или хотя бы похожее. Например, *step* — *ступень*; *observe* — *обсерватория*, *beach* — *бич*, *book* — *бук*; английское слово «*clever*» (умный) можно сравнить с русским словом «*клевер*», английское слово «*ship*» (корабль) — с русским «*шип*» и т. д. Естественно, не ко всем словам и выражениям можно подобрать такие ассоциации, но иногда выходит очень забавно, что усиливает эффект запоминания слов.

2. *Ситуативная ассоциация*, или метод оживления, часто связанный с автобиографическими ассоциациями: если нужно запомнить слова *rain*, *umbrella*, *sun*, *jump over*, *puddles*, *face*, *raindrops*, *passerby*, вспомните случай из жизни, когда, вы, например, попали под теплый дождь в парке, и у вас не было с собой зонта. Но светило солнце и вы с улыбкой смотрели на прохожих, перескакивали лужи, и вытирали капли дождя с лица. Психологи рекомендуют также представить, как капаят капли, какой теплый дождь, цвета вокруг, сезон и во что одеты. Это все поможет усилить результат данного метода.

3. *Образная ассоциация*. Подход очень простой и распространенный как среди самых младших учащихся, так и в студенческой аудитории. Для примера возьмем образ Крокодила Гены, с помощью которого можно ассоциативно запомнить следующие слова: *nose*, *kind*, *hat*, *tail*, *green*, *animal*, *alligator*, *accordion*, *songs*, *sing etc.* Либо взяв образ Супермена: *strong*, *quick*, *helping*, *brave*, *courageous*, *catastrophe*, *fly*, *move*, *sky*, *muscles*, *uniform etc.*

Учителя-практики утверждают, что метод ассоциаций довольно прост и универсален, использовать его можно на любом занятии, независимо от преподаваемого предмета. Наиболее сложным приёмом ассоциативного мышления является *интеллект-карта*. Акцентируем особое внимание на применении ее в учебном процессе.

Интеллект-карта — это приём графического выражения процессов восприятия, обработки и запоминания информации, творческих задач, инструмент развития памяти и мышления, создание устойчивых ассоциативных образов. В его основу положены исследования английского психолога Тони Бьюзена [3]. При изучении славянских языков студенты могут применять интеллект-карты двумя способами: рисовать руками на бумаге или использовать компьютерные программы, но последовательность работы одинаковая. Центральное изображение (символизирующее основную идею) рисуется в центре страницы. От центрального образа отходят ветви первого уровня, в которых записываются слова, относящиеся к основным понятиям, раскрывающим главную идею. От ветвей 1 уровня при необходимости отделяются ветви 2 уровня, раскрывающие идеи, записанные в ветвях первого уровня. Это могут быть и подтемы, в зависимости от того, для чего предназначена ваша карта. Чтобы сделать карту более эффективной и привлекательной, используется много цветов.

Предлагаем пример «*Интеллект-карта*» к изучению частей речи — имя существительное (см. рис. 1) и глагол (см. рис. 1).

Рис. 1. Интеллект-карта к теме «Имя существительное»

Рис. 2. Интеллект-карта к теме «Глагол»

Как убеждает практика, метод интеллект-карт даёт студентам огромные возможности в процессе обучения, а именно: адаптироваться к современным условиям, задействовать оба полушария головного мозга, повысить работоспособность, формировать общеучебные умения и навыки, осуществлять контроль собственной интеллектуальной деятельности, улучшать все виды памяти, развивать мышление, интеллект, речь, познавательную активность, формировать орфографические и

пунктуационные навыки, обогащать словарный запас, повышать результативность.

Заключение. Таким образом, использование преподавателями ассоциативных методов обучения в учебно-воспитательном процессе при изучении славянских языков, даст возможность не только оценить уровень знаний обучающихся, но и определить некоторые их личностные характеристики, установить духовно-нравственный потенциал и при необходимости оказать коррективные воздействия.

Список литературы

1. Занков, Л. В. О предмете и методах дидактических исследований / Л. В. Занков. — М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. — 146 с.
2. Леонтьев, А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах / А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2005. — 566 с.
3. Интеллект-карты. Полное руководство по мощному инструменту мышления / Тони Бьюзен; пер. с англ. Ю. Константиновой. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 208 с.

УДК 81.39

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Могила Н. Н., Миленина Е. Е.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.mogila@donnu.ru, katya.milenina99@mail.ru

Введение. В последние годы понятие лингвокультурологической компетентности занимает важное место в научных исследованиях. Филологическое образование, в том числе, сосредоточено на развитии лингвокультурной компетенции. Это понятие включает в себя знания о культурных особенностях, отраженных в национальном языке, а также личностные качества, которые развиваются в процессе изучения системы культурных ценностей, представленных в языке и определяющих коммуникативное поведение его носителей.

Основная часть. Главным инструментом познания в области лингвокультурологии является язык как средство коммуникации и отражение культурных особенностей народа или региона.

Лингвокультурологические исследования имеют давнюю традицию. Европейская лингвокультурологическая традиция связана с именами Ф. де Соссюра, Р. Якобсона, Р. Барта, Т. ван Дейка.

Заметный вклад в лингвистическую теорию культурно-ситуативных моделей внесли Л. Витгенштейн, Г. Гадамер, Г. Гийом, М. Хайдеггер, Н. Хомский, К. Ясперс. У истоков определения мировоззрения народов из-за их языков стоял В. Гумбольдт. Его идеи получили свое продолжение в трудах А. А. Потебни., А. Мейе, Ж. Вандериеса, Э. Бенвениста и др.

В конце XX века в России развитие лингвокультурологии достигает ступени междисциплинарной науки. В Москве появляются четыре лингвокультурологические школы. Эту проблему своих трудах рассматривают Н. О. Астапова [1], Н. Д. Арутюнова, А. Д. Васильева [3], Р. А. Газирова, Р. З. Мурясова [5], А. Игнатенко [6], Ю. С. Степанова, Н. В. Телия, В. В. Воробьева, В. М. Шаклеина и др.

В. В. Воробьев описывает лингвокультурологическую компетентность как владение идеальным говорящим или слушающим всей системой культурных ценностей, отраженной в языке. В своих исследованиях, посвященных взаимосвязи между языком и культурой, учёный подчеркивает, что лингвокультурологическая компетенция является целью обучения языку. Он предлагает изучать культуру как отдельный объект, и учебный материал должен представляться не с точки зрения языка, а с точки зрения культурных единиц.

Таким образом, лингвокультурологическая компетенция принимает форму языковой компетентности, но ее содержание значительно глубже.

Компетентность — это категория, принадлежащая сфере отношений между знанием и практической деятельностью человека. По определению Б. Ю. Эльконина, компетентность — это квалификационная характеристика индивида, взятая в момент его включения в деятельность.

Любой язык, формирующийся в определённых и неповторимых условиях, представляет лишь часть знаний о мире, т.н. относительное знание. По словам Дж. Брунера, «на уровне лексики каждый язык кодирует некоторые области опыта более детально, чем другие».

Так, в русском языке есть по крайней мере четыре слова для обозначения снежного покрова: снег, пороша, наст, сугроб(ы), в английском — два слова: *snow* ‘снег’ и *snowdrift* ‘сугроб’.

Общие и схожие признаки лексического состава часто являются причиной лексической интерференции не только у начинающих учить украинский язык, но и в речи коренного населения. Самыми распространенными из них являются межъязыковые кальки (немотивированные заимствования по русскому языку), например *мне нравится эта лялька, я хочу эту синюю лодочку*.

В словарном составе украинского и русского языков много общего. К общим характеристикам относятся:

- наличие полных (имеющих предметно смысловое значение) и неполных слов (служебные слова, выражающие связи и отношения между полными словами);

- слов с конкретным и абстрактным значениями (названия чувств, психических состояний, свойств, качеств и т. п.);
- многозначных слов (полисемия);
- синонимов (слова разные по звуковому слогу, но близкие по значению);
- антонимов (слова с противоположным значением);
- омонимов (слова, имеющие одинаковое звучание, но разное значение).

В украинском языке, как и в русском, слова имеют прямое (естественный признак предмета, явления, процесса) и переносное (образное, фигуральное представление о предмете) значение.

Есть в украинском языке, как и в русском, фразеологические обороты (*вплоть до ушей лецит, зеленая улица, заказать слово, слепень напал* и т. д.).

В обоих языках существует часть лексики, которая является общей и идентичной как по значению, так и по звуковому оформлению и произношению. Среди таких слов можно выделить такие примеры, как *рот, рука, лампа, сумка, парта, рак, мак, суп* и другие. Их можно успешно использовать в качестве материала для транспозиции, что способствует лучшему пониманию и активизации словаря тех, кто изучает украинский язык.

Часть лексики является общей по букве и отличается лишь произношением: *вода, поле, море, нога, голова. зуб, дуб, машина* и т. д.

Есть слова, отличающиеся одним или несколькими звуками, которые тоже понятны россиянам: *стол, нос, ухо, нож, лиса, волк* и т. д.

Значительная группа слов присуща только украинскому языку: *ботинки, зонтик, платье, носки, кукла, чулки, хохотать, считать* и т. д.

Несмотря на то, что в русском и украинском языках достаточно много общих слов, и еще больше слов сходных по звучанию и написанию, они часто обладают разными смысловыми оттенками.

К примеру, русское слово *иной* и родственное ему украинское слово *іниий*. Если по звучанию и написанию эти слова схожи, то их смысл имеет заметные отличия.

Более точным соответствием украинскому слову *іниий* в русском языке будет *другой* — оно несколько более формально и не несет такой эмоциональной и художественной выразительности, как слово *иной*.

Практика показывает, что при изучении лексикологии украинского языка как родственного, студенты сталкиваются с схожими по звучанию, но разными по лексическому значению словами, а также с разными по звучанию, но имеющими одинаковое лексическое значение. Оба этих типа лексических единиц объединяются вместе, что указывает на различие между фоновым значением лексем украинского языка и их аналогами в родном языке. Чем больше подобных случаев (в данном контексте —

лексических единиц), тем сложнее различить их, и это различие, как правило, связано с лексическим и фоновым значением определенной этнолексемы.

Заключение. Анализ, проведенный нами, свидетельствует о том, что восточнославянские языки обладают значительным лексическим сходством. Это подтверждает, что разделение восточноевропейских народов, ни на политическом, ни на географическом уровне, является непрактичным.

Применение лингвокультурологического подхода при изучении лексикологии позволяет раскрывать объективные связи между человеком, языком и культурой как системой ценностей. Этот подход также предоставляет возможность для развития личности студента через усвоение общекультурных ценностей, понимание норм, традиций и творческого наследия другой лингвокультуры, отраженной в национальном языке.

Список литературы

1. Астапова, Н. О. Лингвистические аспекты межкультурной коммуникации / Н. О. Астапова. — Барнаул, 2007. — 256 с.
2. Байденко В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: методическое пособие / В. И. Байденко. — М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. — 114 с.
3. Васильев, А. Д. Введение в историческую лексикологию русского языка / А. Д. Васильев Красноярск: Изд-во РИО КГПУ, 1997. — 104 с.
4. Воробьев, В. В. Теоретические и прикладные аспекты современной лингвокультурологии / В. В. Васильев // Вестник МГУ. — Выпуск 13 (724). — 2011. — С. 217–226.
5. Игнатенко, Н. А. Прием «капсула культуры» в развитии иноязычной социокультурной компетенции на продвинутом уровне / Н. А. Игнатенко // Научный альманах. — 2016. — № 1-2. — С. 167–170.

УДК 81'366/'37:81'276:070

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЧАСТОТНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДОНБАССА

Могила С. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mataj1975@yandex.ru

Введение. Средства массовой информации являются одним из главных инструментов власти. С помощью «языка в действии» осуществляется управление обществом и формирование нашей действительности на разных системных уровнях. Можно считать, что выявление особенностей публицистических текстов, детальное их

рассмотрение содействует лучшему пониманию социальных, экономических, политических и иных процессов в обществе, а также причин их возникновения.

Язык как система представляет собой единое, состоящее из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов; не может быть явлений, выпадающих из системы языка, явлений вне системы. Отсюда наиболее важной и существенной чертой современного языка является изучение синтаксиса текстов периодических изданий.

Синтаксис как наука о синтаксическом строе языка позволяет построить и показать систему синтаксических единиц, связи и отношения между ними, из чего и как они составляются, какими средствами соединяются компоненты (элементы) в синтаксические единицы.

Особенность синтаксиса заключается также в том, что в процессе речи говорящий постоянно создает новые предложения, но крайне редко — новые слова. Таким образом, в синтаксисе наглядно проявляется созидательный аспект языка, и поэтому синтаксис часто определяют как раздел грамматики, изучающий порождение речи — образование из ограниченного множества слов теоретически неограниченного множества предложений и текстов. На основе синтаксиса строится пунктуация — совокупность правил расстановки знаков препинания. Синтаксис русского языка имеет свою логику и самобытную историю развития, богатые научно-исследовательские традиции и составляет важнейшую часть европейского и мирового языкознания.

Основная часть. Нами был проведен сравнительный частотно-синтаксический анализ текстов газет «Родина» №14 (10091) 15–21 апреля 2021 года и «Голос Республики» №26 (410) 10 апреля 2020 год.

В текстах газеты «Родина» было проанализировано 1659 предложений. Самыми частотными предложениями в тексте оказались сложносочиненные предложения (753 шт.) (Н: *Конечно, финансово все обошлось дорого, но небезразличные люди помогли и помогают*) со средней длиной предложения 65 букв.

В текстах газеты «Голос Республики» было проанализировано 1739 предложений. Самыми частотными предложениями оказались сложносочиненные предложения (890 шт.) (Н: *При этом зарегистрировать договор смогут не только арендодатели, но и арендаторы в случае физического отсутствия арендодателя*) со средней длиной предложения 69 букв.

Несмотря на то, что количество простых предложений значительно ниже в «Голосе Республики», чем в «Родине», у последней газеты меньше бессоюзных предложений. Таким образом, можно предположить, что в «Родине» более часто используются сложные или составные предложения, в то время как «Голос Республики» использует больше простых предложений и более сложных, но соединенных союзами.

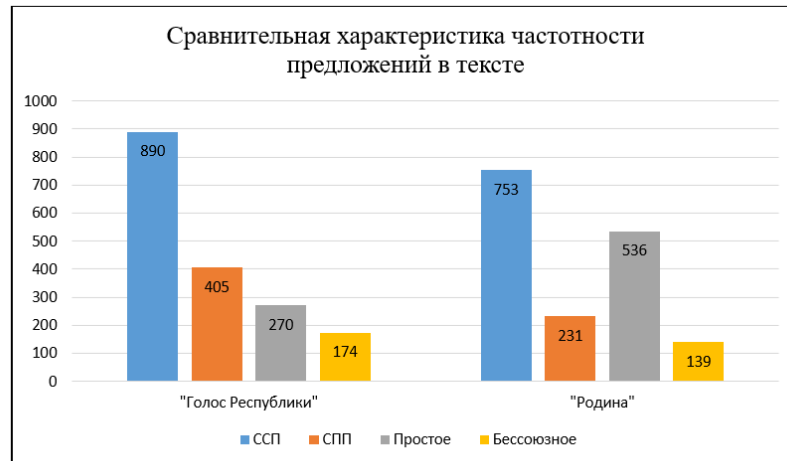

Диаграмма № 1

Также можно сравнить количество сложноподчиненных предложений в каждой газете. В «Голосе Республики» оно явно больше, чем в «Родине». Это может свидетельствовать о том, что в «Голосе Республики» больше

Несмотря на то, что количество простых предложений значительно ниже в «Голосе Республики», чем в «Родине», у последней газеты меньше бессоюзных предложений. Таким образом, можно предположить, что в «Родине» более часто используются сложные или составные предложения, в то время как «Голос Республики» использует больше простых предложений и более сложных, но соединенных союзами.

Также можно сравнить количество сложноподчиненных предложений в каждой газете. В «Голосе Республики» оно явно больше, чем в «Родине». Это может свидетельствовать о том, что в «Голосе Республики» больше акцента на деталях и объяснениях, чем в «Родине», где упор скорее делается на краткость и лаконичность.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что в каждой газете используются свои стилистические приемы и подходы к структуре предложений, что может влиять на общее впечатление от прочтения текста.

Список литературы

1. Аверьянов, Л. Я. Контент-анализ: учебное пособие [для студентов, преподавателей, филологических факультетов высших учебных заведений] / Л. Я. Аверьянов. — Москва: КноРус, 2009. — 450 с. — ISBN 978-5-390-00495-1.
2. Евтюгина, А. А. Функциональная стилистика [Электронный ресурс] : учебное пособие / А.А. Евтюгина. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. — 75 с. — URL: <http://elar.rsvpu.ru/> — ISBN 978-5-8050-0651-8.
3. Крысин, Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Крысин Л. П. — Москва: Издательский дом «ЯСК», 2004. — 888 с. — ISBN 5-94457-183-7.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ЧАСТОТНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ДОНБАССА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТ «ДОНЕЦКОЕ ВРЕМЯ» И «ДОНЕЦК ВЕЧЕРНИЙ»)

Могила С. А., Юрчук К. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
mamaj1975@yandex.ru, xeniayurchuk@yandex.com

Введение. Согласно древней лингвистической традиции грамматика подразделяется на две дисциплины: морфологию и синтаксис. Термин «синтаксис» был заимствован из военной лексики и обозначал «сорасположение частей, построение» (слово тактика — «последовательность действий» — имеет тот же корень). Сам термин указывает на то, что этот раздел грамматики имеет дело с единицами, которые представляют собой сочетания слов. Таким образом, слово — центральная единица европейской грамматики («части речи», «члены предложения» и т. п.). Слово разграничивает две главные дисциплины — морфологию и синтаксис. Все, что меньше слова (внутри слова), — предмет морфологии, все, что больше слова (сочетания слов), — предмет синтаксиса.

Цель исследования заключается в сопоставительном частотно-синтаксическом анализе печатных изданий Донбасса, рассмотрении темы синтаксиса, связи слов в предложении и словосочетании, более углубленном изучении номинативных и коммуникативных языковых единиц в русском языке. Также стоит обратить внимание на такую важную тему, как установление наиболее используемых видов простых и сложных предложений (по количеству грамматических основ и их видов связи): односоставных, двусоставных, сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных предложений в ходе анализа газет.

Основная часть. Нами проведен частотно-синтаксический анализ текстов двух газет, были выявлены простые, бессоюзные (БСП), сложносочиненные (ССП) и сложноподчиненные (СПП) предложения. Всего было проанализировано 2393 предложения. Также была выявлена частотность сложносочиненных и сложноподчиненных союзов.

В массиве данных были найдены самые частотные союзы:

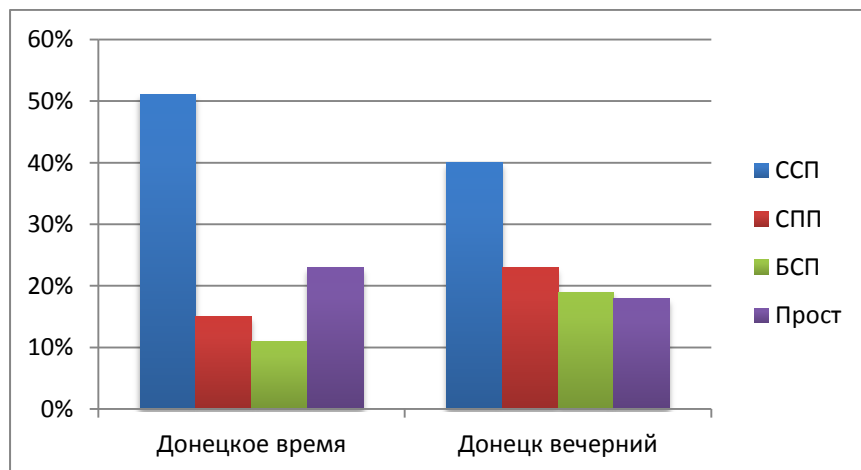
«Донецкое время»	
Сложносочиненные (ССП):	Сложноподчиненные (СПП):
«и» — 530 союзов, 65%	«как» — 73 союза, 36%
«а» — 95 союзов, 12%	«если» — 42 союза, 20%
«также» — 55 союзов, 7%	«чтобы» — 37 союзов, 18%
«или» — 77 союзов, 9%	«когда» — 38 союзов, 19%
«но» — 62 союза, 7%	«пока» — 15 союзов, 7%

«Донецк вечерний»	
Сложносочиненные (ССП):	Сложноподчиненные (СПП):
«и» — 487 союзов, 53%	«как» — 62 союза, 30%
«а» — 190 союзов, 20%	«если» — 54 союза, 27%
«или» — 113 союза, 12%	«чтобы» — 44 союзов, 22%
«но» — 85 союзов, 9%	«когда» — 31 союзов, 15%
«также» — 52 союза, 6%	«пока» — 12 союзов, 6%

Частотность предложений

«Донецкое время»	
Тип предложения	Частотность
Простое	403
Бессоюзное	201
Сложносочиненное	883
Сложноподчиненное	255
«Донецк вечерний»	
Тип предложения	Частотность
Простое	292
Бессоюзное	315
Сложносочиненное	651
Сложноподчиненное	376

Заключение. При помощи сопоставительного частотно-синтаксического анализа текста мы можем наблюдать некоторые различия в показателях двух анализируемых изданий.

«Донецкое время»	«Донецк вечерний»
Ряд ССП — 51%	Ряд ССП — 40%
Ряд СПП — 15%	Ряд СПП — 23%
Ряд БСП — 11%	Ряд БСП — 19%
Ряд Прост — 23%	Ряд Прост — 18%

Исходя из данных, мы видим, что разница в показателях колеблется от 5 до 11 %.

Список литературы

1. Андреева, Л. С. Вопросы русского словообразования / Л.С. Андреева. — Москва: 2007.
2. Адмони, В. Г. Строй современного немецкого языка / В. Г. Адмони. — Москва: 1966.
3. Булаховский, Л. А. Введение в языкознание / Л. А. Булаховский. — Москва: 1954.
4. Богородицкий, В. А. Очерки по языковедению и русскому языку / В. А. Богородицкий. — Москва: 1939.
5. Вараксин, Л. А. Семантическая структура слова и морфемы /Л. А. Вараксин. — Тюмень, 1994. — 117 с.

УДК 81 373.2

БИТВА ЗА ДОНБАСС В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: НОМИНАТИВНЫЙ РАКУРС

Першина Кл. В., канд. филол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
pershinakv@mail.ru

Освобождение Донбасса от немецко-фашистских захватчиков — славная страница в истории нашей Родины. В сентябре 2023 года мы празднуем 80-летие этого события. Память о нём хранят опубликованные воспоминания очевидцев и участников боёв, мемуары, стихи и фильмы, фотографии, многочисленные обелиски и памятники, солдатские письма, опубликованные и хранящиеся в семейных архивах потомков, названия улиц и площадей. Главным носителем и хранителем памяти об этом и других событиях Великой Отечественной войны сегодня является слово в разных его применениях, в том числе и в составе разнообразных проприальных наименований. Исследователи отмечают, что «ономастическое пространство Российской Федерации в настоящее время является одним из самых надежных видов исторической памяти народа» [1, с. 89]. Битва за Донбасс, в результате которой в сентябре 1943 года донецкий край был освобожден от войск нацистской Германии, представляет собой определённую ментальную область исторической памяти, концепт, формируемый целым рядом отдельных компонентов. И сам этот объёмный концепт, и составляющие его компоненты имеют наименования, которые выступают для сознания говорящих репрезентантами соответствующих концептуальных объектов. Наименования эти функционально тождественны собственным именам, их онимный статус обусловлен единичностью обозначаемых ими референтов; без их использования попросту невозможно описание содержания события «*битва за Донбасс*». Сегодняшняя жизнь показывает и доказывает, что эти онимы должны активно использоваться в воспитательной работе, особенно среди молодёжи, в том числе и в процессе преподавания гуманитарных

дисциплин в школе и вузе. В данной работе мы остановимся (в силу требований к объёму сообщения) только на некоторой части отмеченных наименований.

Само событие, о котором идёт речь, официально обозначается как *Донбасская операция (1943)*. Содержательный объём этого названия — стратегическая военная операция Вооружённых Сил СССР против войск нацистской Германии с целью освобождения Донецкого бассейна. Его узуальным эквивалентом выступает номинация *Битва за Донбасс*. Номинативную единицу *Освобождение Донбасса* можно квалифицировать как двуреферентную, обозначающую в одних контекстах процесс освобождения территории края, а в других — результат этого процесса. Двуреферентность данной номинации проявляется, например, в годониме *проспект Освобождения Донбасса* (город Донецк). По референтному статусу номинации *Донбасская операция (1943)* и *Битва за Донбасс* представляют собой геортонимы с одинаковым семантическим объёмом, формируемым названиями разных воинских соединений: фронтов, армий, корпусов, бригад, дивизий, полков и т. д. Эти названия относятся к эргонимам, связанным с геортонимом родо-видовыми отношениями. Приведём часть таких названий.

Названия фронтов: *Юго-Западный, Южный*. Данные эргонимы созданы на базе апеллятивов пространственной семантики, в номинативной речевой практике связаны с антропонимными единицами *Родион Яковлевич Малиновский* и *Фёдор Иванович Толбухин*.

Названия армий, корпусов, бригад: *5-я ударная армия, 9-я ударная армия, 3-я гвардейская армия, 2-я гвардейская армия, 44-я армия, 28-я армия, 51-я армия, 8-я воздушная армия, 7-й истребительный авиационный корпус, 9-й гвардейский корпус, 3-й гвардейский стрелковый корпус, 32 стрелковый корпус, 5-й гвардейский кавалерийский корпус, 11-й танковый корпус, 1-я гвардейская механизированная бригада 1-го гвардейского механизированного корпуса* и др. В этот ряд можно поставить номинацию *Морская пехота Азовской флотилии*. Количество приведённых названий, их лексический состав свидетельствуют о масштабности задействованных в Донбасской операции сил и средств. Слово *ударный* в названиях армий употребляется в значении ‘наносящий решающий удар’, слово *гвардейский* — в значении ‘относящийся к гвардии’ (< *гвардия* ‘отборные, лучшие, элитные войска’). В названиях корпусов и бригад отражаются лексемы, указывающие на род и вид войск (*авиационный, стрелковый, мотострелковый, механизированный, кавалерийский, танковый*), целевое предназначение воинского соединения (*истребительный, противотанковый*).

Характеризуя названия дивизий, остановимся на почётных их наименованиях, в которых запечатлены названия освобождённых городов Донбасса. В своей совокупности они выступают свидетельствами большого накала, трудности сражений и самоотверженности воинов-освободителей

края. В Приказе Верховного Главнокомандующего № 9 от 8 сентября 1943 г. их присвоение мотивируется следующим образом: «В ознаменование одержанной победы отличившимся в боях за овладение Донбассом соединениям и частям присвоить наименования...» [2, с. 24–27]. К этим наименованиям в Приказе относятся «*Сталинская*» (по названию города Сталино, совр. Донецк: 50-я гвардейская стрелковая дивизия, 301-я стрелковая дивизия, 230-я стрелковая дивизия), «*Горловская*» (126-я стрелковая и 271-я стрелковая дивизии) «*Дебальцевская*» (346-я стрелковая дивизия), «*Енакиевская*» (34-я гвардейская дивизия, 40-я гвардейская дивизия, 320-я стрелковая дивизия), «*Иловайская*» (96-я гвардейская стрелковая дивизия), «*Чистяковская*» (по названию гор. Чистяково, совр. Торез: 127-я стрелковая дивизия), «*Мариупольская*» (221-я стрелковая дивизия, 9-я гвардейская истребительная авиационная дивизия), «*Артёмовская*» (266-я стрелковая дивизия, 259-я стрелковая дивизия), «*Лисичанская*» (279-я стрелковая дивизия) «*Константиновская*» (135-я танковая бригада), «*Константиновский*» (179-й истребительный противотанковый артиллерийский полк), «*Краматорская*» (59-я стрелковая дивизия, 5-я гвардейская отдельная мотострелковая бригада), «*Краматорский*» (243-й отдельный танковый полк), «*Макеевская*» (54-я гвардейская стрелковая дивизия), «*Славянская*» (61-я гвардейская стрелковая дивизия, 297-я стрелковая дивизия).

Свой вклад в борьбу за освобождение Донбасса внесли подпольные группы и партизанские отряды, действовавшие во многих населённых пунктах Донбасса. Обычно они называются описательно, с указанием имени командира. Но некоторые из них известны нам под собственными именами. Кроме легендарной «*Молодой гвардии*» (г. Краснодон), встречаются названия «*Народный меч*» (г. Дзержинск, партизанский отряд), «*Ленинская искра*» (г. Дружковка), «*Победа*» (г. Сталино). Приведённые названия имеют чётко обозначенную идеологическую коннотацию, отражающую веру в победу. Название «*Народный меч*» семантически связано со словами Александра Невского в финале одноименного фильма: « <...> кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет. На том стоит и стоять будет Русская земля!», а название «*Победа*» повторяет главное кодовое слово в главном лозунге Великой Отечественной войны «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Список литературы

1. Попов, С. А., Герасимова, К. М. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в ономастическом пространстве России / С. А. Попов, К. М. Герасимова // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 4. (23). — С. 89–98. — DOI 10.20323/2499-9679-2020-4-23-89-98.
2. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. — М. : Воениздат, 1975. — С. 24–27 — URL: www.soldat.ru (дата доступа: 22.09.2023).

АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ СЛОВА «МИР» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ

Титаренко Э. А., канд. филол. наук, *Костылев Б. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.titarengo@donnu.ru, karpov_10077@mail.ru

Психолингвистические методы позволяют существенно обогатить семантическое описание лексических единиц. Согласно И. А. Стернину, на современном этапе развития лингвистики описание семантики слова не может быть сведено к ее описанию в словарях, к так называемому лексикографическому значению слова — там семантика представлена всегда не полностью, значения слов представлены в основном в своих ядерных компонентах [3, с. 70]. С целью исследования значения слова «мир» в условиях специальной военной операции, был проведен ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие студенты из ДНР и РФ. В процессе эксперимента использовался прием онлайн опроса на русском языке. Информантам предлагалось записать 5–7 ассоциаций на слово-стимул «мир». В результате эксперимента было получено 59 различных ассоциативных реакции: спокойствие (20 реакций), небо (8 реакций), планета (7 реакций), война, вселенная, любовь (6 реакций), голубь, доброта, дружба, земля, счастье, тишина (5 реакций), платежная система, свобода, солнце (4 реакции), жизнь, зелёный, люди, природа, птицы, свет (3 реакции), взаимопонимание, гармония, дети, карта, май, надежда, ожидание, пацифизм, радость, труд, улыбка, чистота (2 реакции), атака, бабочка, баланс, бег, безопасность, благо, верба, вода, всеобъятность, галактика, действие, дом, Донбасс (1 реакция).

Реакции-слова явно преобладают над реакциями-словосочетаниями и предложениями, среди которых: *светлое небо, собственная незначительность, ты мой мир; весь мир против тебя, что-то большое, Мир не без добрых людей, Мир да лад — большой клад*. Реакцией на слово-стимул *мир*, как правило, является имя существительное, из прилагательных имеем только *зеленый* (3 реакции) и *мокрый* (1 реакция). Большое количество реакций на слово-стимул *мир* выражено абстрактными существительными: *безопасность, всеобъятность, надежность, незаметность, уверенность, сухость; дружелюбие, равновесие*.

Полученные ассоциации иллюстрируют словообразовательные связи слова *мир* (*мир — умиротворение, миргородская; люди помирились*), синонимические (*мир — галактика, вселенная; общество; без вражды, нет войны*), антонимические (*мир — война*).

Ассоциативный эксперимент позволяет говорить о следующих представлениях, актуализирующихся в сознании словом «мир»:

- **состояние человека**: спокойствие (покой) (20), доброта (5), радость (2), надежда (2), безопасность (1), комфорт (1), сила (1), собственная незначительность (1). Тут отметим группу ассоциаций, связанных с ожиданием мира: надежда (2), ожидание (2);

- **состояние окружающего**: тишина (5) победа, чистота (2), красота (1), праздник (1), война (6), атака (2), разрушение (1);

- **пространственное представление**: планета, галактика, вселенная, пространство, дом, Донбасс, Украина? (авторский знак). Представленные ассоциации можно сгруппировать по признаку именованности глобальных и локальных реалий;

- **природа**: небо (8), солнце (4), свет (3), природа (3), птицы, земля, ласточка, верба, вода, бабочка (1), радуга (1);

- **отношения**: любовь, дружба (5), счастье (5), свобода (4), взаимопонимание, гармония, дети (2);

- **платежная система**: платежная система (4), карта (2), Сбербанк (1); отметим, что словосочетание-реакция *платежная система* в двух случаях является первой в представленном списке реакций;

- **идеология, лозунги**: голубь (5), пацифизм (2), май (2), Мир, труд май, лозунг (1);

- **представление об обществе**: общество (1), общность (1), политика (1).

Слова-реакции с отрицательной семантикой отмечены в группах состояние человека (*собственная незначительность; весь мир против тебя, т. е. люди*), состояние окружающего (*война, разрушение*).

Большая часть полученных в ходе эксперимента ассоциаций относится к субъективному миру анкетированного: среди стимулов-реакций много слов, именующих внутреннее состояние человека, семейные отношения, отношение к окружающему: *любовь, доброта, дружба, земля, счастье*. Встречаются также речевые штампы, клише, обусловленные реалиями настоящего времени (*банковская карта «Мир»*), *тишина* (5) (как отсутствие стрельбы в Донецке).

Таким образом, нейтральные, положительные и отрицательные реакции, полученные в результате ассоциативного эксперимента на слово-стимул *мир*, иллюстрируют изменения в восприятии слова-стимула в современных условиях.

При сравнении данных, полученных нами при проведении ассоциативного эксперимента, с данными значениями слова *мир* в словарях, можно отметить отсутствие таких словарных значений слова *мир*, как: «какая-либо сфера, область явлений в природе»; «мир какой-либо, чего-либо; определенный круг явлений психической жизни (чувств, переживаний, представлений и т. п.)»; «круг людей, объединенных общностью профессий, занятий, интересов и т. п.»; «определенная общественная среда»; «сельская община; члены этой общины»; «жизнь

мирян; светская жизнь (в отличие от монастырской жизни)); «соглашение воюющих сторон о прекращении войны».

В то же время значению, представленному И. Б. Фоменко в обобщенной семантической структуре лексемы *мир* по данным словарей XIX–XX вв. последним, — «13. Покой, спокойствие», в проведенном нами ассоциативном эксперименте соответствует наибольшее количество слов-реакций — спокойствие (покой) — 20 реакций.

Обобщая данные сравниваемых ассоциативных экспериментов, отметим, что в ассоциативном сознании русских людей 30 лет назад (по материалам эксперимента, представленным в Ассоциативном словаре Ю. Н. Караулова) преобладали реакции, связанные с прецедентными текстами: (*Мир!*) *Труд! Май!* «*Война и мир*», (*Мир*) *во всем мире!* (*Мир*) *всем народам, Миру мир! Мир Земле, Мир на Земле!* (*Мир*) *дому твоему*, в сознании современных носителей языка преобладают реакции, связанные с нравственными, духовными и материальными ценностями человека: спокойствие, дружба, семья, любовь, счастье, радость, карта Сбербанка, банковская карта и др.

Результаты сравнения позволяют говорить о том, что результаты эксперимента 2023 г. наиболее частотными представляют реакции, связанные с внутренним состоянием анкетированного. В Ассоциативном словаре Ю. Н. Караулова наиболее частотной отмечена реакция прецедентного текста «*миру*» (мир) [1]. В исследовании И. Б. Фоменко наиболее частотной реакцией является *дружба* [4, с. 2617] (тут можно говорить о вербальной связи понятий мир — дружба), в работе А. Н. Стебуновой — антонимическое явление *война, конфликт, агрессия* [2, с. 84]. Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного во время специальной военной операции среди донецких студентов в том числе, отличаются частотой реакций, отражающих субъективные переживания (*спокойствие, тишина*), ожидание мирного времени (*надежда, ожидание*).

Список литературы

1. Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. — URL: www.thesaurus.ru/dict/dict.php
2. Стебунова, А. Н. Концепт «мир» в языковом сознании донецких студентов / А. Н. Стебунова // Донецкие чтения-2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции / Под общ. ред. С. В. Беспаловой. — Т. 4. Ч. 2. — Донецк: ДонНУ, 2019. — С. 83–85.
3. Стернин, И. А. Ассоциативный эксперимент и описание семантики слова в языковом сознании (слово машина в словаре и языковом сознании современного носителя русского языка) / И. А. Стернин, Э. В. Шаламова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2016. — №. 2. — С. 69–74.
4. Фоменко, И. Б. Концепт МИР в русской и китайской языковых картинах мира / И. Б. Фоменко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Том 14. Выпуск 8. — С. 2614–2621.

ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Трунаева А. С.

МБОУ «Школа №88 города Донецка», г. Донецк, РФ
trunaeva-alla@mail.ru

Введение. Современные тенденции в образовании все больше направлены на получение знаний с применением дистанционных технологий.

Цель работы — охарактеризовать особенности дистанционного преподавания русского языка в школе, рассмотреть наиболее эффективные формы проведения урока в онлайн-режиме.

Основная часть. Дистанционные формы преподавания русского языка предполагают внедрение определенных универсальных действий. К таковым относятся:

- 1) преподносить теоретический материал онлайн-урока доступно, с применением наглядной информации;
- 2) проводить тематические тестирования на различных онлайн-платформах с автоматическим оцениванием результатов;
- 3) использовать задания проблемно-поискового и творческого характера;
- 4) организовывать проектную деятельность (индивидуального и группового характера);
- 5) консультировать обучающихся по возникающим вопросам (онлайн и оффлайн) и др.

Для достижения поставленных целей в рамках дистанционного обучения русскому языку учителю-предметнику в своей преподавательской деятельности следует применять ряд различных электронных образовательных средств. Например:

- 1) текстовые материалы любого жанра (художественные, критические, биографические и справочные) в цифровом и мультимедийном формате;
- 2) аудиоматериалы (тексты, интервью и т. д.);
- 3) видеоматериалы (художественные и учебные фильмы, ролики, интервью, экскурсии и т. д.);
- 4) интерактивные задания;
- 5) цифровые контрольно-измерительные материалы (контрольные работы, тестирования и т. д.).

Во время проведения дистанционных уроков уместным будет применение онлайн-сервисов, предназначенных для изучения русского языка. Наиболее популярными из них являются:

1) Грамота.ру — портал для совершенствования знаний в орфографии, орфоэпии и пунктуации, для подготовки к олимпиадам и лингвистическим конкурсам;

2) Орфограммка — портал, позволяющий осуществлять проверку объемных текстов на соответствие нормам русского языка, отображающий допущенные грамматические, лексические, пунктуационные и стилистические ошибки;

3) Образование на русском — портал, вмещающий себя бесплатные онлайн-курсы различного уровня сложности (от начального до продвинутого), завершающиеся итоговым тестированием;

4) УчиЯзыки.Ру — портал, содержащий в себе образовательные материалы по изучению русского языка (обучающие пособия, статьи, справочники, словари, самоучители, учебники, аудиоматериалы, курсы, тестовые задания, диктанты) и др.

Существуют разные формы проведения дистанционного урока по русскому языку. К примеру, урок в форме самостоятельной работы — образовательное занятие, направленное, в большей степени, на самообразование обучающихся. Так, школьники, руководствуясь подготовленной учителем картой урока, скриншотами заданий, до обозначенного срока изучают учебный материал и выполняют упражнения сами. В случае возникновения вопросов их можно задать педагогу, используя различного рода мессенджеры (лично или в общем чате).

Другой формой проведения дистанционного урока может быть чат-урок. Он проводится на базе коммуникационной онлайн-платформы (к примеру, в предметной беседе). До начала урока учитель обучающимся отправляет карту урока. Все обсуждения учебного материала осуществляются с помощью голосовых сообщений или с помощью переписки на протяжении всего урока.

В качестве формы дистанционного урока применяется и онлайн-занятие. Оно осуществляется по видеосвязи в мессенджере или на образовательной платформе с включением демонстрации экрана (используется для наглядности образовательного материала).

Наиболее эффективной из перечисленных форм дистанционного урока является последняя — онлайн-урок, поскольку в рамках такого занятия отмечается высокая активность обучающихся, высокий уровень усвоения изучаемого материала.

Стоит сказать, что вне зависимости от формы проведения дистанционного урока образовательное занятие должно характеризоваться такими критериями, как:

1) точность и конкретность при изложении учителем учебного материала;

2) корректность подобранной информации (соответствие с возрастными особенностями и умственными способностями обучающихся);

- 3) своевременность изложения;
- 4) эффективность системы контроля.

Для повышения уровня качества дистанционного образования русскому языку, а также для повышения уровня собственных профессиональных умений и навыков, учителю-предметнику в своей педагогической деятельности важно использовать опыт коллег, в частности в онлайн-формате. К таковым относится коммуникация в сетевом сообществе, объединяющем коллег с территориально разных мест на просторах Интернета. Так, педагог расширяет свое информационное пространство образовательных ресурсов (медиаотека, ссылками на ресурсы отечественного и зарубежного опыта, нормативно-правовыми документами и т. д.), методической деятельности и самообразования (участие в форумах, конференциях и профессиональных конкурсах различного уровня).

При использовании дистанционных форм обучения учитель-предметник может использовать значительный объем источников информации.

Заключение. Таким образом, дистанционное обучение русскому языку способствует не только получению языковых знаний и умений, но и формированию ИКТ-компетентности обучающихся, развитию творческого потенциала и нестандартного мышления, навыка самообразования.

Список литературы

1. Вебинар учебного центра Урок.рф «Смешанное обучение в практике цифрового учителя» — URL: <https://yrok.pf/course/535> (дата обращения: 28.09.2023).
2. Гиголаева, А. Т. Особенности преподавания русского языка дистанционно / А. Т. Гиголаева, Н. С. Химичева, Я. В. Чумакова, Ю. П. Колесникова // Молодой ученый. — 2020. — №29(319). — С.136–139. — URL: <https://moluch.ru/archive/319/72611/> (дата обращения: 28.09.2023).
3. Трунаева, А. С. Онлайн-ресурсы в работе учителя русского языка и литературы / А. С. Трунаева // Материалы Международного филологического форума памяти академика Л. А. Вербицкой от 24–25 ноября 2022 года.
4. Трунаева, А. С. Педагогическое интернет-сообщество учителей русского языка и литературы / А. С. Трунаева // Управление качеством образования. Информационная образовательная среда современного образовательного учреждения как фактор повышения качества образования. [Текст]: сб. материалов VI Республиканской научно-практической конференции 11 ноября 2022 года. — Часть 2 / Под ред. О. Я. Жиренкиной, Н. А. Пашковой и др. — г. Донецк, 2022. — С.225–228. — URL: <https://loud.mail.ru/public/ejt9/fBfPTPTky> (дата обращения: 28.09.2023).

ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИСТОРИЗМА НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Янышевская В. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

Wera 742007@rambler.ru

Многочисленные проблемные вопросы, которые в последнее время возникают в контексте общих представлений об истории и современности, в значительной степени связаны и со сферой образования. Стремление специалистов к преобразованию и обновлению важнейших парадигм школьного обучения подтверждается содержанием Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» (последняя редакция от 02.02.23) и «Федеральным Государственным Образовательным Стандартом среднего общего образования», которые активно внедряются в учебный процесс средних учебных заведений нашей республики как значимой территории Российской Федерации. Конкретной предметной областью в этих документах совершенно справедливо считается преподавание русского языка как родного. Для нашей территории это имеет особое значение, поскольку глубокие научные знания родного языка способствуют формированию личности и её ментального характера. Русский язык — это та духовная ценность, без усвоения которой не может быть прочных знаний вообще, поскольку именно в языке запечатлён исторический опыт народа, его научные, художественные и воспитательные идеалы. Как свежо и современно звучат сегодня слова И. С. Тургенева, высказанные писателем еще в конце XIX века! Сознательно приводим эту цитату целиком: *«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя — как не впасть в отчаяние, при виде всего, что совершается в доме? — Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»* [3, с.276]. В этих словах еще одно доказательство постоянной связи истории (в данном случае истории мысли) и современности. Такие же прочные узы с прошлым прослеживаются во всей системе современного русского языка, и многие факты его исторического развития и становления требуют глубокого профессионального изучения.

Следует повторить устоявшееся в научной литературе знание о том, что русский язык — это культурно-исторический феномен, который с давних времён является предметом описания русской философско-лингвистической мысли. Мы не являемся первооткрывателями, когда говорим о необходимости в школьном обучении обращаться к истокам

родного языка, рассматривая его как национально-культурный феномен, как многофункциональную, исторически развивающуюся систему (подробнее об этом см. [2, с. 3–4]). В последние годы усилился интерес ученых-лингвистов к созданию лингводидактических основ для разработки школьного курса истории русского языка, хотя сама идея не является новой, и у нас уже сформированы свои традиции. Начало научного подхода к преподаванию русского языка на исторической основе, как известно, связано с именем Ф. И. Буслаева, который известен как автор работы «О преподавании отечественного языка» (1844 г.). В защиту принципа историзма выступал академик А. А. Шахматов, который утверждал, что объяснение форм современного русского языка совершенно немыслимо без ссылок на историю, на прошлое языка. Об этом размышляли такие выдающиеся лингвисты, как Ф. Ф. Фортунатов, Е. Ф. Будде и многие другие ученые, которые понимали, что в школьной практике синхронический подход при объяснении многих фактов русского языка давно устарел. Современные школьники должны усвоить важные истины, понимая, что русский язык постоянно развивается, сохраняя внутреннее единство своей системы, что на всех этапах своего развития эта система подчиняется законам эволюции и что любое, казалось бы, парадоксальное (аномальное) явление в современном его состоянии в прошлом было закономерным элементом старой системы.

Дидактический принцип историзма, в основе которого заложена возможность перехода к теоретическому, логическому осмыслению процесса обучения, является важным для всех наук, изучающих исторически развивающиеся системы. В современной лингводидактике существуют разные определения самого понятия *историзм*. За основу можно взять любое. Например, М. Ю. Баранова соединяет этот принцип с историей лингвистики и русистики и определяет его как специальный общий методический принцип, предполагающий учёт исторических изменений, сохранившихся в той или иной форме в современном литературном языке [1, с. 138]. В общих чертах — это такой принцип научного познания, который предполагает исследование объекта в диахроническом аспекте. Реализация принципа историзма направлена на решение одной из важнейших задач — на возвращение школе и образованию в целом их национального характера.

На уроках русского языка можно предложить школьникам различные формы обращения к историческому материалу. Это могут быть краткие сообщения учителя, тематические беседы, чтение текстов об известных лингвистах и их работах по истории русского языка. Полезен также самостоятельный поиск материалов, связанных с историческим анализом художественных текстов, подготовка сообщений, написание рефератов о научном творчестве известных российских ученых в этой области. В старших классах можно организовать дискуссионные

обсуждения вопросов истории русистики, требующих более глубокого осмысления. Крайне полезны творческие письменные работы: изложение, изложение с элементами сочинения, изложение сжатое, выборочное; сочинение (подробнее см. [5, с. 38]). Значительное место в этом процессе должно быть отведено историческим комментариям. Ограниченность объема сообщения не позволяет привести доказательные примеры, которые подтверждают важность такой формы работы при изучении разных разделов русского языка в школе. В первую очередь они необходимы и полезны при усвоении лексики и фразеологии, при изучении русского алфавита и основ русского правописания. Без грамотного исторического комментария трудно усваивается морфология, поскольку важные для нашего языка грамматические категории сформировались в далёком прошлом, а результат эволюции некоторых из них сегодня получил статус «лингвистических парадоксов» [4].

В настоящее время уже имеются серьезные теоретические наработки по реализации принципа историзма в практике преподавания русского языка в современной школе. Однако сама методическая система включения истории языка в структурно-содержательный компонент обучения родному языку, к сожалению, до конца не разработана и не стала обязательной. В определенном долгу остаются филологи высшей школы. Из новых учебных планов по профилю «Русский язык и литература» исключены в полном объеме некогда разработанные специальные учебные курсы и семинары по названной проблематике. Однако в среде равнодушных учёных-лингвистов и опытных методистов-профессионалов эта проблема сегодня вызывает повышенный интерес и вселяет надежду в её скорейшее решение.

Список литературы

1. Баранова, М. Ю. Методика преподавания русского языка: таблицы, схемы, комментарии: Учеб.-метод. пособие / М.Ю.Баранова. — Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. — 62 с. — ISBN 5-7695-0347-1
2. Зайцева, О. Н. Уроки истории русского языка в школе: Предпрофильное обучение. 8 класс: Методическое пособие для учителя / О. Н. Зайцева. — Москва: Вербум, 2005. — 119 с. — ISBN 5-8391-0137-0
3. Русские писатели о языке. Хрестоматия / под. ред. А. М. Докусова. — Ленинград: Государственное учебно-методическое издательство Минпроса РСФСР, 1955. — 460 с.
4. Одинцов, В. В. Лингвистические парадоксы / В. В.Одинцов. — Москва: Просвещение, 1988. — 172 с. — ISBN 5-09-000520-6
5. Янченко, В. Д. Взгляд на принцип историзма и его роль в преподавании русского языка в средней школе / В. Д. Янченко // МИРС. — 2007. — №1–2. — С. 37–38. — ISBN 978-5-4263-0772-8

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКИЙ КОД В ГОДОНИМИКОНЕ БОЛЬШОГО ДОНБАССА

Ярошенко Н. А., к. филол. н, доц., *Ладнова Е. В.*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

nayaroshenko@yandex.ru, ekaterinaladnowa@yandex.ru

Введение. Данная статья продолжает цикл публикаций представителей Донецкой ономастической школы, в которых осуществляется комплексное исследование урбанонимии Большого Донбасса.

Исследование урбанонимикона представляет собой актуальную проблему современной ономастики, лингвокультурологии и лингвистического краеведения. Годонимы, т. е. наименования линейных адресных объектов, входят в ядро урбанонимического поля (см. [2]).

Цель предлагаемой публикации заключается в том, чтобы определить специфику годонимов, реализующий эмоционально-характерологический код в годонимиконе Большого Донбасса. **Объектом анализа** являются названия линейных адресных объектов, эксплицирующие данный код, как компонент системы годонимов Большого Донбасса. В то время как **предметом исследования** выступают функциональные параметры данного типа наименований. Анализу подвергаются официальные, письменно фиксируемые формы годонимов. Аспект анализа — синхронный.

Основная часть. Эмоционально-характерологический код реализуется с помощью наименований, в основе которых лежит принцип номинации по присущим или приписываемым им свойствам и качествам [1]. Такие наименования призваны создавать позитивный образ населенного пункта в целом. При этом в топонимии в целом эмоционально-характерологический код может эксплицироваться в онимах, указывающих на положительные и негативные качества. Однако в годонимиконе Большого Донбасса не зафиксированы наименования, связанные с отрицательными качествами.

Наиболее частотными наименованиями, реализующими эмоционально-характерологический код, являются **годонимы, отражающие свойства адресного линейного объекта**: *Солнечная ул.* (г. Донецк ДНР, г. Горловка, г. Макеевка, г. Амвросиевка, г. Шахты), *Солнечный пер.* (г. Горловка, 2 наименования в г. Макеевке, г. Донецк Донецкой области, г. Новошахтинск, г. Гуково), *Солнечный мкрн* (г. Макеевка), *Солнечный тупик* (г. Миллерово), *Светлая ул.* (г. Донецк ДНР, г. Горловка), *Светлый пер.* (г. Миллерово, г. Донецк Ростовской

области, г. Новошахтинск, г. Гуково), пер. *Светлый Путь* (г. Шахты), *Ясная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Горловка, г. Донецк Ростовской области), *Ясный* пер. (г. Звереве, г. Новошахтинск), пер. *Ясная Поляна* (г. Новошахтинск), *Лучистая* ул. (г. Донецк ДНР) и пр.; *Тенистая* ул. (г. Донецк ДНР), *Тенистый* пер. (г. Донецк Ростовской области, г. Шахты); ул. *Теплый Стан* (г. Горловка), *Теплый* пер. (г. Гуково); *Холодная* ул. (г. Донецк ДНР), *Прохладная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Новошахтинск), *Прохладный* пер., (г. Шахты, г. Гуково), *Студеный* пер. (г. Донецк Ростовской области); *Чистая* ул. (г. Горловка); *Благоустроенная* ул. (г. Донецк ДНР) и пр.

Среди годонимов, характеризующих адресный линейный объект, можно выделить бинарные оппозиции *светлый/темный* и *теплый/холодный*. При этом категория *темный* в годонимиконе опосредованно представлена наименованиями *Тенистая* ул. и *Тенистый* пер. и не носит отрицательный характер.

Другая группа эмоционально-характерологических годонимов представлена наименованиями, отражающими **впечатления номинатора**. Среди них наиболее распространенными являются следующие наименования: *Благодатная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Горловка, г. Шахты), *Благодатный* пер. (г. Донецк Ростовской области); ул. *Дружбы* (г. Донецк ДНР, г. Горловка, 4 наименования в г. Макеевке, г. Харцызск, г. Енакиево, г. Амвросиевка, г. Снежное, г. Новошахтинск), пер. *Дружбы* (г. Донецк Ростовской области, г. Шахты), *Дружная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Макеевка, г. Миллерово, г. Новошахтинск), *Дружный* пер. (г. Горловка), *Дружелюбная* ул. (г. Горловка), *Товарищеская* ул. (г. Донецк Ростовской области) и пр.; *Счастливая* ул. (г. Донецк ДНР), пер. *Радости* (г. Шахты), *Радостная* ул. (г. Донецк ДНР), *Радостный* пер. (г. Гуково), *Веселая* ул. (г. Донецк ДНР, г. Горловка, г. Макеевка, г. Донецк Ростовской области, г. Новошахтинск), *Веселый* пр-т (г. Донецк ДНР), *Веселый* пер. (г. Новошахтинск, г. Шахты, г. Гуково) и пр.; *Отрадная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Макеевка, г. Снежное, г. Миллерово), *Отрадный* пер. (г. Макеевка, г. Енакиево, г. Донецк Ростовской области); *Радужная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Горловка, г. Макеевка), *Радужный* проезд (г. Донецк Ростовской области), *Радужный* пер. (г. Шахты) и пр.; *Желанная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Горловка, г. Макеевка, г. Енакиево), *Желанный* пер. (г. Миллерово) и пр.; *Тихая* ул. (г. Донецк ДНР, г. Горловка, 3 наименования в г. Макеевке, г. Енакиево, г. Гуково), *Тихий* пер. (г. Горловка, г. Каменск-Шахтинский, г. Миллерово, г. Донецк Ростовской области, г. Новошахтинск, г. Шахты).

К менее распространенным годонимам, выражающим впечатления номинатора можно отнести такие наименования: *Бойкая* ул. (г. Макеевка), *Бойкий* пер. (г. Шахты), *Грозный* пер. (г. Шахты), *Любимая* ул. (г. Енакиево, г. Миллерово), *Людная* ул. (г. Шахты), пер. *Молодости* (г. Шахты), ул. *Надежды* (г. Новошахтинск), пер. *Надежды* (г. Шахты),

ул. *Оптимизма* (г. Шахты), ул. *Отважных* (г. Шахты), *Отважная* ул. (г. Шахты), *Сказочная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Горловка), *Удачная* ул. (г. Донецк ДНР), *Уютная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Миллерово), *Уютный* пер. (Донецк Ростовской области, г. Шахты), ул. *Юности* (г. Донецк, г. Макеевка, г. Гуково) и пр.

Так, годонимы, эксплицирующие эмоционально-характерологический код, носят не только констатирующий, но и пожелательней характер. Данные наименования тесно связаны с субъективной оценкой номинатора и могут не совпадать с впечатлением реципиента.

Кроме того, к числу эмоционально-характерологических годонимов можем отнести наименования, мотивированные названиями драгоценных и полудрагоценных камней: *Алмазная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Горловка, г. Макеевка, г. Енакиево, г. Гуково), *Алмазный* пер. (г. Снежное, г. Новошахтинск, г. Шахты); *Жемчужная* ул. (г. Донецк ДНР, г. Горловка, г. Миллерово, г. Шахты), *Жемчужный* пер. (г. Горловка); *Изумрудная* ул. (г. Донецк, г. Макеевка, г. Донецк Ростовской области), *Изумрудный* пер. (г. Шахты); *Малахитовая* ул. (г. Горловка), *Малахитовый* пер. (г. Шахты); *Хрустальная* ул. (г. Донецк Ростовской области), *Хрустальный* пер. (г. Донецк ДНР, г. Горловка, г. Макеевка).

Заключение. Эмоционально-характерологический код эксплицируется с помощью годонимов, в семантике которых отражены абстрактные символические понятия. При этом внутригородские наименования отражают свойства адресных линейных объектов и впечатления номинатора. Такой принцип номинации позволяет создавать годонимы, способные оказывать эмоциональное воздействие на реципиента.

Список литературы

1. Дорофеенко, М. Л. Репрезентация эмоционально-характерологического кода в виконимии Беларуси
2. Мадиева, Г. Б. Система современной урбаномистической терминологии / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вопросы ономастики. — 2017. — Т. 14. — № 2. — С. 115–125.

История русской литературы и теории словесности

УДК 821.161.1

О НЕКОТОРЫХ ПРИЕМАХ ПИСЬМА NON-FICTION (НА ПРИМЕРЕ «ЗАМОГИЛЬНЫХ ЗАПИСОК» В. С. ПЕЧЕРИНА)

Бедулева О. А.¹, Созина Е.К., д-р филол. наук, проф.

¹ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, РФ
olga.beduleva@gmail.com

Введение. В. С. Печерин (1807–1885) — автор «Замогильных записок» — мемуарных отрывков, написанных в эмиграции в попытках объяснить свое бегство за границу и отправленных им в Россию. Текст произведения, собранного позднее, представляет собой письма, предназначенные для разных получателей: племянника С. Ф. Пояркова, друга по университету Ф. В. Чижова и цензора А. В. Никитенко.

Цель настоящего исследования — определить круг основных приемов письма, используемых автором для решения различных коммуникативных задач в зависимости от адресата текста.

Основная часть. Помимо уже указанных, по мере работы над воспоминаниями в тексте появляются и проявляются новые — имплицитные — адресаты (родина, а также образ будущей России, современники и потомки, образ абстрактного читателя, авторское «я»). По итогам прошлых исследований нам удалось выделить ряд реципиентов, которым были адресованы записки Печерина, и проанализировать каждый блок фрагментов [1].

Печерин отправляет в Россию два отрывка «Замогильных записок» по просьбе своего племянника Пояркова, который сообщил ему, что его стихотворение «Не погиб я средь крушенья!» имело большой успех у русской аудитории: «Стихотворение Ваше, напечатанное в 29 № «Дня», произвело на всех читавших его у нас столь сильное впечатление, что как только я заявил близким моим знакомым, что имею дополнительные от Вас сведения и стихотворения, то дня чрез три должен был носить Ваше письмо постоянно при себе, чтобы удовлетворить желанию всех обращавшихся ко мне за прочтением этого письма» (письмо от 30 октября 1865 г.) [5, с. 82]. К реальному адресату добавляется еще один подразумеваемый — окружение Пояркова. После смерти племянника реципиентом становится друг Печерина Чижов, благодаря которому круг адресатов расширяется сначала до редакторов журналов, в которых предполагается напечатать записки, затем присоединяется вся аудитория

изданий. По ходу работы над текстами Печерин конструирует собирательный образ имплицитного читателя, а единственным реальным, знакомым с ним лично человеком, но при этом гипотетическим адресатом становится Герцен, с которым Печерин ведет заочный диалог, приводя цитаты Герцена и отвечая на них.

Печерин начал работу над автобиографией еще до того, как к нему обратился Поярков. Очевидно, новость о том, что о нем вспомнили в России и желают знать о его судьбе, не могла оставить его равнодушным, однако он выражает легкое отстранение в своем ответном письме, ссылаясь на трудоемкость предстоящей работы, соглашаясь удовлетворить чужое любопытство: «...чтобы удовлетворить вашему и ваших друзей желанию, я посылаю вам два ... отрывка» [4, с 148].

В том же письме он пишет Пояркову: «Как размотать эти тонкие нежные нити мысли, крепко связанные неумолимою логикою жизни?» [4, с. 148], — частотным образом является клубок — атрибут сказок, благодаря которому можно выйти на верный путь: «Я стараюсь теперь размотать запутанные нити разнообразных причин...» [4, с. 260], «После этого предисловия обратимся к делу, т. е. reprenons le fil de notre narration [возвратимся к нити нашего повествования — фр.]» [4, с. 283], «Ты единственная нить, связывающая меня с Россией: когда эта нить порвется, тогда мне останется только завернуться в плащ стоического равнодушия...» [4, с. 311]. «Распутывание нитей» происходит на протяжении всей биографии; пространно размышляя о мотивах своих поступков, Печерин не всегда переходит к сути, предпочитая откладывание ответа.

Для отправки крупному российскому цензору и государственнику А. В. Никитенко Печерин выбирает наиболее «подходящий» отрывок «Эпизод из петербургской жизни», в котором нет явного обличения российской действительности, — таким образом, текст не создается для адресата, а подбирается специально для него из уже имеющихся. Н. М. Первухина-Камышникова отмечает, что Печерин в других письмах Никитенко выдерживает романтический культ дружбы: «Выраженная в письмах к Никитенко благодарность «святой пятнице» скорее соответствует требованиям романтической риторики, нежели свидетельствует о глубоком чувстве» [3, с. 41], — что дает основания полагать, что намеренный выбор фрагмента направлен на достижение коммуникативного успеха и конкретной цели автора — увидеть мемуары опубликованными. Помимо этого, в тексте присутствует передача собственных суждений через чужую речь (реплика баронессы Розенкампф об удручающем положении дел в России и отсутствии возможностей для молодого поколения), с помощью которой автору удается создать иллюзию нейтрального авторского тона повествования.

Особого внимания заслуживает оппозиция Печерина и Герцена, в которой Герцен как воображаемый читатель находится на границе

эксплицитного и имплицитного адресатов. По инициативе Герцена их переписка оборвалась в 1862 г., и Герцен лишь однажды упомянул о ней в письме Тургеневу: «Вчера получил длинное письмо от pater Печерина; уверяет о каком то моем призвании на allertei und monches» [2, с. 222]. Многие части «Замогильных записок» создаются уже после смерти Герцена, однако Печерин продолжает полемику с ним: приводит его слова из прошлых писем и публикаций, а затем вступает в диалог с образом отсутствующего адресата, порой меняя свою точку зрения с критики на благодарность, словно Герцен сам отвечает ему и воздействует на мнение своего оппонента.

В качестве художественного средства изображения образа переживания и одновременно объяснения причин своих поступков для потомков Печерин прибегает к использованию романтической риторики (экспрессивная лексика, цитаты из европейской литературы). Для создания эффекта доверительной беседы и откровенности Печерин прибегает к конструированию идентичности автора и читателя: для имплицитного адресата он использует апелляцию к общему культурному коду, теме родины, библейским мотивам, для эксплицитного — к общим воспоминаниям. Для большинства отрывков Печерин характерна подчеркнутая покаянная тональность, предельная доверительность и открытость письма. Обращаясь к покинутой им России, он стремится нарисовать образ себя исповедующегося, понятный ему самому и современникам.

Заключение. Для реализации авторского замысла Печерин использует различные приемы повествования в зависимости от адресата, воздействуя на читателя; при этом фактор адресности становится определяющим исходя из самой истории создания «Замогильных записок».

Список литературы

1. Бедулева О. А. Рецептивный аспект «Замогильных записок» В. С. Печерина / О. А. Бедулева // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых / отв. ред. Т. А. Снигирева, Л. А. Назарова, А. М. Меньщикова — Екатеринбург : Издательство Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2023. — С. 75–80.
2. Герцен А. И. Письма 1860–1864 годов / А. И. Герцен // Собрание сочинений в 30 томах / Акад. наук СССР, Институт мировой лит. им. А. М. Горького. — М. : Наука, 1963. — Т. 27. — С. 222.
3. Первухина-Камышникова Н. М. В. С. Печерин: эмигрант на все времена / Н. М. Первухина-Камышникова. — М. : Языки славянской культуры, 2006. — 334 с.
4. Печерин В. С. Замогильные записки (Apoloigia pro vita mea) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / Под ред. И. А. Федосова ; коммент. С. Л. Чернова. — М. : Издательство Московского университета, 1989. — С. 148–311, 381–415. — ISBN 5-211-00290-3.
5. Печерин В. С. APOLOGIA PRO VITA MEA. Жизнь и приключения русского католика, рассказанные им самим / Отв. ред. и сост. С. Л. Чернов. — СПб. : Нестор-История, 2011. — 864 с., с ил. — ISBN 978-5-98187-600-4.

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПСИХОЛОГИЗМА В МАЛОЙ ПРОЗЕ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

Белоконь С. А., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
clairsv@mail.ru

Основная и общая тенденция в эволюции психологизма в литературе XX века — это отталкивание от способов аналитических в пользу синтетических, отказ от прямых и рационалистических приемов в сторону косвенных, сложно опосредованных и все пристальнее обращенных к сфере подсознательного.

Все сказанное выше подтверждает необходимость предпринятого нами исследования. Актуальность данной работы обусловлена потребностью детального изучения особенностей психологических приемов, используемых в рассказах Вс. Иванова.

Цель исследования — выявить особенности художественного психологизма в рассказах Вс. Иванова.

Художественное наследие Вс. Иванова рассматривалось в контексте литературного процесса и эпохи, литературно-эстетических взглядов писателя, стилового своеобразия, традиций.

Психологизм является особой категорией анализа художественного произведения, позволяющей верно и живо изобразить душевные движения. В литературоведении существует тенденция к расширению и сужению границ понятия.

В широком смысле под термином «психологизм» понимается общее свойство литературы и искусства воссоздавать человеческую жизнь и характеры. В узком смысле психологизм представляет собой сознательную установку некоторых писателей на постижение внутренней жизни человека, когда психологическое изображение становится основным способом изображения персонажей.

Мы рассматриваем психологизм автора сквозь призму приемов психологического анализа классической русской литературы, представленную в исследованиях Л. Выготского, И. Страхова, Л. Гинзбург, А. Есинар.

В нашем исследовании мы опирались на определение О.В. Золотухиной: «Художественный психологизм — художественно-образная, изобразительно-выразительная реконструкция и актуализация внутренней жизни человека, обусловленные ценностной ориентацией автора, его представлениями о личности и коммуникативной стратегией» [1, с. 14].

Конфликт у Вс. Иванова часто служит не снятию противоречий, а, напротив, усложняет сюжетную коллизию, обостряет дальнейшие взаимоотношения героя с обществом, миром, природой (в том числе на уровне инстинктов), когда поиск истины оказывается непосильным для ищущего. Так, в трех рассказах «Ночь», «На покой», «Жизнь Смокотинина» (1926) из цикла «Тайное тайных» — превалирование подсознательного и бессознательного оценочного отношения персонажей к миру.

Уже современники отметили, что в книге «Тайное тайных» (1927) писатель «находит ту простоту, которая дается очень непросто. «Сюжет и фабула в произведениях Всеволода Иванова никогда не были шаблонны, но далеко не всегда художник достигал в них завершенности, стройности, четкости и пропорциональности. И с этой стороны писатель приобрел нужный опыт и развил в себе чувство меры» [2, с. 116–117].

В некоторых произведениях Иванова, как у его современников, микросцены демонстрируют превалирующую роль невербального компонента. Жесты и кинетическое поведение в целом могут противоречить внутреннему состоянию человека, походка манифестировать изменение социального статуса человека, его лидерства, указывать профессию.

Рассмотренные нами репрезентативные примеры использования невербальной семиотики в изображении кинетического поведения персонажа на материале ранней прозы Вс. Иванова свидетельствуют о внимании писателя к внешним формам психологического анализа.

Стилевой доминантой психологизма выступает, во-первых, «жестовый» психологизм, что позволяет говорить о внимании писателя к внешним формам психологического анализа.

Художественный психологизм Вс. Иванова демонстрирует обращение писателя как к естественному языку, так и к языку тела с учетом жестовой, визуальной, пространственной, тактильной коммуникации персонажей, обнажая глубинные, потаенные связи «внутреннего человека» с внешней речью и жестом.

Список литературы

1. Золотухина О. Б. Психологизм в литературе / О. Б. Золотухина. — Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. — 181 с.
2. Воронский А. К. Избранные статьи о литературе / А. К. Воронский. — М.: Художественная литература, 1982. — 527 с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА В. И. ЛЕНИНА В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПЕРИОДИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛОВ «ПИОНЕР» И «КОСТЁР» 1970–1980-х гг.)

Блохина Я. А., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», г. Пенза, РФ
pgu-english@mail.ru

В научной литературе существует ряд исследований, посвященных специфике конструирования образов советских вождей на материале разных стилей [2, 3, 4, 5]. Анализируя особенности создания и трансляции советского мифа вождизма каналами СМИ, Л.А. Васильева отмечает: «Атмосфера прославления вождей посредством СМИ окружала советского человека с самого рождения. Так воспитывались поколения, „беззаветно преданные делу коммунизма”» [1: 41]. Целью настоящего исследования является выявление репрезентаций образа В.И. Ленина в советской детской прессе позднесоветского периода. Материал исследования — выпуски журналов «Пионер» и «Костёр» за 1970-1980-е годы. Количество изученных текстов — 30, мультимодальных контекстов — 10. Методология исследования основана на положениях социального конструкционизма и критического анализа дискурса.

В ходе исследования установлено, что имя Владимира Ильича Ленина можно рассматривать как одну из базовых идеологем, актуализируемых в советских детских журналах. Идеологическая нагрузка образа создается, с одной стороны, базовыми знаниями о вожде революции, а с другой стороны — контекстуально, посредством включения его имени в репрезентации советской действительности. К числу типичных языковых средств конструирования образа советского предводителя относятся сочетания со словоформой в родительном падеже (*Ленина*) либо с прилагательным *ленинский*: *дело Ленина, заветы Ленина* (или *заветы Ильича*), *ленинская мечта, ленинские заветы, ленинское задание, ленинские места*. Их использование приводит к мифологизации советского вождя, который воспринимается не как реальный человек, а как идея, аксиологическая установка, которая выступает абстрактным атрибутом конкретных действий и идей современности.

В. И. Ленин репрезентируется в советских детских журналах как живой, бессмертный человек, оценивающий происходящие в стране изменения, что выражается посредством гипотетических предположений в форме сослагательного наклонения (*если бы ..., он бы ...*). Подчеркнем, что мифологизация Ленина, характерная для мира взрослой идеологии, распространяется на мир детей и использует подобные механизмы актуализации.

Репрезентация В. И. Ленина как гимназиста *Володи Ульянова* фактически уравнивает его с читателями-школьниками, сближает. Такая стратегия интимизации дополняется стратегией эмоционализации, реализуемой эмотивной лексикой с положительно-оценочной семантикой и стилистическими приемами. Данные языковые средства должны вызвать у ребенка-читателя добрые и искренние чувства по отношению к В. И. Ленину, который когда-то был таким же, как и он.

Образ В. И. Ленина конструируется и визуальными средствами. На рисунках советский вождь изображается не только в рабочих ситуациях, но и в окружении ребят, что создаёт образ человека, любящего детей. Помещение Ленина в «детские» ситуации визуальными средствами также выполняет функцию интимизации и сближения. Таким образом, близость к детям актуализируется как вербальными, так и визуальными способами.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00775, проект «Медиа-типурированная модель советского общества в детской периодике», <https://rscf.ru/project/22-28-00775/>

Список литературы

1. Васильева Л.А. Конструирование советского мифа вождизма и его транслирование каналами средств массовой информации / Л.А. Васильева // Регионоведение. — 2013. — №4 (85). — С. 41-45.
2. Кочкина А. А. Динамика образов русской революции 1917 года и ее вождей в советском кинематографе (1920-1950-е гг.) / А. А. Кочкина // Историко-педагогические чтения. — 2017. — № 21-2. — С. 86-92.
3. Мусорина О. А. "Лениниана" на страницах журнала "Пионер": дискурсивные тактики репрезентации вождя / О. А. Мусорина, Н. С. Данкова // Казанская наука. — 2022. — № 10. — С. 166-169.
4. Орех Е. А. Образ советского вождя: визуальные послания первой половины XX века (на материалах центральных и местных газет) / Е. А. Орех // Властные структуры и группы доминирования : Материалы десятого Всероссийского семинара "Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации", Санкт-Петербург, 29–31 октября 2011 года / Под редакцией А.В. Дуки. — Санкт-Петербург: Фонд "Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ", 2012. — С. 473-493.
5. Сосницкий Д. А. Образы вождей в советских учебных планах: на примере В.И. Ленина и И.В. Сталина / Д. А. Сосницкий // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность : Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 13–14 мая 2022 года / Под редакцией Т.И. Рябовой. — Брянск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Брянский государственный инженерно-технологический университет", 2022. — С. 58-63.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ ЧЕХОВА

Варенова О. С., Савинков С. В., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
varenovaos11@gmail.com

Введение. Литературная деятельность, как известно, неразрывно связана с вдохновением. Одни писатели находили его в любви или уединении, другие в салонах или в крестьянских избах. Часто писатели отправлялись в путешествия, чтобы познакомиться с бытом и нравами других стран и народов, что впоследствии ложилось в основу их произведений. Так, И. А. Гончаров в 1852-1855 годах поучаствовал в экспедиции на военном парусном корабле, побывав в Англии, Африке, Китае и Японии. Позже полученные впечатления нашли выражение в книге очерков «Фрегат Паллада» и других произведениях. Г. И. Успенский в очерке «Выпрямила» описывает свои собственные впечатления от встречи с Венерой Милосской в парижском Лувре. Поездка в Париж и Лондон в 1875 году дала возможность очеркисту увидеть и сравнить европейские быт и нравы с российскими, что впоследствии неоднократно использовалось им в очерках и рассказах.

В биографии А. П. Чехова путешествиям отведено значительное место. За всю свою жизнь писателю удалось побывать на Урале, в Сибири, на Сахалине, в Гонконге, Сингапуре, Шри-Ланке. А. П. Чехов объехал пол-Европы и практически весь Крым, мечтал побывать в Африке и даже на просторах Ледовитого океана.

Цель — исследование взаимосвязи между литературным творчеством А. П. Чехова и его путешествий. Анализ отражения в его произведениях личных наблюдений и впечатлений. Раскрытие взаимосвязи между локальным окружением и литературным наследием писателя, а также понимание, как география влияла на его произведения и обогащала их смысл.

Основная часть. Для А. П. Чехова жажда путешествий отвечала состоянию его души. О путешествиях по миру он мечтал до самой смерти. За три года до кончины Чехов писал своей жене: «...люблю я путешествовать. Моя мечта последних дней — поездка на Шпицберген летом или на Соловки» [27, с. 122]. *⁵

Однако писатель путешествовал не только в мечтах, но и в жизни. В 1888 году состоялось его первое большое турне: Чехов отправляется в путешествие по Полтавской и Харьковской губерниям, затем в Крым и Феодосию, а после — на Кавказ. Именно на Кавказе драматург создает

* Ссылки на чеховские тексты приводятся в скобках с указанием тома и страниц [27, с. 122].

повесть «Дуэль», где описывает свои впечатления от данной местности. В письмах к брату Ивану писатель восхищается Абхазией, он пишет: «Я в Абхазии! ... Природа удивительная до бешенства и отчаяния. Все ново, сказочно, глупо и поэтично... Если бы я пожил в Абхазии хоть месяц, то ... написал бы с полсотни обольстительных сказок» [16, с. 280]. Чехов также поразился увиденному по пути в Баку. Это были новые, резкие впечатления, и все пережитое до этого представлялось теперь сновидением. Этот факт усилил жажду дальних странствий в писателе [2, с. 50].

В том же 1888 году драматург получает новость о неожиданной смерти Николая Пржевальского. Это случилось накануне его пятой экспедиции в Центральную Азию и Тибет. Размышляя о подобных «людях подвига» (Стэнли, Миклухо-Маклай, Ливингстон), Чехов утверждает, что для любого общества «подвижники нужны, как солнце», так как они олицетворяют «высшую нравственную силу». Как говорил сам писатель: «Один Пржевальский или один Стэнли стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг» [16, с. 120]. Несомненно, что огромное значение в произведениях Чехова отводится не только персонажам, их чувствам и поступкам, но и путешествиям, поискам путей и открытиям новых мест не только с целью открытия новых знаний, но и с целью духовного насыщения [2, с. 65].

В 1889 году писатель отправляется в поездку на Украину и на Южный берег Крыма, где знакомится с прибрежными городами и курортными поселками: Гурзуф, Ливадия, Алупка, Форос, Балаклава. В Ялте Чехов работает над повестью «Скучная история» и пьесой «Леший», где присутствует значительный пласт впечатлений от Украины и Крыма [12, с. 157].

Чехов писал: «Я купил кусочек берега с купаньем и Пушкинской скалой около пристани и парка в Гурзуфе. Принадлежит нам теперь целая бухточка, в которой может стоять лодка или катер. Дом паршивенький, но крытый черепицей, четыре комнаты, большие сени. Одно большое дерево — шелковица.». В августе 1900 года писатель отправится сюда на поиски творческого уединения и будет работать над первым действием драмы «Три сестры» [13, с. 233].

Также одним из важнейших путешествий в жизни А.П. Чехова стала поездка на остров Сахалин в 1890 году. Писателю за год удалось совершить масштабный тур, бравший свое начало в Москве и окончившийся в Санкт-Петербурге. За это время Чехов посетил и пересек такие города России как Ярославль, Нижний Новгород, Кострома, Плес, Кинешма, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Томск, Ишим, Ялуторовск, Мариинск, Ачинск, Красноярск, Иркутск, Канск, Чита, Улан-Удэ (бывш. Верхне-Удинск), Нерчинск, Сретенск, Благовещенск, Хабаровск (бывш. Хабаровка), Николаевск-на-Амуре, Корсаков [3, с. 79]. Это путешествие

кардинально повлияло на творчество драматурга. Под его влиянием он в течение четырех лет работает над книгой «Остров Сахалин». Сахалинская поездка отразилась не только на мировоззрении, но и на творческой манере письма Чехова [5, с. 85].

Мировоззрение А.П. Чехова как путешественника раскрывает одно из его суждений, высказанных во время заочного спора со Львом Николаевичем Толстым, с которым он познакомился в 1895 году, и провел довольно продолжительное время в Крыму весной 1901 года [4, с. 101]. Речь шла о его комментарии к сюжету известного рассказа Льва Николаевича «Много ли человеку земли нужно?». Герой рассказа — богатый крестьянин в своем страстном стремлении разбогатеть и стать крупным землевладельцем надрывается и находит свое успокоение на трех аршинах могильной земли. В ответ на призыв к умеренности Чехов ответил устами своего персонажа: «Три аршина земли нужны трупу <...> Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа.» [10, с. 29].

Заключение. География путешествий и литературное творчество А.П. Чехова тесно связаны между собой. Географическое окружение, в котором жил и работал писатель, оказало глубокое влияние на его творчество. Это отразилось не только в описаниях природы, но и в образах персонажей. Так, «Остров Сахалин», «Дуэль», «Скучная история» и другие повести и пьесы имеют черты или являются отражением полученных А.П. Чеховым впечатлений. Путешествия А.П. Чехова были неотъемлемой частью его творческого процесса, обогащая его литературное наследие разнообразием опыта и источников вдохновения, а также позволяя ему создавать более глубокие и живые миры в своих произведениях.

Список литературы

1. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
2. Белик, А.П. О своеобразии нравственно-эстетической позиции А. П. Чехова / А.П. Белик // Вопросы философии. — 1981. — №. 12. — С. 127 – 137.
3. Гитович, Н. И. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова / Н.И.Гитович. — М.: Гослитиздат, 1955. — 880 с.
4. Калущков, В.Н. Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова из Сибири и его путевых писем) / В.Н. Калущков // Географический вестник. — 2021. — №3 (58). — С. 74 – 91.
5. Сысоев, Н. Чехов в Крыму / Н. Сысоев; предисл. М.П. Чеховой; ст. О.Л. Книппер-Чехова. — Симферополь: Крымиздат, 1954. — 151 с.

СОБЫТИЙНОСТЬ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩАЯ ОСОБЕННОСТЬ ПУТЕШЕСТВИЯ

Губарева М. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
marina.gubareva96@mail.ru

Введение. Путешествие — наиболее общее метажанровое определение путевой прозы в единстве её формы и содержания. К его основным особенностям относят ведущую роль категории пространства, протяжённость во времени, динамичность, событийность, наличие маршрута и дорожных мотивов, а также духовный отклик главного героя. Однако вопрос о том, какая именно категория является для путешествия стержневой остаётся открытым. В данном исследовании жанрообразующая роль в текстах путевой литературы отводится событийности, понимаемой как нерасторжимая единица сюжетного построения, выходящая за рамки обыденности.

Цель исследования состоит в утверждении событийности как жанрообразующей черты путешествия, выявлении её специфики, а также связей с иными композиционными и сюжетными особенностями путевой прозы.

Основная часть. Определение специфической роли события в структуре художественного текста на сегодняшний день разнообразно, однако большинство литературоведов сходятся на том, что оно является ключевой категорией в повествовательных произведениях и служит для обозначения динамического начала сюжета. Наиболее распространено определение Ю.М. Лотмана: «событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» [3, с. 169]. Собственно, сюжет и представляет собой событийную цепь в определенной последовательности. В его основе — ключевое событие, в основе события — изменение, но не всякое изменение может быть рассмотрено как событие. «Сюжет органически связан с картиной мира, дающей масштабы того, что является событием, а что его вариантом, не сообщаящим нам ничего нового» [3, с. 169]. Итак, любое событие есть изменение, однако это понятие субъективное: для одного субъекта изменение может быть значительным, для другого — неважным, а для третьего — вовсе не существовать. Это непосредственно зависит от точки зрения, что подводит к мысли о роли личностного начала в структуре произведения. Так, наглядно отражается специфика путешествия в сравнении с некоторыми смежными понятиями, к примеру, поездкой. При внешнем сходстве, термины не тождественны. На первый взгляд они могут

использоваться в качестве синонимов, однако не всякая поездка может быть названа «путешествием». Как справедливо замечает А.А. Кораблёв, «Поездка — это выбранное или вынужденное движение из пункта А в пункт Б, которое не является событием в жизненном сюжете. Путешествие — это всегда больше, чем перемещение в пространстве; это ещё и ответное, внутреннее движение — духовное, душевное, смысловое. Именно они делают поездку путешествием» [2, с.136]. Примечательно, что данный отклик в душе героя происходит непосредственно через событийность: любому изменению образа мыслей и чувств путешественника способствуют впечатления и события. Однако происходит это за счёт их исключительности, потому под «событийностью» в подлинном смысле следует понимать не всё формально происходящее, а лишь то, что выламывается из привычного порядка, рутины и обыденности. Наглядна и связь событийности с ещё одной важной особенностью путевой литературы: путешествию, как известно, присуща духовная, душевная, нередко и интеллектуальная эволюция главного героя. Её он обретает посредством живого эмоционального отклика на события внешнего мира. Таким образом, путешествие имеет во многих культурах глубокую сакральную традицию, прямо сопряжено в культуре с развитием личности и познанием мира. И.Л. Беккер резюмирует: «Истинное путешествие — это духовная деятельность по достижению чего-то нового — того, что изменяет жизнь человека, выводит его за грань обыденности, гармонизирует его взаимоотношения с природой, людьми и самим собой» [1, с.6].

При рассмотрении категории событийности в текстах путешествий необходимо разграничивать подлинные события и дорожные ситуации. Исследовательница В. А. Шачкова заключает: ««Текст путешествия состоит из событий и ситуаций, формирующихся вокруг двух основных пространств — пространство дороги и города» [4, с.4]. К типичным дорожным ситуациям, по мнению исследовательницы, относятся общение с попутчиками, аварии, потери документов; пребывание в пространстве города.

Событие же отличается от дорожной ситуации своей необычностью, оно есть то, что произошло, когда при других обстоятельствах могло и не произойти. Если проанализировать данное понятие, напрашивается вывод: что является нормой, не может быть событием в подлинном смысле. Событие — это то, что вышло за рамки нормы, закона, традиций и т. д. К примеру, не всегда является событием смерть в композиции романских произведений, так как известно, что все люди смертны, в то время как геройская, мученическая смерти уже не представляют собой нормы, и потому вправе называться событиями. Таким образом, событие вызывает движение сюжета, что для занимательной путевой литературы играет ключевую роль развёртывания повествования. Следует оговориться, что

под событием как в повествовательной литературе в целом, так и в путевой прозе в частности ошибочно представлять лишь то, что относится к внешнему материальному миру. Внутренний мир персонажа столь же богат событиями, способными на смену семантических полей (влюблённость, отречение, смена взглядов и идеалов, картины мира и т. п.), что побуждает духовный и душевный отклик на события внешние — эта связь имеет диалектический характер.

Для того чтобы событие произошло, необходимо выполнение определенных условий: субъект изменения должен быть идентичен; содержания нарративного высказывания должны быть совместимы; сказуемые должны образовывать контраст, факты должны находиться в хронологическом порядке [5, с. 11]. Но, по мнению В. Шмида, этих условий недостаточно для того, чтобы событие свершилось: переход героем некой семантической границы не дает полного объяснения событию. Исследователь выделяет два ключевых условия осуществления события — фактичность изменения и результативность. Таким образом, не каждая ситуация является событием. Событие же — значимая в рамках парадигмы альтернативных вариантов конкретность не тождественная, однако, одному только факту: в отличие от последнего, событие не ограничено текстуальной фиксацией.

Заключение. Таким образом, событие, понимаемое как нерасторжимая единица сюжетного построения, выходящая за рамки обыденности, является жанрообразующей особенностью путешествия. Она служит для обозначения и развития динамического начала сюжета, способствует его развёртыванию. Именно событийность делает возможным путешествие в подлинном смысле, обуславливает и выявляет не только внешнее движение героев согласно маршруту, но и внутреннее движение их эмоций и чувств — духовное, душевное, смысловое. Категория событийности тесно, а порой и диалектически, связана с прочими жанровыми признаками путешествия.

Список литературы

1. Беккер И.Л. Путешествие как способ социального бытия и становления личности/ И.Л. Сафонов - Известия ПГПУ. 2006. №2. С.6- 7.
2. Культура в фокусе научных парадигм [Текст]: Материалы IV Международной научно — практической конференции (Донецк 6-7 апреля 2016 г.)/ научн. Ред. Кравченко О.А., Каина Н. Е.- Донецк: ДонНУ 2016 — Вып. 4.- 312с.
3. Топа В.И. Ю.М. Лотман и современная нарратология / В.И. Топа — Текст: непосредственный // Филологический класс — 2023 — Т. 27 №1 — С. 55-62.
4. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник ННГУ. — 2008. — № 3. — С. 277—281.
5. Шмид В. Нарратология./ В. Шмидт — Текст непосредственный — М.: Язык славянской культуры, 2003. — 312 с.

«ПОЭЗИЯ, ДОБЫТАЯ ИЗ ПРОЗЫ»: С. МАРШАК КАК ТЕОРЕТИК ПОЭЗИИ

Даренский В. Ю., д-р филос. наук, доц.

ГОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
darenskiy1972@rambler.ru

В эссе С. Я. Маршака, посвященном поэзии, содержится внешне простое, но на самом деле глубокое и своеобразное понимание поэзии, которое можно условно назвать «энергичной теорией поэзии». На фоне полного доминирования изучения поэзии как формы в XX веке, подход С. Я. Маршака, основанный на его личном опыте как поэта и переводчика, не только оригинален, но и важен для преодоления многих стереотипов.

В его статье «Зачем пишут стихами?» содержится такое рассуждение: «наличием этой прозы в стихах, в повестях и романах измеряется поэтическая честность, поэтическая глубина, ею измеряется и художественное мастерство. Может ли быть мастерство там, где автор не имеет дела с жесткой и суровой реальностью, не решает никакой задачи, не трудится, добывая новые поэтические ценности из житейской прозы, и ограничивается тем, что делает поэзию из поэзии, то есть из тех роз, соловьев, крыльев... которые тоже в свое время были добыты настоящими поэтами из суровой жизненной прозы?» [2, с. 45]. Обычно говорят о «поэзии в прозе», но никак не наоборот. Что здесь имеется в виду?

С.Я. Маршак пишет о том, что поэзия возникает как переработка жизненного материала («прозы») по особым законам языка поэзии. Вместе с тем, поэзию делает поэзией именно поэзия, то есть художественность текста, независимо от его конкретной тематики. Поэзия возникает как особый эффект гармонического контраста (как в самой жизни, так и в тексте); в тексте же поэзия возникает как семантический резонанс между отдельными его элементами [1]. А «делает поэзию из поэзии» те, кто работает не с реальным жизненным материалом, а только уже с готовым поэтическим языком, лишь стараясь придать ему «оригинальность».

Такая погоня за внешней «оригинальностью» является признаком непонимания природы поэзии как таковой: «Есть особое писарское высокомерие, которое ставит превыше всего своеобразие и щегольство росчерка. Иной ради этого росчерка даже перевернет страницу вверх ногами, чтобы удобнее было вывести на ней последние, самые замысловатые завитушки. Такому профессионалу кажется, что содержание — только повод для того, чтобы показать, как искусно он „владеет пером“». Целые поколения стихотворцев воспитывались на том, что главное в их деле заключается в своеобразии писательского почерка, являющегося самоцелью, а не естественным результатом вполне сложившегося мировоззрения, характера,

отношения к действительности» [2, с. 46]. Это рассуждение констатирует главную тенденцию в литературе XX века.

Далее С. Я. Маршак продолжает эту мысль: «Так бывает и с поэзией. Мы знаем целые периоды в ее истории, когда она страдала особой профессиональной глухотой. В таких случаях у нее вырабатывается свой собственный, весьма ограниченный и условный, непереводимый словарь. Правда, она не отказывалась подчас говорить и о жизненных явлениях, — или, вернее сказать, называла их по имени, но все, чего бы она ни касалась, — жизнь, смерть, любовь, война — превращалось у нее в словесный узор» [2, с. 46]. Этот красивый «словесный узор» создает «поэтичность», но не подлинную поэзию. Последнюю создает только «поэзия, добытая из прозы, а не взятая из готового поэтического арсенала» [2, с. 59].

С. Я. Маршак констатирует также и порчу художественного вкуса, которая обусловлена подменой в понимании природы поэзии: «Какая сила и какое искусство нужны поэту, который всегда имеет дело с неподатливым, новым, разнообразным, впервые входящим в поэзию материалом! Если снобы разных толков не видят этого мастерства, тем хуже для них. Это доказывает только, что они не понимают стихов, не умеют вглядываться и вслушиваться в стихи. Как у любителей изысканной кухни, так называемых „гурманов“, гордящихся своим прихотливым вкусом, на самом-то деле вкус притуплен острыми приправами, небо и язык обожжены всякими пряностями, так и литературные гурманы, пресыщенные поэзией, слышат только трескучую „музыку персидского шаха“ и глухи к оттенкам слова» [2, с. 64]. «Музыкой персидского шаха» называли какофонию при настройке инструментов. Аналогично и погоня за словесной «оригинальностью» портит вкус и подменяет то, что является подлинной художественностью.

Последнюю С. Я. Маршак определял так: «Подлинная, проникнутая жизнью поэзия не ищет дешевых эффектов, не занимается трюками. Ей недосуг этим заниматься, ей не до того» [2, с. 79]. В качестве примера он пишет о Пушкине: «Он создает живой, зримый образ, почти не прибегая к изысканным сравнениям и метафорам... простыми средствами достигает поэт предельной изобразительности» [2, с. 13]. В частности, «Пушкин всегда был скуп на прилагательные... Вы найдете у него целые строфы без единого прилагательного. Предложения составлены только из существительных и глаголов. Это придает особую действенность стиху» [2, с. 10]. Но это «скандальная» ситуация: ведь Пушкин фактически старается избегать всего того, что считается «образами», а сами эти «образы» наивно отождествляются с поэзией. Но вот оказывается, что «образы» — это вовсе не поэзия, а поэзия содержится в чем-то другом. В чем именно?

Поэзия создается не «образами», а любыми словами в речевом потоке, которые становятся как бы «больше самих себя»: «Поэт как бы

возвращает словам первоначальную свежесть, энергию, полнозвучность — достоинства, которыми они не обладали, покоясь в бездействии на страницах словарей... мастер своего дела, он умеет так поставить слово в ряду других, чтобы оно играло всеми своими красками, звучало неожиданно, веско и ново» [2, с. 86]. Но почему это происходит? Это происходит тогда, как выражается С.Я. Маршак, когда стих «работает» — то есть преобразует жизненный материал по законам гармонического контраста. «Если стих живет не праздной жизнью, а работает, он выдерживает огромный груз прозаического житейского материала, ничуть не теряя своей поэтичности и музыкальности» [2, с. 77]. Поэтому «без драгоценной прозы-мысли, дающей стихам „силу, жизнь”, не может быть истинной поэзии. И только при наличии такой прозы поэзия может занять принадлежащее ей по праву место в жизни и в литературе» [2, с. 82]. Тот уровень текста, о котором пишет С. Я. Маршак, можно назвать «первопоэзией», в отличие от текстов вторичных, пользующихся уже готовым «поэтическим языком». А этот уровень, в свою очередь, основан не на «образах», а на чистом энергичном потоке речи, в который не только показывает действие, но и сам является действием, порождающим семантический резонанс элементов речи.

С.Я. Маршак приводит такой пример из Н. Некрасова:

Ну, уж и буря была!
Как еще мы уцелели!
Колокола-то, колокола –
Словно о пасхе гудели!..

И отмечает: «Изумительный по своей мощи стих „Колокола-то, колокола” выбивается из стихотворного размера» [2, с. 75]. Здесь само нарушение стихотворного размера создает художественное содержание, усиливая гармонический контраст. Классики постоянно «выбивались из стихотворного размера» именно с этой целью.

С. Я. Маршак пишет: «Во всей мировой поэзии вы вряд ли найдете строки, равные по силе изображению Полтавского боя: „Тогда-то свыше вдохновенный / Раздался звучный глас Петра...”» [2, с. 12]. Казалось бы, строки эти максимально просты и незамысловаты, отчего же им дана такая высочайшая оценка? Потому что за внешней простотой в них явлена та максимально энергичная «первопоэзия», о которой говорит С.Я. Маршак.

Список литературы

1. Даренский В. Ю. Поэзия и философия: два вида экзистенциальной памяти / В.Ю. Даренский // Международный журнал исследований культуры. — 2012. — № 1 (6). — С. 34-40.
2. Маршак С.Я. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7. Воспитание словом (Статьи, заметки, воспоминания) / С.Я. Маршак. — М.: Худож. лит., 1971. — 640 с.

ИЗ ЗАМЕТОК О ПОЭТИКЕ А. А. БЛОКА: АЛЕКСАНДР БЛОК И БРЕТ ГАРТ

Домашченко А. В., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
a.domashchenko@bk.ru

02.08.2020

Артист — это человек, и художественно, и духовно одаренный. О таком человеке говорят: артистичная натура, даже если он не имеет никакого отношения ни к одной из артистических профессий. И в то же время среди представителей таких профессий, даже среди знаменитостей, много таких, кто никогда не был и не способен стать артистом.

Тот, кто одарен только в художественном или только в духовном отношении, не артисты. Если он только художник — для него нет в его искусстве «ни огня, ни звезды, ни пути» (А. Блок). Остается лишь движение наобум, и если ему в какой-то момент сопутствует удача, то это исключительно дело случая. Если же этот человек принадлежит лишь к внехудожественной духовной сфере, ему недостает художественного чутья, чтобы адекватно оценить и истолковать произведение искусства, при этом слепота бывает просто феноменальной (красноречивый пример — многочисленные исследования, посвященные роману «Мастер и Маргарита»).

Тот, кто лишен и художественной, и духовной одаренности, — не только не артист, но по сути свой последовательный и неумолимый враг артистизма, которого от искусства нужно держать подальше. Одна из самых больших трагедий советского государства заключалась в том, что именно такие люди с первых до последних его дней руководили искусством. Ситуация была настолько безнадежной, что даже Сталин с его не очень большой художественной одаренностью на их фоне выглядел гигантом.

Артистизм — почва, на которой встречаются Александр Блок и Брет Гарт.

05.08.2020

«Здесь никто еще не пробовал пахать — здесь колыхалось бурное, пестрое море пышных трав, дикой горчицы, овсюга, и высокие волны могли с головой поглотить в зеленой душистой глубине. Даже следы людской распри — вырванные из земли вежи, поваленные заборы, ямы — скрывало это травяное море» («Кресси», 1889) [2, т. 4].

Чудесная зарисовка, из которой, думаю, выросло стихотворение Блока «В густой траве пропадешь с головой...» [см.: 1, с. 247].

07.08.2020

А вот еще одно совпадение — со строкой «Обнимет рукой, оплетет косой...»: «И так, обвив его шею своей косой, она повлекла его с тропинки».

Что ж, отныне мы знаем, как изначально звали героиню стихотворения Блока. Ее имя — Крессида.

И уже никогда мы не сможем воспринимать стихотворение Блока без этой волшебной картины, да и забыть эту картину никогда не сможем: «...В том, как она бежала, высоко подобрав белые юбки, пригнув голову на гибкой шее, а за ней летели две длинные косы, освобожденные от шляпки, которая болталась на лентах у нее на локте, во всем ее облике было столько от преследующей путника менады, что в первое мгновение он вздрогнул.

Он остановился; она налетела на него и с легким смехом, обхватив его шею руками, повисла, запыхавшись, у него на груди».

В сборнике «Земля в снегу» (1908) рассматриваемое стихотворение Блока было опубликовано с эпиграфом *Parva domus — “magna quies”* («Малый дом — большой покой»). Эпиграф подсказывает нам, что ключевым для понимания стихотворения Блока является эпитет к слову «дом»: «В тихий дом войдешь, не стучась...».

В повести Брета Гарта «покой» — один из важнейших и определяющих мотивов. «Спокой», по мнению отца Кресси, является главным достоянием учителя, тогда как самому мистеру Маккинстри его катастрофически не хватает, и ни дом, ни река, ни лес, ни поле ему помочь в этом не могут: «...Привязал коня, подошел и в окно этак осторожно заглянул, рассмотреть вас хотел хорошенько. А там тихо так, спокойно. По крыше белки скачут, шмели да пчелы гудят, и все такое сонное вокруг, а наверху сойки стрекочут, будто меня и нет рядом. А вы ходите среди этих девчушек и мальчуганов, с одним поговорите, другому что-то покажете, и все так тихо, мирно, будто вы и сами такой, как они. И им тоже так хорошо, покойно».

Как видим, вся первая строфа стихотворения Блока наполнена реминисценциями и цитатами из повести Брета Гарта. Может быть, именно этот покой — из повести и стихотворения, о которых идет речь, — пришел в роман Булгакова. К этому нужно присовокупить, что слову «учитель» в переводе у Брета Гарта соответствует слово «мастер» — *the master*. У Булгакова, как мы помним, мастер становится учителем для Ивана Бездомного. Кресси называет своего мастера “*dandy boy*”. Все слова переплелись и спелись: Блок, Булгаков и его персонажи.

О Брете Гарте в последние годы его жизни: «денди», «стареющий щеголь в гетрах и с моноклем в глазу» (Гемлин Гарленд) [2, т. 1]. Этот монокль еще переключает в русскую литературу. Спросите у Булгакова.

18.10.2020

Не очень понятная в отношении смысловой перспективы и смысловых связей с контекстом, делающих ее незаменимой, строка «Наши шелесты в овсе» из «Последнего напутствия» Блока [см.: 1, с. 272] обретает и перспективу, и незаменимость в соотнесенности с калифорнийскими пейзажами Гарта: в них овсюг — знаковый элемент окружающей обстановки, в которой протекают забавные, возвышенные и трагические события человеческой жизни: «Пожухлые стебли овсюга

придавали этой веренице холмов единый блеклый цвет, и на их гладких округлых склонах не лежало ни единой тени» («В миссии Сан-Кармел») [2, т. 2]. У Гарта овсюг — “wild oats”, дикий овес. Но oat также — пастораль, то есть то, из чего вырастает новоевропейское искусство. А еще — пастушеская свирель из стебля соломы как праистория искусства.

В «Степном найденыше», прекрасной повести большого художника, из всего растительного разнообразия Калифорнии Гарт выделяет wild oats: «Вечные снега, бесконечные вереницы сосен, убегающих назад, склон, поросший овсюгом, который мальчик видел впервые, бурливая река с желтой, будто позолоченной водой лишь ненадолго рассеивали его безразличие и забывались» [2, т. 4]. Так что “wild oats” и пастораль связаны неразрывно. Поэтому никакая другая строка не заменит ту, которая у Блока.

Та же смысловая перспектива актуальна и в творчестве Гарта. Конечно, поэт такого масштаба, как Блок, творит новый поэтический язык, а не составляет его механически из языков своих предшественников, но это потому и язык, а не жаргон или бессмысленный набор слов, что в нем оживают смыслы, давно забытые тем бледным подобием языка, которым довольствуется текущая повседневность.

05.08.2020

Живое олицетворения артистизма в творчестве Брета Гарта — Джек Гемлин («Гэбриель Конрой», 1875) [см.: 2, т. 3]. Когда донна Долорес превращается в Грейс Конрой и уже готова стать Грейс Пуансет, мистер Гемлин отправляется в единственное место на земле, которое для него осталось, — в миссию Сан-Антонио, к донне Долорес, от которой осталось только имя. И сам он обречен отныне стать только именем, мистически соединившись с подлинной Грейс Конрой, о которой сама Грейс Конрой никогда ничего не знала.

После смерти мистера Гемлина роман закончился, потому что все остальное сразу потеряло всякий смысл.

Писать больше было не о чем.

Любое художественное произведение завершается, как только исчезает аромат артистизма, одухотворяющий его страницы.

«Стихи о Прекрасной Даме». Роман о Прекрасной Даме, изменившей облик.

Из моей книги “Ars Poetica”, кн. 2

Список литературы

1. Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. / Александр Блок. — М.; Л.: Худож. лит., 1960 — 1965. — Т. 3. — 714 с.
2. Гарт Б. Собр. соч.: в 6 т. / Брет Гарт. — М.: Правда, 1966. — URL: https://royallib.com/book/gart_frensis/bret_gart_tom_1.html (дата обращения: 22.09.2023).

СТИХИ ВС. Н. НЕКРАСОВА О МАРИУПОЛЕ

Зыкова Г. В., д-р филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва, РФ
gzykova@mail.ru

Русский поэт Всеволод Николаевич Некрасов (1934–2009) в Мариуполе бывал с детства, а в последний раз — не позднее лета 1960 года («В ... 45–47 уезжал к тете, маминой сестре, в Мариуполь, где, помню, первый раз за 4 года (41–45) наелся досыта. Туда же приезжал летом несколько раз до тетиной смерти (60)» ([1, с. 11])). Между тем Мариуполь присутствует в его стихах всю жизнь, начиная с текстов конца 50-х годов и до поздних поэм: «Памяти тети Маруси», выстраивавшейся с конца 1990-х и, судя по тому, что последняя известная нам редакция создана осенью 2008-го, за полгода до смерти ее автора, — принципиально незавершенной (при жизни поэта была опубликована одна из редакций поэмы, видимо, рабочая и не окончательная: [2]), и «какие были» ([3]).

М.А. Сухотин, поэт и исследователь творчества Некрасова, разбиравший с 2009 года его архив, проследил, как мариупольская тема проходит через рабочие материалы Некрасова, проявляется в черновых набросках, и еще до появления поэм провоцирует формирование другой большой формы — цикла; это происходит в разные годы — и в начале 1960-х, после смерти «тети Маруси» (см.: [4]), но также и гораздо позднее, в моменты, которые поэт, видимо, воспринимал для себя как рубежные: в 1974-м (ему исполнилось 40 лет), в 1984-м (50).

Наряду с произведениями, явно и целиком посвященными Мариуполю, есть, особенно среди написанного в последние годы жизни, и многочисленные упоминания о нем, точнее, название его имени как возвращение к важнейшему и больному: о Мариуполе, месте, куда по разным причинам нельзя было вернуться, — сначала, видимо, по причинам личным, а потом уж и не только личным, Некрасову напоминал любой «город у моря», даже заведомо на него непохожий, как непохожа на промышленный Мариуполь (в котором, как писал молодой Некрасов, «у небе копоть, / в море уголь») курортная Анапа: «Она / Анапа / Она / Анапа / Она / Анапа / Она / Похожа тоже на Мариуполь / Анапа / тоже на берегу» (2005 г., не публиковалось; конечно, здесь само несходство подчеркивается, переживается и составляет лирический сюжет).

Мария Филипповна Хлопик, врач-психоневролог, выпускница Харьковского женского медицинского института (1917), с 1930 года (и с 1944, вернувшись из эвакуации) работала в Мариуполе, в поликлинике

при металлургическом заводе имени Ильича, была депутатом городского совета.

Заметим, что ее домашнее имя, Маруся, в посвященной ее памяти поэме соотнесено с созвучным ее имени именем города и включено в характерный для поэтики Некрасова паронимический ряд; начавшись ее именем, им же поэма и заканчивается: в разных редакциях, несмотря на большую подвижность текста, в качестве финала удерживается:

и тетя Маруся

когда я к ней
теперь соберусь

Рискуя объяснять самоочевидное, скажем все же, что здесь, кроме, видимо, чувства вины (о том, чтобы съездить на могилу, фотография которой сохранилась в личном архиве, Некрасов вряд ли думал), — это «к ней» приобретает смысл свидания за пределами земной жизни, и этот смысл определяет и отношение к городу, — отношение, проявившееся в еще более поздних стихах.

Послевоенный адрес М. Ф. Хлопик, важный для детских впечатлений поэта, — улица Семашко, дом 7; топография имеет значение для мариупольских стихов Некрасова, особенно для поздних больших текстов: там названы и Сартана (неподалеку от улицы Семашко: «и ветер / и перелетел / и пошел / пошел / пошел / по подсолнухам / подсолнухи там / та / кукуруза // сартана»), и, например, улицы Маркса и Садовая (в поэме «какие были»: «а как карла маркса / с горки как раз / выкатывалася так от / так и прямо втыкалася // пустыря не пустыря / а вроде / в ровное такое / в огромное... <...> здоровеньки булы- / жнички / такие / от такие дома / там/ а позади / садики / вулиця садовая / а в конце / в улице закат так закат // надо ж / и как закат / так / каждый раз / как раз оттуда и стадо / достаточно большое стадо // не маленькое /с травки там сухой какой никакой / и у в город / так от прямо ишло // не пусто было / и пыль столбом / стояла // с и я л а // сила // малорОссия была //и молоко ж все ж-таки»).

В небольших тезисах невозможно описать мотивную структуру поздних поэм Некрасова о Мариуполе, — скажем здесь только, что она сложна и исключает по самому своему устройству доминирование публицистического высказывания, хотя и включает его как часть; Москве Мариуполь не только противопоставлен, и сближается с ней как пространство юности; зарево металлургического завода и предмет эстетического любования (в юности), и вызывает некоторые опасения (в старости): «дым / а мимо дыма / звезды // правда здорово // здорово-то оно здорово / да / но / вряд ли для здоровья». Соединение обычно не соединяемого в поэзии природного (высокого) и промышленного (грязного, «низкого») подчеркивается рефреном поэмы «Памяти тети

Маруси»: «звездно паровозно» (в примечании к поэме Некрасов вспоминает студенческую песню, рифмовавшую «звездные» и «паровозные»: несмотря на всю свою видимую тривиальность, она для него не предмет эстетической оценки, а часть мира, лирически переживаемого в воспоминании, а заодно и честно фиксируемый источник паронимического ряда).

Некрасовское отношение к Мариуполю как к месту, имеющему личное экзистенциальное значение, сформулировано в не публиковавшихся минималистских стихах лета 2007 года, в которых нет уже ни описания, ни оценки, а только жест указания на этот город как на важнейшее. А половину текста заняли многократно цитировавшиеся Некрасовым стихи забытого сейчас автора, источник которых нам, к сожалению, найти пока не удалось («...отличные строчки <...> Первое поэтическое впечатление от Мариуполя — эти две строки, сразу после войны прочел» [5, с. 70]

И смотрит в небо Мариуполь

На огневые облака

/Григорий Люшнин/

Помру

А тут

Мариуполь

И думаю

вот

Список литературы

1. Некрасов, Вс.Н. «Родился я в 1934 в Москве...» // Живем словом: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях. — Москва : Издательский дом «Высшая школа экономики», 2022. — 670 с. — ISBN 978-5-7598-2112-0.
2. Некрасов, Вс.Н. Стихи из книги, которая так и не вышла в издательстве НЛО — Текст: электронный // Сайт Александра Левина. — URL:http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/NEKRASOV/Stihi_90x-8.html (дата обращения: 06.10.2023).
3. Некрасов, Вс.Н. Стихи 1999 — 2000 гг. — Текст: электронный // Сайт Александра Левина. — URL: http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/NEKRASOV/Stihi_2000-5.html (дата обращения: 06.10.2023).
4. Сухотин, М.А. Комментарии к «Геркулесу». — Текст: электронный // Сайт Александра Левина. — URL: <http://levin.rinet.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/commenttohercules.pdf> (дата обращения: 06.10.2023).
5. Некрасов, Вс.Н. Из интервью В.Г. Кулакову // Живем словом: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях. — Москва : Издательский дом «Высшая школа экономики», 2022. — 670 с. — ISBN 978-5-7598-2112-0.

**ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ПРОЦЕССЕ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТАХ
УНИВЕРСИТЕТОВ: ВКЛЮЧЕНИЕ МАТЕРИАЛА ВОСТОЧНЫХ
ЛИТЕРАТУР В КУРСЫ ПО ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОДНА ИЗ
ОСНОВНЫХ ЗАДАЧ**

Исакова И. Н., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
mandala-1@yandex.ru

Введение. Теория литературы формировалась в Западной Европе в XIX веке, когда складывались научные школы: биографическая, мифологическая, культурно-историческая и др., разрабатывался понятийно-терминологический аппарат. Хотя в Западной Европе в XIX веке знали о существовании мировой литературы, более того, уже И.-Ф. Гете писал о необходимости изучать мировую литературу во всем ее объеме, почти теория литературы строилась фактически только на материале западноевропейских литератур. Это не могло не привести к существенным концептуальным искажениям, которые, к сожалению, стали восприниматься как научно доказанные теории.

Цель. Необходимость создания иной теории литературы. Первыми об этом заговорили востоковеды. В частности, на филологическом отделении ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова уже с середины прошлого века Ю.М. Алихановой активно разрабатывался курс «Введение в литературоведение», ориентированный на изучение восточных литератур. Включение в курс восточного материала позволяет под другим углом зрения взглянуть на устоявшиеся концепции. Например, представления о герое и героическом пафосе в западноевропейских и восточных литературах принципиально (концептуально) разные.

Основная часть. Стало общим местом, что героический пафос возникает в литературе, когда появляется серьезная внешняя угроза, когда необходимо бороться с внешним врагом (это лежит в основе «Одиссеи», «Песни о Роланде» и др.). Однако восточные литературы демонстрируют и иную картину: угрозу существованию государству могут представлять внутренние распри. В частности, в китайской литературе, в романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» завязкой служит распад Поднебесной на ряд враждующих царств, а развязкой — объединение страны. Похожая картина наблюдается и в индийской «Махабхарате», где воюют родственные кланы.

Иной конфликт приводит к другому пониманию героического: по-другому изображаются враждующие стороны. Если в «Илиаде» между

ахейцами и троянцами существуют непримиримые противоречия, то, например, в «Махабхарате» пандавы и кауравы — родственники, у которых было общее прошлое. И поэтому между ними примирение принципиально возможно, более того, пандавы стремились к примирению. Подробно повествуется о неудачных попытках Кришны, сражающегося на стороне пандавов, выступить посредником в конфликте и решить его дипломатическим путем (в древней Индии была чрезвычайно развита дипломатия, ее принципы подробно изложены в пятой книге «Удьогпарва»). Только когда стало понятно, что ни о каком примирении со стороны кауравов не может быть и речи (они едва не убили Кришну во время его дипломатической миссии), пандавы стали готовиться к сражению. Подробно описывается мужество Кришны, идущего на колоссальный риск, демонстрирующего невероятное хладнокровие, способность видеть реальную опасность. Формально миссия его закончилась неудачей, но фактически стала важным шагом на пути к победе пандавов. На стороне противников сражались многие народы, населявшие Древнюю Индию. Некоторые народы, узнав о мирных намерениях пандавов, решили заключить с ними союз, другие перешли на их сторону, разорвав союз с кауравами. И самое главное, среди кауравов были и те, кто постоянно призывал Дурьодхану, страстно желавшего войны, принять предложение Кришны. Таким образом, героическое начало проявляется не только в военных действиях, но и в желании до последнего избежать столкновения: истинный герой рискует жизнью, чтобы сохранить мир во что бы то ни стало.

В китайской литературе героизм проявляется в четком понимании реальной ситуации и умении работать в ней. В романе «Троецарствие» выделяется Чжуге Лян (реальная историческая личность), военачальник, всегда пребывающий в полнейшем спокойствии (за что получил прозвище Спящий Дракон), что позволяло ему фантастически чувствовать своего противника, психологически воздействовать на него и выигрывать там, где, казалось бы, у него нет ни одного шанса. В романе показано, что победа — это внешнее проявление того, что уже случилось на эмоциональном уровне. Например, войска Цао Цао, превосходящие в несколько раз по силе, осаждают город, в котором находится Чжуге Лян. Соппротивление бессмысленно, и тогда Чжуге Лян приказывает открыть ворота, а сам, взяв веер из белых перьев (белый — цвет смерти) поднимается в башню, откуда его прекрасно видит Цао Цао. Обескураженный таким поведением противника, не понимающий его замысла, Цао Цао приказывает отступить. При этом Чжуге Лян каждый раз придумывал что-то новое, а для этого необходимо умение долго и сосредоточенно думать, не поддаваясь эмоциям, умение держать замысел в тайне даже от ближайшего окружения. Другое отличительное качество истинного героя — умение идти к поставленной цели, при этом ставя

промежуточные выполнимые задачи. Например, конечная цель, которая будет достигнута намного позже смерти Чжуге Ляна, - объединить Поднебесную. А в начале романа показан процесс распада Китая на враждующие царства. Чжуге Лян осознает, что этот процесс естественен и остановить, даже затормозить его невозможно, но возможно повлиять на этот процесс так, чтобы для начала враждующие мелкие царства объединились в более крупные, поскольку в этом случае можно будет хотя бы как-то контролировать процесс. Героизм проявляется не в том, чтобы как можно быстрее достичь цели (объединить Китай), а в том, чтобы результат был прочным. Основная нагрузка падает не на эмоциональную, а на интеллектуальную сторону личности. В чем-то образ Чжуге Ляна можно сопоставить с образом Кутузова из «Войны и мира» Л.Н. Толстого. Герой интуитивно чувствует, что необходимо сделать в конкретный момент, может принять неожиданное решение, которое предварительно тщательно обдумает.

В целом при сопоставлении западных и восточных литератур заметна явная тенденция к восхвалению физических возможностей героя на Западе и интеллектуальных, нравственных на Востоке. Чжуге Лян никогда не держал в руках оружие (его физическая сила вообще не описана в романе) является полной антитезой Ахиллу, Зигфриду, Роланду и др. Наиболее близок к нему Одиссей, но, во-первых, Одиссей был достаточно сильным, а во-вторых, не он, а Ахилл совершает главный подвиг в «Илиаде». Убийство Гектора, главного защитника Трои, - залог победы ахейцев. Герой, подобный Ахиллу, изображается в романе Ши Найяня «Речные заводы». Ли Куй прекрасно владеет оружием, готов сражаться в любую минуту, проявляет чудеса храбрости, однако автор относится к нему критично. Персонаж, не способный контролировать свои эмоции (как и Ахилл, отказывающийся воевать из-за обиды на Агамемнона), не может быть истинным героем, поскольку не способен решать сложные задачи, которые всегда требуют обдумывания, коммуникативных навыков. Ли Куй хорош лишь в бою, а это вторично. Истинным героем является стратег, т. е. Сун Цзян.

Восхищение героем-стратегом в целом отличительное качество восточных традиций. Хотелось бы подчеркнуть, не королем, которому служит герой. Например, Чжуге Лян формально служит Лю Бэю, который обратился к нему за помощью. Но при этом Чжуге Лян полностью свободен и самостоятелен в своих решениях. Лю Бэй осознает, что не способен успешно бороться с Цао Цао, полностью отдает командование Чжуге Ляну. Стратегическое мышление характерно для Арджуны, героя «Махабхараты», который четко понимает, в каком случае необходимо уклониться от прямого столкновения. Более того, столкновение с врагом в случае, когда поражение неизбежно, рассматривается как чудовищная ошибка. Например, Бхимасена, обладая невероятной физической силой,

решает сражаться против магического оружия Нараяна, примененного кауравами. Арджуна понимает, что Бхимасену нужно остановить любым путем, и вместе с Кришной хватает его за руки и принуждает положить оружие и начать молиться, после чего магия перестала действовать. В данном случае героизм проявляется не в борьбе, ведущей к неизбежной гибели, а в отказе от нее, даже принуждении к отказу от нее.

Заключение. Включение материала восточных литератур в курсы по теории литературы позволяет существенно расширить кругозор студентов. А самое главное — увидеть альтернативу западноевропейской системе ценностей, что позволяет переосмыслить многие произведения западноевропейской литературы. Привлечение материала восточных литератур позволяет иначе взглянуть и на русскую литературу, увидев в ней многие явления, сближающие ее с восточными культурами.

УДК 821.161.1:81255Пушкин'

КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ И ИХ ПРЕОДОЛЕНИЕ: К ВОПРОСУ О «НЕПЕРЕВОДИМОСТИ» ПУШКИНА

Квашина Л. П., канд. филол. наук, доц., *Красицкая Н. С.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли
имени Михаила Туган-Барановского»
l.kvashina@donnu.ru, nina.krasickaya@mail.ru

Введение. Если исходить из понимания культуры не просто как набора вещей, а как осмысленного мира, то искусство, поэзия, в широком понимании, является важнейшей формой осмысливающей деятельности. Эстетический акт «схватывает» суть человеческого существа в его связи с мирозданием, соединяет идеальное и реальное, бесконечное и конечное, особенное и всеобщее.

Цель. Присутствие поэта в чужой культуре — особая проблема. Давно стало общим местом утверждение, что поэзию, которая существует как тождество слова и смысла, невозможно без существенных художественных потерь передать средствами языка другой культуры, глубоко воспринять поэзию можно только в подлиннике. И опыт знакомства западного читателя с Пушкиным, казалось бы, — яркое тому подтверждение. Вопрос: насколько поэтическая уникальность воспроизводима, а культурные барьеры преодолимы?

Основная часть. Тот факт, что Пушкин занимает особое, даже исключительное место в русской культуре, кажется, не требует специального обоснования: с его именем ассоциируется русская культура в

целом. «Пушкин — наше все» (А. Григорьев) — эта формула определяет культурное самосознание русского человека. Но для иностранного читателя, хорошо знакомого с мировой литературой и высоко оценивающего творчество Толстого, Достоевского, Чехова, такой приоритет представляется очевидным «затруднением». В чем же причина такого парадокса восприятия и оценки?

Конечно, классическая эпоха сегодня сместилась в прошлое, и тексты нуждаются в развернутых комментариях, что препятствует пониманию и наслаждению творчеством поэта, но исследователи и переводчики произведений Пушкина указывают на более значимую причину — это глубокая укорененность его поэзии в стихии русского языка, когда едва заметные смещения открывают новые смыслы. В качестве примера приведем известные строки: «Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа». Речь идет об Александровской колонне, установленной в 1836 году Николаем I в память о его старшем брате императоре Александре I. Именно эта реалия (Александровская колонна) и воспроизводится во всех переводах. Исторически ничего не нарушено, но художественно-смысловые утраты колоссальны, потому что у Пушкина «Александрийский», а не «Александровский», «столп», а не «колонна». Казалось бы, незначительные семантические сдвиги, но за ними открывается «бездна пространства»! Первого внука, названного, как известно, в честь Святого благоверного князя Александра Невского, Екатерина II соотносила и с Александром Македонским. В такой перспективе возникает ассоциация грандиозной колонны на Дворцовой площади с одним из чудес света — Александрийским маяком, построенном в Александрии. Так Пушкин возносит русского царя. Но чистая апологетика ему никогда не была свойственна. В стихотворении речь идет не о гранитном, а о символическом памятнике, который поэт именуется «столп». В русском культурном сознании это слово имело очевидную негативную коннотацию: «столп» — реликт языческого сознания, ложный памятник. Для памяти царя, удостоенного титула «Благословенный», — это унижительное снижение. И в сумме складывается вызывающее *contradictio in adjecto* («Александрийский» — но «столп!»), которое не мог не заметить В.А. Жуковский, когда после гибели поэта готовил стихотворение к публикации. Заменяя «Александрийский» на «Наполеонов», он вынужденно упрощает пушкинский образ, но с другой, оживляет прозрачную для современников и подразумеваемую Пушкиным апокалиптическую семантику (Наполеон — антихрист, памятник ему — Вандомская колонна = «Наполеонов столп»). Так пушкинская «оксюморонная» поэтика при минимуме художественных приемов удерживает смысловую многогранность — найти этому в другом языке форму адекватного выражения — особая задача. Но неужели Пушкин в этом абсолютно

уникален, ведь Данте, Шекспир, Гете — это признанные классики на всех языках мира!

С.Г. Тер-Минасова главную причину культурной изоляции нашего первого классика видит в том, что он — «глубоко народный, национальный писатель, он гений, воплотивший русский дух, русскую душу. А гений и душа — понятия, не поддающиеся рациональному, научному описанию и изучению, и поэтому загадку Пушкина нельзя разгадать, как нельзя «понять умом» ни Россию, ни ее народ, ни ее великого поэта» [1, с. 152].

На наш взгляд, такое утверждение противоречит самой сути поэтического творчества. Романтики не мыслили искусство вне «особенного», но при этом «особенное» они понимали не только как индивидуальное, по-разному преломляющееся в разных точках пространства и времени, но и как национальное в его своеобразии и одновременно значимой причастности к целому. Эстетические откровения — это достояние не только отдельного народа, но и всего мира.

Гоголь, как известно, назвал Пушкина «чрезвычайным и, может быть, единственным явлением русского духа». Именно с этой цитаты начинается «Пушкинскую речь» Ф.М. Достоевский, характеризуя Пушкина как явление «пророческое», открывающее будущее предназначение России [2, с. 136]. В творчестве Пушкина он увидел важнейшую черту национального характера — способность понимать другие народы лучше, чем те способны понимать себя сами. «В Европе были величайшие художественные мировые гении — Шекспир, Сервантес, Шиллеры, но <...> ни у кого из них не видим этой способности, а видим ее только у Пушкина. Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения. <...> Способность эта есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит ее со всем народом нашим, и, как совершеннейший художник, он есть и совершеннейший выразитель этой способности» [2, с. 145]. Прославляя всемирную отзывчивость пушкинского гения, Достоевский не сомневался, что назначение русского человека — «всеевропейское и всемирное»: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только <...> стать братом всех людей, и всечеловеком, если хотите» [2, с. 147].

Заключение. Философ Жак Деррида заметил: «Стихотворение, которое не сопротивляется переводу, разве это стихотворение?» [3, с. 162], иными словами, «сопротивление переводу» — черта любого настоящего поэтического произведения. Более того, чем сильнее сопротивление, тем лучше стихотворение и тем более оснований для того, чтобы сделать его достоянием другой культуры. «Когда русский или французский поэт пишет стихотворение, он уже скрепляет печатью или подписью нечто, требующее перевода, желающее пересечь границу» [3, с. 162]. Конечно, поэтическая речь для межкультурного понимания — проблема предельной

сложности, а художественный перевод — искусство почти невозможного, поэтому мировых гениев для русской культуры открывали великие поэты (М. Цветаева, Б. Пастернак, И. Бродский и др.) Эстетическое откровение нельзя приватизировать или ограничить какими бы то ни было рамками, а язык искусства, без сомнения, самый крепкий и надежный канал единения и взаимопонимания культур и народов. Непереводимых поэтов нет, и гениальные поэты ожидают своих гениальных переводчиков!

Список литературы

1. Тер-Минасова С.Г. Может ли Пушкина оценить нерусский мир? / С.Г. Тер-Минасова // Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств. — 2015. — № 27. — С.144–153.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. / Ф.М. Достоевский — Т. 26. — Л. Наука. Ленинградское отделение, 1984. — 518 с.
3. Жак Деррида в Москве. Пер. с фр. и англ. / предисл, М.К. Рыклина. — М.: Культура, 1993. — 208 с.

УДК 82.0

ЦЕЛОСТНО-СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ТВОРЧЕСКИЙ ИНТЕНЦИОНАЛ НОВЫХ ЛИТЕРАТУР

Кораблев А. А., д-р филол. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

dikoepole@rambler.ru

1. Литература — целостно-системное образование, интенционально разомкнутое вовнутрь и вовне. Обращенная на себя, она обретает свойства тотально самотождественного, исторически связного и ценностно определенного феномена. Внешняя обусловленность литературы поляризуется относительно двух основных истоков творчества: с одной стороны, сверхличностной и не всегда осознаваемой нематериальной необходимостью, с другой — внеличностной предопределенностью природной жизни. Эта магистральная дихотомия, обозначенная авторитетами Платона и Аристотеля (др.-греч. *μανία* и *μίμησις*), несомненная в индивидуальном творчестве, заслуживает и более широкого осознания. Ближайшая область перспективного смыслового расширения — трансформация литературных множеств в литературное единство.

2. Литературное творчество традиционно трактуется как воплощение (оплотнение) замысла (мысли, идеи), а создаваемые в этих актах объекты — как опыты идеально-материального единства, аналогичные духовно-телесному (психофизическому) составу человека, осуществляющего это

единство. Искусство, осознаваемое как мироподобие, становится в классические эпохи поводом для осознания художником своего богоподобия. Человек представляется существом, способным повторить и продолжить деяние Творца. Сама возможность такого повторения, пусть и в малой человеческой мере, становится художественным доказательством присутствия в человеческом бытии некоего сверхчеловеческого субъекта, открывающегося через творчество.

3. Телесность человеческого существования и обусловленная этим пространственно-временная ограниченность предрасполагают к соборному мышлению — к преодолению всечеловеческой множественности в единстве ее закономерных осуществлений. Практически и теоретически постигаемое единство мира, системность его взаимосвязей и целостность взаимоподобий осознается по мере накопления религиозных, философских, художественных, научных и иных трактовок как новая гносеологическая проблема. Мир как предварение отражающих его рефлексий проявляется и как прообраз их сложносоставного единства.

Литература и в целом словесность продуцируют разнообразные формы соответствий объектам видимой и умозрительной природы, являя структурность умозрения и реальность воображения. Среди других видов художественности литература с наибольшей очевидностью являет срединность искусства, находясь между спиритуализмом музыки и миметизмом пластики, соединяя в себе в формах условной корреляции принципы выразительности и изобразительности.

Литература обретает значение модели, соединяющей значимые свойства воспроизводимого мира и воспроизводящего сознания. Она существует в интеллектуальном социуме в виде многочисленных текстуально запечатленных опытов мировосприятия, образуя множественный медиакосмос, соединяющий постигаемый универсум и его уникальные человеческие аналоги, приравненные как «сокращенная вселенная» и «обобщенный человек» — как макрокосм и микрокосм.

4. Внешне разрозненная, но внутренне единая мировая литература существует как делящееся в истории виртуальное мироподобие и, соответственно, как утверждаемый в человеческом сознании мыслительный интегралитет. Внешне стихийное, но внутренне обусловленное литературное творчество предполагает, судя по совокупным результатам, наличие в нем некоторого предначального единства, предопределенного первоосновными интенциями его осуществления.

Творческий интенционал, предопределяющий литературное единство, проявляется в образуемых литературных множествах с разной степенью особенностей и обособленности. В силу бытийно-природных, культурно-исторических, психофизических и иных факторов формируются словесно-художественные множества, предопределяемые пространственно как

национальные и региональные литературы и хронологически как эпохи, направления, течения и т. д.

Образование литературных множеств представляет, помимо художественно-эстетической предметности, и формально-содержательные закономерности, общие как для отдельных литератур, так и для мировой литературы в целом. Литература как словесная целостность множится в своих частностях, являя основы своего единства.

5. История литературы как явленная закономерность творческого сознания, зафиксированная в словесных формах, оказывается предметным представлением и собственно исторических закономерностей — их наличия и специфической субъектно-человеческой объективности. Соответственно, и теория литературы обретает историческую конкретность, испытывая свои дедуктивные константы в динамике их жизненно-творческой реализации.

7. Региональные литературы — локально-темпоральные частности, воспроизводящие общелитературную целостность в уникальных социально-созидательных опытах. Поэтому закономерно, что успешность литературной частности зависит не только от ее самосозидающей обособленности (самостоятельности, самобытности, самодостаточности), но и от глубинной сопричастности другим частям целого и всему целому как самопроизводному инварианту составляющих его частей.

Регионализация мировой литературы — это закономерность ее регенерации, творческая реализация ее бытийного потенциала, проявление ее единства в разнообразии форм и содержаний, обусловленных ее регламентированным существованием, одновременно соприродным и сверхприродным.

8. У региона как части целого преобладают две объективно предопределенные перспективы развития — быть частью и быть целым. Обе требуют пассионарности и творчества, обе совмещают в себе тенденции центробежного и центростремительного становления, обе реализуют себя геополитически и геопозитически.

Геополитика учитывает территориальные особенности, природные и жизненные ресурсы, векторы региональных интересов и другие факторы, обусловленные закономерностями социогенезиса. Это приоритет системных отношений как реального механизма для достижения выбранных целей.

Геопозитика — практика приведения сознания и социума в творческий резонанс с локальным обитаемым пространством, с его естественной, природной предрасположенностью к творческим изменениям. Это приоритет целостных отношений, когда целое мыслится состоящим из соотносимых с ним целых и осуществляется как единство взаимопроникающих сил и свобод.

Геополитика регламентирована государственными границами, а также корпоративными, классовыми, кастовыми, приватными и другими,

юридически законными, но исторически или искусственно изменчивыми. Геопозитика, соответственно, регулируется онтологическими пределами, в которых и благодаря которым осуществляется их творческое преодоление.

9. «Региональная литература» — в значительной степени условное обозначение. С точки зрения формальной дифференциации, это часть национальной литературы, ограниченная установленным государственным порядком и обладающая относительной культурной автономией. С точки зрения содержательной значимости, это любая частная литературная совокупность, воспринимаемая как целостность по отношению к более общей целостности, предопределяющей ее бытие. В этом смысле русская и американская литературы до XIX века были «региональными» относительно их европейской общекультурной матрицы. В XX веке статус региональных был преодолен некоторыми латиноамериканскими литературами. В XXI веке подобные ожидания, может быть, и небеспочвенные, вызывает донецкая региональная литература, которая, в силу геополитических обстоятельств, оказалась в эпицентре мировой геопозитики.

УДК 82:176.8

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ПОМОЩИ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Косолапова О. П.

ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет
имени А.И. Куинджи», г. Мариуполь, РФ
o.kosolapova@mgumariupol.ru

В настоящее время обучающиеся проявляют практический подход к образованию, стремясь получить престижную специальность, чтобы обеспечить себе материальное благополучие и высокий социальный статус. Они относятся к культуре в потребительском и пассивном ключе, а также идентифицируют себя с западными идеалами карьеризма и социального успеха. В числе активных социальных слоев населения, студенты обладают значительным интеллектуальным потенциалом. В современном мире мы сталкиваемся с множеством сложных проблем, которые требуют глобального подхода к их решению. Взаимосвязь этих проблем является сложной, и их эффективное преодоление требует не только точных научных знаний, но и осознания социальных, исторических и культурных факторов.

Важно отметить, что на протяжении продолжительного периода на новых присоединенных территориях России молодое поколение лишалось возможности изучать литературу, историю и культуру страны. Поэтому особое внимание нужно уделить изучению гуманитарных наук. Гуманитарное образование способствует формированию не только интеллектуальной, но и гражданской, духовной и культурной составляющей жизни молодежи.

Среди факторов формирования гражданской идентичности можно выделить общее историческое прошлое, которое иллюстрируется в мифах, легендах и символах; общий язык, который является средством коммуникации; общая культура и ценности. Изучение литературы и культуры России на новых территориях становится одним из важнейших аспектов патриотического, духовного и нравственного воспитания молодежи.

При преподавании литературы следует обратить внимание на некоторые особенности, с которыми сталкиваются литературоведы. Ряд ученых отмечают коммерческую составляющую современных текстов, которые предназначены для определенной аудитории. Хотя существует литература, которая считается интеллектуальной и элитарной, с утонченным стилем, требующим от читателя исключительной эрудиции, интеллекта и воображения. Элитарная художественная литература характеризуется сложной философской проблематикой. К качественной серьезной литературе можно отнести работы таких российских авторов, как М. Вишневецкая, А. Волос, А. Иличевский, А. Кабаков, В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин, О. Славникова, М. Шишкин и др.

Но не стоит также забывать о том, что большей популярностью у обучающихся пользуется массовая литература, которая занимает лидирующие позиции в настоящее время. Примером такой литературы может служить фанфикшн - разновидность творчества поклонников популярных произведений искусства, основанная на идеях и персонажах оригинальных произведений.

Один из наиболее популярных жанров для молодежи является фанфикшн. Фанфик (также фэнфик; от англ. fan — поклонник и fiction — художественная литература) — разновидность творчества поклонников популярных произведений искусства (так называемого фан-арта в широком смысле этого слова), производное литературное произведение, основанное на каком-либо оригинальном произведении (как правило, литературном или кинематографическом), использующее его идеи сюжета и (или) персонажей. Фанфик может представлять собой продолжение, предысторию, пародию, «альтернативную вселенную», кроссовер («переплетение» нескольких произведений), и так далее. Другой вариант определения: фанфик — жанр массовой литературы, созданной по мотивам художественного произведения фанатом этого произведения, не преследующим коммерческих целей, для чтения другими фанатами. [2]

В массовой литературе выделяются различные жанры, такие как детектив, любовный роман, фэнтези, хоррор-литература и исторический роман, включая его разновидность «фолк-истори». Современные исследования в литературоведении затрагивают вопросы взаимосвязи жанров и их трансформации.

Часто современная литература представляет собой смесь различных жанров, стилей, этикетов, а также сочетание реалистических и фантастических элементов, что также дает основание. Граница между интеллектуальной и массовой литературой становится все более размытой. Согласно многим исследователям, современная литература является своеобразным «миксом», объединяющим различные жанры, стили и литературные приемы (например: роман «Лавр» Е. Водолазкина представляет собой впечатляющую смесь древнерусских языковых структур и современных языковых лексем). Аналогичные образовательные системы проявляются во многих произведениях, где сочетаются элементы реализма и фантастики.

Стоит также отметить уникальность современной миддл-литературы, о которой тоже не стоит забывать при повышении филологической грамотности молодежи на новых присоединенных территориях, объединяющей сюжетность с усложненной стилистикой. Такие произведения часто обладают жанровой неоднозначностью. Примером может служить роман А. Иванова «Псоглавцы», который сочетает черты триллера, романа-воспитания, романа-притчи и психологической прозы.

Отметим также, что художественные средства, используемые писателем, являются инструментами для выражения своей концепции жизни на страницах произведения. Психологизм — это одно из важных средств изображения внутреннего мира личности. Современная филологическая наука посвятила множество научных исследований этой проблеме. Многие выдающиеся ученые, такие как М. М. Бахтин, Ж. Я. Гинзбург, А. Б. Есин, Д. С. Лихачев, А. А. Потебня и другие, занимались проблематикой психологизма в искусстве слова. Литературная энциклопедия, редактируемая А. Н. Николюкиным, определяет психологизм в литературе как глубокое и детальное изображение внутреннего мира героев, их мыслей, желаний, переживаний. [3] Сам Гинзбург называет психологизм «исследованием душевной жизни в ее противоречиях и глубинах». [1]

В российской миддл-литературе заслуживают внимания такие авторы, как Е. Гришковец, И. Ефимов, А. Иванов, М. Кучерская, М. Москвина, Ю. Поляков, Д. Рубин, П. Санаев, А. Слаповский, В. Токарева, Л. Улицкая.

Некоторые считают, что современную литературу следует читать, так как она продолжает традиции большой русской литературы, в то время как другие считают, что интересно быть первооткрывателем текста, который впоследствии может стать классикой.

Существование такого огромного фанатского движения в литературном мире говорит нам о том, что наша молодежь, читающая и пишущая, поэтому важным элементом в преподавании, является формирование аналитического и критического подхода у обучающихся, понимание своей идентичности, своего бережного отношения к культуре и истории своей стране.

Список литературы

1. Гинзбург, Л. Я. О психологической прозе. О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. – СПб.: Азбука, 2016. – 704 с.
2. Прасолова, К. А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX — начала XXI века (творчество поклонников ДЖ. К. Ролинг): дис. ... канд. филол. наук, 2009.
3. Психологизм в литературе // Литературная энциклопедия терминов и понятий; под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2001. – 1600 с.
4. Семенов, В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социс. – 2007. – С. 37-43.
5. Устьякин, В.Е. Патриотическое и нравственно-эстетическое воспитание учащихся при изучении предметов гуманитарного цикла: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1996.

УДК 82.0

НАРРАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ ПРОВОКАЦИИ В ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РОМАНА В. В. НАБОКОВА «ДАР»

Котомцев Д. О.

ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет», г. Луганск, РФ
dima_kot_94@mail.ru

В современной теории литературных жанров убедительна концепция Н.Д. Тамарченко, В.И. Тюпы и школы теоретической поэтики РГГУ, которые следуют жанрологическим идеям М.М. Бахтина, о взаимосвязи, взаимодополненности и взаимообусловленности жанровой структуры текста и его нарративного воплощения (см., напр.: [2]). Нарративная стратегия художественного текста регулируется жанровым мышлением (писателя, эпохи), а жанровая модель произведения реализуется в определённой повествовательной (композиционно-речевой, по М.М. Бахтину) структуре. Исходя из этого, дать определение тому или иному жанру или жанровой модификации становится возможным, обращаясь к нарративной структуре текста, и наоборот.

Интеллектуальный роман — одна из активных жанровых разновидностей романа в XX–XXI вв., образцы которой обнаруживаются в

творчестве К. К. Вагинова, В. В. Набокова, А. Мёрдок, А. Г. Битова и многих других художников слова неклассической парадигмы художественности. Восходя к философской прозе и поэзии (Ф. Вийон, Вольтер, О. де Бальзак и др.), интеллектуальный роман сформировался как жанр в процессе глобального обновления повествовательных форм модернистской (а далее — постмодернистской) литературы XX в. При этом, учитывая неканоническую природу романа в целом, его устремлённость в незавершённость, тягу к изменчивости и постоянному становлению, у интеллектуального романа всё же очевидны *инвариантные* характеристики. На наш взгляд, они базируются на **нарративной стратегии провокации**, которая активизирует «сюжет мысли» в образной системе и сюжетно-фабульной структуре, определяет особенности типологии персонажей (герой-интеллектуал, чаще всего — ненадёжный нарратор, обладатель уникальной культурной памяти) и рецептивную тактику читателя (установка на постоянную реинтерпретацию текста).

Глубокую интерпретацию понятия нарративной стратегии предложил В. И. Тюпа. По мысли учёного, «стратегическая позиция автора обеспечивает единство базовых оснований наррации и коммуникативной цели, к которой ведут речевые действия („процедуры” и „приёмы” (Здесь автор цитирует Дж. Принса. — *Д. К.*)) нарратора (порой нескольких нарраторов), руководствующегося некоторой тактикой рассказывания» [3, с. 181–182]. Такой подход позволяет разграничить позицию автора («вненаходимого автора») и точку зрения повествующего субъекта (субъектов), а также обособить нарративные особенности текста от «комплекса базовых риторических параметров повествовательного высказывания» [3, с. 183]. Среди параметров нарративной стратегии В. И. Тюпа выделяет *нарративную модальность* (знания, мнения, понимания и т. д.), *картину мира* (исходные представления об условиях того мира, в котором реализовано коммуникативное событие), *эмос* (ценностно-смысловую позицию воспринимающего историю субъекта) и *нарративную интригу* (аспект сюжета, который соотносит историю с ожиданиями читателя) [3, с. 183–188].

Опираясь на теоретические построения В. И. Тюпы, Г. А. Жиличева предлагает считать *нарративную стратегию провокации* одной из базовых в жанровой структуре романа. Она характеризуется «экзистенциальными установками романного повествования»: самоутверждением, свободой, игрой [1, с. 5], — а также предполагает фигуру ненадёжного нарратора (наблюдателя, «собирателя слухов», хроникёра, а в интеллектуальной прозе — толкователя), автора-иллюзиониста [1, с. 87], который манифестирует «„нестабильность”, изменчивость, незавершённость» «окказионального повествуемого мира», «взывающую к воображению читателя» [1, с. 124]. Нарративной интригой подобной стратегии следует, видимо, считать **энигматическую, интригу тайны** (от греч.

Ainigmatikos — «загадочный, непонятый»), а нарративной модальностью — **модальность мнения**. Однако диалог согласия нескольких сознаний (нарратор — персонажи, нарратор — автор, нарратор — читатель и т. д.), который достигается в интеллектуальном романе, **этос** осознания ценности Другого в коммуникативном событии позволяет говорить и о модальности **понимания** (постижения, вникания) — причём дело не только в постижении смысла текста читателем, но и понимании личного бытия в мире героем-интеллектуалом, текстуально проникающего в тайну реальности и индивидуальной судьбы. Это свидетельствует о ценностно-смысловом **преображении** (конверсии) личности героя-интеллектуала, его мировоззрения, что позволяет говорить о сближении, конвергенции провокационной стратегии и нарративной стратегии откровения в интеллектуальном романе.

Рассмотрим реализацию нарративной стратегии провокации в жанровой структуре романа В.В. Набокова «Дар». Г. Хасин называет «Дар» «романом судьбы и интерпретации, но также и романом повествовательного инкогнито» [4, с. 166–167], что предполагает наличие в тексте тайны, призывающей к разгадке, постоянному постижению. Роман чрезвычайно семантически насыщен, что приводит к невозможности его однозначной трактовки, причём нарративная структура «Дара» последовательно предлагает ряд текстуальных загадок, разгадывание которых приводит к осознанию существования ещё большей тайны — самого сокровенного, важного и истинного. С тайной бытия сталкивается не только читатель, но и нарратор и квазиавтор романа — Годунов-Чердынцев.

Нарративная картина мира «Дара» в тексте постоянно корректируется, дополняется, изменяется в пределах точки зрения героя, который изначально сознаёт, что творит вторичную реальность. Поэтому Годунов-Чердынцев наделён символической и интерпретирующей властью над текстом и судьбами персонажей, которые в его мире осознаются читателями как *реальные* герои (среди таких сюжетов гипотетическое путешествие отца и его возвращение, жизнеописание Н.Г. Чернышевского, проникновение в духовный мир Яши и т. д.). Однако и судьба причудливо «играет» с повествующим субъектом, который изображает собственную жизнь постфактум, что позволяет ему стать вненаходимым по отношению к самому себе и Другому (первоапрельская шутка Александра Яковлевича, платье кухни Зины, заставившее Годунова-Чердынцева остаться у Щёголевых, полив цветов, принятый Чернышевским за дождь, и проч.). Текстуальное осмысление позволяет герою-повествователю понять «узор» собственной судьбы (кажущиеся случайности, которые являются закономерностями), приблизиться к *откровению*. Модальность мнения (личное толкование реальности) сменяется пониманием механизма судьбы.

В этом контексте все нарративные особенности энигматической интриги «Дара» (полисемантическое и интертекстуальное заглавие,

связанное с ценностью жизни, таланта, любви; относительная декларативность смысла эпиграфа; стилизованный характер авторецензии и жизнеописания Яши Чернышевского, пародийный модус восприятия чужих текстов; интересубъектность повествователя (чередование категорий лица в тексте); ироническая фокализация в «Жизни Чернышевского»; появление героя в вымышленном хронотопе Тибета; дуализм и иллюзорность событийности и др.) подчёркивают этос нарративности текста, который можно сформулировать так: мир, как и личность Другого, – тайна, приблизиться к которой можно, лишь выйдя за границы — личной судьбы, индивидуализма, эгоизма — с помощью творческого акта.

Список литературы

1. Жиличева, Г. А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской прозы 1920–1950-х гг.): монография / Г. А. Жиличева. — Новосибирск : НГПУ, 2013. — 317 с. — EDN ZPROFD. — Текст: непосредственный.
2. Теория литературных жанров : учеб. пособие / М. Н. Дарвин, Д. М. Магомедова, Н. Т. Тамарченко, В. И. Тюпа ; под ред. Н. Т. Тамарченко. — М. : Издательский центр «Академия», 2011. — 256 с. — EDN QXFBJZ.
3. Тюпа, В. И. Горизонты исторической нарратологии / В. И. Тюпа. — СПб. : Алетейя, 2021. — 270 с. — EDN FJYCEO. — Текст: непосредственный.
4. Хасин, Г. Театр личной тайны : Русские романы В. Набокова / Г. Хасин. — М. ; СПб. : Лет. сад, 2001. — 187 с. — Текст: непосредственный.

УДК 821.161.1

СОЧЕТАНИЕ ЧЕРТ КЛАССИЦИЗМА И РОМАНТИЗМА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА (НА ПРИМЕРЕ ОДЫ «ВОЛЬНОСТЬ»)

Ланцевская Н. Ю., канд. культ., доц.

ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет»,
г. Шадринск, РФ
detkovanu@yandex.ru

Введение. Современное литературное образование в школе и вузе при всей своей наглядности и интерактивности, к сожалению, редко включает раскрытие такого параметра, как системность. В приоритете – научить воспринимать процессы и явления литературы по отдельности, объемно и детально. Однако понимание литературного процесса как системы взаимосвязанных элементов — также не маловажный навык, влияющий на восприятие действительности в целом. Видеть целостную картину мира — значит уметь рассмотреть, как одно явление

перерождается в последующее, сохраняя при этом отдельные черты предыдущего.

Цель нашей статьи — на примере оды «Вольность» (произведения раннего творчества) А.С. Пушкина продемонстрировать системность литературного процесса России начала XIX века, показать, что новое всегда возникает на почве уже существующего, а не зарождается с нуля.

Основная часть. Творчество А.С. Пушкина — синтез художественных методов. На вопрос, к какому литературному направлению принадлежат произведения автора, нельзя ответить однозначно. Первые стихи автора — естественно подражательны. Дж. Байрон, Г.Р. Державин, М.В. Ломоносов, В. Жуковский — та основа, на которой растёт гений А. Пушкина. Это классицистическая база, перерождающаяся в романтическое поэтическое явление и транзитом ведущее к реализму. А. Пушкин — «наше все», по словам А. Григорьева, и он, действительно, вмещает в себя все жанры, известные литературе того времени, все стили языка, все направления, глобальный культурный интертекст. Поэтому рассматривать творчество А.С. Пушкина в рамках только романтики-реалистской традиции — не правомерно. Рассмотрим влияние классицистических веяний на творчество автора на примере юношеского произведения - оды «Вольность».

Как отмечает исследователь Л.Я. Гинзбург, произведение «Вольность» создается А. Пушкиным в тот период, когда «в лирике особенно велика власть традиции и инерции выбранных стилей» [цит. по: 1]. Речь идет о классицизме. Сам жанр произведения максимально отражает влияние классицизма — высокий, торжественный жанр для воспевания важных исторических событий, а также лиц, вершащих эти события. В данном случае для автора имеет значение лишь патетика жанра оды: «Хочу воспеть Свободу миру», «Тебя в свидетели зову, / О мученик ошибок славных, / За предков в шуме бурь недавних / Сложивший царскую главу» [4] и пр. А. Пушкин, действительно воспекает исторически мощное явление — свободу народа, однако, в отличие от классицистических тенденций, это явление ставится в упрек власти имущим, а не в заслугу: «Тираны мира! трепещите! / А вы, мужайтесь и внемлите, / Восстаньте, падшие рабы!», «Увы! куда ни брошу взор — / Везде бичи, везде железы, / Законов гибельный позор, / Неволи немощные слезы; Везде несправедная Власть» [4]. Но если классическая ода возвеличивала бы представителей власти, творящих судьбы народа, то здесь главным героем становится вольность как состояние, яростное, тотальное, лежащее в основе всех историко-политических и социальных благ. Это состояние крайне эмоционально, здесь нет тотальной строгости возвышенно-патетического тона классицизма, здесь — буйство экстатического чувства — желания свободы вкупе с яростной ненавистью к тем, кто эту свободу угнетает. Эта сопряженность пафоса слога и

эмоциональная вовлеченность автора в происходящее, выражение личного отношения к нему — пример сочетания черт классицизма и романтизма в раннем творчестве А.С. Пушкина.

Гражданский пафос, свойственный классицизму переплетен с выражением четкой гражданской позицией «против власти». Если в классицизме образ автора растворен, невидим, то в романтизме авторское Я проступает осязаемо.

Следующим аспектом смешения литературных направлений в данном произведении может быть названо следующее: с одной стороны, мы видим классицистическую полярность образов — тираны и угнетаемые. Кажется, что в образах нет динамики, нет объема, магистральные черты выписаны явно: тираны — жестокие, безжалостные, народ — угнетенный, озлобленный. Однако здесь же есть и романтическая динамика — дух народ полон потенций для борьбы. И завершающая часть произведения демонстрирует эту динамику через образы поверженных тиранов и восстановление исторической справедливости: «Падут бесславные удары... / Погиб увенчанный злодей» [4].

Явной чертой классицизма в произведении выступает обилие отсылок к античным и историческим образам разных эпох: «Цитеры слабая царица», «Восходит к смерти Людовик», «И слышит Клии страшный глас», «Калигулы последний час» [4] и пр. Но все эти образы эмоционально-романтически окрашены.

Персонификация абстрактных понятий, к которой прибегает поэт, также является чертой классицизма «Хочу воспеть Свободу миру», «Питомцы ветреной Судьбы», «Везде неправедная Власть», «Рабства грозный Гений / И Славы роковая страсть», «Где крепко с Вольностью святой / Законов мощных сочетанье», «Владыки! вам венец и трон / Дает Закон — а не природа», «Главой развенчанной приник / К кровавой плахе Вероломства» [4]. Но и здесь мы видим, что эти образы вписаны в яркий эмоциональный контекст — ода изобилует риторическими восклицаниями и обращениями, автор неоднократно использует прием эллипсиса, чтобы подчеркнуть смысл разделенных тире слов. И это — признак романтического мироощущения и подачи материала.

Отметим напоследок и сочетание классицистического дидактизма с эмоциональным призывом и угрозой. Как отмечает исследователь В.В. Лепяхин, «обратим внимание: поэт «угрожает» только тиранам, а не царям. И призывает поэт не к вооружённому восстанию, он призывает встать с колен» [2]. Наиболее явно этот симбиоз представлен в заключительной части оды. Позволим себе процитировать объемный кусок текста:

«И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой

Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой» [4]

Заключение. Таким образом, мы видим, что творчество раннего А. С. Пушкина являет собой пример тесного переплетения старых и новых веяний в литературе — крепких классицистических традиций и эмоционально-выразительных доминант романтизма. По словам В.В. Липич, «отвергая стремление классицизма к регламентации и характерное для него признание неких вечных канонов художественности, Пушкин, однако, не умалял относительной ценности некоторых эстетических принципов классицизма и прогрессивности для своего времени его художественной системы в целом» [3]. И рассматривать произведения автора только как продукт одной какой-то эстетической системы — не правомерно. А видеть в творениях гениального художника слова системную связь литературных эпох — это значит выстраивать максимально адекватную картину художественных процессов России первой трети XIX века.

Список литературы

1. Калашников С.Б. Ода А. С. Пушкина «Вольность»: эволюция интертекстов / С.Б. Калашников // Вестник ВолГУ. – Серия 8: Литературоведение. Журналистика. – 2007. – №6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oda-a-s-pushkina-volnost-evolyutsiya-intertekstov> (дата обращения: 29.09.2023).
2. Лепяхин В.В. Пушкин о царях и царе / В.В. Лепяхин // Ученые записки НовГУ. – 2019. – №2 (20). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkin-o-tsaryah-i-tsare> (дата обращения: 29.09.2023).
3. Липич В.В. Диалог классицизма и романтизма в раннем творчестве А.С. Пушкина (к проблеме становления художественного метода писателя) / В.В. Липич // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2010. – №12 (83). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialog-klassisizma-i-romantizma-v-rannem-tvorchestve-a-s-pushkina-k-probleme-stanovleniya-hudozhestvennogo-metoda-pisatelya> (дата обращения: 29.09.2023).
4. Пушкин А.С. Вольность. Ода. Полный текст стихотворения // Пушкинская карта. — URL: <https://www.culture.ru/poems/6007/volnost-oda> (дата обращения 29.09. 2023).

БИБЛЕЙСКИЕ МЕТАФОРЫ В СТИХОТВОРЕНИИ ДМИТРИЯ ТРИБУШНОГО «ЗВОНИ, ДОНБАСС ОБЕТОВАННЫЙ...»

*Логвинова И. В.*¹, канд. филол. наук

¹ГБОУ ВО «Московский государственный институт музыки им. А. Г. Шнитке»,
г. Москва, РФ
Lo-grina@yandex.ru

Введение. В стихотворениях, написанных на тему о войне, которая уже десятый год идет на Донбассе, часто встречаются библейские аллюзии, метафоры, параллели с евангельскими сюжетами. Таких стихотворений много в рассматриваемой нами антологии «Воскресшие на Третьей Мировой» [1], а также и в других антологиях, о которых мы писали ранее [3]. Наше внимание привлекло стихотворение Дмитрия Трибушного «Звони, Донбасс обетованный...», в котором автор употребил библейские метафоры, характеризующие Донбасс как обетованную землю и купину неопалимую. Мы решили проанализировать это произведение, чтобы глубже понять авторскую идею.

Цель нашего доклада — проанализировать библейские метафоры в стихотворении Дмитрия Трибушного «Звони, Донбасс обетованный...».

Основная часть. Стихотворения Дмитрия Трибушного привлекают тем, что их смысл не всегда раскрывается при первом чтении. Он использует библейские аллюзии и метафоры, которые придают тексту философское измерение и глубину смысла, которую нужно постигать, разбирая слово за словом и строку за строкой. Так мы проанализировали стихотворение этого автора «Воскресшие на Третьей Мировой», которое дало название всей антологии [2]. Стихотворения Дмитрия Трибушного имеют несколько измерений, в чем мы убедились при анализе упомянутого произведения. Они только кажутся простыми на первый взгляд. Они цепляют внимание читателя и заставляют возвращаться и вдумываться, что хотел выразить в них автор.

Приведем текст целиком:

Звони, Донбасс обетованный,
На самый верх.
Пророки обещали манну,
А выпал снег.
Мужайся, город непорочный,
Где каждый дом
Проверен «градами» на прочность,
Крещен огнем.

На час открыли херувимы
Ворота в рай.
Гори, Донецк неопалимый,
И не сгорай. [1, с. 363].

Всего 12 строчек, в которых, на первый взгляд, речь идет о том, что Донецк сравнивается с неопалимой купиной, которая горит и не сгорает, а значит речь о стойкости дончан и о том, что город выстоит, несмотря ни на что. Однако, если вдуматься в библейский контекст стихотворения, его смысл будет углубляться.

Например, непонятно, что значит, что Донбасс должен звонить на самый верх. Что значит, что ждали манну, а выпал снег? Почему херувимы на час открыли ворота в рай? Что все это значит в контексте одного небольшого стихотворения?

Мы видим здесь библейские метафоры: *Донбасс обетованный* (как Земля обетованная, Израиль), *Донецк неопалимый* (неопалимая купина). Интересны также две пары рифм: *обетованный — манну* (мотив Земли обетованной связан с мотивом 40-летнего блуждания евреев по пустыне, во время которого Бог посылал им манну для пропитания), *непорочный — прочность* (непорочным называют святого человека, который, так сказать, проверяется искушениями на прочность, на духовную стойкость). Смысл такой рифмовки в том, что в сильную позицию текста выносятся посыл о параллели: Донбасс — Израиль. Возникает понятие о богоизбранности Донбасса (как в свое время Богом избран был еврейский народ и обещана ему Земля Израиля). А значит богоизбранный народ — народ Донбасса, как хранитель ценностей Русского Мира, Православия. Донбасс обетованный как место, с которого начнется возрождение Руси. Но почему тогда он должен звонить на самый верх? По-видимому, это означает колокольный звон. Звонить во все колокола. Причем, это можно воспринимать как набатный звон и как победный. В контексте библейской истории это можно понимать как неизбежную победу добра над злом и жизни над смертью, света над тьмой. Как еврейский народ победил всех врагов, которые мешали ему овладеть Землей Обетованной, так и народ Донбасса победит всех врагов, которые мешают ему быть оплотом Русского Мира.

Далее не очень ясны строки о том, что пророки обещали манну, вместо которой выпал снег. При этом «город непорочный» проверен на прочность «градами», крещен огнем. В контексте предшествующих строк можно предположить, что победа над врагами связана с боевым крещением, которое проходит каждый житель Донбасса (каждый дом), с испытанием, куда более суровым, чем то, через которое прошел еврейский народ в пустыне (у них была манна, они были сыты, а у нас манны нет, вместо нее выпал снег, а значит испытания усугублены голодом).

Следующая строчка о херувимах, которые на час открыли ворота в рай, в контексте сказанного может означать, что, с одной стороны, все

погибшие на этой войне сразу идут в рай, а, с другой стороны, то, что на время суровых испытаний Бог дает надежду тем, кто их претерпевает, показывая райские чертоги, которые будут унаследованы теми, кто терпеливо вынесет все тяготы войны (эсхатологическое «претерпевший же до конца спасется»).

Заключительные строки стихотворения можно прочитать в свете сказанного как метафору обетованной Победы. Донецк неопалимый — как купина неопалимая, куст, в котором Бог явился Моисею и велел вести еврейский народ в Землю Обетованную, в Рай на земле. В свою очередь, библейская история о Земле Обетованной может пониматься и в более расширительном смысле, как начало победы Света над Тьмой в последней битве. Это отсылка к последним временам. Это стихотворение обращено к читателю, не понимающему смысл войны на Донбассе. Автор разъясняет этот смысл и дает почувствовать читателю все те превратности войны, которые за все эти годы испытал на себе народ Донбасса.

Заключение. Таким образом, библейские метафоры (Донбасс обетованный, Донецк неопалимый) в стихотворении Д. Трибушного «Звони, Донбасс обетованный...» убеждают читателя к неизбежности Победы русского народа, Донбасса как форпоста Русского Мира, в текущей войне. Смысл стихотворения в том, что Донбасс, пройдя такие суровые испытания, закаляется ими и становится Землей Обетованной. Новым Иерусалимом, Небесным Иерусалимом. Война закаляет народ Донбасса и с него начнется новая история России возрожденной, России православной.

Список литературы

1. Воскресшие на Третьей мировой. Антология военной поэзии 2014–2022 гг. / Сост.: Колобродов А. Ю., Прилепин З., Демидов О. В. СПб.: Питер, 2023. 416 с.
2. Логвинова И. В. Вечные ценности в стихотворении Д. Трибушного «Воскресшие на Третьей Мировой» // 550-летие Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря «Духовная безопасность и проблемы современного образования». Сборник материалов X Международной научно-практической Свято-Тихоновской конференции. Псков: Издательство: Псковский государственный университет (Псков), 2023. С. 318-323.
3. Логвинова И. В. Стихотворные сборники о войне за Русский Мир на Донбассе как исторический документ и художественное явление // Донецкие чтения 2022: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета. Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. С. 258-261.

АВТОР И ЧИТАТЕЛЬ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

Майборода Н. В., канд. филол. наук, доц.,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.mayboroda@donnu.ru

Введение. Вопрос об авторе и читателе детской литературы современным литературоведением практически не рассматривался. Отдельные аспекты данного вопроса проанализированы в нескольких научных публикациях и диссертационных исследованиях относительно конкретных жанров, в то время как полная целостная картина изучения автора и читателя детского произведения еще впереди. Изучение этих понятий неразрывно связано также с прояснением таких вопросов, как соотношение понятий детской литературы и круга детского чтения; типы произведений детской литературы.

Все эти аспекты освещаются по большей части в учебных пособиях, на которые мы и будем ориентироваться в данном исследовании.

Целью исследования является обзорное сопоставление понятий детской литературы и круга детского чтения, выявление особенностей автора и читателя в детской литературе.

Основная часть. Прежде всего остановимся на том, что понятие *круга детского чтения* шире, чем понятие *детской литературы*. Круг детского чтения включает все произведения, которые читают дети, следовательно, это и произведения непосредственно детской литературы, и входящие в школьную программу и программу для чтения в ДООУ, равно как и произведения литературы для взрослых (или «литературы вообще»), которыми может заинтересоваться ребенок либо подросток.

Следующий важный вопрос анализируется в пособии И.Г. Минераловой. Это понимание того, как различаются *литература для детей* и *детская литература*: «ясно, что понятия «литература для детей» и «литература о детях» не синонимичны. Ими обозначены два круга произведений, имеющие общий «сектор текстов», но не совпадающие в своих контурах. Художественная литература о детстве включает в себя и произведения о детях, обращенные к ребенку, но и детская литература не исчерпывается произведениями о детях. В детскую литературу входит значительный круг произведений, адресованных детям, но их герой — не ребенок» [3, с. 14].

Соглашаясь с автором, отметим, что, к примеру, автобиографические романы отдельных русских писателей посвящены их воспоминаниям о собственном детстве, но поднимаемая в произведениях проблематика вряд

ли позволяет отнести их к непосредственно детской литературе (так, сложны для детского восприятия романы Максима Горького из его трилогии о детстве). В то же время, произведениями детской литературы давно уже считаются сказки А.С. Пушкина, героями которых являются отнюдь не дети.

Рассматривая далее пример со сказками Пушкина, отметим и особенности трех типов произведений детской литературы. В этом контексте обратимся к точке зрения И.Н. Арзамасцевой, которая выделяет три таких вида:

- 1) адресованные детям изначально,
- 2) созданные для взрослых (либо «для всех»), но перешедшие в детскую литературу,
- 3) написанные детьми [1].

Ко второму типу произведений исследователи детской литературы относят уже упомянутые сказки А.С. Пушкина, романы Д. Дефо «Робинзон Крузо» и Дж. Свифта о путешествиях Гулливера.

Относительно третьего вида у автора цитированного пособия есть определенные замечания, поскольку «... детское творчество строго отделено от понятия „литературы”» [1, с. 24]. И.Н. Арзамасцева отмечает: «Мы имеем дело не с литературой, а с набором стихов, сказок, «романов», «сочинений» и писем детей. Каждая из форм по отдельности связана с порождающим ее литературным образцом, но все они сами собой не сводятся воедино» [1, с. 24]. Примером популярного автора-ребенка может послужить Ника Турбина, чья первая книга стихотворений вышла, когда девочке было 9 лет, и еще несколько юных писателей. В целом же имен успешных авторов детского возраста не так и много, равно как и мало существует изданных ими книг. По большей части, созданные детьми произведения публиковались в детских журналах.

Тем не менее, произведения, написанные детьми, существуют, являясь неотъемлемой частью круга детского чтения, а следовательно, применительно к ребенку, написавшему стишок или рассказ, применимо и понятие автора произведения. В частности, такие права признают за детьми юристы, анализируя особенности проявления авторских прав в таких случаях [2].

Возвращаясь к вопросу об авторе не как о личности, имеющей права на произведение, а как о творце, согласимся с И.Н. Арзамасцевой, что такой автор «сознает и тот факт, что он творит другую литературу в сравнении с литературой, предназначенной взрослым» [1, с. 25], а следовательно, подстраивает свое произведение под существующее в его эпоху понимание того, что вообще представляет собой детская литература.

Здесь мы снова говорим о том, что, к примеру, А.С. Пушкин, создавая свои сказки, не задумывался над особенностью детской литературы, поскольку писал их без ориентации на какую-то конкретную

возрастную аудиторию. В то же время, для произведений поэтов середины XX века (С.Я. Маршака, А.Л. Барто и др.) ориентация на читательскую аудиторию несомненна. Они учитывают и возрастные особенности читателей, не апеллируя ко взрослому читателю, вытесняя его из текста, предоставляя большую свободу читателю (по словам И.Н. Арзамасцевой).

Учет возраста читателя обуславливает и художественные особенности произведения (отбор тематики, проблематики, особый язык). Чем младше читатель, тем более специфичен язык ориентированных на него произведений, причем нередко они имеют игровую форму (например, стихотворения Д. Хармса).

Самым младшим читателям адресованы в первую очередь стихотворения, которые легко читаются, воспринимаются и запоминаются. С возрастом добавляются прозаические произведения, усложняется тематика, появляются более сложные для восприятия образы.

В теоретических исследованиях детской литературы неизменно присутствует и возрастная градация, которая обуславливает жанровую специфику тех или иных произведений, их тематику и проблематику. Данная классификация основана на общепринятых в педагогике и психологии этапах взросления человека (младшие дошкольники, старшие дошкольники, младшие школьники, подростки, юношеский возраст), что может соответствовать и возрастной градации в отдельных произведениях детской литературы («Детство», «Отрочество», «Юность» Л.Н. Толстого).

Заключение. Таким образом, в теоретических исследованиях детской литературы выделяется три типа произведений (написанные для детей, вошедшие в круг детского чтения и написанные детьми), что обуславливает наличие и двух типов автора: взрослого и ребенка (второй тип встречается намного реже и признается не всеми исследователями).

Классификация типов читателя произведений детской литературы основана на возрастном критерии, выделяемом в педагогике и психологии. На основе возраста читателя строится жанровая специфика произведения, создается его тематика и проблематика.

Список литературы

1. Арзамасцева, И. Н. Детская литература: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 576 с.
2. Бекеров, О.А. Возникновение и доказывание прав несовершеннолетних авторов / О.А. Бекеров // Системные технологии. — 2014. — №10. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-i-dokazyvanie-prav-nesovershennoletnih-avtorov> (дата обращения: 29.09.2023).
3. Минералова, И. Г. Детская литература : учебник и практикум для СПО / И.Г. Минералова. — М. : Издательство Юрайт, 2016. — 333 с.

ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ДОНБАССКОЙ ПОЭЗИИ

Митина Е. А. канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва,
РФ

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова», г. Нижний Новгород, РФ
27jenni270@mail.ru

Как известно, русская светская литература началась с воинских од на победы русского оружия, и традиция эта долгое время не прерывалась. Русский литератор классических времён непременно воевал, либо, в мирное время, служил по воинской части, будучи готовым при первой необходимости использовать оружие, либо воевал пером [1, с. 342]. Как отмечает З. Прилепин, в русской литературе «собрано множество отменных вояк, больше, чем на взвод, — наберётся и на роту, и на батальон, — прошедших через несколько войн, совершивших подвиги, награждённых всеми мыслимыми наградами...» [1, с. 74] Ярким примером является Г. Р. Державин: десять лет он отслужил в солдатах и ещё четыре года — в офицерах. Одно из его важнейших достижений состоит в том, что он придал патриотизму абсолютное звучание. Державин сплёл воедино историю, государственничество, религиозность, верность престолу, верность культурным кодам, гражданское чувство, чувство моральное и чувство воина, «росса-победителя». А. С. Шишков — адмирал, военный и государственный деятель, участник множества сражений и вместе с тем — автор детских книг. Д. В. Давыдов — самый известный генерал из числа прославленных русских поэтов и самый известный поэт из числа прославленных русских генералов. П.Я. Чаадаев служил в течение девяти лет: сначала гренадёром, а затем в гусарском полку у Д.В. Давыдова. Можно утверждать, что Золотой век сформировал ту Россию, в которой мы живём сейчас. Это была литература, когда каждые три года рождался очередной офицер, ополченец, солдат. Именно она и была гуманистичной, преисполненной сердечной, сыновьей любви к Отечеству, побуждений добрых и суровых дел. Поэты Золотого века — настоящие донецкие ополченцы, как характеризует их З. Прилепин.

А. С. Пушкин не стал военным, не имел воинских званий; хотя просился в гусары (и советовался об этом с Чаадаевым), дважды собирался на войну (первый раз — в компании Владимира Раевского, второй раз — с Петром Вяземским) — и его не допускали. Но существует одна закономерность, которую в свое время заметил А. Т. Твардовский: Пушкин становится особенно актуальным в критические периоды жизни страны. По словам М. Ф. Рыльского, в том, что «не пошатнулась, не пала Москва, и не падет наше сердце навеки» есть огромная заслуга Пушкина [2].

Патриотизм, чувство любви к родине, были заложены в душу Пушкина с самого раннего детства. Он искренне считал Россию своим отечеством, восхищался её великой историей [3]. Первый поэт России стал созидателем той духовной основы, благодаря которой и была одержана победа в Великой Отечественной войне. Поэт, чьё человеческое и творческое становление во многом определила пережитая в юности Отечественная война 1812–1814 годов, создал ту духовную основу России, без которой нельзя представить себе её последующую историю, обретшую яркое проявление в событиях 1941–1945 годов.

Донбасская поэзия также наследует традицию Пушкина. Она пропитана *патриотизмом, готовностью ринуться в бой, любовью к родине, верности Отчизне и верой в победу*. Пушкин в современной донбасской поэзии — это *символ Родины*: защищая свою землю, бойцы воюют за поэта как за духовное богатство своего народа. Многие стихотворения звучат как призыв к борьбе за свою культурную традицию — за право читать стихи своего национального поэта. Таким пафосом пронизано, например, стихотворение Алексея Шмелева «*Нацисты целились не в нас...*». В этом тексте «стихи Пушкина», «слово» — это символ русской традиции, на которую посягнули нацисты: «...они пришли не за тобой — / *они за словом, / стихами Пушкина пришли, / Толстого прозой ...*» В стихотворении появляется образ русского поэта, писателя, патриота, который воюет не только пером: он на передовой («*Толстой и Пушкин на войне / — в столице пусто*») [4, с. 399]

Образ запрещенного Пушкина, который символизирует русскую культурную традицию, появляется в стихотворении Марии Ватутиной «*Они стреляли по донецким...*» («*Они стреляли по донецким. / Они стреляли по луганским. / По сношенным пинеткам детским... / И в класс, где запрещенный Пушкин / По –русски говорил стихами. / По толстым словарям толковым...*») [4, с.47]

Стихотворение Ольги Старушко «*Пушкин — Горчакову*» можно считать квинтэссенцией пушкинской традиции в донбасской поэзии. Оно написано как бы от лица Пушкина. Неслучаен и выбор адресата текста — князь Александр Горчаков, министр иностранных дел и последний канцлер Российской империи. Известно, что во многом благодаря его политике Россия смогла вернуть себе утраченные после поражения в Крымской войне позиции. В тексте стихотворения Пушкин, обращаясь, к другу, вспоминает значительные события внешней политики России и далее взор Пушкина обращается к современной войне, которая грозит теперь с тыла, но на самом деле недруги все те же - с Запада: «*Гляди же, Горчаков: опять война / грозит России. И откуда — с тыла! / У недругов всё те же имена, / их ненависть нисколько не остыла. / И чья же сталь в истерзанных полях? / Британский и французский говор, шведский. / И малоросса понуждает лях / нацелиться на мой бульвар в Донецке*» [4, с.385]. Если

еще четверть века назад, когда улицы и бульвары украинских городов носили имя великого поэта, а школьная программа знакомила подрастающее поколение с творчеством гения, то теперь неонацисты рушат символы русской культуры: «*Нет, не тиха украинская ночь./ И не нужны им, чьи уста кровавы - / ни Анна Керн, пленительная дочь / семейства Полторацких из Полтавы,/ ни град Херсон, что строил Ганнибал./ Им — слышишь? — мира русского не надо. / Кому б ты думал, тут кричат «ганьба!» / когда идёт волна пушкинопада?»* [4, с.386]. В тексте О. Старушко Пушкин исполнен готовности клеймить недругов не только словом. Он сравнивает себя с другими Александрями, полководцами - Невским и Суворовым: «*О, я б клеймил мазепиных сынов —/ и оттого я им первейший враг/ и потрясенье самых их основ:/ я, Александр — как Невский и Суворов»* [4, с.386]. Особенно сильно звучит из уст Пушкина Ольги Старушко напутствие его поэтических строк — «**не мир, но меч!**» Поэт призывает к священной войне за свою веру и родную землю, за культуру и государственность. В финальной строфе Поэт призывает воина вооружиться его именем и принести возмездие клеветникам России: «*Но, именем моим вооружась, / пусть явит воин мужество и силу,/ и принесёт, храня со мною связь,/ возмездие клеветникам России»* [4, с.387]. Очевидна здесь и отсылка к одноименному стихотворению Пушкина. Примечательно, что стихотворение «Клеветникам России» написано в 1831 году, в момент, когда решалась судьба Польши.

Таким образом, в донбасской поэзии Пушкин стал символом борьбы за защиту, сохранение и приумножение русской культуры, за укрепление Русского мира. Уже который год воюющий с неонацистами Донбасс с оружием в руках защищает свой русский мир, свою культуру и Пушкина, как знамя этого мира. Его стихи вновь звучат у памятников поэту, установленных в городах мятежного края. Пушкинская традиция продолжает жить в современной донбасской поэзии, вселяя веру и каждый раз напоминая о том, за что мы воюем.

Список литературы

1. Прилепин, З. Взвод. Офицеры и ополченцы русской литературы. – М: АСТ, 2017. – 352 с.
2. Бороздина, П.А. Пушкин в поэзии «Братских призывов» в годы великой Отечественной войны // Евразийский форум. – 2015. – №1 (7). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pushkin-v-poezii-bratskih-prizyvov-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 28.04.2023).
3. Тарасов, Ю.А. Военные мотивы в поэтическом творчестве А.С. Пушкина. // Свободная газета. – № 21(324) от 25.05.2016. – URL: <http://sg.svob-gazeta.ru/novosti/arhiv-gazety/arhiv-gazety-2016-goda/-21-324-ot-25-05-2016/tarasov-yu-a-pushkin-o-voine.html?ysclid=lng6qspxeq849306816> (дата обращения: 29.04.2023).
4. Поэзия русского лета. – М.: RT, 2022. – 402 с.

ТИПОЛОГИЯ КОНТАКТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

Овчаренко А. И., Кораблёв А. А., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
dikoepole@rambler.ru, novcharenco@yandex.ru

Проблеме контакта как одной из тем, центральных в фантастике, посвящены различные исследования. Н.В. Верещагина на материале фильмов анализирует встречу с инопланетянином с точки зрения ее инициатора, дружелюбия сторон, локации и смены ролей в зависимости от нее [1]. Исследователи размышляет об открытости культуры для контакта с неизвестным, констатируют, что русская культура гораздо терпимее к иному, и, более того, стремится к общению с внеземным, в отличие от замкнутой американской [1; 2]. Как будет показано далее, проблема дружелюбия или враждебности контактирующей стороны приобретает для героев-землян важнейшее значение.

Контакт — важнейшая часть фантастического произведения о пришельцах. В каждом произведении встреча с другими видами жизни представлена по-своему. Выделим некоторые критерии, на основании которых можно говорить о сходстве или различии в описании контакта у разных авторов.

Можно выделить три основных аспекта, связанных с диалогом цивилизаций — предпосылки, собственно ситуация контакта и результаты, итоги встречи.

I. Предпосылки контакта. В разных произведениях представлено неодинаковое количество вступающих в контакт цивилизаций, которые могут различаться своими установками по отношению к другой стороне, желанием или нежеланием общаться, а также самой возможностью такого общения — телесный облик и каналы связи могут существенно отличаться. Соответственно, еще до начала взаимодействия может быть понятно, безопасно ли оно, несет ли какие-то выгоды, или лучше от него отказаться.

1. Количество цивилизаций. В контакте может участвовать две цивилизации (земляне и пришельцы) или больше. В большинстве произведений происходит столкновение двух сторон, однако есть произведения, в которых встречается несколько рас одновременно. Так, в романе С. Снегова описывается межпланетная конференция, в которой, наряду с человеком, участвует сразу несколько видов инопланетян: *«Огромный зал Галактических Приемов был разбит на секторы, прикрытые куполами, внутри каждого сектора создали свои условия... Лишь для ангелов с Гуад условий не обеспечили: этот народ отлично приспосабливается к любым»* (С. Снегов, «Люди как боги»).

2. Сходство или различие сторон. Потенциальная опасность. Существа, вступающие в контакт, могут быть сходны или отличаться. Так, «центавр» у Л. Кленча *«любой паровоз <...> мог бы положить к себе в карман, а люди <...> да, теперь это выяснено вполне достоверно: прилетевший к нам гигант совершенно не заметил вначале этих многочисленных черных точек, тревожно копошащимся возле его ног»* (Л. Кленч, «Из глубины вселенной»). Различия — потенциальная причина опасности, но вступающих в контакт это не останавливает.

3. Дружелюбие, враждебность или нейтралитет. Иногда недружелюбные намерения инопланетян можно понять сразу, но чаще отрицательное отношение скрывают с целью причинения наибольшего ущерба другой стороне. Яркий пример — марсианин в романе Н. Муханова: *«Что касается этого гражданина, я ручаюсь, он безопасен. Это бесподобный автор „Гармонии Миров“, ярый противник каких бы то ни было враждебных столкновений»* (Н. Муханов, «Пылающие бездны»), — отзывается о нем один из героев. Однако внешнее добродушие скрывает опасного шпиона.

Большинство инопланетян можно отнести к дружелюбным. В романе И. Ефремова «Туманность Андромеды» пришельцы и земляне объединены в т. наз. «Великое Кольцо», союз взаимопомощи. Дружелюбие или враждебность контактирующей стороны определяет дальнейшее общение (И. Ефремов, «Туманность Андромеды»).

II. Ситуация и формы контакта. Процесс контакта по-разному описывается авторами. Отличается местонахождение существ, технические средства, линия поведения сторон. Создается нетипичная ситуация, последствия которой не всегда предсказуемы.

4. Локализация. Роль локализации. В контакт могут вступать существа с близких или далеко расположенных планет. В романе Ефремова, наоборот, героев отделяет *«чудовищное расстояние в двести девяносто световых лет, недоступное никаким возможностям земной техники»* (И. Ефремов, «Туманность Андромеды»).

5. Непосредственный/ дистанционный контакт. Если общение между жителями ближних планет может происходить непосредственно, то обитателям отдаленных приходится строить космические корабли или организовывать контакт дистанционно. Так, герои романа «Туманность Андромеды» пересылают друг другу сообщения по «Великому Кольцу», но они доходят с опозданием во много лет.

6. Запланированный/ неожиданный контакт. Любой контакт — неожиданность, но обычно он происходит в результате взаимных поисков, как в повести Ефремова «Сердце Змеи»: *«Теперь мне понятен жест отчаяния у командира их звездолета, — задумчиво произнесла Афра Деви. — Они ищут себе подобных, и их разочарование было очень сильно. — Если очень сильно, то, значит, они ищут давно и, кроме того, уже встречались»*

с мыслящей жизнью...» (И. Ефремов, «Сердце Змеи»). Однако встреча может стать внезапной для одной или обеих сторон.

7. Длительность контакта. Продолжительность контакта зависит от намерений сторон, но большую роль играет и неожиданность. Так, в «Туманности Андромеды» землянин и инопланетянка встречаются всего на миг, затем техника не выдерживает: *«Мелодичный, нежный и сильный голос проник в сердце Мвена Маса. Он открыл рот, чтобы ответить, но на месте видения вздулось зеленое пламя, сотрясающий свист пронесся по комнате»* (И. Ефремов, «Туманность Андромеды»).

III. Результаты контакта. Теперь поговорим об итогах контакта как единичной ситуации общения и рассмотрим взаимодействие сторон «на постоянной основе».

8. Последствия контакта (положительные, отрицательные, нейтральные). Положительные результаты описаны в повести «Сердце Змеи». Земляне и инопланетяне расстаются, но уносят с собой планы по изменению несовместимых особенностей тел. Отрицательные последствия видим в повести П. Инфантьева: в результате обмена телами землянин получает серьезные повреждения. К нейтральным относим те случаи, когда контакт состоялся, но ничего ни одной стороне не принес — ни радости, ни разочарования (П. Инфантьев, «На другой планете»).

9. Дальнейшие отношения. Следствием контакта может стать сотрудничество, вплоть до слияния различных цивилизаций. Однако не всегда последствия контакта бывают благополучными. В романе Е. Трофимова враждебное отношение пришельцев преодолеть не удастся, они отказываются от мирного взаимодействия с землянами и ксеносами. Следствием такого отношения может стать уничтожение одного из видов (Е. Трофимов, «Нулевая планета»).

Изображаемые в произведениях контакты различны, их своеобразие ограничивается только фантазией автора. Однако есть и принципы, объединяющие описание взаимодействия землян и инопланетян в разных произведениях. Так, контакт обязательно оценивается с точки зрения враждебности/ дружелюбия, что определяет как специфику его изображения автором, так и дальнейшее развитие сюжета, отношение к инопланетянам у героя и читателя. Ситуация общения описывается целиком, учитываются предпосылки и последствия контакта. Недостающая информация может восполняться автором в последующих произведениях.

Список литературы

1. Верещагина Н. В. Способы конструирования инопланетного: антропоморфизм и антропология / Н. В. Верещагина // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. — Пермь : ПНИПУ, 2018. — № 1. — С. 11–18.
2. Лапина-Кратасюк Е. Г. Устройство жуткого космоса. / Е. Г. Лапина-Кратасюк, Н. В. Верещагина // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. — Пермь : ПНИПУ, 2018. — № 2. — С. 60–72.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВХОДЯЩИХ В «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Першина К. В., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.pershina@donnu.ru

Введение. Особое внимание современной достоевистики обращено на публицистическое наследие Ф.М. Достоевского, и к сегодняшнему дню совершенной аксиомой является сложность, функциональная комплексность и многослойность такого известного единого (подчеркнем) текста Ф.М. Достоевского как «Дневник писателя». Эта сложная организация «Дневника писателя» объясняется особым синтезом художественных и публицистических черт в поэтике текста, который в пределе выражается во включении завершенных художественных текстов в состав публицистического единства, итогом чего является содержательно-тематическая и формальная интеграция их в целое «Дневника».

Цель данной работы заключается в том, чтобы охарактеризовать функции некоторых художественных произведений, входящих в целое «Дневника писателя», для возможного осуществления его эстетической архитектоники.

Художественные произведения, входящие в «Дневник писателя», вслед за исследовательницей Л. Р. Бакировой [1; с. 7-8], можно разделить на две группы. Первую из них составляют произведения, носящие характер словесно-художественной зарисовки, фельетона или случая, сюжетного фрагмента, воспоминания, то есть произведения неотделимые от контекста «Дневника», среди которых «Маленькие картинки», «Мальчик с ручкой», «Столетняя», «Фельдъегерь», «Фома Данилов, замученный русский герой», «Мужик Марей». Вторую группу, согласно Л. Р. Бакировой, составляют произведения, более отчетливо ориентированные на магистральные прозаические жанры (повесть, рассказ), и более эмансипированные по отношению к изданию «Дневника», к ним причисляется фантастическая трилогия «Бобок», «Кроткая», «Сон смешного человека» и примыкающий к ним текст «Мальчик у Христа на елке». Выделяются и другие типологии прозаических произведений «Дневника писателя» — типология жанровых ориентиров, тематические типологии и т. д.

Достоевский включает тексты рассказов «Бобок» (1873), «Кроткая» (1876), «Сон смешного человека» (1877) в разные выпуски «Дневника

писателя» как отдельные законченные вымышленные сюжеты в фактуальную канву. Как правило, рассматриваемые произведения «Бобок», «Сон смешного человека» и «Кроткую» обобщают в некое единство на основе подчеркнутого фантастического компонента, который акцентирован автором в каждом из них. Но, на наш взгляд, основания для объединения представленных текстов намного более разнообразны, тексты действительно, являют собой триптих, выстраивающий внутри себя определенную логику и смысл.

Во-первых, все три произведения объединяют *безымянные герои*. Отсутствие имен у главных героев, с одной стороны, выражает тенденцию к уподоблению фикционального текста и его героя дневниковому окружению, которое наполнено безымянными голосами, обрывками речей, лицами, не имеющими опоры героя на собственное имя. С другой стороны, в традициях критического реализма имя, а особенно, фамилия, данная герою, работает не столько на его индивидуализацию, сколько на его типизацию, она все время тяготеет к нарицательности типа (вспомним фамилии героев Гоголя, как самый яркий и, конечно, не единственный пример). Ранний Достоевский, еще укорененный в натуральной школе, создает «маленького человека» Макара Деушкина, безумца Голядкина, однако уже в их устах, на страницах «Бедных людей» звучит страстное желание героя освободиться от тяготы и несправедливости своей собственной типичности. Таким образом, освобождение от имени может быть понято как освобождение от «типа», точнее, вручение герою полномочий, чтобы преодолеть свой тип, поскольку парадигмальные черты героев Достоевского достаточно ярко представлены в каждом из героев рассказов: подпольный человек («Бобок»), мечтатель («Сон смешного человека»), ростовщик и героиня-жертва («Кроткая»). Имя как бы завершает тип, именование же с помощью характеризующего прилагательного либо вообще отсутствие имени оставляют простор, возможность движения, возможность перерасти внешнюю характеристику и тем самым достигнуть ценностной цели мира Достоевского — оправдания человека без заслуги, без суда, без определения его места, его уготовленной ниши.

Кроме безымянности, героев рассказов «Бобок» и «Сон смешного человека» (но не рассказа «Кроткая», который в определенном смысле противостоит им обоим) объединяет практически полное *исключение их из события действия* рассказа. Оба они становятся причиной основного события, точнее *их сознание становится местом свершения события*, им обоим *не дан диалогический другой*, герои одиноки. Все эти характеристики определяют две вещи: 1) это герои с доминантой на самосознание (та часть обоих двухчастных, к слову, рассказов, которая посвящена собственно герою, преамбула действия, построена как бесконечная рефлексия героя на возможный взгляд других, речевую ткань

этой части составляет насквозь диалогизованное слово); 2) это герои, которые *выступают в авторской роли по отношению к основному событию в рассказе* (Смешной человек становится «автором» видения рая на отдельной планете, неудачливый писатель становится «автором» диалога в гробах, так как последний разворачивается в его слуховом поле).

Событийный мир обоих рассмотренных рассказов представляет собой как бы призрачный рефрен реальной событийности, которая в полной мере дана герою «Кроткой». Диалогический ориентир героя в рассказах «Бобок» и «Сон смешного человека» строился в плоскости «я и другие», герою «Кроткой» *дан непосредственный Другой*, а именно сама Кроткая. Сюжет главного героя выстраивается как событие его жизни и жизни Кроткой, как *выбранное героем действие*.

Герой «Кроткой» также претендует на авторство, однако это невозможное вне трагического исхода «авторство Другого», он создает Кроткую для тех психологических нужд (для «правильного» взгляда Другого, оправдывающего, возвышающего), которые ему необходимы. Итогом такого планомерного создания Другого как ремесленной формы становится смерть Кроткой, которой предшествует прозрение героя, *включение его непосредственного зрения и слуха* («пелена с глаз упала» [2, с. 27]).

Особенно важно в смысловой логике рассматриваемой трилогии то, что смерть сама по себе, смерть других или своя собственная не имеет достаточно веса, чтобы состояться всерьез, смерть — ничего не завершающая условность. Смерть Кроткой, смерть Другого — это смерть, несущая в себе действительный смысл конца, непоправимой ошибки, она онтологически значима, неотменима, расширяется и проецируется на целое вселенной.

Заключение. Проведенное исследование позволяет прийти к заключению, что рассматриваемые тексты рассказов «Бобок», «Сон смешного человека» и повести «Кроткая» объединены в трилогию, которую пронизывают смысловые и архитектурные взаимосвязи, это единство в свою очередь тесно переплетено с формой и смыслом «Дневника писателя» как единого художественно-публицистического целого.

Список литературы

1. Бакирова, Р.Л. Малая проза в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского : особенности жанровой природы и речевой организации : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. / Бакирова Л.Р.; ГОУ ВПО «Башкирский гос. педагогический ун-т. им. М. Акмуллы». — Магнитогорск, 2010. — 22 с.
2. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. — Т. 24. : Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь / Ф.М. Достоевский; подг. текста, примеч. В.Е. Ветловской и др. — Л. : Наука, 1982. — 518 с.

**«ЗИМНИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО
МИРОВОЗЗРЕНИЯ АВТОРА**

Петренко Н. В.

МБОУ «Школа №46 города Донецка», г. Донецк, РФ
nata575@inbox.ru

Введение. Вопрос о христианских идеях в творчестве Ф.М. Достоевского неоднократно поднимался исследователями его творчества. Как на рубеже XIX–XX вв., так и сегодня, подавляющее большинство российских исследователей считают Достоевского религиозным мыслителем, который искренне верит в Бога и человека.

Вместе с тем, нельзя не отметить и особенность веры Достоевского, которая заключается в его «свободе от догматизма» [2].

Цель данного исследования — выявить особенности понимания религиозных аспектов Ф. М. Достоевским в «Зимних заметках о летних впечатлениях».

Основная часть. Представитель философской мысли Серебряного века В. Соловьев глубоко осмыслил творчество Ф. М. Достоевского с позиций христианства в целом и православия в частности. В работе «Три речи в память Достоевского» [3] философ определяет центральную идею, которой, по его мнению, служил писатель: свободного общечеловеческого единения, всемирного братства во имя Христа.

В. Соловьев выделяет три формы христианства: храмовое, домашнее и вселенское. По мнению мыслителя, Ф. Достоевский провозглашал христианство как воплощение Христовой истины, и потому оно не должно оставаться только храмовым или только частным идеалом. Все общечеловеческие дела и отношения должны быть под руководством начала любви, свободного согласия и братского единения.

В. Соловьев подчеркивал, что Ф. Достоевский хорошо осознавал бездействие, нежизнеспособность современного ему официального христианства. Однако он верил, проповедовал, предвещал христианство живое и деятельное, Вселенскую Церковь.

Главной темой творчества Достоевского была свобода — противоречивое и сложное понятие. Именно эта противоречивость и привлекала автора, он постоянно испытывал свободу, проводя своих героев через сомнения, самоунижения, соблазны и тому подобное.

По Достоевскому, свобода не является чисто теоретической проблемой, она переживается человеком «всем естеством». Он осознает, что вопрос о свободе принадлежит к тем, которые не имеют ответа, предоставленного раз и навсегда. Это извечный вопрос, «проживание»

которого человеком продолжается на протяжении всей жизни, и этого оказывается маловато. Как, собственно, случилось и с самим Достоевским. С одной стороны, он видит смысл человеческой жизни именно в свободе, которая только и может вести человека путями морали. С другой, он ярко и убедительно изображает ее разрушительный потенциал, когда она оказывается произволом.

Многие образы у Достоевского являются отражением его философских взглядов, в том числе — и в аспекте трактовки религиозных вопросов.

В «Зимних записках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевский в основном сосредоточен на вопросах взаимоотношений России и Европы, отношения россиян к европейцам и наоборот. Тем не менее, в его рассуждениях находится место и религиозному аспекту.

Причем интерес к религии у писателя здесь может быть двойным. С одной стороны, оправдывая в целом сатирический характер своего произведения, он подсмеивается над собой: «Ведь я теперь, сидя дома, об чем тоскую наиболее, вспоминая о моих летних странствованиях? Не о том, что я ничего не разглядел в подробности, а о том, что вот почти ведь везде побывал, а в Риме, например, так и не был. А в Риме я бы, может быть, пропустил папу...» [1]. Побывать в Риме — и не встретить Папу Римского — это недопустимо для путешественника, над чем и подсмеивается Достоевский.

Однако его отношение к религии гораздо более глубокое, о чем речь шла выше. И потому даже в таком, казалось бы, несерьезном жанре, как путевой очерк (да еще и с влиянием фельетонного жанра) Достоевский рассуждает на серьезные темы, связанные с религией.

Одной из ведущих нравственных идей христианства, как известно, является идея служения. Она проявляется в ряде произведений Ф. М. Достоевского (к примеру, в «Братьях Карамазовых»), в том числе — и в анализируемом в данной работе очерке. Здесь писатель рассуждает так: «Добровольно положить свой живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы; к этому тянет нормально человека. Но тут есть один волосок, один самый тоненький волосок, но который если попадет под машину, то все разом треснет и разрушится. Именно: беда иметь при этом случае хоть какой-нибудь самый малейший расчет в пользу собственной выгоды. Например; я приношу и жертвую всего себя для всех; ну, вот и надобно, чтоб я жертвовал себя совсем, окончательно, без мысли о выгоде, отнюдь не

думая, что вот я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдаст мне всего себя. Надо жертвовать именно так, чтоб отдавать все и даже желать, чтоб тебе ничего не было выдано за это обратно, чтоб на тебя никто ни в чем не изубыточился» [1].

В данной цитате нет иронии, в отличие от всех других размышлений писателя в очерке. Тем самым он подчеркивает серьезность рассматриваемого вопроса. Для него идея служения — это явно не пустой звук. Позднее вопросы служения кому-то (чему-то) автор поднимет и в других произведениях.

В «Зимних заметках» автор вступает в полемику с Н.Г. Чернышевским, который в исследовании «Антропологический принцип в философии» утверждал, что «человек любит прежде всего себя», что «при известных обстоятельствах человек становится добр, при других — зол» [4, с. 281-283]. Достоевский же отмечал, что поведение человека диктуется не обстоятельствами и осознанием личной выгоды, а его «натурой», основы которой заложены под влиянием национально-исторических условий в течение длительного времени.

Еще один момент, который указывает на связь анализируемого произведения с религией, связан с аллюзией к Евангелию от Иоанна в главе «Ваал». В этой части произведения автор представляет европейское общество в виде царства Ваала, где человек принесен в жертву золотому тельцу. Связь с Евангелием основана на понимании неизбежности гибели человечества, если «будет одно стадо и один пастырь», то есть подразумевается, что к гибели человечество (то есть стадо) поведет пастырь (Антихрист). И единственный шанс избежать этой гибели — уничтожить нравственные основы буржуазии и перейти к христианским ценностям, носителем которых является русский народ.

Заключение. В «Зимних записках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского вопрос религии не является ведущим. Однако этому аспекту он также уделяет внимание. По мнению автора, чтобы достичь идеала, человечество должно опираться на христианское сознание, в основе которого лежат идеи свободы, братства, равенства.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Зимние записки о летних впечатлениях. — URL: https://royallib.com/read/dostoevskiy_fedor/zimnie_zametki_o_letnih_vpechatleniyah.html#0 (дата обращения: 16.09.2023).
2. Капилупи С. М. Достоевский и Христианство: новые итоги исследования // Вестник РХГА. — 2017. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-i-hristianstvo-novye-itogi-issledovaniya> (дата обращения: 17.09.2023).
3. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Solovev/tri-rechi-v-pamjat-dostoevskogo/ (дата обращения: 16.09.2023).
4. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. — М., 1950. — Т. 7. — С. 281-283.

ОБРЕТЕНИЕ РОССИИ: ОБ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ И. А БУНИНА

Пращерук Н. В., д-р филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, РФ.
pnv1108@gmail.com

Введение. И.А. Бунин переживает в своей личной и творческой судьбе более чем тридцатилетнюю изоляцию от Родины. Этот опыт поучителен в аспекте меняющегося отношения к России, так или иначе отразившегося и в судьбе, и в творчестве писателя.

Основная часть. Известно, что он категорически, горячо отверг большевистский переворот 1917 года, выразив свое отрицательное отношение к революционным событиям в знаменитых, наполненных гневом «Окаянных днях». Его переживания по поводу настоящего и будущего России в это время он передал, например, такой фразой: «Была Россия, где она теперь» [1, с. 400]. Ощущение конца, непоправимости того, что свершилось, он выразил и в других своих произведениях — «Именины», «Пингвины», «Безумный художник», в яростной, резкой по интонации публицистике, целиком построенной на гротескных формах письма. Наиболее концентрированно эта позиция обозначена в рассказе «Конец», в котором повествователь и автор предельно сближены и субъектную структуру можно рассматривать в рамках универсальной субъектности: «Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что — я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России — конец, да и всему, всей моей прежней жизни тоже конец, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?» [2, 5, с. 67].

В начале-середине 1930-ых гг. жгучая боль вытесняется смирением и приятием/принятием свершившегося факта. Той России нет — но она осталась, ибо жива память о ней, и Россия принадлежит уже вечному миру культуры. Это отношение придает творчеству Бунина и образу России, в том числе, новые черты. Художник возвращает ее подлинный, не подвластный разрушению образ, запечатлевает «лик России не временный и искаженный, а метафизически просветленный» [3, с. 227]. Закономерно, что организующим центром наиболее показательных произведений становится тема памяти, а конструктивным принципом их построения — воспоминания. В таком ключе создаются «Странствия», «Жизнь Арсеньева» и др.

Для «Странствий» характерно соединение усадебной и церковно-монастырской темы. Эстетическое совершенство описаний, одновременно их утонченность и вещественность — своего рода мера, знак, залог обретения подлинного. Русская природа, русская усадьба, русская церковь и монастыри — это лицо подлинной России, проступившее через все страшные фантазмагии и призрачности царства Ленина. И эта Россия больше Бунина — художника и человека — не отпустит.

Закономерно, что главная книга писателя «Жизнь Арсеньева» завершается возвращением героя в родное гнездо — усадьбу Батурино. Как будто нет никакой радости от этого возвращения, и как будто все предчувствия оказались верны: «Какая могила ждет меня там, в Батурине! Старость отца и матери, увядание моей несчастной сестры, нищая усадьба, нищий дом, голый, низкий сад, по которому дует ледяной ветер, зимний лай собак, - зимой, когда дует вот такой ветер, он какой-то особенный, ненужный, пустынный ...» [2, 6, с. 284-285]; «И все в Батурине оказалось еще хуже, чем я представлял себе в дороге...» [2, 6, с. 285]. Но жив отец, своей мудростью поддерживающий героя. Жив уют отцовского кабинета, согревающий Алексея своим теплом: «Мы сидели в тот день в его кабинете. Уже лежал снег, был тихий и скромный солнечный день, освещенный им снежный двор ласково глядел в низкое окно кабинета, теплое, накуренное, запущенное, милого мне с детства этой запущенностью и уютностью, неизменностью своей простой обстановки, столь нераздельной для меня со всеми привычками и вкусами отца, со всеми моими давними воспоминаниями о нем и о себе» [2, 6, с. 286-287]. Следовательно, вопреки реалистичному описанию состояния усадьбы, побеждает тональность обретенного крова, теплое чувство живой памяти, преображающей эту реальность.

В конце 1930-ых годов, наблюдая распространение в Европе коричневой чумы, Бунин, в отличие от некоторых его товарищей по эмиграции, изначально резко отрицательно относился к Гитлеру и не раз прямо и откровенно высказывался, чем повергал в ужас собеседников. Он никогда не считал, что Гитлер, напав на Советский Союз, делает благое — спасает Россию от большевизма. Нападение фашистов на Советский Союз Бунин воспринял как катастрофу, как страшное испытание для русских людей. И тут начинается удивительное — не изменив своих взглядов, он вновь обретает Родину, он ощущает себя причастным к испытанию, которое обрушилось на Россию. Бунин напряженно следит за продвижением фашистских войск, тяжело переживает известия о сданных городах и радуется нашим победам, сетует по поводу союзников, которые все не открывают второй фронт [4, с. 122-123]. Писатель не печатается на оккупированных фашистами территориях. Он отдает свои произведения в «Новый Журнал», позиция редакции которого совпадала с оценкой происходящих событий Буниным: «Надо ли говорить, что в той страшной

борьбе, которую на жизнь или смерть ведет теперь наша родина с Гитлером, все наши мысли — с ней. Кто бы ни руководил русской армией в ее героической борьбе, мы всей душой желаем России полной победы. Каждое ее поражение, каждую ее неудачу мы воспринимаем как большое несчастье, каждую победу как великую радость» [5, 1, с. 6].

Первый выпуск «Нового Журнала» (1942) открывался рассказом Бунина «Руся», который печатался сразу после обращения редакторской группы журнала [5,1, с. 8-27]. Второй номер начинался рассказом «Натали» [5, 2, с. 5-37], третий — «Генрихом» [5, 3, с. 5-19]. Сотрудничество Бунина с журналом продолжалось и в дальнейшем. Другими словами, черты Совдепии стерлись, свершилось как будто невозможное — Бунин обретает Родину заново — уже не как символическое пространство в культуре, а в реальности, как действительно существующее.

В таких обстоятельствах он создает «Темные аллеи» — книгу о любви и книгу о России. Обращается к теме родного, к усадебному миру. В рассказе-шедевре «Чистый понедельник» личная история героев прочитывается в аспекте общенациональной судьбы. Бунин словно обозначает здесь вехи на пути долгого возвращения русского человека к святыням, уже отчетливо понимая, сколь труден и жертвенен будет этот путь. Потому и такой финал у рассказа. Значительность эпизода еще более возрастает при сопоставлении его с дневниковой записью 1915 г., оставленной писателем после действительного посещения Марфо-Мариинской обители. Автор не просто вводит в рассказ отсутствующую в источнике Великую княгиню Елизавету Федоровну, причисленную ныне к лику святых, он делает ее центральной фигурой финальной сцены.

Заключение. Завершающий рассказ эпизод, когда «из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в белом, длинном, тонколикая, в белом обрусе с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер...» [2, 7, с. 251], прочитывается символически. Речь идет о России, восходящей на Голгофу, после которой возможно ее (России) воскресение. И Бунин в годы Великой Отечественной войны в это поверил.

Список литературы

1. Бунин И.А. Собр. соч. в 6 т. — М.: Художественная литература, 1988. — Т. 6. — 719 с.
2. Бунин И.А. Собр. соч. в 9 т. — М.: Художественная литература, 1965-1967 гг.
3. Зайцев К. И.А. Бунин. Жизнь и творчество. — Берлин: Парабола, 1934.— 277 с.
4. Адамович Г.В. Сомнения и надежды. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 444 с.
5. Новый Журнал. — 1942. — № 1, 2, 3.

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ЛИРИКЕ Г. Р. ДЕРЖАВИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ОДЫ «ФЕЛИЦА»)

Сенчина Л. Т., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
l.senchina@donnu.ru

Введение. В 2023 г. исполняется 280 лет со дня рождения Г.Р. Державина. В юбилейный год появилось немало интересных и содержательных исследований, посвященных творчеству поэта. Новые материалы ученых, безусловно, расширили наши представления о роли Г. Державина в развитии русской словесности, во многом определили проблемы, которые требуют дальнейшего осмысления спорных и нерешенных вопросов, связанных, прежде всего, с изучением истоков формирования определенного и конкретного жанра в соответствии с общими закономерностями развития и смены художественного сознания. Это выдвигает в качестве **актуальной** проблемы детальное осмысление четко обозначенного жанра в столь же четко обозримый исторический период, охвативший разные этапы бытования литературно-художественного сознания на том переломе, когда меняется само понятие жанр.

Такой подход и определил выбор жанра оды как классического материала для наблюдения закономерностей его эволюции и развития на русской почве, как реальной возможности для прояснения связей между конкретным жанром и определенным типом художественного осмысления жизни.

Подчеркнем, что выбор оды обусловлен также и тем, что этот тип произведения играл важную роль в формировании и развитии многих жанров литературы в XVIII — нач. XIX века.

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы на материале одического творчества Г. Державина проследить и выявить основные закономерности развития данного жанра в плане осмысления проблемы новаторства, способствующей генерированию классических произведений в русской литературе первой пол. XIX в.

Основная часть. Целесообразно подчеркнуть, что художественный опыт XVIII в. в целом и державинский в частности до сих пор не учитывается в должной мере в исследовательской литературе, широко не принимается во внимание литературоведами, изучающими историко-литературные процессы первой половины XIX в. В этой связи детальное изучение новаторского характера од Г. Державина дает возможность расширить диапазон наших представлений о значительном вкладе поэтов XVIII в. в формировании русской поэзии в последующее столетие.

В качестве объекта исследования был обозначен цикл од Г. Державина, посвященный императрице Екатерине II («Фелица», «Благодарность Фелице», «Видение мурзы»).

Обращаясь к жанру оды, Г. Державин, конечно же, учитывал опыт предшественников, в частности много рассуждал о достоинствах и недостатках одического творчества М. Ломоносова. Державин и Ломоносов были поэтами, которые, бесспорно, любили Отечество, верили в будущее России, старались (каждый по-своему) приблизить процветание страны. По справедливому замечанию В. Ходасевича, стремились своей поэзией обеспечить все то, «чего не обеспечила конституция».

Однако когда Г. Державин переходил к критике одического творчества М. Ломоносова, то связывал это в первую очередь с недостатками и особенностью характера Елизаветы Петровны, заслуга которой, по его мнению, состояла только в том, что она — дочь Петра I. В этой связи Екатерина II выгодно отличалась от своей предшественницы, что давало возможность Г. Державину «правдиво» ее изображать по реальным делам.

В цикле од, посвященных императрице, явно выделяется ода «Фелица». История создания этого произведения, необычное поведение поэта, который долго не показывал эту оду Екатерине II и не публиковал «Фелицу», уже свидетельствует о том, что Державин явно сомневался в своем творении. Поэт осознавал, что ода нетрадиционная, необычная, она может быть не принята читателем, а самое главное — не понравиться Екатерине II.

Попробуем объяснить, что же так волновало поэта? Прежде всего в оде «Фелица» необходимо обратить внимание на необычное «раздвоение» персонажей: автор и мурза, Екатерина II и Фелица (киргиз-кайсацкая царица). Такой прием, несомненно, способствует расширению творческих возможностей поэта.

И. Клейн справедливо замечает: «Благодаря этому приему открывается для Державина пространство творческой фантазии, которого бы не было, если бы он не использовал вымышленный образ Фелицы...» [1, с. 121]. Усиливается роль диалогов и противопоставлений, дающих возможность в рамках жанра оды говорить одновременно и о «великом» и «низком», «восхвалять» и «обличать».

Целесообразно напомнить, что Державин был не только великим поэтом, но и значительным государственным деятелем. И в этой связи его представления о власти государства, на наш взгляд, нашли отражение в оде «Фелица». Г. Державин явно стремился внушить уважение и любовь к «великим» не через прославление величия и значимости, а через внушение читателю, что «добродетельный» и «богоподобный» — это все же такой

же обыкновенный человек. Отсюда возникает образ Екатерины II как простой и доступной императрицы, любящей своих подданных. Подчеркнем, что знакомство с текстом оды «Фелица» заставило Екатерину II, как известно, «плакать, как дура».

Изображая окружение императрицы, Державин подчеркивает наличие пороков, свойственных таким значительным государственным деятелям, какими были Орлов, Панин, Потемкин, Нарышкин. Поэт оставил нам «Примечания...» к оде, где расшифровываются конкретные лица с их бытовыми пристрастиями и недостатками. В рамках оды «Фелица» Державин органически соединяет восхваление и сатирическое изображение окружения императрицы. Закономерно, что только один этот факт существенно меняет наше представление о «чистоте» жанра, нарушает традиционную нормативность оды, снижает в определенной степени пафос восхваления, что реально и принципиально изменяет привычный облик одического жанра.

Отмечая новаторские черты в оде «Фелица», следует особо подчеркнуть, что при всей нестандартности этого произведения, все же многие типологические черты жанра оды поэт сохраняет: ода посвящена императрице, выдерживаются одический пафос, «высокая» тема, «высокий» стиль. Используются традиционные стиховые формы — ямб четырехстопный, 10-стишие и т. п. Все эти признаки, как известно, были характерны для русской оды предшествующего периода. Г. Державин, бесспорно, их учитывал.

Заключение. Анализ оды «Фелица» Г. Державина убеждает нас в том, что поэт выбирает новый путь в осмыслении нормативных правил, он стремится к творческой свободе, открывает неисчерпаемые возможности жанровых заимствований, новых стилистических форм. Этот путь, по нашему мнению, — путь творческой личности, которая ощущала необходимость кардинальных перемен.

Список литературы

1. Клейн, И. При Екатерине. Труды по русской литературе XVIII века / И. Клейн. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2021. — 464 с. — ISBN 978-5-907290-82-2.

ДИАЛОГ С. А. ЕСЕНИНА И РЮРИКА ИВНЕВА: СТИХОТВОРЕНИЯ О СОБАКАХ

Сорокин А. А., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.sorokin@donnu.ru

Введение. Диалог в литературе рассматривается, чаще всего, как диалог между персонажами, предполагает их речевую характеристику, раскрывая образный и эмоциональный мир героев. Диалог между писателями в литературе через персонажей возможен как прямой, полемический, оппозиционный, заостренный на приближение к единственно возможной истине или предполагающий выражение своей принципиальной позиции несогласия с оппонентом. Однако диалог возможен и как опосредованный, не обязательно связанный принципиальным спором и близостью во времени. Зачастую опосредованное взаимовыражение эмоций и мыслей связано с единством тем, идейно-содержательных моделей произведений художников слова. Именно опосредованный диалог представляется между двумя известными поэтами — С.А. Есениным и Рюриком Ивневым в стихотворениях обоих поэтов о собаках. В этом смысле выделяется стихотворение Рюрика Ивнева «Пес» (1915) и стихотворение С.А. Есенина «Собаке Качалова» (1925).

Основная часть. Стихотворение Рюрика Ивнева «Пес» было создано в период знакомства с С.А. Есениным, пониманием силы поэтического таланта рязанского поэта, но при этом и осмыслением собственного, пути в литературе, отрицающего подражательность. В своих воспоминаниях о С.А. Есенине Рюрик Ивнев пишет: «Сейчас меня удивляет, как я мог остаться самим собой и не попасть под его влияние, настолько я был заморожен его поэзией. Может быть, это произошло потому, что где-то в глубине души у меня тлело опасение, что, если я сверну со своей собственной дороги, то он потеряет ко мне всякий интерес» [3, с. 327]. При этом следует отметить, что и С.А. Есенин был хорошо знаком с творчеством начинающего поэта Рюрика Ивнева [3, с. 324].

Именно на период знакомства двух поэтов приходится создание Рюриком Ивневым стихотворения «Пес» [2, с. 59].

Стихотворение строится как диалог со случайно встреченной персонажем уличной собакой.

Герой задаётся вопросом о появлении «*неимоверно славного пса*» в «*безлюдном кафе*», «*черного, кудлатого*» [2, с. 59], и сразу пытается осмыслить его жизнь:

*Жил ты бедно или богато,
Где ты воспитывался и рос?*
[2, с. 59].

Понимая, что пес ответить не может, только может помахивать хвостом, герой задумывается о «*жизье*» собаки, но при этом ловит себя на мысли о том, что «*общепринята жалость к бездомным псам*» [2, с.]. Герой пытается отвлечься от этой «общепринятости», старается совсем не поэтически, как-то равнодушно наблюдать веяние черноморского ветра и волны, «подкатывающиеся» к берегу. Неожиданно для самого себя посетитель кафе, встретившийся с собакой, приходит к парадоксальной мысли, к «казусу»: «*...ты жалеешь меня, как пес*» [2, с. 59]. Эта общность сострадания приводит героя к мысли о том, что он и собака — «*родные до боли*», и каждый из них переживает другого:

*Я о твоей вздыхаю доле,
Ты — о житье-бытье моем.*[2, с. 59].

Если Рюрик Ивнев в своем творчестве редко обращается к теме животных, то для С.А. Есенина это одна из принципиальных тем. Именно у него «сочувственно и проникновенно... раскрыты образы животных, которые становятся самостоятельными субъектами трагически окрашенных переживаний и с которыми у лирического героя кровно-родственная близость...» [5, с.248].

В стихотворении «Собаке Качалова» диалог с собакой происходит естественно. Героя удивляет не то, что собака не человек, а ее лапа, которой он, герой, «*не видал... сроду*» [1, с.213]. Это «сроду» уже определяет и родственность Джима и его собеседника, и изначальность восприятия природного мира, дарующего счастье («*Дай... на счастье...*» [1, с.213]), свойственного как собаке, так и герою произведения.

С одной стороны, герой призывает к некому единению в природном родстве («*Давай с тобой лаем при луне / На тихую, бесшумную погоду*» [1, с.213]), с другой стороны, отвергает желание собаки лизаться, поскольку, несмотря на единство природного родства, по мнению человека, Джим не знает, «*что такое жизнь*», и не знает цену ее. Однако дело не в том, что Джим лишен жизненных устремлений: он мал, ему только четыре месяца [4, с. 251]. При этом лирический герой определяет назначение собаки при знаменитом хозяине, ее красоту, отмечаемую гостями, но красоту животную («*Ты по-собачьи дьявольски красив...*» [1, с.213]). При этом щенок, его искренние порывы, не сродни законам человеческой жизни с ее условностями, обреченностью на одиночество, дисгармонией («*И, никого ни капли не спросив, / Как пьяный друг, ты лезешь целоваться*» [1, с.213]). Однако герой стихотворения природное единство ставит выше различий — в предназначении собаки и в предназначении человека, называя Джима «голубчиком» и «милым», предполагая особый род искренности в их отношениях, надеясь на отклик

пса в доверительной просьбе, обращенной к нему. Человек передоверяет Джиму свою просьбу о человечности своих искренних эмоций к той, «*что всех безмолвней и грустней*» [1, с.214]. Здесь заметна определенная переключка с призывом полаять в едином природном порыве на «*тихую, бесшумную погоду*» и невозможностью единого вовлечения в «безмолвность» возлюбленной. Таким образом щенок вовлекается в сферу интимной человеческой жизни («*И без меня, в ее уставясь взгляд...*» [1, с.214]), и через него герой призывает возлюбленную принять его вину и соединиться в природном единстве всего живого, естественного, ведущего к гармонии и счастью:

*Ты за меня лизни ей нежно руку
За все, в чем был и не был виноват.*
[1, с.214].

Заключение. Стихотворения Рюрика Ивнева и С.А. Есенина объединяет не только тема, но и осмысление жизненного начала в животном мире.

Герой стихотворения «Пес» не только не отрицает осмысления собакой человека, как и человеком собаки в их бездомности, бесприютности, одиночестве. Это достойно сострадания, но не общечеловеческого, а только тех, кто понимает одиночество другого. И в этом проявляется родственность душ человека и собаки.

В стихотворении С.А. Есенина «Собаке Качалова» родственность душ пса и человека не подвергается сомнению изначально, «сроду». Но Джим не знает жизни животного в силу своего возраста, а жизни человека не осмысляет, однако может осмыслить, если поможет в круг естественного, природного единства привлечь утраченную возлюбленную главного героя.

Список литературы

1. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. — Т. 1. Стихотворения. — М.: Наука; Голос, 1995. — С. 213–214.
2. Ивнев Р. Избранное. Стихотворения и поэмы 1907–1981. — М.: Худож.лит., 1985. — 759 с.
3. Ивнев Р. О Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. — Т.1. — М.: Худож.лит., 1986. — С. 324–350.
4. Качалов В. И. Встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2-х т. — Т. 2. — М.: Худож. лит., 1986. — С. 251–257.
5. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. — М.: Высш.шк., 1990. — 303 с.

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ В ПОЭЗИИ В. И. КУЧЕРЯВКИНА

Сюй Шуан,

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
xixixushuang@163.com

Введение. Среди действенных художественных средств, к которым активно обращаются европейские, в том числе и русские, поэты в последние полтора века, — заметные для читателя отклонения от грамматической языковой нормы; такие «ошибки» и в наше время могут быть важным способом формирования индивидуальной поэтической интонации.

Цель нашей работы — указать на некоторые значимые виды грамматических «ошибок» в поэзии Владимира Ивановича Кучерявкина (годы творчества — с 1970-х по наше время), постараться объяснить, как эти «ошибки» соотносятся с картиной мира поэта и тем самым продолжить разговор об этом замечательном, но не достаточно, на наш взгляд, обсуждаемом авторе.

Основная часть. Л. В. Зубова, исследовавшая «грамматические вольности» русской поэзии второй половины XX — первых десятилетий XXI вв., классифицируя типы отклонений от грамматической нормы, приводит примеры из стихов Кучерявкина наряду с примерами из стихов других его современников, но не обсуждает индивидуальные поэтические системы и склонность отдельных авторов к тем или иным видам «вольностей». Опираясь на классификацию Зубовой, мы попытались проследить, какие типы грамматических «ошибок» наиболее характерны именно для Кучерявкина.

Оказалось, что, во-первых, особенно часты и явно неслучайны «ошибки», связанные с грамматическими способами выражения одушевленности и неодушевленности.

Я зашел, уснул, остался слушать,
Мол: на фронте! Тоже захотел?
Как израненная кровью пушка,
Где профессор **резал потных тел.**
(«Процедуры», [3, с. 107])

Винительный падеж, употребленный здесь вместо родительного, указывает на сдвиг от неодушевленности к одушевленности. Подобным образом одушевляются письменные знаки в следующем примере:

Коль скоро лег на свой диван —
То и гляжу в журнал, как бы в окно с решеткой,
Где побежали врассыпную крысы —
Словно **играют в букв и запятых.**
([4, с. 87])

Бывают и обратные ситуации, когда одушевленное грамматически оформляется как неодушевленное:

Но вспомним, братья, про таракан безусый,
Когда по переулкам серым, словно Бусов,
Мы пятимся, слепые, вслед
Слепому таракану на обед.
(«И в шесть часов утра метро забилося дыбом...», [3, с. 20].
Немота, немота... А на улице храп
Мотоцикла, везущего люди.
Погоди, алкоголя непокорный холоп,
Воздымаются, слышь, непокорные груди.
(«Занавесил окно, чтоб не жарило солнце...», [5, с. 63]).

Это смешение грамматических форм одушевленного и неодушевленного может отражать, как мы предполагаем, некоторые важные для Кучерявкина идеи даосизма и/или буддизма: в мире нет границ между одушевленным и неодушевленным, живым и мертвым.

Одушевление неодушевленного, очеловечение нечеловеческого осуществляется в художественном мире Кучерявкина при помощи не только грамматических сдвигов, но и более традиционных поэтических средств, например, олицетворяющих сравнений и других тропов: «голые деревья пляшут гопака»; «ходят звезды, / поют и пляшут пьяным хороводом»; «Не кончается мороз, так и дышит. / И железному трамваю ой, как больно. / Вот трясется он по улица, бедняга, / А на улице, представь, минус двадцать» [5, с. 80, 83, 113]. Эта особенность поэзии Кучерявкина уже отмечалась в критике, хотя и не обсуждалась сколько-нибудь подробно: «Животные, насекомые, растения и светила наделены антропоморфными чертами, предметы одухотворены. То, как он пишет о крылатой корове, прощается с выловленной рыбой или жалеет убитого комара, заставляет вспомнить Франциска Ассизского и буддийскую заповедь о необходимости привести к спасению всех малых сих» [6].

Второй по значению тип отклонения от языковой нормы связан с разрушением иерархии объектов, явлений и действий, — иерархии, обычно отражающейся в структуре высказывания. Например, деепричастие может тавтологически повторять сказуемое:

Когда она, **жуя свой бутерброд,**
Жевала бутерброд, куда-то вдаль смотрела
И бутерброд свой с маслом ела, ела...
(«О Господи, красивы эти облака...», [5, с. 30])

И здесь, как и в предшествующей группе примеров, можно увидеть воплощение принципов восточной философии, для которой иерархии явлений и существ нет, — по крайней мере, в западном понимании иерархии как жесткой структуры.

Тому же «смещению карт», в частности, разрушению системы грамматических времен и видов, способствуют и нередкие у Кучерявкина деепричастия-окказионализмы, образованные поэтом вопреки правилам формирования деепричастий определенного вида и времени:

Как щелкнет зубами и крякнет потом,
На развилке, **задумаясь**, витязь,
Где встретил дорожный, где надпись притом,
Тот камень, пред ним приказав: «Становитесь!»
И он становился подмышкой с копьем
И надпись на нем **прочитая**.

(«Как щелкнет зубами и крякнет потом...», [2, с. 19])

Заключение. Право современного поэта на эксперимент с языком давно уже не вызывает сомнения. В работах лингвистов убедительно обнаружены многочисленные и, видимо, по большей части вполне сознательные отклонения от языковой нормы. Перед критикой и литературоведением стоит почти еще не разрешенная задача интерпретации этих отклонений, описания их индивидуального характера и потенциальной художественной плодотворности.

Список литературы

1. Зубова, Л. В. Грамматические вольности современной поэзии, 1950–2020. Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — 656 с. — ISBN 9785444816103.
2. Кучерявкин, В. Танец мертвой ноги. СПб.: Митин журнал, 1994. — 48 с. — ISBN 5-7187-0055-9.
3. Кучерявкин, В. Треножник: Стихи, проза. Санкт-Петербург : Борей-Арт, 2001. — 206 с. — ISBN 5-7187-0334-5.
4. Кучерявкин, В. Избранное: Стихи. Москва : Новое литературное обозрение, 2002. 224 с. — ISBN 5-86793-201-X.
5. Кучерявкин В. Созерцание С. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 232 с. — ISBN 978-5-4448-0199-4.
6. Скидан, А. Владимир Кучерявкин. «Треножник» // Новая Русская Книга. — 2002. — № 1.

ГЕОПОЭТИКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ ДОНБАССА (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. АЛЕКСАНДРОВА)

Тхагушева Р. Д.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
r.thagusheva@donnu.ru

Отношения творческого субъекта с пространством в современной поэзии Донбасса геопозэтичны, т. е. пространственно осознанны. Геопозэтика выступает «способом поэтической репрезентации, продуктом осмысления художником своего пространства и себя в данном пространстве» [2, с. 5]. Речь идет, с одной стороны, о сверхчувствовании окружающего мира и себя как его части, с другой — о способности вместить в себя пространство, сделать его личным, интимным, ценностно наполненным.

Для геопозэтического текста важна индивидуальность автора, через призму которого географические объекты становятся уникальными событийными явлениями. Наличие геопозэтической оптики превращает географический объект в контекстно-насыщенный образ.

Поэзии Арсения Александрова присуще ощущение неразрывности с родной землей. Поэт наделен особой топографической оптикой: ему важно схватить горизонтальную линию пространства, зафиксировать взглядом окружающее. Картография поэзии уподобляется картографии внутреннего мира лирического героя, бредущего по окраинам родного города, темным подъездам, тихим микрорайонам. Это темные закоулки души, окраины жизни, перепутье судьбоносных дорог:

- да, **дороги, дороги** — не пух,
точно знаки сердечных **разрух**.
ведь у нас и внутри — **города**
из оврагов да грешных чертогов,
и бредут по небесным **дорогам**
облаков невозможных стада [1, с. 51].

Лирический герой Арсения Александрова соответствует образу геопозэтического путешественника — он воин-кочевник, сдержанно принимающий удары судьбы. Его дорога жизни вмещает сотни других дорог: городские переулки, разбитые войной трассы, пьяные дороги микрорайонов, заросшие и ветхие дорожки. Ни одна из них не легка и за каждый шаг нужно бороться. Но дороги его всегда связаны с городом, не случайно возникает идентификация «я-город», но кто кого отражает, герой

город или город героя — неизвестно. Человек и пространство предстают единым целым, так как переживают общую судьбу, общую экзистенцию.

В мире катастрофических изменений и разрушенных основ поэту важно видеть, что в пространстве остаются привычные незыблемые объекты. Нередко он конкретизирует свое местонахождение, называя улицы и проспекты города. Такая географическая система координат, похожая на приколотые к карте булавки, работает как внутренняя экзистенциальная навигация: «я есть, я жив, потому что я здесь».

*и вот, я вернулся домой,
на улицу Аргунова,
художника крепостного,
что умер в пыли под корчмой.
всё тот же, громадный и сложный,
вдали **террикон** лежит [1, с. 12].*

Земля (гео) являет собой драматическое событие для лирического героя — города, охваченные войной. Война ускоряет сближение человека с землей, подчеркивает роковую неразрывность: выйдя из земли, человек не в силах от нее оторваться. Поэтика становится средством преодоления локализуемой катастрофы через вчувствование, вживание, вращение в пространство. Хаос, представленный войной и временем, переплавляется в гармонизированный космос поэтического произведения.

Таким образом, можно говорить о геопэтике, во-первых, как о пространственной осознанности лирического героя, и, во-вторых, как о способе преодоления локализуемой катастрофы в современной поэзии Донбасса.

Список литературы

1. Александров, А. Избранные серии стихотворений. — Донецк: Центр донецкой словесности, 2022. — 56 с.
2. Скокова, Д. С. К определению понятия «геопэтика» / Д. С. Скокова // Геопэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков : сборник научных статей. — Барнаул : АлтГПУ, 2017. — С. 5–11.

МИФ ГОРОДА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Фоменко В. Г., д-р филол. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Луганский государственный аграрный университет
имени К. Е. Ворошилова», г. Луганск, РФ
professor_fomenko@mail.ru

Введение. Зарождение и развитие городов имеет как конкретно историческую, так и общецивилизационную обусловленность. Сформированный «образ города» и его реальное наполнение в художественном произведении не всегда идентифицированы, т.к. история — не только прошлое, но и своеобразный «миф», который сформировался в определенном городе.

Цель исследования — рассмотреть взаимосвязь мифа города с семиотикой городского пространства.

Основная часть. Мифы о городах складывались на протяжении всего исторического развития общества и с течением времени дополнялись и переосмысливались. Современная наука накопила опыт изучения мифов. В этом направлении особенный интерес вызывают исследования В. Топорова, (пространство и структура мифа), А. Пятигорского и Ю. Лотмана (миф и имя), Дж. Фрезера, К. Леви-Стросса, А. Лосева.

В терминологическом словаре по литературоведению можно прочесть, что миф — (от греч. *mythos* — сказание, предание) — плод коллективной фантазии, рассказ о богах, героях, демонах, духах и проч., отражающий представления о непознанных силах природы и общества. Образы мифов широко используются в художественной литературе, так Ю.Б. Борев полагает, что миф определил многие стороны, процессы, приемы, образные и метафорические системы литературы, особенно на ранних стадиях их развития.

В пространстве городской культуры мы пользуемся мифом и символом как «наблюдаемым предметом», с помощью которого мы собираемся «реконструировать сознательную жизнь или хотя бы что-то понять в работе нашего собственного психического механизма в отношении содержательности сознания» [3, с. 133].

Мифология большого города создается в эпоху реализма. Это связано с исходом сельского населения в города, достигающее миллионной численности, что привело к оскудению помещного дворянства, уменьшению и исчезновению мелких селений. Резкие перемены образа жизни и ментальности в России XIX в. нашли отражение в городской литературе реализма, в которой и складывается миф Большого Города. Наиболее распространенными являются мифы крупных городов XIX в.: Петербурга, Парижа, Лондона.

Петербург Гоголя — город двойного бытия — «гнетущей прозы и чарующей фантастики» [1]. Содержание образа Петербурга у Гоголя составляет преимущественно быт. Этот город оказывается «заколдованным местом». Петербург выступает городом необычных превращений, которые совершаются на фоне тяжелого прозаического быта. Правда и мечта переливаются одна в другую, грани между явью и сном стираются. В «Невском проспекте» город назван «фантасмагорией». Город — призрак, в котором все обман — таков Петербург Гоголя. «Необыкновенное», тайное прорывается на Невском особенно тогда, когда наступают сумерки, зажигаются лампы, приносящие в улицы особый таинственный свет.

Именно в это время начинается трагедия бедного талантливого художника Пискарева, бескорыстно преданного искусству. Казалось бы, этого не предвещает свет фонарей и новое ночное оживление Невского проспекта. Но ведь все это здесь обманчиво, полно тайны и скрытой угрозы человеку.

«О, не верьте этому Невскому проспекту! — восклицает автор. — Я всегда закутываюсь плащом своим, когда иду по нему... Все обман, мечта, все не то, чем кажется! ...» [1, с. 46]. Гоголь открывает двери столичных департаментов. Здесь происходит духовная гибель «маленького человека», попавшего в лабиринт формально-бюрократической имперской системы. Раскрывается судьба Акакия Акакиевича, всецело отдавшегося механическому переписыванию бесконечных бумаг. Судьба имеет и свою обратную сторону, а именно — возмездие за нищету и обманное подобие жизни бедного, всеми осмеянного чиновника. За гибелью «маленького человека» происходит рождение нового петербургского мифа о мертвец-чиновнике, воскресшем из гроба и появляющегося в отдаленных улицах города, чтобы напугать, избить, ограбить проезжего (в том числе глубоко испуганного «значительного лица»). Молва распространяется и говорит о том, что таинственное привидение — это именно Акакий Акакиевич, возмещающий таким образом свою горькую судьбу. Путь Петербурга неисповедим для его первых современников. Но окраинное положение города, его удаленность от топографических центров не означает оторванности от всей огромной страны: у города существует тесная связь со всей «сверкающей, чудной, незнакомой» землей, порождающей богатырей. Гоголь считает, что судьба Петербурга может определиться лишь в будущем, когда устремления России станут явными.

Другим предстает Петербург Достоевского. Его не привлекала красота классической архитектуры города, воспетая Пушкиным. Вспомним строки из «Преступления и наказания», когда Раскольников смотрит на дворец — «необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пошлая картина...». Это описание напомнило строки лирического

стихотворения Пушкина «Город пышный, город бедный», но у Достоевского это совершенно другой город. Его Петербург — «город мокрого снега, бездомных собак, шарманщиков и нищих», это «самый умышленный и отвлеченный город на всем земном шаре» [2, с. 101], который иногда представляется сном, волшебной грезой.

Петербург присутствует в 20 произведениях Федора Михайловича, иногда как фон, но чаще как действующее лицо. Его город живет человеческой жизнью: просыпается, жмурится, улыбается, мерзнет, болеет. Достоевский одухотворяет Петербург до значения живого героя развернувшейся драмы. «Это первый подстрекатель Раскольникова и невидимый соучастник преступления». Петербург со своей ирреальностью, миражностью может стать последней точкой в безумии человека. Именно в этом городе происходят фантастические в своей прозаичности события многих произведений Достоевского, зреют безумные идеи, совершаются преступления.

Петербург — трагический и фантастический город. На его улицах случается все что угодно: здесь может зародиться мысль о преступлении и найти свое завершение, а в следующий момент можно стать свидетелем сошествия Христа дабы спасти грешных, живущих в этом «аду бессмысленной и ненормальной жизни». Человеку трудно жить и дышать в этом городе, но, однако, ни у одного из героев не возникает мысли покинуть его: какая-то непреодолимая тайная сила влечет и заставляет остаться в этом «самом умышленном и отвлеченном городе на всем земном шаре» [2, с. 101].

Заключение. Таким образом, мифические события, происходящие в городе, «приобретают жизненность реально пережитых фактов». В большом городе реальные и мифические темы чередуются в убыстряющемся темпе; в восприятии горожан стирается грань между ними. Изучение содержания, структуры и социальных функций мифа города, проявляя новые обстоятельства возникновения и развития феномена, раскрывает существенные черты современной фазы социокультурного развития, выявляет моменты сходства и различия с прошедшими временами.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года / Н.В. Гоголь // Собр. соч. : в 9 т. — М. : Худож. лит., 1995 — Т. 7. — 1995. — С. 256–258.
2. Достоевский Ф. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. — Л. : «Худож. лит», 1977. — 566 с.
3. Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 433 с.

Б. ГОРБАТОВ «НЕПОКОРЕННЫЕ»: ГЕРОИ И СУДЬБЫ

Ярошевич И. А., канд. филол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

irinayaroshevich5@mail.ru

Введение. События Великой Отечественной войны нашли свое отражение во многих произведениях русских писателей прошлого века: В. Астафьев «Где-то гремит война», В. Быков «Журавлиный крик», Б. Васильев «А завтра была война», А. Твардовский «Василий Теркин» и многие другие. Самое страшное, что несла в себе война — это многочисленные человеческие жертвы, поломанные судьбы, невозвратности жизни и времени. Все последствия боевых действий находили осмысление самого факта войны как бесчеловечного и жестокого явления, которое никогда не должно повториться.

Активную гражданскую позицию занимали и писатели Донбасса, на страницах их произведений запечатлены не только суровые будни, но и героические подвиги наших земляков, которые ценой своей жизни защищали родной Донбасс, нашли в себе силы и мужество выстоять и не покориться врагу: В. Андриянов «Повесть о шахтерских полках», П. Байдебура «Земля донецкая», В. Шутов «Смерти смотрели в лицо». Особое место в литературной летописи Донетчины занимает повесть Б. Горбатова «Непокоренные».

Заявленная тема исследования представляет научный интерес, поскольку раскрывает не только новые грани художественного творчества Б. Горбатова, но и является частью определенного аспекта изучения литературного краеведения Донбасса, ведь потенциал региональной литературы играет значительную роль в становлении нашего самосознания и формировании идентичности.

Цель настоящего исследования — выяснить специфику создания художественных образов в повести «Непокоренные».

Основная часть. Жизненный и творческий путь Бориса Леонтьевича Горбатова был под пристальным вниманием критики преимущественно в пятидесятых-семидесятых годах прошлого века. Это несколько книг воспоминаний («Его звали Борис Горбатов», 1958; «Воспоминания», 1964), а также очерки о писателе А. В. Ионова (1956) [2], Г. А. Колесниковой (1957) [4], В. М. Карповой (1970) [3].

Д. Н. Медриш (1963) исследует стилистические особенности прозы писателя, отмечая такие качества произведений, как «лиризм, художественный такт, многоплановость композиции, развернутость сравнений, особенная позиция рассказчика-персонажа» [5, с. 101].

Герои художественной прозы Б. Горбатова — это люди, которых он знал лично с которыми общался по жизни: проходчики и строители, воины и металлурги, комсомольские вожаки и партийные организаторы — люди «с солнцем в крови».

Половину первой главы повести он написал в начале 1943 г., в Старобельске, отлучившись на небольшой срок в Москву и уединившись на даче в течении трех недель, закончил первую часть. Вторая часть была закончена до начала сражений за полное освобождение Донбасса от немецко-фашистских захватчиков. В полном объеме повесть была напечатана в журнале «Октябрь», затем вышла и книга полумиллионным тиражом. Приступив к созданию повести «Непокоренные» Б. Горбатов не ограничился ролью «добросовестного протоколиста» [2, с. 91]. Описанные им события подчинил строгому плану, своих героев наделил самобытными характерами, привлек хранившиеся «в закромах памяти» соответствующие ситуации и наблюдения для создания бытового фона, на котором и развернул драматическое повествование.

Образы повести, над которыми так кропотливо работал автор, изначально уже проявились в «Письмах к товарищу», в «Рассказах о солдатской душе», а в статье «О семье Тараса» (изначально повесть носила название «Семья Тараса»), он написал о прототипах своих героев, о которых знал лично или из воспоминаний знакомых. История Антонины, Андрея и Лукерьи Павловны — рассказаны квартирными хозяйками (в повести сохранено даже имя Лукерьи), Степан Стеценко (в повести Яценко) — подпольщик, секретарь Ворошиловградского горкома партии, его жена — учительница Валентина Платоновна Стеценко. Шестидесятипятилетний врач, расстрелянный немцами, Г. А. Фишкин стал прообразом детского врача Фишмана [2, с. 91].

Вот только прообраза главы рабочей семьи — Тараса Яценко не было, тогда писатель изобразил портрет с натуры, присоединив накопленный опыт, полученный от старых мастеров шахт и заводов. Образ Тараса один из самых ярких и завершенных, с его появлением читатель ощущает всю трагическую напряженность происходящего. Поначалу мужчина думает «отсидеться», пережить оккупацию в укрытии: «*Нас это не касается*», — пытается внушить он и себе, и родным. Но в городской управе работает невестка Антонина, и Тарас вынужден вместе с другими рабочими-мастерами под конвоем восстанавливать разрушенный завод, но ценой жизни они саботируют приказание оккупантов.

Тяжелым ударом для Тараса стало возвращение сына Андрея из плена. Только личным примером и мужественным поведением отец пробуждает в сыне совесть, поэтому он переходит линию фронта и вторично входит в родной дом уже воином-освободителем. Совсем неожиданно происходит встреча и со старшим сыном Степаном.

Изображая Тараса в скитаниях «от Днепра до Дона», в поисках «земли неразоренной», писатель показывает размеры народного бедствия:

«Тачки, тачки, тачки — насколько хватало глаз, одни тачки да спины, согбенные над ними. Спины и тачки — больше ничего не было, словно то была дорога каторжников» [1, с. 61]. Много хороших, но бесконечно страдающих людей встретил на своем пути Тарас. Это один из важнейших эпизодов повести — нет на оккупированной территории «земли неразоренной», но есть много людских «неразоренных душ». Мирные жители подвергаются грабёжам и насилию, в застенки превращены школы, больницы, театр, церковь. Над городом раздаётся отчаянный плач матерей и горький крик дочерей — эшелоны увозят на запад полонянок.

По-отцовски, с особой любовью и переживаниями повествует автор о детях, которые разделили наравне со взрослыми бремя войны. Дети «отвыкли смеяться и научились не плакать», они старели, «на глазах превращались в маленьких стариков и старушек». Маленькая Марийка, внучка Тараса, не может принять сложившуюся ситуацию, что «немецкие мы теперь», поэтому мудрый дед даёт хороший урок: «Нет! Русская ты! И земля эта русская. И город наш был и будет русский» [1, с. 39]. Донбасс освобожден и будет отстроен. Обнадеживающе, с верой в будущее звучат слова третьего сына Тараса Никифора: «Эх работы сколько! Работы! ...И задымим, будьте любезны!» [1, с. 127]. Война испытывает людей на прочность, перед лицом смертельной опасности обнажаются истинные качества человека: смелость или трусость, героизм или предательство, патриотизм или эгоизм.

В заключении стоит отметить, что «Непокоренные» Б. Горбатова, вобравшие в себя боль, слезы и горечь военного лихолетия, будут жить в памяти народа как достоверная страница его истории, как свидетельство их подвигов и любви, выдержавшей самые жестокие испытания. В повести характеры и ситуации, ход событий максимально сконденсировано, а образы вырастают в символы гордого, независимого, непокорившегося народа Донбасса.

Список литературы

1. Горбатов, Б. Л. Непокоренные (Семья Тараса) Б. Л. Горбатов. — Донецк : Донбасс, 1973. — 129 с. — ISBN отсутствует
2. Ионов, А. В. Борис Горбатов: очерк жизни и творчества: воспоминания / А. В. Ионов. — Сталино : Сталинское областное издательство, 1956. — 184 с. — ISBN отсутствует
3. Карпова, В. М. Чувство времени. Очерки творчества Б. Горбатова / В. М. Карпова. — Москва: Художественная литература, 1970. — 272 с. — ISBN отсутствует
4. Колесникова, Г. А. Борис Горбатов: творческая биография / Г. А. Колесникова. — Москва : Советский писатель, 1957. — 240 с. — ISBN отсутствует
5. Медриш, Д. Н. Позиция художника и его стиль (о прозе Бориса Горбатова) / Д. Н. Медриш // Вопросы литературы. — 1959. — № 7. — С. 89–104. — ISBN отсутствует

СПЕЦИФИКА ЖАНРА УСТНОЙ НАРОДНОЙ ДРАМЫ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ БЫТОВАНИЯ

Ярошевич И. А., канд. филол. наук, доц., *Семенова И. Г.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irinayaroshevich5@mail.ru

Введение. Развитие драматургии в древнерусской литературе и фольклоре XVI–XVIII вв. на прямую зависит от существовавшего на тот момент школьного образования, в системе которого складывается и функционирует барочная драма. Она установила заметный вклад в театральную культуру славянских народов.

Славянское барокко сохраняло основные черты общеевропейского: антиномичность восприятия мира; интерес к человеческой индивидуальности; слияние фантастического и реального, возвышенного и низкого, добра и зла, наивной простоты и изощренной усложненности; трагический гуманизм. В его основе «просматривается не столько статика и гармония, сколько напряженность, борьба и движение» [3, с. 9].

Цель исследования — проанализировать особенности бытования народной драмы, с учетом ее жанровой специфики и функциональности.

Основная часть. Народная драма начинает свое существование с древности, ее прототипом являются первичные духовно-театральные обряды, которые в дальнейшем сформировали иерархическую систему фольклорных театров. Народный театр считался большой ценностью, которая имела необычное моральное, культурное и общественное значение. Каждая эпоха вносила свои коррективы, формируя и совершенствуя театр, корни которого уходят во времена Киевской Руси, когда это проявлялось еще в народных играх, танцах и песнях.

Школьный театр оказался чрезвычайно восприимчивым к национальным художественным формам, и, впитав в себя их сущность, стал необходимой ступенью развития профессионального славянского театра. Наиболее обширный материал для суждений о народном драматическом творчестве славян представляет разнообразный цикл обрядовых развлечений, очень популярных в России. Во время святок исполнялись игры, игрища и сценки разного содержания, в это же время давались спектакли и народные драмы.

Народная драма — это произведение устной народной словесности, в ходе которого «соединяются словесный языковой или поющий текст с игрой, действиями сценического характера соответственно к его содержанию» [4, с. 193]. Для народной драмы характерна синкретичность — сочетание слова, пения, танца. Словесный текст устной

народной драмы развивался, усложнялся, подчиняя себе другие элементы синкретического действия.

Так, из древнего интеграционного многоэлементного фольклорного массива начали выделяться драматические произведения и их жанровые разновидности.

Понимание сюжета как совокупности событий и действий, приводит к конфликту, а затем развязке и обязывает к рассмотрению жанровой специфики сюжетного действия, а также выявления особенностей времени и пространства в драме. Специфика сюжета в народной драме «Царь Максимилиан» обусловлена представлениями народа о том, какие события и люди могут быть изображены в народном театре [4, с. 83].

Герои драмы, так же, как и герои фольклора обладали особой жизненностью, реальностью, историчностью, так как в центре внимания оказывались их поступки, мысли, желания, действия, обладавшие наглядной убедительностью. Это можем увидеть в народных драмах «Лодка» и «Царь Максимилиан».

Важным явлением для развития народной драмы были интермедии, дополнявшие мистериальный сюжет. Главный акцент падает на события, связанные с Царем Иродом и избиением младенцев. Это было связано с широким распространением в России народной святочной драмы «Царь Максимилиан» для живых актеров, повествующей о царе тиране и убиенном им сыне. В зависимости от жанра и, от их сакрального значения, воспроизводимые тексты подвергались изменениям в соответствии с социальными, профессиональными, национальными и личными интересами народа. Поэтому целесообразно говорить о родстве древнерусской литературы и русского фольклора. Святочные игрища и игры генетически связаны с древнеславянскими аграрными праздниками или с культом предков, составляют общее наследие восточнославянских народов. Останки тех «игрищ» сохранились и до сих пор. Сам обряд был театрализованным действием. Но игры стали постепенно отделяться от обряда и превращаться в сценическое действие.

Игры, включавшие в себя разрядку, при помощи исполнителей в масках и костюмах передавали движения и крики животных. Например, сцены с Цыганом и Лощадью, вожак медведя, Антоном и Козой. Затем игры стали не только выполнять магическое предназначение и способствовать передаче опыта, но и все больше имели развлекательный вид. Это способствовало тому, что игры приобретали самостоятельный характер и постепенно превращаясь в своеобразный театр [2, с. 244].

Во второй половине XVIII в. у народного театра появилась новая форма — балаганный театр. Он сочетал в себе элементы лицедейства, народной драмы и школьных спектаклей. Репертуаром этого произведения были веселые рассказы и песни, комедийные сцены, юмористические и сатирические монологи. Театр лицедеев выступал на ярмарках и в

крестьянских усадьбах. Создателем театра балагана была молодежь: ремесленники, бывшие студенты Киевской академии и семинарий, разночинцы, грамотные дворовые и заезжие лицедеи.

В конце XVIII в. на русских ярмарках появляется народный театр передвижных картинок — раек. Он представляет собой небольшой, красочно разрисованный сундучок, с увеличивающимися стеклами для рассмотрения картинок, показ которых сопровождается шуточными пояснениями в рифмованной прозе.

Наивысшим достижением народной драмы считают вертеп (от «вертеть», «вертлюг», «вертеп»), хотя он был не очень распространен на территории России. Вертеп — веселое рождественское действо с песнями-колядками, шутками, короткими спектаклями, которое устраивали бродячие музыканты и актеры. Однако литературный вертеп является кукольным спектаклем, а в «живом» вертепном рождественском спектакле задействованы живые люди. Кукольная драма была богатым источником, из которого черпала мотивы литература, в частности драматургия.

По мнению М. Г. Давидовой, на Русь «вертеп пришел вместе с принятием христианства и, вероятнее всего, был панорамой» [1, с. 20]. Тем не менее, первые достоверные сведения о существовании вертепов относятся к концу XVI в. Вертеп определяют самобытным и интересным явлением театрального искусства. Он является феноменом, который можно рассматривать, как народный кукольный театр, так и как ранний вариант народного музыкального театра [1, с. 21]. Народные и церковные обряды действительно оказали воздействие на те или иные драматические произведения и их сценическое воплощение.

В заключение, стоит отметить, что в драматургии на протяжении XVI–XVIII вв. продолжали пересекаться линии взаимодействия славянских театральных культур. В период барокко столкнулись две линии театрального искусства — народная и школьная драма. Народная драма поглощала школьную элементами фольклора, и это выражалось в виде рождественских мистерий, особенно интермедий и народных драм, на ярмарочных площадях.

Список литературы

1. Давидова, М. Г. Вертепный театр в русской традиционной культуре / М. Г. Давидова // Традиционная культура. — 2002. — № 1. — С. 20–37. — ISBN отсутствует
2. Кравцов, Н. И. Славянский фольклор: уч. пособие / Н. И. Кравцов. — Москва : Издательство Московского университета, 1976. — 264 с. — ISBN 978-5-211-05591-9
3. Рогов, А. И. Славянское барокко: историко-культурные проблемы эпохи / редколлегия : А. И. Рогов, А. В. Липатов, Л. А. Софронова. — Москва : Наука, 1979. — 380 с. — ISBN отсутствует
4. Савушкина, Н. И. Русская устная народная драма: художественное своеобразие. — Москва : Издательство МГУ, 1988. — 232 с. — ISBN 5-211-00173-7

ОБРАЗ ШУБИНА КАК РЕАЛЬНОГО ПРОТОТИПА И ВЫМЫШЛЕННОГО ПЕРСОНАЖА В ШАХТЕРСКИХ СКАЗАХ ДОНБАССА

Ярошевич И. А., канд. филол. наук, доц., *Шулика А. В.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
irinayaroshevich5@mail.ru

Введение. С давних времен у людей сложились представления о том, что подземные богатства охраняют волшебные существа. В мировом фольклоре охранники недр представлены в виде Хозяина старого, горного духа, или Хозяйки, пещерных великанов, гномов и др. Действовать они могут как враждебно, так и доброжелательно по отношению к людям. Такие специфические пересказы были широко распространены среди шахтеров Донбасса, которые работали в очень тяжелых условиях на «подземной каторге», в рудниках и шахтах.

Стремление объяснить непонятные явления природы призвало их к созданию особенных произведений, а именно, — сказов. Жажда справедливости, желание видеть удачу рабочего и наказание угнетателя определяли их содержание.

Значительную роль в сказах Донбасса играют персонажи. Их сущности представлены не только мистикой, но и реальными образами. Одним из таких неоднозначных персонажей является Шубин.

Цель настоящего исследования — раскрыть особенности изображения образа Шубина в шахтерских сказах Донбасса.

Основная часть. Так уж сложилось исторически, что именно донецкий край безгранично богат не только на природные ископаемые, но и на уникальное творчество наших земляков. По мнению П. Байдебуря Донбасс — это рабочий край, густо усеянный шахтами и гигантскими промышленными предприятиями, населен людьми многочисленных профессий, поэтому «где, как не здесь, зарождаются сказам, сказкам, легендам и другому фольклорному материалу» [5, с. 5].

В шахтерских сказах присутствуют как реальные, так и вымышленные, мистические персонажи. Именно мистические герои в сказах Донбасса играют главную роль. С одной стороны, они всегда помогут и щедро наградят чистых душой, бескорыстных людей, а с другой стороны, никто не уйдет от жестокого наказания, если он хотел силой и корыстью овладеть их богатством.

Встреча с мистическими героями рассказов П. Т. Тимофеева, А. В. Ионова и Е. Г. Коновалова — это настоящее испытание для любого человека. И каждый получит награду, которую заслужил: «Одному

шахтеру приснился ночью сон про черта. Он рассказал утром жене, поехал в шахту, и там его убило. С тех пор говорят, что если снится ночью черт шахтеру, то ему нужно любыми путями не ехать в шахту, не то убьет» [3, с. 33].

Во время работ в шахтах, когда рабочие добывали полезные ископаемые, в связи с опасными и тяжелыми условиями труда шахтеров (горняков), бывших крестьян, появился персонаж народного творчества Шубин или Добрый Шубин. Сказ о Шубине принадлежит к традиционным народным легендам и сказкам, где действуют лешие, домовые, черти.

В сказах, записанных донецкими исследователями речь идет и о реальных образах. Ведь главная черта сказов — это реальность: местность, люди, автор, рассказчик. Практически во всех сказах указывается место действия — реально существующие географические объекты: *«В молодости я работала в шахте № 31 г. Ирмино, на шахте им. Стаханова»*; *«Я работала на шахте в г. Донецке» [3, с. 33].*

Но самыми интригующими все же остаются сказы о необыкновенном духе шахт — Шубине. Многие сказы о Шубине уже начинались, как о злом или добром духе, который издавна помогал работникам шахт. Спасал их из-под обвалов, выгонял из опасных участков подземных работ, или же наделял советами дремлющих на ответственной работе.

Однако, если обратиться к первоисточникам возникновения персонажа, то отметим, что Шубин возможно когда-то был реальным человеком, а после стал духом шахт: *«... Работал в те времена на донецких шахтах поджигателем некий Шубин, Лихой был человек. Никого и ничего не боялся. Только однажды полез он в очередной раз в шахту поджигать газ, да и погиб там под завалом...» [2, с. 112]; «... Когда протест этот подавили, Шубина, чтобы другим неповадно было, заковали в кандалы и прибили, а когда через несколько дней пришли за трупом, то кандалы были целые, а в них никого не было. С тех пор говорят, что ходит дух доброго Шубина и помогает шахтерам» [3, с. 13].*

Так же Шубин интерпретируется, как сборный образ всех шахтеров, которые помогли другим рабочим, пожертвовав своими жизнями: *«Раньше, когда начинались разработки угольных пластов в Донбассе, существовали такие люди, их называли Шубиньими, — перед тем, как запустить рабочих в лаву, надо было определить, есть ли там скопление метана, угольной пыли или других взрывательных смесей. И туда отправляли человека в Шубе, со свечкой. Он шел, и, если там был метан, то происходи взрыв, а шуба могла спасти от смерти. Шубины — это призраки всех погибших шахтеров, они ходят по шахте и предупреждают других шахтеров об опасности» [4, с. 153].*

Само происхождение образа Шубина в сказах представлено по-разному, в одних случаях Шубин — это фамилия, в других его имя

связывают с надеваем рабочими шуб. Точно сказать, как и где возник Шубин — затруднительно, но с большей вероятностью отметим, что его образ происходит от реального человека или людей.

Шубин отличается одновременно добротой, щедростью и вместе с тем чрезвычайной раздражительностью, злобой. Уже в более поздних сказах речь о Шубине идет, как об удивительном существе.

В заключении отметим, что, образ Шубина в сказах Донбасса имеет как реальные, так и вымышленные черты.

Образ Шубина олицетворяет типичного шахтера Донбасса, который работая в шахте, сталкивается с трудностями и опасностями, связанными с этой профессией. Его упорство, мужество и готовность рисковать своей жизнью для работы и своей семьи являются реалистическими чертами донбасских шахтеров.

Шубин также символизирует культуру и традиции Донбасса. В своей речи он использует выражения и пословицы, характерные для этого региона, что помогает создать аутентичную атмосферу и передать особенности местной культуры.

Это персонаж, обладающий мудростью и интуицией, может быть символом надежды и оптимизма, которые характеризуют народ Донбасса в трудные времена.

Список литературы

1. Каменные цветы: сказы, сказки, легенды / сост. В. С. Логачев. — Донецк : Донбас, 1983. — 156 с. — ISBN отсутствует
2. Подов В. И. Легенды и были Донбасса / В. И. Подов. — Луганск : Свитлица, 1998. — 75 с. — ISBN 966-534-141-3
3. Протекших дней очарованье: сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым / запись, составление вступительной статьи, подготовка текстов, словарь П. Т. Тимофеева. — Донецк : Донбас, 2008. — 219 с. — ISBN 978-966-1615-03-7
4. Шахтерские сказы: Сборник: Сказы, легенды / Худож. А. Д. Воронин. — Донецк : Донбас, 1987. — 109 с. — ISBN отсутствует
5. Шахтерские сказы: Сказы, легенды / П. А. Байдебура, Н. А. Гревцов, А. И. Кравченко и др. — Донецк : Донбас, 1987. — 111 с. — ISBN отсутствует

Журналистика и медиакommunikации: доминанты в информационном контексте

УДК 81-119

ОЦЕНОЧНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Алексеев А. В., д-р филол. наук, доц.

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва, РФ
alekseevav@mgpu.ru

Введение. Из всего многообразия концептуальных аспектов мы выбираем лексикологическую интерпретацию концепта, оставляя в определенной степени за скобками художественный, логический, психологический и собственно культурный аспекты описания [1, с. 80]. Безусловно, лексический концепт не может быть свободен от смежных интерпретаций: он выражается вербальным кодом, однако взаимодействует с другими кодовыми подсистемами культуры; реализуется в текстах, использующих художественные средства концептуальной репрезентации. Лексический концепт содержит понятийные признаки, однако обогащается оценочными компонентами, эмоциональной или культурной коннотацией. Такие признаки становятся средствами психологического и идеологического воздействия и принципиальным образом отличают лексические концепты от логических, пусть даже реализуемых не в рамках определенной научной дисциплины, а в языке (в языковой картине мира). Логические концепты, то есть понятия, являются средством категоризации предметной действительности и тем самым претендуют на объективное описание различительных признаков тех или иных явлений. В дискурсах, ориентированных на идеологическое воздействие, логические концепты включают презуппозицию достоверности и требуют безусловного принятия адресатом, навязывая участникам дискурса непререкаемую повестку.

Основная часть. Рассмотрим реализацию концепта «социальные низы» в нескольких текстах, посвященных крушению парохода «Титаник». Дискутируемым вопросом в этих текстах является соотношение мужчин и женщин среди спасшихся пассажиров первого и третьего классов: на основании статистики делался вывод о моральных качествах привилегированных и низких социальных слоев, «богатых» и «бедных». Основной цикл постов и публикаций в средствах массовой информации относится к 2016 году: тогда в сетевых источниках распространилась со ссылкой на книгу Фариды Закарии «Будущее свободы» цитата из книги Александра Никонова «Чем женщина отличается от человека».

Исходная цитата и элементы дискуссии были рассмотрены в специальной публикации электронного журнала «Сноб» 2016 года. Оставляя пока в стороне вопрос о лексическом своеобразии указанной цитаты и ее языковых преобразованиях в сетевых воспроизведениях, отметим различительные признаки концептов, выраженные в тексте. В цитате отмечается, что «среди спасшихся пассажиров первого класса было практически 100 процентов женщин и детей» [2], в то время как спасшимися пассажирами третьего класса были только мужчины. На основании этих данных формируются оценочные признаки «привилегированный класс» ‘способность к самопожертвованию’, ‘уважение к женщине’ и «социальные низы» ‘эгоизм’, ‘природные инстинкты сильнее человеческой морали’. Однако, как показано в той же публикации журнала «Сноб», приведенная в книге Никонова статистика оказывается недостоверной, тенденциозно искаженной: «На корабле спасли 97,22 процента женщин и 32,57 процента мужчин из первого класса и 46,02 процента женщин и 16,23 процента мужчин из третьего класса» [2].

Таким образом, среди пассажиров первого класса, действительно, процент спасшихся женщин близок к ста, а процент спасшихся мужчин в три раза меньше. И действительно, процент спасшихся женщин в третьем классе в два раза меньше, чем в первом классе. Однако рассмотрение пропорции с учетом реального числа спасшихся мужчин третьего класса показывает, что истинной причиной малого числа спасшихся женщин третьего класса является не то, что мужчины третьего класса вели себя как «самые сильные. Они, отталкивая женщин и детей, заняли спасительные шлюпки» [2]. Истинная причина в том, что пассажиров третьего класса в принципе было спасено меньше, чем пассажиров первого класса. В книге Никонова произошло искажение различительных признаков логического концепта: «социальные низы» ‘меньше шансов спастись при катастрофе’ => «социальные низы» ‘меньше женщин спасаются при катастрофе’. На основе такой трансформации были сформированы имплицитивные, то есть выводимые, признаки, выражающие оценку: «социальные низы» ‘право сильного, то есть животные модели поведения, отсутствие морали’.

То, что в книге Никонова реализуется не логический, но уже оценочный концепт, подтверждается лексическим составом цитаты: «А среди сброда, ехавшего в третьем классе, выжившими оказались одни мужчины, то есть самые сильные» [2]. Используется номинация *сброд*, которая обладает ярко выраженной коннотацией, зафиксированной в словарях: «Пренебр. 1. Люди, принадлежащие к разложившимся, преступным, антиобщественным элементам» [3, с. 1152]. Расширение логических структур за счет коннотаций характерно для лексического концепта, который включает, помимо логического понятия, и другие содержательные формы — образ и символ — элементы «концептуального квадрата» (термин В.В. Колесова) [1, с. 100–101]. Образ и символ являются средствами формирования оценочности в идеологическом дискурсе.

Образные признаки концепта отражают вероятностные, субъективно определяемые свойства объектов действительности. В рассмотренном примере такими признаками концепта «социальные низы» оказываются ‘лишенный моральных норм’, ‘преступный’, ‘антиобщественный’ (выделяются на основе словарной дефиниции имени концепта), а также ‘обитатель дна’, ‘худший’, ‘убийца’ (на основе других номинаций, используемых в цитате Никонова). Следует заметить, что сформированный оценочный концепт не затерялся в сетевых дискуссиях 2016 года: он оказывается востребованным, актуальным и сегодня. В сетевой записи 2023 года воспроизводимый исходный текст дополняется новым заголовком «Настоящие подонки находятся именно среди бедноты» [4]. В самом посте эксплицируются дополнительные оценочные признаки концепта «социальные низы»: ‘завистливость’, ‘отсутствие благородства’, ‘злоба’, ‘жестокость’. Не понятно, каким образом история «Титаника» детерминирует в сознании автора поста представления о завистливости социальных низов. Однако отчетливой детерминации здесь и не требуется: как указано выше, образные признаки концепта являются субъективными и могут определяться личным опытом говорящего.

Заключение. Идеологическое воздействие образной формы концепта не может быть достаточно эффективным, поскольку адресат неизбежно осознает субъективность и предвзятость автора. Именно поэтому в идеологическом дискурсе оказывается востребована логическая, понятийная форма концепта, рассмотренная выше применительно к истории с «Титаником». Понятийная форма создает у адресата впечатление объективности всей репрезентации концепта. И уже дальнейшая реализация оценочного концепта определяется его символической формой, которая соотносит коннотативные признаки предмета с культурными ценностями, социальными явлениями и фрагментами мировоззрения. В рассмотренной сетевой записи 2023 года символическими признаками, которые оформили идеологическую направленность концепта «социальные низы», стали признаки ‘отсутствие благородства, жестокость = бедность’ и ‘завистливость, жестокость = социализм’.

Список литературы

1. Алексеев, А. В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики : монография / А. В. Алексеев. — М. : МГПУ, 2013. — 163 с.
2. Владимирова, В. История о «сброде» на «Титанике» оказалась цитатой из книги «Чем женщина отличается от человека». — URL: <https://snob.ru/selected/entry/109512> (дата обращения: 29.09.2023).
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.
4. Настоящие подонки находятся именно среди бедноты. — URL: <https://serjiopereira.livejournal.com/1228216.html> (дата обращения: 29.09.2023).

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЧИТАТЕЛЕЙ ТЕКСТОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЛОНГРИДОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ ИЗДАНИЙ

Анпилогова Л. В., канд. пед. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, РФ

anpilogova62@mail.ru

Введение. В современных СМИ все чаще наблюдается использование новых цифровых технологий, помогающих создать визуальный рассказ, позволяющий через текст и большое количество мультимедийных элементов вывести читателя на новый уровень эмоциональной заинтересованности. Исходя из этого, становится понятным, почему сегодня происходит развитие в интернет-СМИ такого конвергентного продукта, как лонгрид, включающий в себя достаточно объемное текстовое сообщение с разнообразным мультимедийным сопровождением, помогающее аудитории не просто познакомиться с содержательным наполнением материала, а еще и эмоционально его оценить [1].

Основная часть. Следует констатировать, что на сегодняшний день недостаточно исследований, затрагивающих проблему эмоционального влияния текстов лонгридов на интернет-пользователей. Учитывая это, перед нами стояла следующая задача: провести фоносемантический анализ публикации с целью оценки эмоционального влияния текста лонгрида на читателей. Фоносемантический анализ, проводимый по программе ВАЛЛ-мини, включал оценку 3 лонгридов 2021 года выпуска разной тематической направленности, изданных сетевыми региональными изданиями: «Newsler.ru» (Кировская область), «Ura.ru» (Свердловская область), «Оренбург Медиа» (Оренбургская область). Пример фоносемантической оценки одного из лонгридов представлен на рисунке 1.

Рис. 1. Пример фоносемантической оценки лонгрида «Люди-легенды, которых мы потеряли в 2021 году» [4]

Проведенный фоносемантический анализ позволил определить степень эмоциональной оценки текстов лонгридов, анализируемых нами, через представление эмоций, что показано в таблице 1.

Таблица 1

Результат фоносемантики лонгридов (по программе ВАЛЛ-мини)

Название лонгрида / кол-во знаков (информация о СМИ, дата выпуска)	Скриншот титульной страницы лонгрида	Эмоциональная хар-ка (общее кол-во слов-эмоций / полож. эмоций / отриц. эмоций)
1 «Выжившие: что стало с теми, кто столкнулся с жестокостью людей» / 12435 («Newsler.ru», 30.12.2021 г.) [3]		Хороший, страшный, шероховатый, злой, величественный, грубый, холодный, громкий, храбрый, веселый, подвижный, быстрый, активный, яркий (14/8/6)
2 «Люди-легенды, которых мы потеряли в 2021 году» / 10882 («Ura.ru», 29.12.2021 г.) [4]		Страшный, злой, величественный, тяжелый, грубый, мужественный, сильный, холодный, громкий, храбрый, могучий, большой, веселый, активный, яркий, радостный (16/10/6)
3 «Антитела к коронавирусу. Как разобраться в тестах и анализах?» / 14529 («Оренбург Медиа», 09.03.2021 г.) [2]		Хороший, красивый, безопасный, простой, гладкий, округлый, светлый, величественный, нежный, женственный, холодный, хилый, медлительный, медленный (14/10/4)

Проведенный мониторинг лонгридов позволил сделать следующие выводы:

– все три лонгрида (100%) обладают фоносемантическими характеристиками, представленными в словах, выражающих эмоции (14 (в 2 материалах) и 16 (в 1 публикации), что говорит о наличии эмоциональной составляющей в анализируемых текстах, что, несомненно, окажет влияние на читательскую аудиторию;

– во всех материалах наряду с позитивными эмоциями (*веселый, мужественный, активный, яркий, и др.*) присутствуют и негативные (*тяжелый, страшный, холодный, грубый и др.*), но в разных пропорциях (8 (в 1 материале) и 10 (в 2 текстах) положительных и 4 (в 1 публикации) и 6 (в 2 текстах) отрицательных), что говорит о двойкой эмоциональной нагрузке, производимой данными материалами.

Проанализируем полученные результаты подробнее.

В материале «Выжившие: что стало с теми, кто столкнулся с жестокостью людей» [3] модуль семантического дифференциала с

оценками текста показал, что публикация производит неоднозначное впечатление на читателей, выражаемое 14 эмоциями (100%): 8 (57,1%) позитивными (*храбрый, веселый, подвижный, быстрый* и др.) и 6 (42,9 %) негативными (*страшный, шероховатый, злой, грубый*). Наличие большого количества отрицательных эмоций объясняется тем, что в лонгриде говорится о тяжелой участи животных, пострадавших от рук человека, попавших в сложную ситуацию. Однако у читателей есть надежда на то, что с друзьями нашими меньшими будет все в порядке благодаря помощи неравнодушных людей. И это вызывает позитивное отношение читательской аудитории к представленному материалу.

В тексте «*Люди-легенды, которых мы потеряли в 2021 году*» [4] фоносемантический анализ показал, что в публикации эмоции даны в следующей пропорции: 10 положительных (62% от 16) (*могучий, большой, веселый, активный* и т. д.) и 6 отрицательных (37,5 %) (*страшный, злой, величественный, тяжелый* и др.). В материале говорится о знаменитых людях, ушедших из жизни в 2021 году, что вызывает огромное сожаление и находит выражение в негативных эмоциях. Это большая потеря, но вклад этих людей в культуру, политику останется в памяти людей навсегда. И это не может не вызывать положительную реакцию читателей.

В публикации «*Антитела к коронавирусу. Как разобраться в тестах и анализах?*» [2] программа выделила 14 эмоций: наряду с позитивными (10 (71,4%) (*светлый, величественный, нежный* и др.) присутствует и негатив (4 (28,6%) (*холодный, хилый* и др.). Но следует констатировать, что отрицательных эмоций в 2 раза меньше, чем положительных. Это объясняется **содержанием текста, в котором идет речь** об информировании аудитории по вопросам COVID-19. Грамотное изложение материала позволяет читателям надеяться на решение проблем, связанных с пандемией, унесших жизнь многих людей.

Заключение. Таким образом, все публикации разных региональных сетевых изданий формируют эмоциональное восприятие прочитанного, определяемого средствами фоносемантики, осуществляемой по программе ВААЛ-мини, благодаря чему журналист может оценить, какие эмоции получают читатели и, соответственно, определить их эмоциональное воздействие на пользователей.

Список литературы

1. Анпилогова, Л. В. Мультимедийный лонгрид как тренд современных СМИ [Электронный ресурс]: монография / Л. В. Анпилогова, Я. М. Бешева. — Оренбург: ОГУ. — 2022. — 246 с.
2. Антитела к коронавирусу. Как разобраться в тестах и анализах? — Оренбург: «Оренбург Медиа», 2021. —URL: <https://orenburg.media/?p=72806>
3. Выжившие: что стало с теми, кто столкнулся с жестокостью людей [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.newsler.ru/society/2021/12/30/horoshie-malchiki-goda>
4. Люди-легенды, которых мы потеряли в 2021 году [Электронный ресурс]. — URL: <https://adi19.ru/news/33940-ludi-legendy-kotoryh-my-poterali-v-2021-godu>

**БРЕНД-ЖУРНАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ
МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ И
КОММУНИКАТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Артамонова И. М., д-р наук по соц. комм., проф.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
inesa_artamonova@mail.ru

Введение. Журналистика, реклама и PR до недавнего времени развивались независимо друг от друга. Но появление конвергентных СМИ в результате синтеза всех видов массовой коммуникации дали толчок к становлению новой модели журналистики. Бренд-журналистика, совмещающая в себе черты как PR, контент-маркетинга, так и самой журналистики, создает контент, который используется большими медиакорпорациями для создания собственных каналов коммуникации, а также как метод достижения конкурентных преимуществ. Использование данной медиасистемы помогает определить потенциального потребителя и привлечь его. А для того, чтобы удержать аудиторию, необходимо использование некоторых журналистских приемов для создания медиаконтента.

То, как могут пересекаться между собой журналистика, реклама и PR в конвергентных СМИ, их функциональная направленность и коммуникативные характеристики — цель нашего комплексного исследования. Продукт, созданный посредством совмещения в себе частей трех главных сфер массовой коммуникации, содержит в себе уникальные характеристики каждой составляющей и благодаря трансформации и взаимовлиянию на уровне медиатекста, медиаконтента, медиапродукта и медиабренда, представляет собой совершенно новый продукт [4].

Основная часть. Целью бренд-журналистики выступает именно необходимость дать потребителю определенный опыт коммуникации и взаимодействия со СМИ, которые должны обладать высокой конкурентоспособностью на рынке и соответствовать многим современным тенденциям, чтобы реализовать стратегии вовлечения в разные формы контента: это может быть онлайн-трансляция, фоторепортаж, авторская программа или даже специальный выпуск новостей. Главной особенностью бренд-журналистики является разнообразие способов организации коммуникации между производителями контента и их аудиторией. Наиболее важным из них является возможность для каждого потребителя стать автором, полноценно участвовать в диалоге, получать обратную связь, предоставлять

собственную форму обсуждения и даже переносить ее на другую платформу (социальную сеть, форум, телеграмм-канал и т. п.). Эти возможности, независимо от того использует их один потребитель или множество, создают психологическую ситуацию, в которой потребители видят себя не только как объект одностороннего информационного воздействия, но и как потенциального участника многонаправленной и разнообразной системы коммуникации.

Бренд-журналистика является актуальным подходом влияния для СМИ в медиасреде. Е.Л. Варганова выделяет новые информационно-коммуникационные технологии, в том числе и бренд-журналистику, которая стала причиной разделения системы на самостоятельные разделы: технологические изменения СМИ → структурные изменения в медиасекторе → новые медиапродукты → новые медиауслуги [1, с. 96]. Конвергентные СМИ способны менять традиционный порядок функционирования журналистики, PR и рекламы. Акцент смещается с формы СМИ (газета, журнал, радио, телевидение) на содержание, которое определяет само СМИ.

Имидж бренда является самым ценным активом медиаконпании — источником доверия. Медиаконпании начинают понимать, что их бизнес — это прежде всего контент. Поскольку в информационный поток попадают и различные жанровые модели журналистских произведений, их также можно рассматривать с точки зрения того, какое место они должны занимать в коммуникативном канале, исходя из их семантических или формальных характеристик.

Бренд-журналистика тесно связана с традиционной журналистикой, но существует ряд некоторых отличительных особенностей. Традиционная журналистика стремится быть полностью объективной, а бренд-журналистика ставит целью рассказать собственную историю и привлечь соответствующую аудиторию. Маркетологам стало интересно получать не только выгоду, но и определенный эмоциональный отклик аудитории. Отсюда одним из основных инструментов бренд-журналистики является *storytelling*, который пользуется большой популярностью в системе контент-маркетинга, т. е. бренд-журналистика гораздо больше заинтересована в воздействии на аудиторию. Она стремится оставить определенный след в памяти читателей и/или зрителей. Такие истории должны быть интересными, подлинными, полезными, с реальными людьми, делающими реальные вещи. Они должны указывать на прозрачность бренда, давать ответы на все вопросы.

Использование информации, которая обладает определенной объективностью, а не основана на неоправданных мнениях, является ключевой частью бренд-журналистики. Правильная статья может помочь потребителям расширить свои собственные устремления и желания. Бренд-журналистика обладает особыми качествами, которые позволяют

приспособиться к диктуемым условиям и успешно выводят в массы проекты как на традиционных площадках — газеты, журналы, радио, блоги и т. п., так и в конвергентных СМИ: мультимедийные платформы, интерактивные сайты и иные медиа. Они могут затрагивать не только тематику бренда, но смежные ему сферы [2]. Компании сейчас запускают профильные направления, создавая собственные СМИ для непрерывного производства релевантного контента на основе онлайн-платформ. Лонгрид — один из подвидов интернет-изданий, развернутый текст, разбитый на несколько частей с помощью мультимедийных элементов (инфографика, фотографии, видео, гиф-изображения и прочее). Данный формат подачи материалов позволяет также завлечь читателя и формирует правильные впечатления о компании [3, с. 37].

Бренд-журналистика — не реклама, поэтому журналист должен использовать главное правило: меньше бренда — больше журналистики. В создании публикаций важно выдерживать уникальный стиль написания, не копировать его у конкурентов, придерживаться целостности, стараться писать интригующие лиды. Нужно писать тексты так, чтобы клиент задумался о пользе, которую несет компания, захотел изучить информацию о ней подробнее, опробовал продукт или услугу, стал постоянным пользователем продукции и в конечном итоге советовал ее друзьям [5].

Корпорации разрабатывают собственные СМИ, чтобы включить брендовую журналистику в свою повседневную деятельность. Они являются профессиональной платформой для размещения статей, различных материалов и публикаций, способствующих большей узнаваемости бренда.

Контент в сфере бренд-журналистики должен создаваться по нескольким принципам: актуальность, качество содержания, отказ от сокрытия первоисточников, соответствие стратегии компании, использование интерактивных навыков, честность, имитация жанров традиционной журналистики, улучшенное качество фото и видео, использование ссылок и хэштегов. Наиболее популярным является емкий, неформальный, авторитетный, вежливый и информативный *Tone of voice*.

Наиболее используемыми платформами для распространения подобного контента являются блоги компаний в социальных сетях, а также их официальные сайты. Нередко бренд-журналисты сотрудничают с профессиональными блогерами и, в частности, с целью покупки у них рекламы.

Заключение. Следовательно, важным моментом является то, что на базе бренд-журналистики создается правильная модель медиавлияния. Она нужна для осуществления корпоративной коммуникации. В общем понимании корпоративные коммуникации, как и корпоративные медиа, позволяют взаимодействовать и помогают в решении корпоративных задач, которые представляют собой как внутренние, так и внешние коммуникации.

При правильном исполнении бренд-журналистика значительно повышает узнаваемость компании на рынке, а также ее популярность.

Список литературы

1. Варганова, Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран. Учебное пособие М.: Аспект Пресс, 2003. — С. 79-112.
2. Дунас, Д.В. К антропологической теории рассмотрения медиакommunikации [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2009. No4. — URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/481> (Дата обращения: 15.04.2023).
3. Котлер, Ф. Маркетинг-менеджмент. Экспресс-курс. СПб, 2006. — С. 37.
4. Сиденко, И. Что такое бренд-журналистика и как с помощью SMM получить ТВ-охват. [Электронный ресурс], URL: <http://www.cossa.ru/trends/153172/> (Дата обращения: 15.04.2023).
5. Why do you need a brand-journal [Электронный ресурс]: Prowly magazine. 2019. URL: prowly.com (Дата обращения: 18.07.2023).

УДК 323.11

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ АСТРАХАНСКИХ ОНЛАЙНОВЫХ МЕДИА В СИСТЕМЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Байбатырова Н. М., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева»,
г. Астрахань, РФ
aulova83@mail.ru

Введение. Современные онлайн-медиа и социальные сети не только открывают безграничные пространства для обмена информацией, но и способствуют процессу межэтнической и межкультурной интеграции населения. Астраханская область — полиэтничный и поликонфессиональный регион, в котором проживают представители более ста национальностей. Интернет-ресурсы как часть нового медиaprостранства помогают большим и малым народам многонациональной территории возродить самобытную культуру и поддерживать добрососедские отношения друг с другом. Новые медиа региона уделяют внимание специальным проектам и программам, рубрикам и темам, которые должны обеспечить максимальные возможности для сохранения особой идентичности и традиций многочисленных и небольших этнических групп Астрахани. При этом национальная идентификация как основа здоровой национальной политики России должна быть адаптирована к особенностям Астраханской области как части Прикаспийского региона.

Основная часть. Материалы о национальной идентичности и межэтнических отношениях являются для журналистов непростыми уже на этапе создания: зачастую мешает стереотипное мышление и в целом непопулярность этнонациональной тематики в современных СМИ. Однако тем ценнее значение медиа в воспитании мультикультурного поведения, которое является профилактикой этнонациональных конфликтов, нетерпимости и национализма. Е.А. Овасафян рассматривает журналистику как средство гармонизации межэтнических отношений [5].

Стратегически выстроенная этноконфессиональная политика в региональных СМИ способствует сохранению уникального своеобразия этнических общностей, предотвращает обострение национальных противоречий. В астраханских онлайн-медиа подробно освещается этнокультурная тематика. Примером могут послужить тематические публикации сетевого издания «Арбуз» [2]. Материалы «Как сегодня протекает жизнь в Белой мечети», «Еврейская жизнь: синагога в Астрахани процветает после реконструкции», «Репортаж с высокой колокольни. Будни звонаря астраханского кремля», «Кирха в центре Астрахани: как живет лютеранам и пастору Вере» созданы в формате репортажей и подробно рассказывают о действующих храмах. Материалы повествуют об устройстве синагоги и еврейских праздниках или о том, сколько ступенек нужно преодолеть, чтобы подняться к часам и колоколу астраханского собора. В другом онлайн-СМИ «Пункт-А» выходит постоянная рубрика «В большой семье». «Астраханская область — многонациональный край. Это знают все. Но много ли мы знаем друг о друге? Откуда наши корни? Когда и почему наши предки пришли на астраханскую землю и какой след оставили? Чем мы отличаемся друг от друга, кроме цвета лица и разреза глаз? Как отмечаем праздники, что едим и как ведем себя в семейном кругу? Как нам удастся ужиться и надёжно ли это согласие?», —

такими вопросами задается специальный корреспондент Вероника Иошко [3].

Медиаосвещение народных и конфессиональных праздников — один из наиболее популярных способов трансляции этнической информации для массовой аудитории. Эмоционально-оценочная окраска публикаций о национальных торжествах в Астрахани всегда положительная. Часто рассказ об этнических и религиозных праздниках представляет собой цикл материалов: анонс, повествование о традициях, поздравление от главы региона, репортаж с места проведения мероприятий.

Местные онлайн-СМИ также освещают тему этнотуризма, что развивает межэтническое взаимодействие. Территориальная индивидуальность Астраханской области, помимо объективно заданных особенностей, включает также этносы и их культуры. Распространять информацию об этнотуризме помогают новые медиа. Этнический туризм

представляет собой одну из форм современного туризма, предполагающую взаимодействие с локальными сообществами других стран (регионов) с целью ознакомления с их образом жизни, языком, историческим наследием и окружающей средой [4, с. 314]. О центре золотоордынского ханства Сарай-Бату рассказывается на региональном портале Astrakult. Концепцию многонационального культурного пространства, получившего название «этнодеревня», представили на заседании Этноконфессионального совета при губернаторе Астраханской области. На её территории планируется расположить ремесленные мастерские, сцену, продавать сувениры и презентовать национальную кухню. Возможно обустройство ипподрома для проведения конных и верблюжьих бегах.

Рассматривая содержательную парадигму региональных медиа, следует отметить, что в журналистских текстах периодически появляются формулировки, которые могут отрицательно повлиять на медиаимидж отдельных национальных групп. Несмотря на то, что Астраханская область — полиэтничный регион со сложившейся общей ментальностью мультикультурализма, толерантности и взаимоуважения больших и малых народов, неосторожные высказывания журналистов и резкие комментарии в сети Интернет могут вызвать враждебность между представителями этносов. Важную роль при публикации материалов на межэтническую тематику играет корректное употребление этнонимов. Э.Г. Апанасенко определяет этноним как лексическую единицу, «в которой репрезентуется признак этнической, политической, религиозной или территориальной идентичности» [1, с. 6]. Примером некорректного употребления таких лексем может послужить публикация на сайте «Ast-news.ru» с заголовком: «Цыгане устроили массовую драку под Астраханью». Журналисты РИА «Волга», наоборот, отказались от упоминания национальности героев публикации и ограничились следующими формулировками: «группировки», «две группы жителей села», «участники драки».

Заключение. Уникальный и богатый этнический состав астраханской территории и большой культурно-исторический опыт взаимодействия народов позволяют, с одной стороны, внедрить в практику СМИ оригинальные форматы сетевых продуктов. С другой стороны, в современных условиях коммерциализации медиaprостранства невозможно проконтролировать и обязать частно-коммерческие массмедиа увеличить долю программ и рубрик на национально-этнические темы. Анализ контента астраханских онлайн-средств массовой информации показал, что сохранение баланса элементов этнонационального информационного обмена является важной задачей. Грамотная межнациональная и межконфессиональная стратегия сетевых СМИ поможет избежать национальных конфликтов и объединить этносы.

Список литературы

1. Апанасенко, Э. Г. Россия — Восток — Запад в зеркале русских этнонимов : автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филол. наук / Э. Г. Апанасенко. — Владивосток. — 2009. — 21 с. — Текст : непосредственный.
2. Арбуз. Сетевое издание. — URL: <https://arbuztoday.ru/> (дата обращения: 16.09.2023). — Текст : электронный.
3. Иошко, В. В большой семье. Внук великого ногайского просветителя, он же известный бард, впервые выступит в Астрахани / В. Иошко // Пункт А. Информационно-новостной ресурс. — URL: https://punkt-a.info/news/glavnoe/v-bolshoy-seme-vnuk-velikogo-nogayskogo-prosvetitelya-i-izvestnyy-bard-vpervyye-vystupit-v-astrakhani?sphrase_id=167797 (дата обращения: 17.09.2023). — Текст : электронный.
4. Никонова, Т. В. Проблемы и перспективы развития этнотуризма в современном обществе / Т. В. Никонова // Журнал прикладных исследований. — 2022. — №11. — С. 313–318. — Текст : непосредственный.
5. Овасафян, Е. А. Этническая журналистика как средство гармонизации межнациональных отношений / Е. А. Овасафян // Скиф. — 2020. — №10 (50). — С. 269–274. — Текст : непосредственный.

УДК 070

МАСКУЛИНИСТСКИЕ АККАУНТЫ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА КАК АГЕНТЫ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Балюнис Е. В., канд. филол. наук,
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, РФ
evakallas@sfedu.ru

Введение. Общедоступность новейших информационных и коммуникационных технологий приводит к постоянному расширению и усложнению коммуникативного пространства социальных платформ, предоставляющих пользователям практически неограниченные возможности размещения, хранения и распространения собственного контента. Многочисленные социальные медиа становятся площадками для общественных дискуссий разнообразной тематики: бытовой, политической, социальной, — а также способствуют формированию виртуальных субкультур и социальных течений, деятельность которых за пределами интернет-пространства была бы или не столь масштабной, или в принципе невозможной. Одним из таких движений является так называемый маскулизм (маскулинизм), активные члены которого декларируют первостепенную значимость комфорта и социального блага мужчин. На отечественных социальных платформах и в русскоязычных сегментах международных социальных сетей и хостингов функционирует

множество пабликов, страниц, групп, сообществ, каналов и дневников, аффилированных с маскулинистским виртуальным объединением.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы представить маскулинистские социальные медиа как феномен социального интернет-опосредованного взаимодействия на русском языке.

Основная часть. На данный момент нами было выявлено более 500 функционирующих в русскоязычном интернет-пространстве ресурсов, которые тем или иным образом пропагандирует маскулинистскую идеологию, в том числе и концепции отдельных течений маскулинизма, из них большая часть (около 350) — это аккаунты, зарегистрированные в самой популярной среди российских пользователей социальной сети ВКонтакте: открытые и закрытые сообщества, группы, паблики и персональные страницы отдельных пользователей. Некоторые из них имеют большую постоянную аудиторию (от нескольких тысяч до двух миллионов подписчиков). Приблизительно 25 % выявленных аккаунтов — это паблики, ведущие вещательную деятельность на регулярной основе и выкладывающие новый контент с определенной периодичностью. Рассматриваемым сообществам свойственна специфическая аудиторная политика. Их целевой аудиторией являются русскоязычные или русскоговорящие мужчины социально активного возраста. Нередко в описании сообщества подчеркивается, что присутствие пользователей женского пола является категорически неприемлемым, также нежелательны комментарии от мужчин, если в них присутствует критика идеологии ресурса или продвижение традиционных семейных ценностей.

Подобные страницы связаны как друг с другом, так и со сторонними маскулинистскими ресурсами сложной системой гиперссылок. Это способствует распространению контента среди потенциальных читателей и привлечению новых подписчиков, открывает пользователям больших пабликов доступ к провокационным материалам, которые зачастую размещаются на страницах с небольшой аудиторией, а также создает резерв коммуникативных пространств, которые будут доступны членам виртуального объединения в случае блокировки популярных сообществ.

Основными смысловыми доминантами медиатекстов подобных пабликов являются гендерные категории маскулинности и фемининности. Зачастую интернет-пользователи, заявляющие о своей принадлежности к виртуальному сообществу маскулинизма, говорят о том, что они не стремятся кого-либо оскорбить или унизить, а также подчеркивают тот факт, что мужские движения возникли как ответная реакция на феминизм, необходимая для установления социальной справедливости и защиты прав мужчин. Однако проведенный нами контент-анализ наиболее популярных маскулинистских сообществ показал, что всего лишь в 2 — 5 % размещаемых ими материалов (в зависимости от конкретной страницы и ее контент-стратегии) присутствует упоминание феминизма и феминисток. В

большинстве проанализированных текстов (как собственно вербальных, так и креолизованных) создается негативный обобщенный образ женщины как участницы трудовых, социальных, романтических или семейных отношений: сотрудницы, начальницы, учительницы, медсестры или врача, возлюбленной, супруги, матери. Негативному фемининному образу противопоставляется виктимизированный маскулинный — обобщенный образ мужчины, страдающего от женской злобы, меркантильности, некомпетентности и т. д. Демонизация и криминализация фемининности и виктимизация маскулинности — основные дискурсивные стратегии маскулинистских интернет-опосредованных речевых практик. Они реализуются за счет целого ряда речевых средств, а также способов организации и представления контента.

В рассматриваемых дискурсивных практиках вырабатывается и на регулярной основе используется собственный специфический лексикон, во многом сходный с криминальным жаргоном. Вместо узуальных средств обозначения лиц женского пола последовательно употребляются их игровые трансформации (*банна, б@ба, женщина, деушка* и др.) и локальные неологизмы-лингвоцинизмы, в основе которых лежит шокирующий метафорический или метонимический образ (*ПСИ, дырка, порванка, спермобак* и многие другие). Физиологизация обобщенного женского образа последовательно совмещается с деаксиологизацией интимных отношений. В текстах часто используются зооморфные, тератоморфные, морбиальные, артефактные метафоры с целью реконцептуализации фемининности.

Для рассматриваемых ресурсов характерна агрегация соответствующего их тематике медиаконтента: цитирование и репосты интернет-текстов юмористического характера, новостных сообщений, материалов криминальных хроник официальных СМИ, при этом отбор размещаемых материалов обусловлен необходимостью демонстрации негативного фемининного образа.

Заключение. Возникновение и рост популярности подобных ресурсов обусловлены общей тенденцией к демассовизации и персонализации контента, постоянно усиливающейся по мере распространения технологий Web 2.0. Специфической особенностью маскулинистских речевых практик в социальных медиа является их ярко выраженный рискогенный и конфликтогенный потенциал. В рассматриваемых медиатекстах очевидна установка не только на актуализацию конфликта, имманентно присутствующего в гендерном дискурсе за счет бинарности и взаимной противопоставленности базовых гендерных категорий, но и на формирование более масштабного социального конфликта между индивидуумом и традиционными гендерными представлениями, существующими в обществе. В течение долгого времени важнейшими агентами гендерной социализации были

традиционные СМИ, тексты массовой культуры, детская, подростковая и классическая художественная литература. В настоящее время появляются и новые агенты гендерной социализации: развлекательные интернет-ресурсы, паблики в социальных сетях, многочисленные коммуникативные площадки гомогендерных социальных объединений, размещающие провокационные и даже деструктивные тексты, в которых последовательно проводится деаксиологизация базовых общечеловеческих ценностей. Изучение этого феномена с позиций психологии и социологии затрудняется в силу невозможности проведения масштабного анкетирования участников подобных виртуальных сообществ, однако порождаемые и ретранслируемые ими тексты должны стать объектом лингвистического исследования.

УДК 007: 304 : 659.4

МЕДИАМАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ САЙТОВ-САТЕЛЛИТОВ

Безродный В. П., канд. хим. наук, ст. научн. сотр., *Долгий В. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.bezrodnyi@donnu.ru

Введение. Сателлит — это вторичный сайт, специально разработанный для продвижения основного ресурса. Эти сайты являются небольшими веб-ресурсами, созданными с целью продвижения определенного продукта, услуги или идеи, а также управления общественным мнением [1]. Такие сайты-сателлиты обычно содержат ключевые слова, которые помогают основному сайту-домену занять лучшие позиции в выдаче поисковиков.

Однако сайты-сателлиты могут использоваться не только в целях SEO-оптимизации, они также являются мощным инструментом манипулирования общественным мнением. Это происходит в том случае, если владельцы данных сайтов используют их для дезинформации и распространения фейковых новостей.

Многие авторы открыто признают, что новые медиа используются в качестве оружия в конфликтах: для организации общественных движений, вербовки новых членов, «политического просвещения», разжигания протестных настроений, подстрекательства к отказу сотрудничать с властями и вмешательству во внутренние дела государств [2].

В качестве сайтов-сателлитов часто используются странички в социальных сетях, которые в настоящее время создают практически все

издания, присутствующие в интернет-пространстве. Они ориентированы на увеличение охвата подписчиков и роста количества просмотров, а также используются для размещения манипулятивных материалов.

Цель — анализ соответствующих сайтов-сателлитов таких известных интернет-изданий, как «Nexta», «Медуза» (издание признано в России иноагентом), «Газета.ru», выявление случаев их использования для манипулирования общественным мнением.

Основная часть. У Nexta есть четыре дополнительных ресурса. Два из них — телеграм-каналы, а также YouTube-канал и страничка в Instagram. Следует отметить, что вся информация так или иначе повторяет то, что дается на основном ресурсе. Но при этом акцент в этих материалах делается на снижение доверия к нынешней власти Беларуси. Как на YouTube [3], так и в сети «Инстаграм» [4] Nexta пытается воздействовать на сознание аудитории посредством призыва к действию. Основные манипулятивные технологии, применяемые в работе Nexta, — формирование повестки дня, сенсационность и создание образа врага в лице действующей власти Белоруссии. Эти приёмы ориентированы на людей, которые хотят провести государственный переворот в Беларуси, так как недовольны действующей властью и ее решениями.

«Медуза» — одно из самых оперативных интернет-СМИ, в котором можно найти новости на любую тему. «Медуза» ведёт основной сайт интернет-издания, телеграм-канал и YouTube канал. Платформа YouTube используется исключительно для того, чтобы аудитория «Медузы» могла получить доступ к видеоматериалам. Что касается телеграм-канала [5], то это один из самых ярких примеров блогов-сателлитов. Редакторы публикуют лид новости, который может заинтересовать читателя, а также добавляют ссылку, которая ведет на основной ресурс — сайт интернет-издания [6]. В отличие от материалов, размещённых на основном сайте, в Телеграме к новостям не прикреплены фотоматериалы. Такой подход приводит к тому, что читатель должен читать все лиды, чтобы узнать, что произошло. Иначе он обычно пролистывал бы ленту, выискивая самые красочные картинки с интересующей его тематикой.

«Медуза» сделала упор на такие манипулятивные приёмы, как сенсационность, срочность, использование лидеров мнений. «Медуза» строит свою деятельность на оперативности доставляемой информации читателю, а также её сенсационности. Журналисты «Медузы», имея контакты в различных кругах России, одними из первых регулярно получают оперативные сведения о происходящем, а также приглашают в качестве экспертов известных личностей. И именно этим привлекают аудиторию.

Анализ блогов-сателлитов новостного портала «Газета.ru» [7], являющегося одним из лидеров Рунета в категории «Новости и СМИ», свидетельствует, что издание широко представлено в социальных сетях.

На твиттер-аккаунт «Газеты.ru» подписано более 2 млн. пользователей. Страница издания в социальной сети Facebook (в России признан экстремистским сайтом и запрещен) насчитывает более 650 тыс. подписчиков, страница в «ВКонтакте» — более 100 тыс. подписчиков. В конце 2014 года издание стало развивать собственный аккаунт в сети «Инстаграм». Телеграм-канал данного издания [8] также является представителем партнёрских блогов. Всё потому, что в тексте каждой новости как минимум 1 раз упоминается ссылка на основной источник — «Газета.ru». Кроме того, новости, которые могли бы стать достаточно интересны аудитории, редакторы выкладывают не полностью, а в сокращенном варианте, где задача текста — заинтересовать людей для перехода на основной сайт. Здесь нет прямой ссылки на материал, лишь на главную страницу издания. По-своему это тоже один из верных ходов рекламного бизнеса и привлечения аудитории. Ведь человеку приходится зайти на сайт и самому найти интересующую новость, а во время поиска он может отметить для себя ещё несколько публикаций, которые захочет прочесть.

Что касается «Газета.ru», тут можно отметить, что многие техники манипуляции аналогичны тем, что применяются у «Медузы». Это сенсационность, срочность, использование лидеров мнений, создание определённой повестки дня.

Подводя итог, можно отметить тот факт, что каждый из рассматриваемых ресурсов при помощи блогов-сателлитов старается создать сеть, которая позволила бы привлечь внимание большей доли аудитории, а также увеличить количество просмотров на ресурсах интернет-изданий. Но при этом у каждого из них есть свой подход.

Nexta создала два телеграм-канала, которые одинаково хорошо набрали число подписчиков за счёт ссылок друг на друга и репостов новостей из одного канала в другой. Но если бы информация и там, и там была идентичной, то задумка о создании двух каналов не принесла бы такого успеха. А всё потому, что редакторы стараются дополнять основную информацию уникальной на обеих страничках, чем заставляют пользователей оставаться с ними и быть подписанными на оба канала.

Телеграм-канал «Медузы» предназначен для охвата аудитории мессенджера, на котором удобнее просматривать новостную ленту. Все материалы подаются кратко и имеют ссылку на более подробную версию на самом сайте «Медузы», что хорошо сказывается на количестве просмотров сайта [5].

Ссылки на основной сайт есть и в телеграм-канале «Газеты.ru» [8]. Но они не ведут пользователя на необходимую страницу с новостью, а лишь на главную страницу сайта [7]. Это заставляет человека самостоятельно найти интересующую информацию, а также привлекает внимание к другим новостям.

Заключение. Сайты-сателлиты используются не только для продвижения СМИ, но и ради того, чтобы манипулировать мнением своих читателей путем распространения фейковых новостей.

Список литературы

1. Что такое сайт сателлит и чем он полезен в продвижении сайта. [Электронный ресурс] — URL: <https://infounion.com.ua/blog/chto-takoe-satellit-v-seo.html> (дата обращения: 12.05.2023)
2. Пятая колонна Интернета, или что такое Астротурфинг? // Internews Kazakhstan. — 29 сентября 2008 г. [Электронный ресурс] — URL: <http://www.internews.kz/newsitem/29-09-2008/5007> (дата обращения: 12.04.2023)
3. YouTube-канал «Nexta». — URL: <https://www.youtube.com/channel/UCYq9S5SOsIRZNUVrmNB1JQ> (дата обращения: 12.04.2023)
4. Instagram «Nexta». — URL: https://www.instagram.com/nexta_tv/?hl=ru (дата обращения: 12.04.2023)
5. Telegram-канал «Медуза — LIVE». — URL: <https://t.me/meduzalive> (дата обращения: 12.04.2023)
6. Сайт Интернет-издания «Медуза». — URL: <https://meduza.io/> (дата обращения: 12.04.2023)
7. Сайт Интернет-издания «Газета.Ru». — URL: <https://www.gazeta.ru/> (дата обращения: 12.04.2023)
8. Telegram-канал «Газета.Ru». — URL: <https://t.me/gazetaru> (дата обращения: 12.04.2023)

УДК 654.197+81'42

«ПОЛНАЯ ДЕЗИНФОРМАЦИЯ» КАК МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПРИЕМ ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА УКРАИНСКИХ ТЕЛЕКАНАЛОВ В 2014 г.

Болдырев С. М.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
s.boldyrev@donnu.ru

Введение. Развитие современных телекоммуникационных технологий и средств массовой коммуникации привело к тому, что информационное противоборство стало неотъемлемой составной частью любого вооруженного конфликта. Успехи и неудачи в информационном противодействии могут в некоторой мере предопределять итоги военного противостояния. Соответственно, резко возрастает значимость изучения манипулятивных технологий, применяемых СМИ при освещении подобных конфликтов.

Целью данного исследования является изучение имплицитных манипулятивных приемов телевизионного новостного дискурса украинских телеканалов в 2014–2015 гг. Материалом исследования стали новостные выпуски украинского телеканала «Донбасс».

Основная часть. Гражданское противостояние в украинском обществе, начавшееся осенью 2013 г., переросло в открытый вооруженный конфликт весной 2014 г. Официальной датой начала военных действий принято считать 07.04.2014 г., именно в этот день киевским режимом было объявлено о проведении антитеррористических мероприятий на территории ЛДНР. Следует отметить, что украинские СМИ начали активно использовать различные манипулятивные технологии уже на первых этапах организации протестного движения на Юго-Востоке Украины, задолго до начала вооруженного конфликта. Анализ позволил выявить различные формы речевого воздействия, направленного на формирование негативного отношения к пророссийским силам и наоборот, положительного восприятия украинских националистических организаций, пришедших к власти в Киеве. С помощью использования оценочных языковых единиц с негативной коннотацией журналисты пытались добиться эффекта демонизации объекта, в данном случае — пророссийски настроенных жителей Юго-Востока Украины.

Начало военного конфликта с использованием различных видов вооружения привело к резкому усилению пропагандистской составляющей в информационных сообщениях украинских СМИ. В частности, наиболее распространенным манипулятивным приемом стало использование номинаций — оценочных лексем негативной семантики. Так, журналисты телеканала «Донбасс», говоря о народном ополчении ЛДНР, стали на постоянной основе использовать лексему «боевики» [1]. Помимо этого, практически ежедневно применялся комплекс манипулятивных приемов, позволяющий не указывать виновников постоянных обстрелов жилых кварталов Донбасса — украинскую армию. В состав комплекса входили следующие приемы: умолчание, варьирование на синтаксическом уровне (использование пассивных конструкций), переворачивание и «переинтерпретация» цитат. Использование данных приемов позволяло с помощью лингвистических средств не упоминать ВСУ в материалах об обстрелах и перекладывать вину за эти военные преступления на ополченцев.

В конце мая 2014 г. журналисты телеканала «Донбасс» начинают использовать более жесткие формы манипулятивного воздействия — так называемые «фейковые» информационные материалы. В частности, в выпуске новостей от 27.05.2014 г. дается информация о том, что руководство ДНР покинуло Донецк, а руководитель ЛНР пообещал их расстрелять за это:

«Около 10 вечера понедельника, по словам очевидцев, так называемый председатель ДНР Денис Пушилин бежал из захваченного здания облгосадминистрации. Баррикады глава правительства псевдореспублики покидает в сопровождении лиц кавказской внешности. Спустя час председатель непризнанной Луганской республики Валерий Болотов объявил лидеров ДНР позорными трусами и предателями» [3].

В данном материале применяются разнообразные технологии речевого воздействия, такие как именование («псевдореспублика», «непризнанная республика»), дисфемистическая замена («бежал»), отождествление кого-либо с негативно оцениваемой социальной группой («в сопровождении лиц кавказской внешности»). Однако впервые в данном материале применен манипулятивный прием «полная дезинформация» в таком объеме, что уместнее говорить о конструировании (придумывании несуществующих в реальности данных). Вся информация в данном материале является полной ложью, что позволяет отнести его к разряду так называемых «фейковых» новостей.

Это первый случай, когда подобные пропагандистские, выдуманные материалы вышли в эфире телеканала «Донбасс». При этом для иллюстрации текстового материала использовались реальные видеок cadры, на которых снят Денис Пушилин, покидающий здание облгосадминистрации. В дальнейшем, при использовании полностью ложной, «сконструированной» информации, украинские СМИ стали применять еще один манипулятивный прием, позволяющий сделать ложь более правдоподобной. Поскольку телевизионный дискурс является мультисемиотическим, информация, которая озвучивается в тексте, должна подтверждаться соответствующими видеоматериалами. Таким образом удается достичь большей достоверности репортажа и вызвать доверие у зрителя. Однако в случае распространения дезинформации подобных достоверных и верифицированных видеоматериалов быть не может и создателям манипулятивного репортажа приходится использовать постановочное видео. В частности, в выпуске новостей от 02.07.2014 г. в закадровом тексте журналиста говорилось:

«Ополченцы продолжают сдаваться в плен. Украинские силовики сняли момент капитуляции под Славянском — трое боевиков сами пришли к военным с белым флагом» [2].

Текст написан с использованием приемов речевого воздействия — используя словосочетание «продолжают сдаваться», адресату дают понять, что ополченцы постоянно сдаются в плен. Данный текст сопровождается коротким видеофрагментом, на котором видно, как три человека в камуфляже без опознавательных знаков, без оружия и с белым флагом, подходят к украинским силовикам с явным намерением сдаться. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что все трое хорошо экипированы, а на голове у каждого одета плотная балаклава, не позволяющая рассмотреть лица. Происходит «переход на сторону врага» среди поля, никаких боевых действий вокруг не ведется. Все эти факты позволяют говорить об использовании постановочного видео для придания репортажу большей достоверности и оказания манипулятивного воздействия на зрителя. Скорее всего, украинские военные сняли в роли ополченцев своих коллег, исключив возможность опознания их по каким-то признакам. Налицо

попытка сформировать идеологему об испуганных и не желающих воевать дальше ополченцах.

Заключение. Уже на начальной стадии конфликта в 2014 г. украинские СМИ стали активно применять самые разнообразные манипулятивные приемы воздействия на аудиторию для расчеловечивания и дегуманизации ополчения Донбасса, а также формирования положительного имиджа Вооруженных сил Украины. При этом использовался такой прием, как «полная дезинформация» (сконструированная, полностью ложная новость), который следует отнести к одной из самых жестких форм военной пропаганды.

Список литературы

1. Болдырев С. М. Номинация как основной манипулятивный прием теледискурса при освещении начальной стадии военного конфликта // Актуальные проблемы медиаисследований — 2022. XII Международная научно-практическая конференция НАММИ: сб. мат. конф. — М.: Фак. журн. МГУ, 2022. — С. 27–28.
2. Выпуск новостей от 2 июля / Видео / Телеканал Донбас 24 / YouTube. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nDn6bljRdUY> (дата обращения: 20.09.2023).
3. Спецвыпуск программы "Время новостей Донбасса" / Видео / Телеканал Донбас 24 / YouTube. — [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=w3oHy9GYWbA> (дата обращения: 20.09.2023)

УДК 316.773:33

К НОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ МЕДИА: ВЫЗОВЫ ЭПОХИ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Вартанова Е. Л., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва, РФ
eva@smi.msu.ru

Введение. С начала XXI в. исследователи, обсуждая порожденные в медиа процессом цифровизации феномены и тенденции, возникающие среды, пространства и контексты, все активнее предпринимают попытки сформулировать основы новых теоретических парадигм и концептуальные подходы.

Цифровизация существенно изменила привычную структуру и функционирование средств массовой информации, затронув не только технологическую основу медиа и бизнес-модели, но и методы работы в современной конкурентной среде, и отношения между профессиональными журналистами и аудиторией [11, 12].

Современные технологические трансформации способствуют индустриализации новой медиакоммуникационной отрасли, которая объединяет производство вербального и аудиовизуального контента, интегрируя различные сегменты, включая производство, распространение и маркетинг, и создает новые типы гибридизации сервисов для аудитории [1].

Основная часть. В сложившейся структуре (масс)медиа наиболее существенные изменения связаны с выходом традиционных СМИ за обычные рамки деятельности — в Интернет. Для многих газет печатная версия стала лишь дополнением к основному объему информации, доступному в цифровой среде. Периодические издания превращаются в мультимедийные редакции, бренды, функционирующие в гибридной конвергентной среде [9].

Примечательно и то, что цифровая среда предоставляет газетам качественно иную аудиторию, которая часто не пересекается с аудиторией печатной версии [6, 7].

Для традиционных форм телерадиовещания, в условиях трансформаций практик медиапотребления [5], важнейшим становится цифровой (и онлайн-) формат. Благодаря реализации Федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации в 2009–2018 годах» цифровое вещание охватывает всю территорию страны. Зрители могут просматривать программы на компьютерных мониторах и в нелинейном формате на любых цифровых устройствах, подключенных к Интернету. А традиционный телевизор (например, с интегрированным Интернетом и множеством интерактивных функций — *Smart TV*), в свою очередь, позволяет аудитории получить доступ к сервисам онлайн-кинотеатров, любому интернет-контенту. Особым спросом пользуется видеоконтент — телепрограммы, сериалы, полнометражные фильмы и любительские видеоролики [4, 10].

Изменения в радиовещательной сфере связаны и с новыми взаимоотношениями между слушателями, которые все реже обращаются к традиционным радиостанциям, предпочитая интернет-радио, и производителям аудиопрограмм [3]. Более того, популярная музыка — основной контент современного *FM*-радиовещания — сегодня доступна именно благодаря музыкальным сервисам цифровых платформ. Таким образом, аудитория приучается к нелинейному и индивидуализированному прослушиванию в осязаемой цифровой экосистеме пользователей [22].

Информационные агентства также изменяют свой привычный статус — переходя от традиционного формата взаимодействия с редакциями средств массовой информации, органами власти, бизнес-структурами к прямому контакту с конечным потребителем — широкой аудиторией, фактически превратившись в многопрофильное медиапредприятие, определяющее повестку дня через интернет-каналы и свои аккаунты в социальных медиа и мессенджерах [8].

Заключение. Таким образом, в контексте цифровизации медиа необходимо обратить внимание на значительные преобразования в их структурах и форматах существования. Мы свидетельствуем о «пересборке» медиасистемы, которая находится в новом состоянии соподчинения и формирует новую архитектуру. Эта «пересборка» связана с изменениями в производстве, распространении и потреблении медийного контента, вызванными развитием цифровых технологий. Они включают в себя переход к цифровым форматам, изменение моделей бизнеса, появление новых платформ и инструментов для создания и распространения информации.

Технологические трансформации приводят к сдвигам в привычных моделях работы и воздействия медиа, изменяют способы коммуникации и интерактивности с аудиторией. Для новых форм медиа, которые часто называют неинституционализированными, пока не существует общепринятой терминологии. Однако уже необходимы исследовательские усилия в понимании современной архитектуры медиа, медиасреды и медиасистемы.

Список литературы

1. Вартанов С.А. К вопросу выбора подходов к экономико-социологическому анализу медиакommunikационной индустрии // Известия ДВФУ. Экономика и управление. – 2023. – № 1. – С. 47–70.
2. Вартанова Е.Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы // Меди@льманах. – 2022. – № 1. – С. 8–13. DOI: 10.30547/mediaalmanah.1.2022.813
3. Круглова Л.А., Мамедов Д.З. Проблемы подкастинга в России // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2021. – Т. 20. – № 6. – С. 156–167.
4. Круглова Л.А., Чобанян К.В., Щепилова Г.Г. Онлайн-видео: структура, контент, монетизация. – М.: Аспект Пресс, 2020.
5. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России: моногр. / под ред. Д.В. Дунаса. – М.: Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2021.
6. Новиков Р.Ю. К вопросу о характеристиках аудитории российских газет (на примере еженедельника «Аргументы и факты») // Меди@льманах. – 2021. – № 3. – С. 82–90. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2021.8290
7. Новиков Р.Ю. Развитие периодической печати в России: экономический аспект // Меди@льманах. – 2020. – № 4. – С. 98–110. – DOI: 10.30547/mediaalmanah.4.2020.98110
8. Польшов В.А. Индикаторы оценки деятельности информационных агентств: классика и современность // Медиаскоп. – 2018. – Вып. 3. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/2474> (дата обращения: 03.06.2023).
9. Работа журналиста в цифровой периодике / под ред. О.В. Смирновой. – М.: Аспект Пресс, 2021.
10. Эль-Бакри Т.В. Продюсирование. Кино, телевидение и видеопроекты в Интернете: учеб. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2021.
11. Hallin D. (2020) Comparative Media Studies in the Digital Age: Comparative Research, System Change, and the Complexity of Media Systems. *International Journal of Communication* 14 (12): 5775–5786.
12. Mancini P. (2020) Comparing Media Systems in the Digital Age. *International Journal of Communication* 14 (12): 5761–5774.

КОМИЧЕСКОЕ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВИДЫ, СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ, ФУНКЦИИ

Вольская Н. Н., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ
navolskaya@yandex.ru

Введение. В медиакommunikации периода СВО активно используется категория комического. Различные формы комического позволяют актуализировать в виде различных норм и кодов существующие в массовом сознании смыслы и установки. Стремление к развлекательности способствует игровой, комической интерпретации адресатами медиатекстов. Аксиологический, коммуникативный, креативный и гелозоический (оптимизация психофизиологического состояния) механизмы комического [1] выступают в период СВО как инструмент контрпропаганды — комплекса мер, направленных на борьбу с идеологической пропагандой противника. Высмеиванию, пародированию, травестировке подвергаются символы и культурные ценности врага.

Основная часть. В основе комического лежит противоречие или противопоставление, противоречие между тем, что должно быть (нормой), и тем, что происходит на самом деле и не соответствует норме, однако вызывает позитивные эмоции [2].

Способы создания комического эффекта в вербальном тексте:

1. Каламбур — фигура речи, состоящая в юмористическом обыгрывании различных значений многозначного слова или омонимов.
2. Риторический вопрос в сочетании с разговорным неологизмом.
3. Астеизм — прием, при котором слово, имеющее отрицательное значение, употребляется в положительном значении.
4. Ирония, наряду с другими средствами комического, с античности рассматривалась в риторике как троп. Ирония (греч. *eironeia* — *притворство*) — отличается от «настоящего притворства» тем, что этот риторический троп, как метафора и метонимия, одновременно вызывает и удерживает в сознании говорящего и адресата сразу два значения слова или выражения: прямое (буквальное) и переносное (противоположное первому) — *вид комического, когда смешное скрывается под маской серьёзного (в противоположность юмору) и таит в себе чувство превосходства или скептицизма.*

Современные медиатексты представляют собой единство двух самостоятельных знаковых систем: вербальной и иконической, состоящей из невербальных, изобразительных, знаков с отличной от вербальных

текстов формой выражения. К иконической знаковой системе в СМИ относятся фотографии, инфографика, рисунки, карикатуры, комиксы, коллажи, реклама, а также сочетание нескольких видов знаков [3].

Создание комического эффекта в невербальной части креолизованного медиатекста обусловлено использованием иллюстраций, фото, коллажей, карикатур и т. д., которые, в свою очередь, могут представлять собой визуальные тропы.

Единство восприятия реципиентом обеих частей медиатекста, вербальной и невербальной, обеспечивает понимание смысла публикации, дополняет и обогащает его подтекстом [4]. Порождающий дополнительные смыслы подтекст является механизмом воздействия на массовое сознание.

Заключение. Комическое, будучи весьма распространенным способом косвенной оценки, представляет собой одно из средств интеллектуализации медиатекста, т.к. «ироническая модальность <...> текста объясняется критическим осмыслением действительности, преобладанием негативного отношения ко многим сторонам современной жизни» [5].

Список литературы

1. Мусийчук, М.В., Мусийчук, С.В. Комическое как инструмент контрпропаганды в информационно-психологической войне на примере креолизованных текстов в период специальной военной операции / М. В. Мусийчук, С. В. Мусийчук // Мир науки. Педагогика и психология. — 2023. — Т. 11. — № 1. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/15PSMN123.pdf>
2. Василькова, Н.Н., Вольская, Н.Н. Комическое в жанровой системе современных печатных СМИ / Н.Н.Василькова, Н.Н.Вольская // Russian Linguistic Bulletin. 2023. — Т.38, №2. — С.3–10. 18454/RULB.2023.38.14
3. Василькова, Н.Н., Вольская, Н.Н. Современная медиаречь: лингвостилистический аспект: учебное пособие / Н.Н.Василькова, Н.Н.Вольская. Москва: Издательство Московского университета, 2021. — 164 с. — ISBN 978-5-19-011666-3 (e-book).
4. Вольская, Н.Н. Оценка и ее функции в креолизованном тексте карикатуры / Н.Н.Вольская // Медиаскоп. 2017. — № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/2272>
5. Кормилицына, М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет / Кормилицына М.А. // Проблемы речевой коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. — Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 2008. — Вып.8. — С.32.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИАГРАМОТНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ И МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ МУЛЬТИПЛИКАЦИОННОЙ ПЕДАГОГИКИ

Вялкова И. А., канд. наук по соц. комм.
ФГБОУВО «Мариупольский государственный университет
имени А.И. Куинджи», г. Мариуполь, РФ
registrat@mgumariupol.ru

Введение. Медиаграмотность по праву считается одной из важнейших компетентностей современности. Она обеспечивает эмоциональную стабильность и укрепляет психологическое здоровье, позволяет рассматривать медиатексты как источник познания и миропонимания, формировать гражданскую позицию и мировоззрение. Именно поэтому крайне важным представляется формирование медиаграмотности с раннего возраста.

Основная часть. Для детей дошкольного и младшего школьного возраста, которые считаются одной из самых незащищенных от влияния медиа групп, необходимо выбирать адекватные их возрасту и особенностям восприятия формы и методы формирования медиаграмотности. Одной из таких форм можно по праву считать мультипликационную педагогику — «отрасль педагогической науки, предметом которой является изучение мультипликации как средства художественно-творческого комплексного развития личности, включающая в себя восприятие, понимание, оценку анимационных произведений» [1, с. 12].

Индивидуальные и возрастные особенности восприятия, отсутствие или наличие элементарного опыта в конкретных вопросах и ситуациях оказывают непосредственное влияние на восприятие детьми мультипликационных фильмов, их сюжетов и героев. В этом смысле важно достичь необходимого результата в процессе формирования медиаграмотности, приглашая ребенка к осмыслению и обсуждению происходящего на экране, а не использовать мультфильм как средство простого развлечения и времяпрепровождения. «Мультфильмы обладают богатыми педагогическими возможностями: расширяют представление об окружающем мире, знакомят с новыми словами, явлениями, ситуациями; показывают примеры поведения, что способствует социализации, поскольку дети учатся, подражая; формируют оценочное отношение к миру, развитие мышления, понимание причинно-следственных связей; развивают эстетический вкус, чувство юмора; мультфильмы помогают реализовать эмоциональные потребности» [2, с. 30].

Начинать процесс формирования медиаграмотности ребенка можно с просмотра мультипликационных фильмов о журналистах, предваряя или сопровождая просмотр рассказом о данной профессии, особенностях работы репортера, его главных, важных качествах, причинах успехов и неудач в профессии.

Журналист ввиду широкой популярности профессии часто становится героем мультфильмов. Образ его встречается разный: это и настоящий, хороший журналист, действующий по всем нормам и профессиональным правилам; и простой «писака», не отличающийся творческим вдохновением и преданностью профессии; и концентрированный образ откровенно бездарного, но крайне амбициозного журналиста, готового нарушать нормы и профессиональные правила ради выгоды или достижения собственных целей.

Именно поэтому крайне трудно переоценить направляющую, корректирующую роль педагога, который формирует мировоззрение ребенка, воспитывает духовно-нравственные ценности, часто определяющие алгоритмы его будущих мыслей и действий.

Рассмотрим пример мультипликационного фильма, где созданы образы журналистов. «Смешарики» — российский мультипликационный сериал, созданный киностудией «Петербург» в рамках образовательного проекта «Мир без насилия» при поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Сериал рассказывает о приключениях Смешариков — шарообразных существ, живущих в Стране Смешариков и попадающих в разные приключения.

Серии часто имеют философский смысл, поучительны, поэтому серия о журналистах — также не исключение. «Последняя радуга» — такое название имеет серия, когда зайчик Крош и ежик Ежик решили печатать газету. Они печатали разные материалы, написанные жителями страны, но Крошу не нравился формат скучных и неинтересных новостей. Поэтому он решил сменить новости на страшные и интригующие, а так как таких не было, то зайчик решил их просто придумать. «Заголовок должен быть такой, чтобы страсть как интересно было. Заголовки должны кричать...ну чтобы скучно не было», — говорит Крош и печатает новость о том, что Нюша упала с качели, назвав ее «Сможем ли мы спасти Нюшу?». Такая новость заставила всех броситься на спасение Нюши. Конечно, узнав о фейке, свинка просит Кроша написать правду. «Правда — это вторая газета, а наша, чтобы скучно не было», — отвечает заяц и продолжает писать в том же духе. Жители уже замучились бегать, на что Крош говорит, что это просто для развлечения, не нужно переживать.

Когда же с Крошем действительно случается беда, а Ежик обращается за помощью к другим смешарикам, то уже никто не спешит на

помощь, т.к. доверия к словам горе-журналистов нет. «А на какой странице он тонет?», — спрашивает Совуня. Уже когда спасли Кроша, взрослые смешарики говорят, что не надо так делать, темы должны быть правдивыми, действительными, а лжецам уже никто верить не будет. Но Крош уже сам понял свою ошибку.

Благодаря простоте сюжета данного мультфильма, форме преподнесения информации, четкости и однозначности выводов этот анимационный фильм имеет высокий просветительский, обучающий потенциал. А направляющая ход мысли сопроводительная речь педагога позволит детям получить элементарные, первичные представления о работе журналиста, о качестве информации в медиа и о необходимости развития критического мышления.

Заключение. Образы журналистов созданы также во многих других мультипликационных фильмах, среди которых можно назвать «Спиру и Фантазио», «Приключения Тинтина: тайна единорога», «Джеронимо Стилтон», «Заокеанский репортер» и т.д., каждый из которых имеет значительный образовательно-просветительский потенциал и может быть использован для формирования медиаграмотности дошкольников и младших школьников.

Список литературы

1. Джафарова, О. С. Мультипликационная педагогика в начальной школе: пути решения современных образовательных задач / О. С. Джафарова. — Текст : электронный // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2022. — Том 7. — Выпуск 1. — С. 11 — 15. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multiplikatsionnaya-pedagogika-v-nachalnoy-shkole-puti-resheniya-sovremennyh-obrazovatelnyh-zadach/viewer> (дата обращения: 29.09.2023).
2. Ернеева, А. Ф., Боговарова, В. А. Применение мультипликационных фильмов в процессе обучения детей / А. Ф. Ернеева, В. А. Боговарова. — Текст : электронный // Казанский вестник молодых ученых. Педагогические науки. — 2020. — 4 (4). — С. 29 — 34. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-multiplikatsionnyh-filmov-v-protsesse-obucheniya-detey/viewer> (дата обращения: 29.09.2023).

КОММУНИКАЦИЯ НА РАДИО КАК СПОСОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ (НА ПРИМЕРЕ РАДИОСТАНЦИЙ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Гудова Т. В.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
t.gudova@donnu.ru

Введение. Современная радиокommunikация имеет огромное значение. По радио передается политическая и развлекательная информация, звучат интервью, репортажи, корреспонденции, комментарии. Значительное место в эфире радиостанций занимают музыкальные композиции различных стилей. Многообразие направлений и форматов современного отечественного радио свидетельствует о его стремительном развитии.

Основная часть. Анализируя специфику радиокommunikации, необходимо обратиться к исследователю современной радиожурналистики В. В. Смирнову: «Радиокommunikация отражает действительность в звуке. Она связана со временем, поэтому является необратимой, одномоментной и линейной в своем движении. Коммуникацию на радио можно рассматривать как возможность осуществления коммуникативного акта между говорящими в эфире людьми» [2].

И здесь мысль ученого необходимо дополнить и отметить, что коммуникация в радиовещании — это еще и акт общения между собеседниками, находящимися по разные стороны эфира. Интерактивная форма подачи материалов на радио, живое общение в эфире с гостями в студии и радиослушателями — это еще одно весомое достоинство в копилке преимуществ радиовещания перед печатными СМИ и телевидением.

Русские физиологи И.М. Сеченов и П.П. Павлов доказали, что именно слуховое восприятие информации больше других воздействует на воображение человека. Радио возбуждает фантазию, стимулирует чувства, дает работу мышлению и неосознанным эмоциям [1].

Радио является более интеллектуальным видом и каналом СМИ, чем телевидение. Отсутствие визуализации на радио в этой связи можно рассматривать не как недостаток, а исключительно как достоинство данного медиа. Благодаря отсутствию «картинки» через восприятие информации на радио рождаются образы. Радио заставляет слушателя ставить перед собой актуальные проблемы, мыслить, анализировать, решать сложные нравственно-философские вопросы.

Все это является коммуникационными особенностями и достоинствами радио как СМИ. Но в какой мере они будут воплощены на конкретной радиостанции, заставят ли они слушателя включать эмоции и воображение, зависит, в первую очередь, от профессионализма ведущих.

Для достижения наибольшего эффекта в плане эмоционального воздействия на свою аудиторию радиоведущий должен обладать следующими личностно-профессиональными качествами:

- свободное владение предметом речи (информированность и осведомленность);
- «чувство времени» и умение видеть перспективу дальнейшего разговора;
- «чувство аудитории» и умение понять своего адресата;
- искренность, дружелюбие, умение владеть своими эмоциями [1].

В настоящее время радиослушатели нуждаются в фактическом общении, и современные радиопередачи ориентированы в основном не на передачу информации, а на общение ведущих и слушателей.

Как отметила ведущая донецкой радиостанции «Комета» Ольга Попова, ведущий — это не только творческий локомотив радио. Это не только подводки и поздравления с днем рождения. Это главный источник информации для слушателя, это его лучший друг и собеседник. Человеку, который не живет этой профессией, на радио делать нечего.

Рассмотрим особенности коммуникационного процесса на донецких радиостанциях. Учитывая то, что зарождение радиовещания в ДНР пришлось на военные годы, коммуникация между ведущими и слушателями местных радиостанций имеет особую значимость и колорит. Один только тот факт, что радиостанция «Республика» в 2014 году была первым и единственным СМИ, которое доносило до населения всю оперативную информацию, свидетельствует о коммуникационной сплоченности и консолидации.

В современном радиовещании коммуникационный акт на радио — это не просто «живые» эфиры и интерактивные формы подачи контента. Сегодня для радио открыты широчайшие коммуникативные возможности в глобальной Сети, которыми оно уже активно пользуется. Так, местные радиостанции «Республика», «Радио ТВ», «Комета», «Столица», «Папино радио» применяют мультимедийные технологии для масштабного охвата аудитории и привлечения в свои ряды как можно больше потенциальных слушателей. Помимо традиционного FM-формата донецкие вещатели используют онлайн-трансляции, ведут собственные группы в социальных сетях и мессенджерах, что, безусловно, способствует развитию современной коммуникационной модели на радио.

Так, например, радиостанция «Комета» имеет свой неофициальный телеграм-канал «On air» (пер. «В эфире»), который создала и ведет бессменная ведущая «Кометы», настоящий профессионал и патриот своего

дела — Ольга Попова. Как она сама часто любит повторять, вместе с фамилией была predetermined и ее профессиональная судьба.

Читая канал «On air», напитываешься такой человечностью, неравнодушием и отзывчивостью, что невольно вспоминаешь один из основных девизов вещания: «Радио — это человек человеку о человеке». Контент данного телеграм-канала затрагивает самые актуальные и животрепещущие проблемы, с которыми сталкиваются люди в военное время. Поднимаются вопросы помощи военным, разыскиваются пропавшие без вести, предоставляются оперативные фронтовые сводки и многое другое. Находясь в самом центре столицы ДНР, офис радиостанции неоднократно попадал под жесточайшие обстрелы ВСУ, была нарушена целостность здания и его остекление. Всё это иллюстрируется соответствующим фото- и видеоматериалом. Но благодаря позитивному настрою, которым пропитан канал, читая даже самые негативные новости, понимаешь, что когда-нибудь всё обязательно наладится. А высказывания Ольги Поповой: «Вещаем всем назло!», «А день удался... Господи, спасибо. Живем дальше», «Слава Богу, все живы и здоровы. Спасибо, Господи», «Слава Богу, суббота. Остальное починим» вселяет в слушателей «Кометы» и читателей данного канала веру и надежду. Ни грамма отчаяния в этих словах, только моральная поддержка для всех соотечественников. Вот такая коммуникация со своей аудиторией посредством телеграм-канала доказывает, что радио имеет колоссальное влияние на эмоции и чувства людей, заставляет их сочувствовать, радоваться, переживать и т. д.

Заключение. Традиционное радио по своей природе диалогично. Современные же мультимедийные возможности позволяют радиостанциям не просто вести разговор со своим слушателем, а достигать широчайших масштабов коммуникации. Теперь эмоциональное воздействие на аудиторию происходит не только благодаря профессионализму радиоведущего, но и умению радиостанции позиционировать себя как мультимедийное средство, используя для этого все новейшие средства и технологии.

Список литературы

1. Мурзина О. В. Радиожурналистика: учебное пособие / О.В. Мурзина. Э. С. Карпов. — Москва: РИТМ, 2022. — 121 с. — ISBN 978-5-98422-547-2
2. Смирнов В.В. Радиожурналистика в современном эфире / В. В. Смирнов. — Таганрог : Центр развития личности, 2007. — 166 с.
3. Шерель А.А. Радиожурналистика — М., Изд-во Моск. ун-та, 2000. —478 с.
4. Медиастанция. Портал для Media sapiens [Электронный ресурс]/ Режим доступа: <https://mediastancia.com/articles/4144/>

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕКЛАМНОЙ И PR-КАМПАНИИ ПРЕДПРИЯТИЯ СФЕРЫ БЫТОВЫХ КОСМЕТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Гудова Т. В., Косенко А. О.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
t.gudova@donnu.ru

Введение. Украшение своего тела в последние годы набирает все большую популярность среди людей разных возрастов. Татуировки занимают лидирующее место в числе других видов боди-арта. Многочисленные тату-салоны находятся в постоянной конкурентной борьбе за клиентов. Поиск новых рекламных и PR-методов для таких организаций — это шанс привлечь к своей услуге как можно больше желающих неординарно украсить свое тело.

Цель работы — охарактеризовать особенности разработки и реализации рекламной, PR-кампании предприятия сферы бытовых косметических услуг (на примере тату-салона «САЖА», г. Донецк); предложить собственные методы продвижения для данной организации.

Основная часть. Чтобы начать разработку рекламной и PR-кампании для вышеназванного тату-салона, необходимо, в первую очередь, определить целевую аудиторию — тех, кому будет интересно данное предложение. Целевая аудитория тату-салона «САЖА» — люди в возрасте от 18 до 40 лет, проживающие в Донецке и желающие привнести в свой внешний вид что-то необычное и экстравагантное.

Итак, прежде чем приступить к разработке рекламного и PR-плана для тату-салона «САЖА», обратимся к разработкам Сэма Блэка, согласно которым стратегические программные планы состоят из четырех этапов:

1. Определение проблемы.
2. Планирование и программирование.
3. Действие и коммуникация.
4. Оценка программы [1].

С. Блэк писал: «Любая организация, руководство которой не пытается уйти от действительности, должна внимательно следить за развитием событий, предвидеть возможные тенденции и то, каким образом эти тенденции могут повредить ее будущему успеху. Иногда это называется футуризмом или изучением окружения, но лучше подходит термин «внимание к проблемам», поскольку он предполагает не просто фиксацию изменений, а их учет при разработке стратегии компании» [1].

На основании данного высказывания и современных технологий постараемся разработать оптимальный рекламный и PR-план для тату-салона «САЖА» (г. Донецк).

Для этого приведем сравнение основных параметров продвижения товаров или услуг в рекламном и PR-исполнении и выясним, на какие моменты нужно обратить особое внимание.

Таблица

Сравниваемые параметры	Традиционная реклама	Public relations
Цель	Сбыт товаров и услуг	Управляемый имидж
Наиболее типовые средства	СМИ/наружная реклама	СМИ, приемы PR
Характер работы	Подается дискретно	Непрерывный и систематический процесс
Постановщик задачи	Подразделение фирмы	Руководство фирмы, мода, идеология
Объект	Товар или услуга	Стиль/бренд

Основными задачами рекламной кампании по продвижению услуг тату-салона «САЖА» являются:

1. Повышение уровня осведомленности клиентов о тату-салоне «САЖА» и о качестве предоставляемых в нем услугах.
2. Убеждение потребителей в необходимости использования услуги по нанесению татуажа именно в салоне «САЖА».

Для решения этих задач необходимо пробудить интерес потенциальных потребителей к услугам данного тату-салона посредством донесения до них информации о проводимых акциях.

В ходе подготовки рекламной кампании целесообразно разработать несколько мероприятий, которые смогут найти положительный отклик у потенциальных потребителей.

Акция первая — «Приведи друга». Суть заключается в том, что клиент, который уже однажды воспользовался услугами тату-салона «САЖА», сможет привести в салон своих друзей для нанесения татуировок и получит за это скидку на следующий «забив»:

- привел одного друга — скидка 15 %;
- два друга — скидка 30 %;
- три друга — 50 %.

Акция вторая — «Подарок от „САЖИ”». Данная акция заключается в том, что клиент должен воспользоваться любой услугой салона в течение определенного времени, и он в подарок получит бесплатный татуаж губ или пирсинг (на выбор клиента).

План мероприятий по проведению рекламной кампании:

1) разработка рекламного слогана является необходимым элементом для создания и поддержания положительного имиджа организации, ведь основная функция слогана — привлечь внимание и закрепиться в сознании потребителя своей оригинальностью и уникальностью. Предлагаем рабочий вариант слогана: **«САЖА — замажься по полной»**. Данный слоган делает упор на то, чтобы

потенциальный клиент не останавливался на одной-двух тату, а продолжал постоянно украшать свое тело;

2) разработка оригинал-макета логотипа-визитки для тату-салона «САЖА»;

3) повсеместное использование слогана и логотипа в рекламном продвижении данного тату-салона, а именно: в теле-, радио-, наружной рекламе, рекламе в транспорте и т. д.;

4) создание аккаунтов в социальных сетях, каналах и мессенджерах, их активное ведение и систематическое наполнение, регулярное онлайн-общение с потенциальными клиентами;

5) создание «живого» сайта тату-салона, где будет размещаться вся актуальная и необходимая для реальных и потенциальных потребителей информация (акции, скидки, каталог услуг с подробным описанием процедур, процесс нанесения тату, отзывы клиентов, обратная связь и т. д.).

Подводя итоги нашего исследования по разработке рекламной и PR-кампаний для тату-салона «САЖА», необходимо отметить, что основная цель и рекламного, и PR-продвижения заключается в успешной реализации предоставляемой услуги (украшение тела татуировками), а также контролируемого имиджа данной организации.

Этот результат достигается посредством представленных нами выше методов: разработка узнаваемого и запоминающегося слогана и уникального логотипа; размещение информации об услуге на различных рекламоносителях; создание «живого» сайта и активных аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах; проведение различных акций; установление систематической обратной связи с клиентами.

Заключение. Только комплексный подход к рекламе и продвижению может дать эффективный результат, и позволит тату-салону «САЖА» стать успешным и конкурентоспособным на рынке предоставления данного вида услуг.

Список литературы

1. Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое?: Пер. с англ. – Лондон: Модино пресс: Москва: СП АСЭС, 1990. – С. 148–168.

РЕКЛАМНЫЙ И PR-ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОДВИЖЕНИЯ БРЕНДА В СФЕРЕ БЫТОВЫХ УСЛУГ

Гудова Т. В., Лихашева В. И.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
t.gudova@donnu.ru

Введение. В современном информационном обществе, где конкуренция на рынке услуг и товаров достигла невиданной интенсивности, создание и продвижение личного бренда становятся ключевыми факторами успеха для предпринимателей. Открытие собственного бизнеса, включая химчистку мебели, требует не только качественных услуг, но и эффективных маркетинговых стратегий, чтобы привлечь внимание потенциальных клиентов и установить долгосрочные отношения с ними.

Цель данной работы состоит в выявлении особенностей рекламного и PR-инструментария продвижения бренда в сфере бытовых услуг (на примере химчистки мебели «ZEBRA clean», г.Донецк). В основе исследования лежит стремление разобраться в том, какие конкретные стратегии, каналы коммуникации и инструменты рекламы и PR могут быть наиболее эффективными в достижении поставленных целей.

Выявление особенностей рекламного и PR-инструментария продвижения бренда в сфере бытовых услуг позволит обеспечить эффективное продвижение бренда, а также определить недостатки в уже существующих технологиях.

Данная работа предполагает анализ успешных кейсов в анализируемой отрасли, а также теоретический обзор методов и подходов, используемых в рекламе и PR. Она также включает в себя оценку влияния социальных медиа, партнерских отношений, инновационных технологий и управления репутацией на формирование и продвижение бренда химчистки мебели.

Теоретическое исследование проводилось методом анализа, синтеза, обобщения, классификации. Прикладное исследование — SWOT-анализ, конкурентный анализ, описание, сравнение, проектирование продуктов. Основываясь на теоретических и эмпирических методах исследования, нами разработаны рекламные и PR-средства продвижения бренда в сфере бытовых услуг, а также составлен медиаплан по сопровождению рекламных мероприятий новой химчистки г. Донецка «ZEBRA clean».

Разработанные нами средства рекламы и PR используются при продвижении химчистки мягкой мебели «ZEBRA clean». Нами предложены практические рекомендации для эффективного продвижения

бренда в сфере бытовых услуг, которыми могут воспользоваться предприниматели, которые стремятся продвинуть свое предприятие бытового обслуживания.

Основная часть. Особенности рекламного и PR-инструментария для продвижения химчистки:

1. Локальная ориентация. Фокусироваться на местной аудитории и использовать рекламные каналы, популярные среди жителей Донецка (местные газеты, радио и телевидение).

2. Онлайн-присутствие. Создание профессионального веб-сайта и присутствие в социальных сетях для привлечения клиентов из онлайн-среды. Это позволит достичь большей видимости и эффективности.

3. Уникальность и конкурентные преимущества. Выделение уникальных особенностей и преимуществ бренда химчистки мебели: использование экологически чистых методов, высокое качество обслуживания или быстрая обработка заказов.

4. Личные рекомендации и репутация. Активное использование положительных отзывов от довольных клиентов, а также установление партнерских отношений с мебельными магазинами и дизайнерами интерьеров для получения рекомендаций.

5. Реклама с фокусом на результатах. Подчеркнуть результаты и преимущества, которые клиент получит, в результате использования услуг химчистки мебели: свежесть, чистота и улучшение внешнего вида мебели.

6. Использование графических материалов. Использование визуальных средств: фотографии до/после обработки мебели, видеообзоры и графические элементы для привлечения внимания и демонстрации результатов работы.

7. Сотрудничество с блогерами и местными медиа. Установление партнерских отношений с блогерами, популярными в Донецке, и сотрудничество с местными медиа для получения большей видимости и охвата аудитории.

8. Организация мероприятий и акций. Проведение открытых дней, бесплатных консультаций или специальных акций для привлечения внимания и привлечения новых клиентов.

9. Контент-маркетинг. Создание полезного контента: статьи, инструкции или советы по уходу за мебелью, для установления авторитетности и привлечения целевой аудитории.

10. Анализ результатов и оптимизация. Постоянный мониторинг эффективности рекламных и PR-кампаний, анализ показателей и внесение корректировок для повышения эффективности продвижения личного бренда.

Заключение. Анализ стратегий продвижения бренда в сфере бытовых услуг (на примере химчистки мебели «ZEBRA clean», г. Донецк) демонстрирует эффективность комплексного применения рекламного и

PR-инструментария. Важно правильно ставить цели и, исходя из них, формировать задачи — именно это является точкой отсчета при выборе тех или иных путей продвижения и способах их интеграции.

Список литературы

1. Продвижение бренда: актуальные вопросы : монография / К. А. Аржанова, Л. А. Воронина, А. М. Полищук, Н. З. Шубитидзе ; отв. ред. Г. В. Довжик. — Москва: ОнтоПринт, 2022. — 112 с.
2. Разработка программ продвижения брендов: актуальный инструментарий: монография / К. А. Аржанова, И. С. Павлова, Р. Р. Умаров [и др.]; ответственный редактор Г. В. Довжик. — Москва: ОнтоПринт, 2022. — 256 с.
3. Разработка программ продвижения брендов: современные инструменты и решения: монография / К. А. Аржанова, М. А. Суслин, Д. Д. Галкин [и др.]; ответственный редактор Г. В. Довжик. — Москва: ОнтоПринт, 2022. — 296 с.

УДК: 070; 371.07

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ В МЕДИАОБРАЗОВАНИИ БУДУЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ: ПОДХОДЫ К ПРИМЕНЕНИЮ

Дорошук Е. С., д-р пед. наук, проф.

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, РФ
Leona31@yandex.ru

Введение. Сегодняшний медиаобразовательный процесс рассматривают в контексте повышения институциональной мобильности, когда нет больше прежней монополии на источники знаний, не работают принципы долговременной преемственности и лояльности. Общество становится все более мобильным и фрагментированным, теряющим позиции стабильности, что в условиях текучего и мобильного контекста эпохи глобализации (А. Елфимов) [2, с. 15] неминуемо приводит к смене ориентиров и векторов при проектировании содержания медиаобразования работников медиасферы.

Основная часть. По мнению А.В. Федорова, медиаобразование основано на практиках развития личности с помощью и на материале медиа [5], при этом целью его становится формирование культуры общения с медиа, включая и творческие и коммуникативные способности, критическое мышление, полноценное восприятие медиатекстов, компетенции самовыражения при помощи медиатехники. А.В. Федоров в своих работах подчеркивает значение формируемой медиаграмотности как базиса активного использования возможностей информационного поля медиа [5, с. 8].

Однако отмечая, что медиаобразование представляет собой широкого спектра образовательное направление, все-таки подчеркнем, что формирование медиаграмотности и будущих журналистов не менее важно, учитывая сетевую активность представителей данной профессии. На современном этапе публичный образ профессии журналиста трактуется в большей степени исходя из мнений публики, представленных в медиaprостранстве в подавляющем своем большинстве — публики, создающей контент и выбирающей контент для потребления со всеми вытекающими последствиями. Поэтому принципы отбора информации для принятия верных решений — это принципы, во многом основополагающие для представления о профессии журналиста.

Ориентация вузовского образования будущих журналистов на принципы практического освоения профессии осуществляется на основе новых образовательных парадигм, среди которых — парадигма непрерывного образования и обучения у будущего.

Прежде всего это касается смены ролей участников образовательного процесса — его субъектов, что можно считать центральными процессами образовательной деятельности. Участники образовательного процесса в этом случае представляют собой автономных субъектов, реализующих образовательные цели и задачи. При этом самореализация будущего журналиста связана с необходимостью формирования и развития медиаграмотности, что достигается включением медиаобразовательных практик в процесс образования. Ведь медиаграмотность необходима не только потребителю информации, но в большей степени тем, кто эту информацию производит, как подчеркивают В.Ф. Познин и Ю.В. Клюев, то есть будущим журналистам [4, с. 149].

Повсеместное формирование и развитие информационно-компьютерных технологий, способствует проникновению и созданию оптимизирующих образовательный процесс технологий медиаобразования, базирующихся на ресурсах интеграции двух пространств — физического и виртуального (киберпространства). Ориентация в организации медиаобразования для будущих журналистов на виртуализацию предполагает широкое распространение визуальных форматов.

Следует выделить несколько положений, лежащих в основе разработки принципа визуализации в контексте медиаобразования для будущих журналистов: 1) визуализация способствует повышению качества образования работников медиасферы; 2) интенсивное вовлечение обучающихся в визуальную среду и визуальное общение в процессе образовательной деятельности оказывает влияние на развитие основных профессиональных компетенций, профессионального поведения и деятельности; 3) визуализация разрабатывается в структуре медиаобразования как образовательная технология с перспективными направлениями развития содержания образования будущих журналистов.

Исходя из того, что визуализация — это процесс представления информации в виде изображения, следует подчеркнуть ее значимость в процессе восприятия образовательной информации. Как подчеркивается исследователями, визуальный контент облегчает построение ментальных образов, что повышает декодируемость и удобство понимания информации. На это указывает, в частности, А.А. Вербицкий, выделяя две стороны процесса: свертывание мыслительных содержаний в наглядный образ и разворачивание его при восприятии [1].

В медиаобразовании будущих журналистов технология визуализации имеет две стороны: с одной стороны, это визуализация медиаконтента при подготовке текстов, а, с другой стороны, визуализация выступает активатором обучающей информации, способствуя формированию медиаграмотности. И в обоих случаях условием для применения технологии визуализации становится развитие компетенций работы с информацией, включающих поиск, анализ, интерпретацию, сохранение информации и пр. [3]. Таким образом, в практике медиаобразования для будущих журналистов процесс визуализации предстает сквозь призму продуктивной познавательной деятельности будущего журналиста.

Как показывает анализ теоретических работ в данной сфере, к наиболее перспективным визуальным технологиям в образовании следует относить технологии когнитивной визуализации, характеризующиеся как трансформация обучающего материала при помощи визуальных средств. Это способствует развитию критического мышления и активизирует поведение обучающегося, предоставляя им возможности быть вовлеченными в познавательную деятельность. Сочетаемость методов образовательной визуальной коммуникации при этом формирует условия для совместного творчества по созданию визуализированных продуктов. На основе анализа процессов визуализации в образовании будущих журналистов Казанского федерального университета выделено три основных вида визуализации: 1) цифровая визуализация как формат работы с большими данными в учебных курсах и дисциплинах; 2) когнитивное моделирование как формат проектирования визуальных медиапродуктов (таких как видеотексты, инфографика, фототексты и пр.) в практико-направленных формах образования; 3) предметная визуализация как формат представления результатов исследовательской практики с акцентом на рефлексивные формы — видеоотчеты, видеопрезентации, видеопортфолио, видеоблоги и пр. Также выявлены условия применения визуализации при обучении будущих работников медиасферы — журналистов, к которым относятся: готовность обучающего и обучаемого к созданию продуктов визуализации; высокая мотивация обучающего к освоению процесса визуализации; высокая степень креативности при освоении визуальных техник; активизация когнитивных практик обучаемого как процесс сотворчества и соучастия.

Закключение. Таким образом, применение технологии визуализации в медиаобразовании будущего журналиста способствует формированию медиаграмотности будущего работника медиасферы через включенность в производство визуальных медиапродуктов.

Список литературы

1. Вербицкий, А. А. Личностный и компетентностный подходы в образовании. Проблемы интеграции /А. А. Вербицкий, О. Г. Ларионова. — Москва : Логос, 2009. — 336 с.
2. Елфимов, А. Л. Антропология в разных измерениях: предисловие составителя // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы : Сб. статей / Ред. и сост. А. Л. Елфимов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — 208 с.
3. Митрахович, О. А. Формирование у старшеклассников умения работы с информацией: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. — М., 2012. — 24 с.
4. Познин В. Ф. Использование технологий медиаобразования при подготовке будущих радиожурналистов / В. Ф. Познин, Ю. В. Ключев // Медиаобразование. — 2017. — № 1. — С. 149–162.
5. Федоров, А. В. Медиаобразование: история и теория : учебное пособие. — Москва : МОО «Информация для всех», 2015. — 450 с.

УДК 070. (575.172)

INTERACTIVE RADIO JOURNALISM IN KARAKALPAKSTAN

Duysenova B., Marziyaev J. K., PhD
Karakalpak State University named after Berdakh,
Nukus, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan
janga-tv@mail.ru

Introduction. Every medium has its place. Including radio. Radio journalism is one of the complex social phenomena that relies on the extraordinary technical capabilities of radio, the means of creating and disseminating media. Radio journalism always affects the mind and consciousness.

The main part. Radio is one of the most powerful tools for disseminating knowledge. On air, famous scientists, specialists and others give interesting lectures from various fields of science and have interesting conversations. Radio also serves an aesthetic function, and this happens in several ways. Most radio broadcasts generally serve some level of aesthetic function. Passionate, imaginative, intelligent speech captivates us; live, acute communication (dialogue) can arouse great interest. A skilled radio journalist thinks about giving the listener an aesthetic flavor, no matter what genre he is speaking in, no matter what method he is using.

The objectives of radio from the point of view of entertainment are to relieve fatigue, cheer up and invigorate. Entertainment radio programs are deliberately created with the expectation that they will be lighter, easier to digest. Especially for children and teenagers.

Contents of socio-political programs:

Information radio broadcasts. At the same time, socio-political life is quickly and succinctly conveyed to the audience through new facts and events, briefly explained, and commented on.

Artistic and journalistic programs occupy a large section of radio programs. They consist of three main types: artistic-dramatic, artistic-journalistic, and musical. They account for more than half of the total broadcast volume.

We have already mentioned that artistic and journalistic programs are based on literary and artistic style, an indirect reflection of reality, while socio-political programs are based on vitality and documentation. Literary drama broadcasts reflect reality through images, logos, character characteristics (radio dramas, radio films, novels, short stories, radio stations based on poetry, radio programs, etc.).

True, artistic and journalistic programs, especially sketches, essays, notes, are characteristic of documentation, but they allow the use of artistic texture, a fruit of the imagination, be it a texture that does not spoil only the main idea, not fiction.

Recently, the interactive genre has become widely popular in radio journalism. A broadcast based on interactivity is distinguished by its efficiency and efficiency, viewers will have the opportunity to express their opinions. In such a dialogue, the listener shows himself to be a mature person, a person with certain worldviews and abilities. Every journalist speaking on air must choose words that can find a way to the heart of the listener, understandable to him and close to his everyday life.

Today radio has become the people's platform. During this period, the content of radio broadcasts also changed. Broadcasts on sensitive and problematic topics were widely broadcast. The volume of broadcasting in the national language increased after the national language was given the status of a state language and the republic gained independence. During these years, radio broadcasting techniques also changed. Today, many FM radio stations also produce interactive programs.

In interactive broadcasts, the way listeners express their opinions is always different. In this case, the following are ways to connect to the airwaves by calling a phone, sending an SMS message or writing a letter. On the one hand, the age of the audience, intellectual level, size and opportunity to express their opinions, and broadcast time create the basis for the distribution of projects in several directions.

Conclusion. The structure of interactive programs can be roughly defined as: role of the radio station; announcement of the program; advertising of the project sponsor; familiarization of the presenter with the program and its conditions.

References

1. Камалова Д.Э. Вопросы художественного мастерства в каракалпакских новеллах // International Journal of Central Asian studies (ISSN: 1226-4490). Korea University of International studies. 2019.
2. Marziyaev J.K. Use of information genres in the print of Karakalpakstan // Science and Education in Karakalpakstan. — Нукус. 2022. №3/2 (27).
3. Камалова Д.Э. Хронотоп и его роль в композиции произведения (на примере каракалпакской литературы) //Theoretical & Applied Science Учредители: Теоретическая и прикладная наука. — №. 9. — С. 105-109.)
4. Куралбаева Г.Ю. Художественное своеобразие поэзии Б.Генжемуратова // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. — С. 199-200.
5. Marziyaev J.K. Karakalpakstan press // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. — С. 250-252.

УДК 316.766.23

МЕДИАФРЕЙМЫ В ПОВЕСТКЕ ДНЯ ЦИФРОВОЙ МОЛОДЕЖИ

Дунас Д. В., канд. филол. наук, *Бабына Д. А.*
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова», г. Москва, РФ
Daribabyna@gmail.com

Введение. Медиакоммуникационное пространство провоцирует конструирование репрезентации социальной реальности семиотическим способом, поскольку медиатизированная реальность опирается в равной степени на лингвистическую и аудиовизуальную системы описания мира и использует семиотические (языковые и внеязыковые) средства, свойственные актуальной символической системе, а именно — социальным медиа.

Среди ключевых понятий, связанных с изучением дискурса, одним из наиболее важных возможно считать представление об «упаковке» информации и когнитивном процессе усвоения этой информации человеком [2]. Данный процесс описывает понятие фрейма, структуры знаний, характерной для доминирующей культуры, схем, содержащих

интерпретации действительности, организующийся коллективный опыт, а также смысловых рамок, отсылающих к социальным нормам [1, 2].

Методика исследования. Для проведения фрейм-анализа публикаций в популярных у «цифровой молодежи» сообществах VK и телеграм-каналах была сформирована выборка, состоящая из трех пабликов («Рифмы и панчи», «Леонардо Дайвинчик» и «Овсянка, сэр!») и трех каналов («Топор 18+», «НЕ МОРГЕНШТЕРН» и «Кровавая барыня»). Для анализа была выбрана неделя с 20 по 26 июня 2022 г. Выборку составило 1 133 публикации.

Далее была разработана трехэтапная методика фрейм-анализа. На первом этапе на основе Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» был сформирован перечень родовых фреймов, соотносящийся также с актуальными ценностями современной молодежи. При формировании списка родовых фреймов также принимались во внимание культурные коды России, поскольку в данном случае фрейм-анализ неразрывно связан с ценностной ориентацией молодежи.

На втором этапе была произведена нарративизация, то есть авторское создание повествования о каждой из 1133 публикаций, составление перечня тематик, относящихся к публикации. Каждая публикация при этом содержала несколько нарративов.

Третий этап был посвящен кодификации выявленных медианарративов по медиафреймам. Таким образом, было выявлено 26 медиафреймов, которые оказалось возможно подвергнуть рекодификации по четырем укрупненным фреймам.

Основная часть. Первую группу составили политические медиафреймы, формирующие представление о внутренней и внешней политике России. К таким были отнесены фреймы «Россия — сильная страна, которая защищает свой суверенитет. В основе ее мощи сильный лидер, устойчивый рубль, закон, порядок и безопасность»; «Россия в окружении врагов. Ее враги, прежде всего, США и Запад. Китай не враг, но относиться к нему следует осторожно. Белоруссия — друг»; «У России богатая история, которую нужно помнить. Прежде всего, нужно хранить память о Великой Отечественной войне» и др.

Вторая группа объединила в себе медиафреймы, репрезентующие пропаганду традиционных ценностей, среди которых возможно выделить «Семья и рождение детей — большое счастье для человека», «Старших надо уважать», «Маленький человек часто попадает в беду. То на нем наживается крупный бизнес, то происходит природный катаклизм. Маленький человек нуждается в защите государства и общества»; «Детство — это период жизни человека, который вызывает тёплые ассоциации»; «Всегда важно во взаимоотношениях с людьми

оставаться порядочным человеком: быть уважительным, вести себя достойно, уметь дружить».

В рамках третьей группы фреймов рассматривались фреймы, определяющие стиль жизни молодежи. Были выявлены следующие медиафреймы «Высказывать свое мнение публично и иметь возможность свободно говорить все, что ты думаешь, — очень важно»; «Важно вести здоровый образ жизни, что включает в себя активные виды отдыха, спорт, правильное питание, отказ от алкоголя и наркотиков»; «Природа и животный мир восхищают нас своей красотой и умиляют»; «Образование, саморазвитие и прогресс важны как для отдельной личности, так и для всего общества».

Наиболее спорной нам представляется четвертая группа — «небезопасных» медиафреймов, к которым были отнесены фреймы, противоречащие родовым фреймам и культурному коду, а также вступающие в противоречие с другими медиафреймами. Среди них выделяются фреймы «Современная популярная культура глобальна. Российская молодежь хорошо знакома с топовыми американскими блогерами и селебрити, фильмами и музыкой, а также с глобальными брендами»; «Безусловно, в России есть свои проблемы: например, коррупция в регионах, несовершенное законодательство, недобросовестные бизнесмены»; «Употребление алкоголя и курение допустимы. Особенно, по праздникам»; «Традиционные патриархальные ценности устарели»; «Иноагенты остаются значимой частью российской культурной и общественной жизни»; «Рэп и хип-хоп — самое прогрессивное сегодня музыкальное направление в России, которое представляют талантливые музыканты и блогеры»; «Блогеры напоминают нам о том, что добиться успеха, славы и денег может каждый».

Заключение. Таким образом, возможно говорить о формировании своеобразной идеологической базы, которая в свою очередь становится основой контентной политики популярных молодежных сообществ в социальных сетях. Данная идеология затрагивает не только политические аспекты, связанные с формированием патриотизма у молодежи, но и вопросы образа жизни, предпочтительной модели традиционной семьи и мейнстримной культуры. Однако присутствие «небезопасных» медиафреймов создает условия для развития культуры двоемыслия, а в связи с этим — формирования опасных убеждений и нежелательных когнитивных сетей.

Список литературы

1. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН, 2004.
2. Минский М. Фреймы для представления знаний [Текст] / Пер. с англ. О.Н. Гринбаума; Под ред. Ф.М. Кулакова. Москва: Энергия, 1979. — 151 с.

ТЕМА ВОЙНЫ И МИРА В ПОЛИКОДОВОМ ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ

Зубко Д. В., канд. филол. наук

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»,
г. Санкт-Петербург, РФ
zubko_dv@spbstu.ru

Введение. Проблематика войны и мира, мирного сосуществования народов занимает ведущее место в комплексе социально значимых вопросов, находящихся в фокусе внимания массмедиа. Войны, военный терроризм, военные преступления являются катализаторами социальных и личных катастроф: голода, насилия, ксенофобии, бедности, сиротства, массовой гибели людей, инвалидизации населения, ухудшения демографической ситуации. В условиях перенасыщения информацией, клипового ее восприятия аудиторией, цифровизации массмедиа подготовка редакциями сложных поликодовых мультимедийных медиатекстов оказывается наиболее действенным способом привлечь внимание общества к вопросу катастрофичности и недопустимости военных конфликтов.

Основная часть. Понятие «медиатекст» является сравнительно новым для российской науки. Впервые научный диалог о функционировании текста в медийной сфере поддержали в начале XXI в. Т. Г. Добросклонская, В. А. Возчик, Я. Н. Засурский, С. И. Сметанина, Г. Я. Солганик, А. В. Федоров, И. В. Челышева, Н. В. Чичерина, Т. Ф. Шак. Терминологическую отстройку понятия «медиатекст» от дефиниции «текст» лаконично сформулировала лингвист Т. Г. Добросклонская: «текст — это сообщение, медиатекст — это сообщение плюс канал» [1]. Социальную ориентацию медийных текстов как комплекса произведений прагматической направленности, доставляющих социально значимую неспециальную информацию массовой разнородной рассредоточенной аудитории, подчеркивает А. В. Кузнецова [2].

Нельзя не отметить семиотическую неоднородность медийных текстов, их поликодовый характер, особенно ярко проявившийся во втором-третьем десятилетии XXI в., в связи с доминированием интернета как информационно-коммуникационной площадки для массового информирования.

Современный цифровой медиатекст, таким образом, представляет собой разновидность семиотически осложненного (поликодового) текста, специальным образом подготовленного для распространения через медийные средства и нацеленного на массовую аудиторию.

Поликодовые или креолизованные тексты — это тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [3]. Цифровое функционирование медиатекста предполагает усиление воздействующего потенциала медиатекстов через сочетание в них целого ряда знаков разнородных семиотических систем: непосредственно текста, фото, графических иллюстраций, инфографики, слайд-шоу, видео, аудио, анимации в т.ч. интерактивной. Поликодовость порождает у читателя ощущение соучастия, присутствия на месте событий, способствует большей эмоциональной вовлеченности в проблематику публикации.

Наиболее ярко поликодовый характер проявляется в журналистских материалах социальной направленности. Необходимость привлечения внимания аудитории к таким вопросам обусловлена их высокой социальной значимостью, это вопросы: войны и мира, преступности, насилия, ксенофобии, бедности, голода, перенаселения, борьбы с терроризмом.

Проблемы достижения мира, обнажения причин конфликтов и высвечивание катастроф военных преступлений против гражданского населения стали ведущими темами публикаций отечественных медиа в период после 2014 г., после насильственного переворота на Украине, легализации вооруженных нацистских бандформирований на ее территории, начала геноцида украинским руководством мирного населения восточных областей Украины и попыток фактического истребления жителей Донбасса.

В русскоязычных сетевых СМИ в 2014-2023 гг. набирают популярность цифровые качественно выполненные публикации по вопросам войны и мира, с ярко выраженным поликодовым мультимедийным началом. В форматно-жанровом отношении это сложные поликодовые лонгриды или материалы сноуфолл-формата. В отдельных изданиях (например, «Лента.ру», «Коммерсантъ», «ТАСС») подобные материалы, в связи с терминологической неоднозначностью феноменологии новых цифровых форматов и, как следствие, в связи с трудностями при определении формата публикаций, маркируются редакциями как «спецпроекты» или «мультимедийные материалы».

Поликодовый медиаконтент можно условно разделить, пользуясь терминологией и научным подходом А.А. Бернацкой, на материалы с частичной креолизацией (когда вербальный компонент может восприниматься читателем относительно самостоятельно от непосредственно текста) и полной креолизацией (когда текст неразрывно связан с вербальными элементами) [4]. Частично креолизованными являются публикации на тему войны и мира в издании «Лента.ру»: «Крах однополярного мира», «Синдром отмены», «Опиум и смерть»; газеты

«Коммерсантъ»: «День, когда началась война». Материалы с полной креолизацией: «Великая победа» («Лента.ру»), «Чума фашизма» («Лента.ру»).

Тематическая палитра социально направленных лонгридов и сноуфоллов на тему войны и мира в отечественном медиапространстве обширна. В качестве ведущих тем определим темы ужасов военного времени и победы СССР в Великой Отечественной войне («День, когда началась война», «Коммерсантъ»; «900 дней жизни», «ТАСС»; «Великая победа», «Лента.ру»; «У Победы девичье лицо», Mash), противостояния России и США и связанных с ним угроз миру («Крах однополярного мира», «Лента.ру»; «Неизвестное будущее», «Лента.ру»; «Анатомия цветных революций», «Лента.ру»; «Ударная волна», «Лента.ру»), специальной военной операции России на Украине и военных преступлений украинских боевиков («РИА Новости»: «Замысел ВСУ прост»; «„Раненые — они как дети“. Кто вытягивает российских бойцов с того света»; «„То, чему вас учили, здесь не спасет“. Что происходит под Донецком»; Mash: «Путь добровольца: честные рассказы парней, уехавших на СВО», «„Смысл нашей жизни — это любовь“: интервью с матерями российских солдат», «Генерал Армагеддон», «Почему провалилось контрнаступление ВСУ летом 2023 года и что будет дальше»), иные войны и их последствия («Опиум и смерть», газета «Коммерсантъ»; «История субкоманданте Маркоса: четвертая мировая уже началась», Mash).

Заключение. Тема войны и мира является одной из ключевых в поликодовых медиатекстах социальной направленности в отечественных СМИ. Такие материалы характеризуются высоким качеством исполнения, обладают образовательным и гуманистическим потенциалом. Доминантный посыл такого контента — высвечивание катастрофического влияния войн на жизнь людей, недопустимость доминирования одних государств и народов над другими.

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская. — Москва. — 2008. — 264 с.
2. Кузнецова А.В. К определению понятия медиатекста / А.В. Кузнецова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. — 2010. — №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-mediateksta> (дата обращения: 27.09.2023).
3. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — Москва: Наука, 1990. — 240 с.
4. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние / А.А. Бернацкая // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. — Вып. 3 (11). — Красноярск: Красноярский гос. ун-т, 2000. — 134 с.

КОММУНИКАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОДВИЖЕНИЯ КОНДИТЕРСКОЙ ПРОДУКЦИИ КОМПАНИИ «ЛАКОНД» В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ВЕРБАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Каика Н. Е., канд. филол. наук, доц., *Короткий В. В.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.kaika@donnu.ru

Введение. В условиях интенсивной цифровизации отмечается не только неуклонное снижение эффективности традиционных коммуникационных средств и носителей, но и степени доверия к ним при все возрастающей значимости интернет-коммуникаций.

Вопросы сущности, инструментария и технологий использования, а также исследование уровня восприятия потребителями инструментов интернет-среды, включая комплексный анализ и оценку средств коммуникации в корреляции с характеристиками профилей потребителей, прорабатываются исследователями уже более 20 лет, однако остаются открытыми и дискуссионными [3, с. 5].

Цель исследования — выявить и охарактеризовать вербальный инструментарий продвижения кондитерской продукции компании «Лаконд» в социальных сетях (на примере социальной сети «ВКонтакте»).

Основная часть. С развитием интернет-технологий и социальных сетей многие компании перенесли свою коммуникационную активность в онлайн-пространство. Предприятия кондитерской промышленности не стали исключением из наметившейся тенденции. Многие производители используют социальные платформы для продвижения своих товаров, чтобы привлечь новых клиентов и укрепить отношения с уже имеющимися. Однако коммерческое продвижение кондитерских изделий в социальных сетях требует особого подхода и знания специфических нюансов данного рынка. Один из способов использования социальных сетей для продвижения кондитерской продукции — создание релевантного контента. При этом важную роль играет его вербальная организация.

Производственная деятельность компании «Лаконд» имеет многолетнюю историю и устоявшиеся традиции. Компания является одним из ведущих производителей кондитерской продукции в Донецкой Народной Республике [4], нацелена на выпуск высококачественной и гарантированно безопасной кондитерской продукции, соответствующей мировым стандартам [2], активно продвигает ее в сфере интернет-коммерции, представлена в социальных сетях, в том числе в сети «ВКонтакте», где имеет 8 614 подписчиков [1].

Социальные сети предоставляют множество способов передачи информации, поддержания диалога, создания благоприятной информационной среды. Так, актуальные сторис — эффективный инструмент продвижения бренда и повышения его узнаваемости. В своих сторис «Лаконд» акцентирует внимание на новинках меню, акциях и скидках, а также демонстрирует процесс приготовления десертов.

«Лаконд» налаживает консенсусную коммуникацию со своими подписчиками через сторис, регулярно отвечает на вопросы и комментарии пользователей, что способствует установлению доверительных отношений между брендом и аудиторией. Компания также регулярно проводит опросы в своих сторис, чтобы обеспечить обратную связь и лучше понимать потребности своей аудитории.

Благодаря правильной стратегии использования этого формата контента и настройке коммуникации с аудиторией, компания может не только увеличить количество подписчиков, но и повысить лояльность клиентов к бренду. В актуальных сторис кондитерской компании можно увидеть положительные отзывы клиентов, что вызывает у новых потенциальных покупателей больше доверия к бренду.

Вместе с тем, нам представляется, что для привлечения внимания пользователей и усиления эффективности рекламы, необходимо несколько усовершенствовать сторис кондитерской компании «Лаконд». Потенциальным решением может быть добавление интерактивных элементов. В качестве вариантов предлагаем несколько решений.

Первый вариант: использование голосования с помощью опроса на сторис. Например, можно предложить пользователям выбрать, какие новые вкусы они хотели бы попробовать: «Малиновый чизкейк» или «Шоколадный тарт».

Второй вариант: создание игры, связанной с продукцией компании. Например, можно предложить пользователям отгадывать названия различных десертов по фотографиям или составлять рецепты из предложенных ингредиентов.

Третий вариант: проведение конкурса на лучший фотоотчет о том, как пользователь наслаждается продукцией «Лаконд». Победитель может получить подарочную корзину с десертами.

В связи с трансформациями рыночного пространства, обусловленными социально-политической и социально-экономической ситуацией, названия многих конфет линейки «Лаконд» были изменены, поскольку аналогичные названия уже были зарегистрированы как товарные знаки. Однако новые названия сохранили ассоциативную связь с уже заслужившими признание потребителей номинациями. Ср.: «Стрела» → «Стрела купидона», «Гулливер» → «Король Великан», «Курочка Ряба» → «Донецкая курочка», «Вафли Артек» → «Костры Артека», «Красный мак» → «Маковое поле», «Каракум» → «Калахари», «Ромашка» →

«Помадка кремовая». Можно констатировать, что ренейминг был удачным и позволил в значительной мере сохранить приверженность потребителей к любимившимся ТМ. Актуализации ренейминга в значительной мере способствовали многочисленные посты.

Компания использует адекватную тональность коммуникации со своими подписчиками и клиентами. Tone of Voice (TOV) отражает стиль, ценности и портрет сотрудников компании. TOV открывает возможность стать ближе к своей ЦА, передать настроения бренда, его ценности и философию, позволяет установить эмоциональную связь, преподнести идеи, выделиться на фоне конкурентов и построить длительные отношения с аудиторией, на основании которых осуществляются покупки. Вместо простого описания продукта компания рассказывает истории о процессе создания десертов, делится с подписчиками интересными рецептами для выпечки. На странице профиля можно найти как простые рецепты для начинающих кондитеров, так и более сложные кулинарные идеи. Это привело к увеличению количества лайков, комментариев и сохранений постов, что повлияло на расширение охвата аудитории и улучшение продаж. Выбор подходящего TOV является важным элементом успешного маркетинга для кондитеров в социальных сетях.

Важным фактором успешного продвижения в социальных сетях является создание контента, связанного с различными праздниками или событиями. «Лаконд» активно использует этот подход, создавая контент с упоминанием ярких и интересных событий. «Лаконд» активно использует конкурсы для привлечения новых покупателей.

Заключение. Компания «Лаконд» успешно применяет различные вербальные инструменты для улучшения своей бизнес-стратегии в социальных сетях, демонстрирует яркий пример того, каким образом коммуникационные инструменты, в том числе вербальные, могут способствовать совершенствованию бизнес-стратегии. Их использование помогает не только увеличивать продажи и привлекать новых клиентов, но также повышать эффективность работы компании в целом.

Список литературы

1. Кондитерская компания «Лаконд». — URL: <https://vk.com/lakond?ysclid=ln33vqm2ns299648936> (дата обращения: 12.09.2023).
2. Кондитерская компания «Лаконд»: сайт. — URL: <https://lakond.ru/>
3. Мальцева, Ю. А. Коммуникационные инструменты маркетинга в интернет-пространстве : монография / Ю.А. Мальцева, И.В. Котляревская, В.А. Багинская ; [под общ. ред. канд. филос. наук, доц. Ю.А. Мальцевой] ; Мин- во науки и высш. образования РФ. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. —73 с.
4. DNR LIFE. — URL: <https://dnr-life.ru/companies/pishhevaya-promyshlennost/ooo-lakond/?ysclid=ln33py8afs824519048> (дата обращения: 12.09.2023).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БАНКОВСКОЙ РЕКЛАМЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Каика Н. Е., канд. филол. наук, доц., *Липич С. А.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.kaika@donnu.ru

Введение. В условиях развития современной банковской сферы в Российской Федерации, которая вынуждена претерпевать санкционное воздействие, а также давление внешних факторов после начала спецоперации, стал актуальным и одновременно острым вопрос, как быстро и эффективно адаптировать под сложившуюся ситуацию рекламные технологии. Разработка эффективных рекламных стратегий в банковской сфере в условиях социально-экономической нестабильности и социально-политической напряженности представляется актуальной задачей [3, с.143].

Цель исследования — выявить специфику функционирования отечественной банковской рекламы в условиях социально-экономической нестабильности (на примере рекламной деятельности ПАО «Сбербанк России»).

Основная часть. ПАО «Сбербанк России» является крупнейшим банком Российской Федерации, а также одной из крупнейших системообразующих компаний страны. По рыночным позициям, объему активов и капитала, финансовым результатам работы и масштабам инфраструктуры банк в несколько раз превосходит ближайших конкурентов.

С 1991 года ПАО «Сбербанк России» осуществляет банковскую деятельность на основе генеральной банковской лицензии, выданной Банком России, и обладает соответствующими лицензиями для проведения операций с ценными бумагами, включая брокерскую, дилерскую деятельность, хранение и депозитарные функции.

Свыше 110 миллионов клиентов только в России пользуются услугами ПАО «Сбербанк России», что составляет более половины населения страны. Одним из основных кредиторов российской экономики является банк, который занимает крупнейшую долю на рынке вкладов. Более 46% вкладов населения, 38,7% кредитов физическим лицам и 32,2% кредитов юридическим лицам приходится на него [4].

В феврале — марте 2022 года в отношении России рядом недружественных стран были введены санкции, что, естественно, отразилось на отечественном финансовом рынке. Подчеркнем, что к

настоящему времени Россия находится под санкциями почти 9 лет. Против нее введено 5,5 тыс. санкций (ср.: против Ирана — 3,6 тыс.; Сирии — 2,6 тыс.;

Северной Кореи — 2,1 тыс.; Венесуэлы — 0,7 тыс.) [2, с.14].

В числе банков, попавших под санкции: ПАО «Сбербанк», ПАО «Совкомбанк», АО «Альфа-банк», ПАО Банк «ВТБ», ПАО «Промсвязьбанк», АКБ «Новикомбанк» и другие банки [1]. Не детализируя специфику каждого пакета санкций, отметим ключевые ограничения, введенные против банковского сектора РФ: 1) ограничения в отношении кредитных организаций; 2) санкции против российского госдолга и облигаций российских эмитентов; 3) ограничения на поставки банкнот евро и долларов в Россию; 4) ограничения в отношении платежных систем; 5) ограничения в отношении Центрального Банка России [2, с.15].

В этих условиях рекламная деятельность банков, в том числе ПАО «Сбербанк России», нацелена не только на решение традиционных маркетинговых задач, но и на акцентирование предпринятых банками мер по стабилизации ситуации.

Рекламные продукты ПАО «Сбербанк России» демонстрируют реакции банка на санкционное давление. Так, Сбербанк активно рекламировал свою систему оплаты SberPay, которая позволяет удобно совершать покупки в интернете любой картой банка. В ролике была затронута тема отключения различных функций онлайн-банкинга из-за введенных санкций. По сюжету ролика, собираясь воспользоваться SberPay, девушка спрашивает: «Работает?» Молодой человек уверенно отвечает: «SberPay — работает» [6].

В силу ограничений, введенных компаниями Apple, Google и Samsung, россияне потеряли возможность совершать покупки, приложив смартфон к терминалу. В сюжете рекламного ролика, вышедшего 16 июня 2022 г., молодой человек хочет оплатить покупку с помощью телефона, однако вместо мобильного устройства у него в руках оказывается кирпич. Сбербанк предлагает решение данной проблемы: необходимо просканировать QR-код с терминала оплаты либо со стикера на кассе. Также можно показать собственный QR-код, открыв его в онлайн-приложении банка, продавец его просканирует, и финансовая операция будет успешно осуществлена. В конце ролика демонстрируется клинер, который убирает кирпичи у кассы. Такая аналогия указывает на то, что Сбербанк частично решил проблему, которая беспокоила многих клиентов [5].

Не так давно Сбербанк выпустил собственную версию мультимодальной нейронной сети GigaChat. Особенно важно то, что GigaChat — нейросеть, оптимизированная для русскоговорящих пользователей. Также GigaChat способна генерировать изображения [8].

Создание собственной нейросети можно считать одним из ответов на санкции, поскольку это весомый прорыв отечественной компании в

технологической области. Кроме того, это способ заставить людей говорить о банке, пользоваться банковскими услугами и привлекать новых клиентов. Реализуя социальную миссию, Сбер поздравил женщин с 8 марта оригинальным рекламным видеороликом, созданным совместно с генеративной нейросетью. В рекламном сюжете современные женщины превращаются в художественные женские образы шедевров русской живописи [7].

Заключение. На фоне обращения к традиционным средствам передачи рекламных посланий Сбербанк широко использует интернет-рекламу. Банк создал дополнительную услугу интернет-банкинга «Сбербанк Онлайн», активно размещает контекстную и таргетированную, баннерную рекламу, особое внимание уделяя рекламе в социальных сетях: «Одноклассники», «ВКонтакте», «Мой мир». Сбербанк создал собственную мультимодальную нейронную сеть GigaChat. Рекламная деятельность ПАО «Сбербанк России» в условиях социально-политической нестабильности не только способствует решению маркетинговых задач, улучшению имиджевых характеристик банка, но и демонстрирует ответы на санкционное давление. Рекламная активность Сбербанка укладывается в стратегию поддержания лидерства, которая выражается в мультимедийной стратегии продвижения, обуславливающей большое разнообразие изданий, радиостанций, версий ТВ-роликов, форматов наружной рекламы и др., невзирая на санкционное давление.

Список литературы

1. Банки под санкциями в 2023 году: список, новости, как работают. — URL: <https://brobank.ru/banki-sankcii/#aktualnyj-spisok-s-fevralya-2023-goda>
2. Евсин М.Ю. Оценка влияния санкций на финансовый рынок России / М.Ю. Евсин // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. №2. 2022. — С.14-21.
3. Логинов, М.П. Повышение конкурентных преимуществ банковских услуг / М.Н. Логинов, О.Н. Логинова // Вопросы управления. — 2019. — № 4. — С. 143-149.
4. ПАО «Сбербанк России»: сайт. — URL: <http://www.sberbank.ru>
5. Реклама SberPay: кирпич. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3jMIkNpVU5s> (дата обращения: 20.08.2023).
6. Реклама SberPay работает. 2022. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kWmNHUPCWKg> (дата обращения: 20.08.2023).
7. Шедевры прошлого. Красота настоящего. — <https://ya.ru/video/preview/14772321211511896914> (дата обращения: 21.08.2023).
8. GigaChat — мультимодальная версия нейросети от Сбера. — URL: <https://developers.sber.ru/portal/products/gigachat?ysclid=lmxao43cfy683460045&attempt=1>. (дата обращения: 21.08.2023)].

ИММЕРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТНОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

Карпенко И. И., канд. филол. наук,
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный университет», г. Белгород, РФ
KarpenkoIrina@bsu.edu.ru

Введение. Иммерсивная журналистика или журналистика погружения — актуальная тенденция в развитии современной печатной журналистики. Технологические трансформации прессы продиктованы рядом причин: информационной ограниченностью объема печатной полосы, отсутствием интерактивных технологий и возможностей взаимодействия с журналистским контентом, отсутствием мультимедийности, изменением приоритетов аудитории в потреблении журналистской информации — переориентацией на визуальные мультимедийные практики с возможностью интерактивного взаимодействия с медиаматериалом. Технологии дополненной реальности — перспективная возможность повысить привлекательность периодической печати для современной аудитории, привлечь читателей, расширить информационное поле публикаций, настроить интерактивное взаимодействие с изданием.

Цель исследования состоит в необходимости обоснования пользы иммерсивных технологий дополненной реальности для современной печатной журналистики, переживающей на фоне развития информационно-коммуникационных технологий и переориентации аудитории в интернет-среду период кризиса.

Основная часть. Технологии AR (augmented reality), «интегрированные в реальное пространство текста, графики или аудио с помощью носимого устройства отображения или проецируемых графических наложений в режиме реального времени» [1, с. 106] являются сегодня инструментом, использующим онлайн-среду как дополняющую печатную и не снимающую акценты с физического периодического издания.

Некоторые исследователи относят использование технологий дополненной реальности в медиа к области рекреативной журналистики [см. 1; 2 и др.]. Однако с этим утверждением нельзя согласиться, так как у технологии дополненной реальности гораздо больше функций помимо развлечения. Развлекательная функция AR-журналистики стоит не первой в ряду с другими первоочередными функциями журналистики: информационной, образовательной, культурформирующей и пр.

AR-технологии в печатной журналистике могут использоваться сегодня в ряде случаев: для иллюстрации уже представленной в печатном

материале информации; для расширения информационного поля публикации, представляя новые для читателя данные, не включенные в журналистским материал на печатной полосе; для интеграции печатного издания с информационно-коммуникационной средой Интернета.

AR-технология позволяет читателю получить дополнительную информацию, для которой нет места на газетной или журнальной полосе в силу объема либо по причине невозможности размещения мультимедийного материала в печатном СМИ. Это могут быть разнообразные видеосюжеты (анимационные фильмы, записи интервью, обзоры новостей, комментарии экспертов и пр.) и иная информация (фотогалереи, статистические данные, результаты спортивных мероприятий, интерактивные карты, контактные данные и т. д.).

В истории журналистики есть нетривиальные примеры применения AR-технологии в периодической печати. Так, японская газета Токуо Shimbun «использовала дополненную реальность для преобразования статей, предназначенных для взрослых, в легко понятные статьи для детей. Анимированные персонажи мультфильмов, цвета, всплывающие заголовки и упрощенный алфавит сделали газету полезной и интересной для ребенка» [3].

Дополненная реальность выводит читателей за границы газетной и журнальной полосы, давая возможность, не выпуская из рук издания, смотреть видео, анимационные фильмы и др., используя постоянно носимое в современных жизненных обстоятельствах устройство — смартфон. «Иллюзия создается, когда программа дополненной реальности и программное обеспечение камеры смартфона или планшета работают вместе. Газету необходимо просматривать в камеру мобильного устройства, чтобы иллюзия сработала. Кроме того, устройство должно быть подключено к Интернету» [3]. Для сканирования графического AR-объекта необходимо специальное программное обеспечение. В ряду таких приложений есть универсальные бесплатные утилиты, которые доступны на ресурсах Google Play и AppStore, к примеру, ARLOOPA, Augment пр.

У AR-технологий для печатных средств массовой информации, полагаем, есть реальное будущее, так как дополненная реальность не только повышает привлекательность печатного периодического издания, но и расширяет его возможности, давая шанс газете стать мультимедийной, интерактивной, гипертекстовой. Сообщения, «переданные посредством иммерсивных технологий, становятся более значимыми для зрителя. Пользователи чувствуют себя уже не зрителями, а непосредственными участниками действия, и степень их вовлечения значительно возрастает» [4, с.4-5].

На пути принятия читателями печатной периодики AR-технологий, стоят, в первую очередь, технические проблемы. Во-первых, готовность самой аудитории к освоению новых программных продуктов, во-вторых,

исключительно технически опосредованная возможность скачивать подобный контент — скорость связи, пропускная способность канала, бесперебойная работа протокола TCP/IP, технические характеристики считывающего аппарата.

Стоит также отметить гипотетические трудности, с которыми может столкнуться редакция печатного СМИ при создании объектов дополненной реальности. В условиях высокобюджетных СМИ, медиа с большим молодым журналистским коллективом создание подобных объектов не составит трудностей, однако в ситуации низкобюджетных региональных СМИ, «стареющих» районных периодических изданий использование подобных технологий не всегда представляется целесообразным со стороны редакций СМИ, так как сотрудники не желают в силу профессиональных способностей и с учетом временных затрат создавать подобные материалы.

Заключение. Сегодня дополненная реальность в газетной и журнальной периодике только набирает популярность. Поможет ли эта технология пережить прессе второе рождение, привлечет ли аудиторию к печатной периодике — вопросы, ответы на которые ждут исследователей в будущем.

Список литературы

1. Биткин, В. В. Дополненная реальность, её виды и инструменты создания / В. В. Биткин // Скиф. 2021. №5 (57). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dopolnennaya-realnost-eyo-vidy-i-instrumenty-sozdaniya> (дата обращения: 26.09.2023).
2. Вихорева, Л. Г. Приложения дополненной реальности как вспомогательный фактор рекреативной журналистики / Л. Г. Вихорева // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2016. — № 3. — С. 84–91.
3. МакКини, Л. Дополненная реальность в газетах: технологии, использование и проблемы / Л. МакКини // Activereload. — URL: <https://ru1.activereload.net/Augmented-Reality-in-Newspapers-Technology-and-Uses> (дата обращения: 22.09.2023).
4. Онуприенко, К. А. «Вы – там!»: иммерсивные технологии в журналистике информационного общества / К. А. Онуприенко // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. — 2022. — № 1(44). — С. 114-124. — DOI 10.36622/AQMPJ.2022.81.25.018.

CHILDREN'S JOURNALISM IN KARAKALPAKSTAN

Kudaybergenov M. A., PhD

Karakalpak State University, Nukus, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan

kudaybergenov_murat@bk.ru

Introduction. In the period of globalization, the problem of the essence of education and upbringing, its organization appears; to solve this problem, humanity especially requires modern approaches.

Main part. As researcher Dilfuza Kamalova said, the press today remains one of the main means of filling the consciousness of humanity, not only humanity, but also the entire society with various information [1; 18-21]. Therefore, in the matter of education, we must rely on this media.

The impact of globalization on the media and its impact on society has been widely studied and observed in various fields of science around the world. The role of the media is particularly important in providing impartial information to the public. That is why journalism is becoming increasingly popular with the interpretation of social life issues, the skills of a journalist in covering them, the potential of genres, the language and style of materials. [2; 274-277].

Children's journalism, like adult journalism, is a special social institution that requires a unique style. The main link in high-quality publication, the main type and content of a children's publication are employees, that is, journalists. Also, their level of knowledge, creativity, experience, skill serve to earn a place in the hearts of readers. If the modern period of globalization requires a journalist to constantly work on himself, then readers expect innovations from the publication.

In the newspaper "Jetkinshek", both before and now, more literary genres are published, for example, a story, a short story, a story that happened, a poem, poetry, and are used. The reason is that literature always teaches a person to be polite, educates a person.

Each person is individual, and journalists differ from others in their style and skill. What is a journalist's style? A journalist's style denotes his place in journalism. There are many genres in journalism; every day hundreds of journalists prepare materials around one topic.

Among these materials, the audience chooses the best, most significant, and the one they like. Thus, the journalist becomes famous for his creation. Through his writing style, skill, and quality of materials, the audience recognizes the journalist.

The main indicator of style is the content of the material, this is what can distinguish you from others. Getting the audience interested in the written text makes a journalist famous. But this is not easy for a person who writes daily; competitors also have such weapons, their language. [3; 93-111].

In the newspaper “Jetkinshek”, both before and now, more literary genres are published, for example, a story, a short story, a story that happened, a poem, poetry, and are used. The reason is that literature always teaches a person to be polite, educates a person.

Criticizes bad habits, shows good ones as an example. In addition, instead of instructing a child every day, talking about upbringing every day, it would be more effective to present instructions in a slightly different form. This form can more easily reach the child’s consciousness.

Of course, it is considered more effective to convey thoughts through the characters of a work of art, through their actions and words, views, opinions. Because the child is looking for heroes and idols who could be a model and an example for him.

These heroes should not be like the Internet “heroes” who have weapons in their hands, trying to destroy people with all their actions, the heroes of a work of fiction should be smart, deep-thinking heroes.

Recently, the newspaper has published more articles that were written by the readers of the newspaper, that is, it is clear that there are more articles written by the children themselves. (Janabay Marziyaev)

Therefore, in the newspaper “Jetkinshek” the number of articles prepared by editorial staff has recently decreased; their place is taken more by clubs, this, of course, is a good phenomenon. The journalist's style is also felt here.

Of course, this is striking not in the article, but in the preparation of the club, in directing the work of the club in the right direction.

Conclusion. Having analyzed, we consider it necessary to draw the following conclusions:

1. Formation of ideological immunity in children and adolescents through education in the spirit of universal and national values, studying national traditions and customs;

2. A big role in developing children's talents is writing small articles, incidents, poems, adding inspiration to their talent;

3. The conversation-interview genre is almost never found in the newspaper. To enter the inner world of children, to understand their thoughts and views, conducting a conversation or blitz survey should be a priority in determining promising directions.

4. Systematic maintenance of websites of traditional daily publications is required. And this, in turn, will lead to maintaining the newspaper’s connection with its audience and will have a beneficial effect on expanding its readership.

References

1. Камалова Д.Э. Баспасөзде новелланың жанрлық өзгешелиги (Жанровые особенности новеллы в прессе) [Genre features of the novel in print] // Материалы республиканское научно-практической конференции. — Нукус. Наука. 2019.
2. Marziyaev J.K. The principles of the development of present Karakslpakstan's mass media // International Scientific Journal (ISJ) Theoretical & Applied Science. — Philadelphia,

- USA. 03 (83), 500. 2020. <http://www.t-science.org/архivDOI/2020/03-83/PDF/03-83-52.pdf> (Роль и место публицистических жанров в современной каракалпакской печати. Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск. № 6 (260) 2012.
3. Камалова Д.Э. Вопросы художественного мастерства в каракалпакских новеллах // International Journal of Central Asian studies (ISSN: 1226-4490). The International Association of Central Asian Studies. Korea University of International studies. Volume: 23. 2019. (Хронотоп и его роль в композиции произведения (на примере каракалпакской литературы) //Theoretical & Applied Science Учредители: Теоретическая и прикладная наука. — №. 9. — С. 105-109.)
4. Куралбаева Г.Ю. Художественное своеобразие поэзии Б.Генжемуратова // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. — С. 199-200.
5. Marziyaev J.K., Kudaybergenov M.A. Children's press in Karakalpakstan: problems and solutions // International Scientific Journal (ISJ) Theoretical & Applied Science. — Philadelphia, USA. №11 (91). Impact Factor ICV=6.630. Published: 10.11.2020. — P. 84-87. <http://www.t-science.org/архivDOI/2020/11-91/PDF/11-91-20.pdf>

УДК 070

ФОРМИРОВАНИЕ МЕДИАОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ В СИСТЕМЕ СМК КАК ФАКТОР МЕДИАТИЗАЦИИ ВОСПРИЯТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Кухаренко Е. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
e.kukharenko@donnul.ru

Введение. Медиатизация восприятия действительности проявляется абсолютно во всех сферах жизнедеятельности общества. Всё чаще в сознании людей образ персоны, организации, события или территории, конструируемый в медиапространстве, становится более значимым, чем его реальные характеристики, свойства. Так, современные медиаобразы территорий: стран, регионов, городов — это прежде всего явления, порождённые средствами массовой коммуникации. Медийные образы территорий являют собой целую систему смыслов и значений, поэтому возникает объективная необходимость исследования их сущности и структуры как результата деятельности различных масс-медийных каналов.

Основная часть. Значимость информации в жизни современного человека и качественно новые технологические возможности коммуникации обусловили тенденции формирования единого медиапространства, в котором общество всё больше становится медиаориентированным, склонным воспринимать реальную

действительность через призму видения СМИ [5]. Понимание медиаобраза страны/города постоянно расширяется, ведь масс-медиа примеряют на себя новые роли, получая новые полномочия, проявляя силу журналистики, выходя за рамки традиционной объективности журналиста. Особенно актуален данный вопрос для новых, недавно вошедших в состав Российской Федерации регионов и их отдельных территорий — Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской и Запорожской областей: им необходимо фактически «с чистого листа» формировать положительный медиаобраз в современной системе СМИ, который существенно влияет как на внутренний, так и на внешний имидж России.

Прежде чем говорить о конструировании медиаобраза страны/города в цепи СМИ, необходимо привести терминологическое значение. Существует ряд исследователей, занимающихся вопросом влияния СМИ на формирование медиаобраза территории: Е.Н. Богдан, Е.В. Бондаренко, Л.А. Бурганова, Л.Н. Везнер, А.Н. Всеволодова, Т.Н. Галинская, Г.Д. Золина, Л.В. Иванова, О.Ф. Русакова, А.В. Федоров и другие. Термин «медиаобраз» и его дефиниция появились впервые в 2007 году в диссертации Е.Н. Богдан — «Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики»: «Медиаобраз России есть выраженный в медиапространстве образ страны, созданный средствами массовой информации в сотрудничестве с разными сферами духовного творчества и отражающий особенности текущего момента действительности» [1, с. 14].

В свою очередь О.Ф. Русакова даёт медийному образу такое определение: «Структурный визуально-эмоциональный компонент виртуальной реальности, представляющий собой медийную модель объективного бытия, запечатленную в информационных носителях и общественном сознании» [4]. Т.Н. Галинская определяет медиаобраз как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ», как «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» [2]. Как видим, в узком значении медиаобраз — это явление, формируемое сквозь призму журналистского контента. Т.Н. Галинская пишет, что медиаобраз можно воспринимать и в широком значении, как образ реальности, конструируемый во всех медиатекстах, созданных в медиапространстве (профессиональными журналистами, блогерами, интернет-пользователями и т. д.).

Также следует сделать ещё один акцент: медийщики не имеют права при создании медиаобраза полагаться на авторский вымысел, ведь в основе любого журналистского образа должны лежать факты. С другой же стороны, медийный образ состоит не только из рационального, но и эмоционального восприятия действительности медийщиком. Образ,

который создает журналист, не лишен субъективного авторского начала. С одной стороны, в журналистском образе выражено чувственно-эмоциональное начало, а с другой — логико-понятийное [3]. Также зафиксируем тот факт, что может быть и как продуманная, структурированная технология подачи информации с целью формирования благоприятного образа города, так и важно учитывать, что подача информации журналистами осуществляется стихийно, отражая текущую действительность [1].

В ходе нашего исследования мы изучаем содержание и инструменты конструирования медиаобраза города-героя Донецка как особого образа медиареальности. На основании изученной теоретической базы выделим такие структурно-содержательные элементы анализа, влияющие на формирование медиаобраза столицы Донбасса через медиаконтент:

- 1) акцент на ключевых словах — концептах;
- 2) системное повторение образформирующих фактов;
- 3) представление образа главы региона, мера города;
- 4) запоминающиеся заголовки;
- 5) эмоциональная окраска текстов, использование иронии и пр.;
- 6) использование стереотипов, мифов, легенд, повторяющихся образов-символов;
- 7) отсылка к авторитетному лицу, цитаты;
- 8) упор на масштабности, значимости (всероссийский, международный уровень);
- 9) использование оценочных прилагательных и прилагательных в превосходной степени;
- 10) уклон на визуальный ряд (фотографии, иллюстрации, видео, инфографику и пр.).

Начиная с 2014 года, происходит трансформация медиаобраза города-героя Донецка. В сложившихся военных реалиях имидж города практически не укреплял свои позиции через СМК. Естественным образом устаревшие элементы айдентики, ранее олицетворявшие город, в новой действительности должны были претерпеть соответствующие трансформации. В это же время возникает острая необходимость в том, чтобы столица ДНР, в частности, и Республика в целом приобретали и наращивали новые репутационные характеристики, систему конкурентных преимуществ, с учетом укрепившихся стереотипов и новых тенденций, возникших в ходе военных действий в Донбассе. Проведя онлайн-анкетирование 162-х дончан и непосредственный устный опрос 138 жителей города, мы оттолкнулись от ответов на такие вопросы:

- С помощью чего или каких источников информации вы формируете своё мнение о Донецке?
- Что/кто формирует образ города?
- Какие ассоциации у вас возникают со словом «Донецк»?

Реципиенты разделились на три категории: те, кто имеет позитивное отношение к городу — 194 человека; те, кто негативно относится к нему — 93; те, у кого нейтральное отношение — 13. Проанализировав ответы на первый вопрос, мы выявили, что с помощью интернет-СМИ и социальных сетей почти половина опрошенных формирует своё мнение о городе — 151 человек; 88 реципиентов формируют его, доверяя своим личным наблюдениям, опыту; 84 — опираются на общественное мнение, формируемое традиционными СМИ; 64 — благодаря семье/ друзьям/ знакомым; 24 — отметили, что выстраивают своё мнение, опираясь на полученные знания в школе/университете. Различные достопримечательности, которые ассоциируются с Донецком, назвали — 123 раза; роза или город роз упомянули — 68 раз; войну указали — 53; Родиной/домом город назвали — 30; ассоциация с шахтёрами и металлургами была отмечена — 28. Также среди часто встречающихся образов-символов были названы: уголь — 20 упоминаний, терриконы — 18, футбол — 10. Опрашиваемые чаще всего выделяли, что образ Донца формируют такие характеристики как: стойкость, чистота, ухоженность — 83 упоминания; эстетика городской архитектуры — 56, люди, проживающие в Донце, — 45; ландшафт города — 36; промышленность — 21.

Таким образом видим, медийный образ города-героя Донца — это сложный и многогранный феномен, который требует постоянного внимания и работы над его улучшением. Также это один из ключевых факторов, который влияет на городскую привлекательность как для жителей, так и туристов, инвесторов. Однако не стоит забывать, что медиаобраз — это часть общей картины, лишь одна из многих составляющих успеха города. Важно также учитывать экономические, социальные, культурные, инфраструктурные, образовательные и многие другие факторы, чтобы создать гармоничное городское пространство.

Заключение. Процесс медиатизации начался в XX веке и продолжается до сих пор. Медиатизация восприятия действительности означает, что общество всё больше воспринимает реальность через призму средств массовой коммуникации: многие люди узнают о событиях в мире из новостей, а не из личного опыта. Так, в современном социуме информация и ее подача через различные медиаплатформы становятся одним из основных способов получения знаний, формирования общественного мнения и даже определения культурных, моральных норм и ценностей.

В этом контексте медиаобраз территории в современном мире становится все более значимым фактором, влияющим на восприятие человеком страны, региона, города. Он определяет, как объект будет представлен в информационном пространстве, какие качества будут подчеркнуты, а какие скрыты. Создание положительного медиаобраза

может помочь привлечь внимание аудитории, повысить узнаваемость и доверие к определённой территории. Это особенно важно в нынешних военных реалиях для новых российских территорий, которые стремятся воссоздать и укрепить свою имиджевую позицию в современном медиаориентированном обществе.

Список литературы

1. Богдан, Е. Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Е. Н. Богдан; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. — Москва, 2007. — 25 с.
2. Галинская, Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике [Текст] / Т.Н.Галинская // Вестник ОГУ. — 2013. — № 11(160)/ноябрь. — С. 91–94.
3. Русакова, О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс [Текст] / О. Ф. Русакова. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2012. — 399 с.; ISBN 978-5-98728-042-3.
4. Сезонов Т.В. Особенности воздействия медиаобраза на массовую аудиторию женских глянцевого журналов / Т. В. Сезонов, В.В. Барабаш // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы VI Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 27 сент. 2015 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. № 4 (6). — С. 162– 166.
5. Ким, М.Н. Технология создания журналистского произведения: монография / М.Н. Ким. — СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://evartist.narod.ru/text/71.htm>

УДК 37.032

МЕДИАОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В КОНТЕКСТЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ МАССОВОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АУДИТОРИИ

Левкович В. А.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
v.levkovich@donnu.ru

Введение. Медиаобразование как актуальное направление в сфере педагогики и журналистики берет начало в развитых странах в середине 60-х годов XX века. Так как медиакультура стала неотъемлемой частью современного человека, возникла необходимость в правильном потреблении контента, который предлагается медиаресурсами. Медиаобразование призвано научить анализировать медийные тексты, помочь людям овладеть языком средств массовой информации. Распространение американских средств массовой коммуникации способствовало интенсивному развитию медиаобразования во многих странах, в то время

как европейские медиапедагоги активно разрабатывали понятие «критического мышления», чтобы помочь учащимся сопротивляться влиянию американской массовой культуры.

Основная часть. Исследователи в области медиапотребления выделили два основных подхода в образовании: массовое медиаобразование и профессиональное медиаобразование. Массовое медиаобразование считается непрерывным процессом, в то время как профессиональное медиаобразование включает обучение будущих профессионалов в журналистике, кинематографии, редактировании, продюсировании и других смежных областях.

Медиаграмотность действительно имеет широкий спектр влияния на различные сферы жизни и общественные институты. В социально-политической сфере медиаграмотность играет важную роль в формировании общественного мнения, участии в политическом процессе, принятии информированных решений о голосовании и т.д. В сфере информационных и компьютерных технологий медиаграмотность помогает людям адаптироваться к новым технологиям, эффективно и безопасно работать с информацией в онлайн-среде.

Медиаграмотность также связана с профессиональной принадлежностью, поскольку в современном мире компетенции в области медиа становятся все более востребованными в различных профессиональных областях. Например, маркетологи и специалисты сферы рекламы должны быть медиаграмотными, чтобы эффективно рассказывать о продуктах и услугах через медиа, журналисты должны уметь анализировать и проверять информацию, чтобы предоставлять новости, а педагоги должны использовать медиа в образовательных целях.

Уровень медиаграмотности населения также имеет влияние на уровень жизни. Люди с высокой медиаграмотностью лучше осознают свои права и обязанности, имеют возможность получать информацию о доступных им ресурсах и услугах, а также быть активными участниками общества.

В целом, медиаграмотность играет все более важную роль в интеллектуальном развитии личности и развитии общества в целом. Поэтому осмысление и развитие являются задачами, требующими внимания и усилий как со стороны индивидов, так и со стороны образовательных и социальных институтов.

ЮНЕСКО представляет расширенную классификацию медиаобразования, включающую следующие направления:

1. Обучение будущих медиапрофессионалов.
2. Образование будущих педагогов вузов и школ по вопросам медиакультуры.
3. Медиаобразование для школьников и студентов, внедряемое в общее образование или представляющее собой самостоятельные занятия.

4. Медиаобразование в учреждениях дополнительного образования и досуговых центрах.

5. Дистанционное медиаобразование через телевидение, радио и интернет.

6. Самостоятельное и непрерывное медиаобразование на протяжении всей жизни человека.

Медиаобразование может быть разделено на несколько этапов. Массовое медиаобразование может включать интеграцию в общее и дополнительное образование, а также различные формы обучения, такие как самостоятельное и непрерывное обучение, дистанционное обучение и образование в досуговых центрах. Дополнительное медиаобразование включает обучение в учреждениях дополнительного образования, образование будущих медиапрофессионалов и образование будущих педагогов.

Медиаобразование будущих журналистов является актуальной темой, поскольку профессиональные навыки и подготовка журналистов нуждаются в постоянном совершенствовании. Знания и навыки студентов, необходимые для работы в современных медиа, часто не соответствуют требованиям, что связано с неуверенностью и отсутствием журналистского опыта, азарта. Однако главная причина здесь — использование современных технологий, которые значительно упрощают создание медиатекстов. Они позволяют получать информацию, проводить интервью и использовать комментарии других СМИ, не выходя из редакции.

Допрофессиональное медиаобразование помогает создать определенные условия обучения будущих журналистов, которые позволяют им получить общее представление о профессии журналиста и приобрести необходимые знания и навыки. Тесное взаимодействие медиаобразования и допрофессиональной журналистики позволяет российской журналистике перейти на новый уровень развития и адаптироваться к изменениям в медиасреде.

Медиаобразование является неотъемлемой частью профессиональной подготовки будущих журналистов. Оно позволяет студентам приобрести не только теоретические знания, но и практические навыки, необходимые для работы в современных медиа.

Заключение. Тесное взаимодействие медиаобразования и допрофессиональной журналистики позволит российской журналистике перейти на новый этап своего развития. Оно способствует современной адаптации медиалингвистических компетенций в информационной среде и позволяет журналистам быть более гибкими и адаптивными к изменениям в медиаландшафте.

Список литературы

1. Вартанова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран. Учебное пособие М.: Аспект Пресс, 2003. — С. 79-112.
2. Грабельников А. А. О журналистском образовании // СМИ — общество — образование: модели взаимодействия: в 2 ч. Ч 2 / Отв. ред. И.А.Фатеева. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2007. С. 24-33.
3. Дунас, Д.В. К антропологической теории рассмотрения медиакommunikации [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2009. №4. — URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/481>. Дата обращения: 15.04.2023.
4. Котлер Ф. Маркетинг-менеджмент. Экспресс-курс. СПб, 2006. — С. 37.
5. Минбалеев А. В., Бесова Е. С. Допрофессиональное медиаобразование и журналистика // Медиаобразование. 2008. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doprofessionalnoe-mediaobrazovanie-i-zhurnalistika> (дата обращения: 25.07.2023).
6. Сиденко И. Что такое бренд-журналистика и как с помощью SMM получить ТВ-охват. [Электронный ресурс], URL: <http://www.cossa.ru/trends/153172/>. Дата обращения: 15.04.2023
7. Федоров А.В. Медиаобразование: история, теория и методика / А.В. Федоров. — Ростов-на-Дону, 2001. — 708 с.
8. Why do you need a brand-journal [Электронный ресурс] : Prowly magazine. 2019. URL: prowly.com (Дата обращения: 18.10.2019)

УДК 070. (575.172)

THE TOPIC OF ECOLOGY IN THE PRESS OF KARAKALPAKSTAN: PROBLEM AND SOLUTION

Marziyayev J.K., PhD

Karakalpak State University named after Berdakh,
Nukus, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan
janga-tv@mail.ru

Introduction. Recently, in the world practice of journalism, environmental topics have become one of the main areas of journalism. The reason for this is the accumulation of many environmental problems in society and the unresolved nature of these problems in time. The mentioned problems that have arisen in this area are now developing into global problems of human society. There is a need for objective coverage of this topic and the awakening of public opinion on these issues, and in this regard, there is a need to solve these problems.

The main part. In the world there is a need to study environmental topics in many areas of science. And the media plays a big role in this matter. In particular, scientific research is carried out in journalism on the analysis of environmental problems, the classification of topics, the mastery of the

disclosure of topics, the possibility of a genre, language and style of text. Therefore, the study of environmental issues in journalism with modern methods and obtaining accurate scientific and practical conclusions is relevant.

During the years of independence, the national journalism of Uzbekistan and its integral part - the press has been widely developed. Research work was carried out on the press and its place in society, the principles of development, the social and spiritual specifics of journalism and genre improvement in journalistic creativity. As you know, the press reflects all the vital issues of public life, including issues of ecology and the environment. It should be noted that many environmental problems have remained from the period of formation to our time. One of them is the drying up of the Aral Sea. Today, this environmental problem threatens not only Central Asia, but the whole world. «I would like to draw your attention to the destruction of the Aral Sea, one of the most acute environmental problems of our time. Here, in my hands, is a map reflecting the tragedy of the Aral Sea. I think comments are unnecessary here. Dealing with the consequences of the drying up of the sea requires active integration of actions at the global level» [1]. Therefore, in the press of Karakalpakstan, which is directly related to this problem, the interpretation of environmental topics in a logical and comparative aspect is relevant.

Как сказала исследователь Дильфуза Камалова, пресса на сегодняшний день остается одним из основных средств наполнения сознания человечества, не только человечества, но и всего общества различной информацией [2; 18-21]. This idea is directly related to environmental journalism.

The “Erkin Karakalpakstan” newspaper, one of the leading newspapers in Karakalpakstan, covers environmental issues. In particular, the newspaper has special headings that reflect the environmental problems of the region.

Of these, the heading "Ecology and Nature" is very popular. Under this heading, on October 31, 1991, three materials and one incriminating photograph were submitted. “How is the situation in our region?” [2; 1991. October 31] the article gives a general overview of the work carried out by the Committee for Nature Protection of the Republic of Karakalpakstan, which studied the ecological situation of the republic, weather, drinking water, soil, sewerage, the death of young animals, adolescents, the sanitary and epidemiological situation, the consciousness of nature, the main directions, such as the use and protection of the environment, are covered in the form of a report. This material, built on the basis of acute criticism, frankly shows that the environmental situation in the republic is clear and sad. For example, “for 9 months of 1991, 36,642 children were born in the republic, of which 1,730 children died at the age of up to a year. Based on this information, we see that the infant mortality rate over the past nine months was 47.2 units (in 1990 this indicator was 49.4 units)”.

“Jasirip kelsek te bar kesel...” (Even if we hide it, there is a disease...) [2; 1991. November 30] and the fact of the growth of tuberculosis among the

population due to the aggravation of the environmental situation at a later time is given on the basis of facts. In addition, on this page of the newspaper, the artist Muratboy Doshchanov's "Save nature!" given the title image. This picture shows two situations, the first one depicts a kind attitude towards nature, and the second picture skillfully shows the situation of man aggressively using nature.

"Man. Nature. Ecology" in the heading "What is the ecological state of our region?" [2, November 30, 1991] commented on the work carried out by the Committee for Nature Protection of the Republic of Karakalpakstan. In addition, under this heading "Qirg'awılı shaqirg'an ma'kan edi", "Biz nege biyg'ambız?" also published these materials. The material "Qirg'awılı shaqirg'an ma'kan edi" is given in the genre of "Kenes" a farm and nature in the Chimboy region, "Biz nege biyg'ambız?" the title article talks about the conservation and care of trees.

Analyzing the pages of the press, it can be seen that the tragedy of the Aral Sea and its consequences is a difficult problem, and that the emergence of other environmental problems under its influence has become one of the pressing topics of the press. That is, in the press, not only the drying up of the Aral Sea was brought to the first level, but many speeches were published around the thesis that the environmental tragedy can have a negative effect on the environment and human life. This can be clearly seen from the materials printed in the 1992 issues of "Erkin Karakalpakstan" newspaper.

Published in the issue of the newspaper dated January 18, 1992 "Aral ha'm qurılıs yamasa Qaraqalpaqstanda turaq jaylar nege tozadı" [2; 1992. January 8], the author, scientist I. Ayyymbetov, provides evidence that the houses built several years ago in the city of Nukus fell into disrepair as a result of salinization of the Amu Darya water and the soil layer of the earth, brought by wind from the sea coast recently, and mineral the state of salts and salinity gives its recommendations for the development of maps.

Conclusion. In short, socio-political publications keep the processes taking place in the society within the scope of attention. As a result of our analysis, we were convinced that in the first years of independence, the majority of materials directly related to the problem of the Aral Sea were on the pages of newspapers. The main reason for this is that there is little hope for the restoration of the Aral Sea in society. That's why the number of exits in this direction has increased. In recent years, publications have started to highlight global problems with the increasing impact of mankind on the environment.

During the analysis of socio-political publications, it was observed that in the 90s, most of the materials on the topic of ecology were published by scientists and specialists, and by the 2000s, with the expansion of the number of reporters writing on the topic of ecology, many articles by journalists specializing in the field of ecology were published. Therefore, it became clear that one of the main tasks for humanity in covering the topic of ecology in social and political publications is to convey all the gifts of nature to the future generation in their pure form.

References

1. Speech by the President of the Republic of Uzbekistan Sh.M. Mirziyoyev at the 72nd session of the UN General Assembly // Narodnoe slova, September 20, 2017.
2. Камалова Д.Э. Жанровые особенности новеллы в прессе. [Genre features of the novel in print] // Материалы республиканское научно-практической конференции. — Нукус. Наука. 2019.
3. Marziyaev J.K. The principles of the development of present Karakalpakstan's mass media // International Scientific Journal (ISJ) Theoretical & Applied Science. — Philadelphia, USA. 03 (83), 500. 2020. <http://www.t-science.org/arxivDOI/2020/03-83/PDF/03-83-52.pdf> (Роль и место публицистических жанров в современной каракалпакской печати. Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск. № 6 (260) 2012.
4. Камалова Д.Э. Вопросы художественного мастерства в каракалпакских новеллах // International Journal of Central Asian studies (ISSN: 1226-4490). The International Association of Central Asian Studies. Korea University of International studies. Volume: 23. 2019. (Хронотоп и его роль в композиции произведения (на примере каракалпакской литературы) //Theoretical & Applied Science Учредители: Теоретическая и прикладная наука. — №. 9. — С. 105-109.)
5. Куралбаева Г.Ю. Художественное своеобразие поэзии Б.Генжемуратова // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. — С. 199-200.

УДК 070. (575.172)

CURRENT PROBLEMS OF THE PRESS OF KARAKALPAKSTAN

Marziyaev J.K., PhD

Karakalpak State University named after Berdakh,
Nukus, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan
janga-tv@mail.ru

Introduction. In the era of globalization, the problem of print media becomes one of the most pressing, especially in the case of daily news publications in the world media. This process is especially noticeable in the business of local publications. This is due to the fact that the rapid development of modern information technologies is the only reason for the decline in demand for print media. In such a situation, an important issue among the heads of the department was the problem of preventing this situation and solving the problem in a timely manner.

The main part. As for the fact that the media in countries around the world pay attention to the press in this case, the problem we mentioned has always found its solution. For example, we can quote the following words of President Sh. Mirziyoyev: “In recent years, we have also eliminated voluntary

subscription with the possibility of “mandatory subscription.” As a result of this, teachers and teachers of schools and other educational institutions were deprived of the newspapers and magazines they needed. We ended up so pitifully, the only difference being that the leaders were proud of me for not reading newspapers.

As you know, Japan is one of the countries with the most developed computer technologies in the world. What can you say about all the newspapers that are published in this country with a circulation of 3-4 million copies a day? By the way, along with radio and television, the Internet, print media also have their place. Today, delivery of printed publications to educational institutions and teaching teachers has become a special practice. The reason is that the press distribution services and postal system in this area are inadequate” [1]. That's right, the preservation of our national press and its development will be one of the main issues of today. At the same time, we saw that it is possible to find a solution to the problem using modern information technologies. The reason is that “you (journalists — Janabay Marziyaev) provide quick and impartial information about all kinds of events and processes in the world, everyday problems and ways to solve them. The significance and weight of the words spoken by the relevant journalists increases.” nowadays more and more. [2].

“The work of the press, especially the media, has always been difficult and responsible. In today's era, when our country has entered a new stage of development, openness and transparency, freedom of speech and opinion have become the cornerstone of our lives, this hostility and power are not strong” [3]. So in this case, the media workers of our republic will bear a great responsibility. This is due to the fact that journalists are considered the only representatives of our society whose words have a strong influence on the spirit and feelings of people.

One of the problems facing the press is the issue of genres. That is, the disappearance of different genres in the press, the frequent exacerbation of different genres is one of the special problems of journalism. One reason for this is that the article genre is not as prominent in dailies. The genre of an article has its own rules depending on its writing and content. In particular, the journalistic quality of this genre prevails compared to other genres. In the article, the unity of content and form is directly related to the political knowledge, worldview and professional skills of the author. And it is better to approach facts and events in an original way, without any subjective thoughts and ideas, opinions and feelings. An article is a journalistic material devoted to a specific problem in a specific part of society. Also, according to content characteristics, topic and writing, the genre of the article can be divided into theoretical and practical, scientific, literary and artistic, journalistic, kind-critical, humorous and satirical types. Therefore, any study of facts, their in-depth analysis is considered one of the distinctive features of the article genre. Also on the topic, the researcher divides articles into socio-political, economic-worker and cultural-educational articles. According to the style of writing, it is divided into scientific, literary,

journalistic, satirical and other types. In any case, the journalistic and analytical level prevails in the article [4].

Conclusion. To summarize, we can say that one of the tasks facing the local press today is to improve the economic situation of publications, and secondly, the need to use modern journalistic methods of covering the topic is obvious. It is also considered the requirement of the day to work closely with society.

References

1. Speech by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev at the ceremony dedicated to Teacher and Coach Day // <https://uza.uz/uz/posts>
2. Newspaper “Erkin Karakalpakstan”. 2015. June 27.
3. President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev congratulated media workers // azon.uz/content/views/shavkat-mirziyoyev-ommaviy-ahborot-vosita
4. Камалова Д.Э. Жанровые особенности новеллы в прессе. [Genre features of the novel in print] // Материалы республиканское научно-практической конференции. — Нукус. Наука. 2019. (Хронотоп и его роль в композиции произведения (на примере каракалпакской литературы) // *Theoretical & Applied Science* Учредители: Теоретическая и прикладная наука. — №. 9. — С. 105-109.
5. Marziyaev J.K. Use of information genres in the print of Karakalpakstan // *Science and Education in Karakalpakstan*. — Нукус. 2022. №3/2 (27). — P. 205-208. <https://karsu.uz/wp-content/uploads/2023/01/2022-3-2-%D1%81%D0%B0%D0%BD%D1%8B.pdf>

УДК 07(37:81'27)

МЕДИАОБРАЗОВАНИЕ И МЕДИАГРАМОТНОСТЬ: К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ

Москаленко Н. М.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
n.moskalenko@donnu.ru

Медиаобразование как направление в педагогической науке и практике сформировалось в 60-е годы XX века во всех развитых странах мира. Оно было призвано научить школьников и студентов ориентироваться в развитом мире медиакультуры.

Российский ученый А. В. Федоров отмечает, что медиаобразование связано с изучением механизмов создания и распространения медиатекстов, важную роль при этом играют аналитические способности для интерпретации содержания и его оценки. А вот изучение медиа больше связано с созданием медиатекстов [1, с. 12]. Медиаобразование — это процесс развития личности с помощью и на материале СМИ, в

результате чего формируется культура общения с медиа, а медиаграмотность способствует активному использованию информационных возможностей и помогает лучше понимать язык медиакультуры. Исходя из этого можно сделать вывод, что медиаобразование — это деятельность по выработке медиаграмотности. Медиаграмотность — цель, медиаобразование — средство достижения этой цели.

По мнению ученой Е. Л. Вартановой, медиаобразование представляет собой изучение СМИ и коммуникации, а это обуславливает главную задачу медиаобразования — развитие медиаграмотности. Е. Л. Вартанова медиаграмотность определяет как «понимание природы и основных принципов деятельности СМИ, освоение информационных технологий, развитие способности к анализу и оценке содержания информации, умение использовать эту информацию осознанно» [2, с.6–7].

И, несмотря на то что все, вроде бы, понятно, А. В. Федоров отмечает, эти понятия все равно смешивают. Есть разночтения и в теоретических подходах к медиаобразованию в плане выделения его целей, задач, способов внедрения в учебный процесс.

Результат опроса 26 ведущих российских и зарубежных медиапедагогов из 10 стран показал, что большинство экспертов поддержали определение медиаобразования как понятия, связанного со всеми видами медиа и дающего возможность людям осмыслить, как массовая коммуникация используется в их социумах, помогающего овладеть способностями использования медиа в коммуникации с другими людьми. А медиаграмотность, по их мнению, — движение, призванное людям оказывать помощь в создании и оценивании культурной значимости аудиовизуальных и печатных текстов [1, с.28].

В трактовке термина «медиаобразование» присутствует некоторая сложность, которая обусловлена тем, что, с одной стороны, оно объясняется как образование с помощью медиа, а с другой стороны — это образование в сфере медиа, которое должно обеспечить информационную безопасность, воспитывать информационную и медиакультуру, и, наконец, формирует медиаграмотность.

Е. Л. Вартанова отмечает, что аудитория сама стала активным производителем контента, мы наблюдаем становление «человека медийного» как результата технологического развития медиа и адаптации аудитории к жизни в современном информационном обществе, да еще в изобилии информации. В современном обществе цифровизация дала много возможностей своей аудитории, благодаря ей с детства формируется медиаграмотность. Но в то же время она стала и причиной медиазависимости, возникновения новых информационных вызовов. Ученые обращают внимание на необходимость формирования цифровой компетентности у российской молодежи, а также развития умения реагировать на угрозы, появляющиеся в процессе активного

медиапотребления [3, с. 168–169]. С появлением «человека медийного» возросла необходимость развития таких важных его компетенций, как критическое отношение к современному медиаланшафту, умение ориентироваться в медиа, возможность самореализации в информационном смысле.

Сегодня уже очевидно, что медиаобразование необходимо ввести в учебные программы школ, училищ, техникумов и вузов. Ученые факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова рекомендуют разработать систему повышения медиаграмотности для всех категорий пользователей, включая родителей и педагогов. Психолого-педагогическая деятельность в процессе медиаобразования должна быть нацелена на формирование инфоэкологического мышления, и здесь крайне важна поддержка государства.

Список литературы

1. Федоров А. В. Медиаобразование и медиаграмотность. — Таганрог: Изд-во Кучма, 2004. — 339 с.
2. Вартанова Е. Л. Медиаграмотность школьников и учителей в условиях цифровизации российского образования / Е.Л.Вартанова // Медиа в образовательной среде: коммуникации и безопасность детей: колл. моног. // Под редакцией Е.Л. Вартановой, Т.И. Фроловой. — Москва: Фак. журн. МГУ, 2018. — 174 с. — С. 5-22.
3. Медиаобразование «цифровой молодежи» в России: монография /под ред. Д. В. Дунаса. — Москва: Факультет журналистики МГУ: Издательство Московского университета, 2021. — 406 с.
4. Кирия И. В. История и теория медиа: учебник для вузов / И.В. Кирия, А.А. Новикова. — 2-е изд., испр. — Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 422 с. (Учебники Высшей школы экономики: ВШЭ HSE). — ISBN 978-5-7598-2126-8 (в пер.). — 978-5-7598-2025-3 (e-book)

УДК 070

ТЕМА ПАТРИОТИЗМА В МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ «НАШЕ ВРЕМЯ»

Муха А. В., Коляго И. Л.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
ekstazi15@mail.ru

Введение. В России на сегодняшний день большое внимание отводится теме патриотизма, которую нередко затрагивают в своих материалах СМИ. Региональные же СМИ отличаются высокой

адресностью распространяемой информации и ее прагматической приземленностью, тесной связанностью с местными реалиями.

Целью данной статьи является анализ темы патриотизма в журналистских материалах на сайте газеты «Наше время».

Основная часть. Лейтмотивом многих сюжетов региональных СМИ, формирующих чувство патриотизма, является тема малой Родины. Большой пласт подобных материалов — это сюжеты, посвященные традиционным, самобытным праздникам. Журналистские материалы направлены на популяризацию традиций Донской земли. Журналисты показывают, что люди гордятся своими праздниками, принимают в них участие всей семьей.

В данной статье была проанализирована тема патриотизма в областной газете «Наше время», которая выходит в Ростове-на-Дону с 15 апреля 1921 года [3, с. 62].

Ярким примером того, как издание может влиять на национальную самоидентификацию россиян, может послужить освещение значимых событий, например, воссоединение полуострова Крым с Россией. Как известно, 16 марта 2014 года состоялся референдум о вхождении Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, 17 числа того же месяца Россия признала независимость республики и на следующий день она официально вошла в состав РФ. Каждый год в эти даты отмечается годовщина воссоединения России с Крымом. СМИ не остаются в стороне и активно публикуют материалы обо всем мероприятиях, приуроченных к этой дате.

Журналисты издания также активно пишут о том, какая гуманитарная помощь оказывается населением Ростовской области жителям территорий, вошедших в состав Российской Федерации — Луганской и Донецкой Народным республикам. Туда ездят с гуманитарной миссией делегации от администрации области и города, местной ассоциации ветеранов боевых действий. Так как Ростовская область — ближайшая к новым территориям, с самого начала военных действий на Донбассе сюда приезжало много беженцев. С февраля 2022 года их поток снова увеличился, а в «Нашем времени» появились материалы о людях, нуждающихся в помощи. И основной упор для того, чтобы оказать нужное влияние на читателей, делался на то, что жители Дона всегда отличались великодушием и добротой — отсылка к этническому патриотизму. Также издание регулярно публикует материалы о том, какая гуманитарная помощь была передана бойцам в зону СВО. Например, в материале от 25 сентября 2023 года Владимира Кобякина «Делегация Всевеликого Войска Донского передала помощь казакам-добровольцам из отряда “Шторм”» говорится о том, что помощь собирается всем миром, выделяются средства из областного бюджета, казаки Войска делают личные пожертвования [2].

Большую роль в формировании патриотизма играет и то, что редакция «Нашего времени» взаимодействует с образовательными учреждениями области и города. Школьники всегда рады увидеть себя в газете, поэтому более внимательно относятся к мероприятиям, которые освещают журналисты. Так же работает и «интерактив» с читателями: даже люди без ярко выраженной социальной позиции начинают интересоваться газетой, если в ней написано о них или о ком-то из знакомых. А если при этом тема материала имеет патриотическую направленность — это напрямую работает на то, чтобы герой публикации почувствовал себя частью социального процесса, испытал гордость за какие-то свои достижения на благо общества и родины.

Заключение. Тема патриотизма — основная в СМИ любого уровня в силу того, что всегда актуальна. Именно СМИ играют ключевую роль в формировании патриотических чувств у граждан, а на региональных СМИ, находящихся, образно говоря, на более близком расстоянии к своей аудитории, лежит еще большая ответственность. СМИ отводится важная роль в формировании нравственных ценностей всех поколений. Мы выяснили, что «ближе» всех к аудитории находятся региональные средства массовой информации, а значит, на них лежит двойная ответственность за формирование чувства патриотизма.

Список литературы

1. Возжеников А. В., Кузнецов А. Н. СМИ как субъект формирования патриотизма и гражданственности: исторический опыт и перспективы / А. В. Возжеников, А. Н. Кузнецов // Коммуникология. – 2022. – №1. – С. 107-118.
2. Кобякин В. Делегация Всевеликого Войска Донского передала помощь казакам-добровольцам из отряда «Шторм» // Газета «Наше время». URL: <https://www.nvgazeta.ru/news/12383/622826/> (дата обращения 26.09.2023).
3. Муха, А. В. История становления газеты «Наше время» /А.В.Муха // Современные проблемы и перспективные направления развития науки: Материалы II Международной научно-практической конференции, Чистополь, 26 ноября 2021 года. – Казань, 2021. – С. 62-67.

ЖУРНАЛЬНАЯ ПЕРИОДИКА В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Муха А. В.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
ekstazi15@mail.ru

Введение. Изучение журнальной периодики всегда вызывало интерес ученых в области медиа, однако остаются малоизученными темы, связанные с региональными журналами. В связи с этим кажется актуальным рассмотрение журнальной периодики на Дону в XX веке.

На сегодняшний день у журналов в Ростове-на-Дону существуют проблемы, которые связаны со снижением финансирования, объема, тиража. Эти проблемы необходимо решать, так как эти издания распространяются и в регионе с целью прививания любви к литературе и приобщения читателей к своей Родине. Одним из таких изданий в Ростове-на-Дону является журнал «Дон».

Цель исследования состоит в анализе журнальной периодики Ростова-на-Дону в XX веке.

Основная часть. В 1902 году в Ростове-на-Дону начинает издаваться ежемесячный журнал плодоводства, огородничества и декоративного садоводства «Садовод», который просуществовал до 1916 года. В Новочеркаске Донским областным правлением в 1906 году начинает выпускаться еженедельный журнал о сельском хозяйстве и всех отраслях его «Хозяйство на Дону». Первый номер общественно-политического, экономического и литературного журнала «Правда» вышел также в 1906 году. В издании присутствовали такие жанры, как обозрение, рецензия, статья, фельетон, хроника, обзор, объявления и др. [4].

Юмористический журнал «Колокольчики» выходил еженедельно в Новочеркаске с 1906 года в качестве приложения к газете «Голос Дона». В журнале резко поддавалась критике политика кадетов.

В этом же году появляются издания, посвященные вопросам образования — «Журнал учителя», «Вестник донских учителей».

С 1907 года Донское общество пчеловодов начинает издание иллюстрированного журнала «Степное пчеловодство», который выходил каждый месяц, кроме июня, июля и августа. Издание просуществовало девять лет.

А с 1910 года начинают выпускаться издания о театрах Ростова-на-Дону и Ростовской области: «Театр и жизнь», «Кулисы», «Сцена и жизнь», «Грезы», «Экран и сцена» и «Театральный курьер». В них подробно освещалась местная театральная жизнь, публиковались рецензии на

постановки, в которых журналисты резко высказывались о неудачных спектаклях. С развитием в стране кинематографа в Ростове-на-Дону в 1910 году был выпущен первый журнал о кино — «Живой экран», позже начинают издаваться «Кинема» и «Кинематограф».

2 июля 1917 года в Новочеркасске начинает свою деятельность журнал «Донская христианская мысль». Однако архив этого журнала в Ростове-на-Дону и Ростовской области не сохранится, лишь некоторые выпуски этого издания можно найти в центральных библиотеках России. Журнал просуществовал два года [5].

В 1925 году в свет выходит литературно-критический журнал «Лавы» — один из первых «толстых» журналов на Северном Кавказе. Он выходил при поддержке ассоциаций пролетарских писателей. С созданием издания возникли трудности, так как для его реализации не хватало бумаги, а также материальных средств. Главным редактором «Лавы» был А.А. Фадеев. Он привлек к созданию журнала различных литературоведов, писателей, поэтов и театральных критиков. А.А. Фадеев работал не только с опытными авторами, но и с начинающими писателями. Тираж первого номера журнала составлял 200 экземпляров. В первом выпуске объявили о том, что редакция будет регулярно публиковать новинки всех издательств страны, а также подборки литературы для школы 1-3 ступеней, рабфаков, вузов и специальных учебных заведений [3].

Рубрики первого выпуска «Лавы» поднимали только темы, связанные с литературой, искусством. Однако в апреле 1926 года издание было закрыто.

В 1927 году «Лаву» сменяет ежемесячный литературный журнал «На подъеме». Главным редактором стал В.П. Ставский. Он, как и А.А. Фадеев, вовлекал в деятельность издания начинающих поэтов, драматургов, писателей. В марте 1927 тираж издания составил 1000 экземпляров, а через год — 2000. Журнал «На подъеме» являлся органом Северо-Кавказской литературной организации, который очень серьезно контролировал работу писателей. В издании постепенно стала выявляться такая практика, как механическая правка рукописей. Это означает, что редакторы переделывали материалы авторов так, что те их не узнавали. Это явно сказалось на качестве выпускаемых материалов. В декабре 1935 года журнал закрылся.

В 1938 году вышел литературно-художественный сборник Ростовского отделения Союза советских писателей «Литературный Ростов», который просуществовал до 1941 года. В 1938–1939 годах в редакционную коллегию сборника «Литературный Ростов» входили: А. Бусыгин (ответственный редактор), Е. Горбань, Г. Шолохов-Синявский, П. Яковлев. В первой книжке публиковали только художественные произведения. Позже появились разделы «Критика и библиография» и «Трибуна писателя», «Книжная полка краеведа» [2].

7 марта 1945 года на Дону стал печататься журнал «Дон». В редакционную коллегию номера вошли: Г.Ф. Шолохов-Синявский, Д.И. Петров (Бирюк) и М.Ф. Стрельцов. В первом номере были опубликованы такие материалы, как: отрывок из поэмы Н. Доризо «Бессмертие», главы из романа А. Калинина «На Юге», а также отрывок из повести М. Соколова «Степь». Редакция альманаха всегда шла навстречу молодым писателям и давала им возможность публиковаться.

В 1957 году издание сменило тип с литературно-художественного альманаха на литературно-художественный и общественно-политический журнал, так как в выпусках журнала появились рапорты хлеборобов, материалы о деятельности заводов и колхозов, отчеты со съездов КПСС. А в 1959 году на основе журнала создается книжное издательство [1].

В «Доне» постоянно менялся тип издания, однако нововведения были разумны и не противоречили признакам журнала. В 1969 году издание называлось литературно-художественным и общественно-политическим иллюстрированным журналом. В это время в журнале начал работать художественный редактор В.А. Шихачевский, который разнообразил контент и добавил в него фотографии и изображения. В 1990-х годах издание становится российским литературно-художественным ежемесячным журналом, а пост главного редактора занимает В.С. Петров. Журнал «Дон» продолжает выпускаться в Ростове-на-Дону и сегодня.

Заключение. Таким образом, в первой половине XX века на Дону издавались журналы о кино, театрах, литературе, воспитании молодого поколения, образовании, политике, экономике, религии, пчеловодстве и сельском хозяйстве, которые пользовались популярностью у аудитории.

Список литературы

1. Журнальный мир // Журнал «Дон» — URL: <https://журнальныймир.рф/zhurnaly/don> (дата обращения: 15.09.2023).
2. Литературный Ростов // Донские страницы — URL: <http://pro-don.dspl.ru/editioninfo/literaturnyy-rostov-zhurnal> (дата обращения: 07.04.2023).
3. Муха, А. В. Литературно-художественный журнал «Дон»: социокультурная миссия и функции / А. В. Муха // Журналистика в глобальном мире : материалы IV Международной студенческой научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 01 марта 2022 года. Том вып. 4. — Ростов-на-Дону: АкадемЛит (Издатель ИП Ковтун С.А.), 2022. — С. 322-325.
4. Сидоров Н. К истории донской печати // Донской временник. Год 2006-й / Дон. гос. публ. б-ка. — Ростов-на-Дону, 2005. — Вып. 14. — С. 211-212. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=898 (дата обращения: 22.09.2023).
5. Шадрина А. В. Журнал «Донская христианская мысль» // Донской временник / Дон. гос. публ. б-ка. — Ростов-на-Дону, 2022. — Вып. 30-й. — С. 141-145 URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m15/1/art.aspx?art_id=1887 (дата обращения: 22.09.2023).

ЖАНРОВАЯ ТИПОЛОГИЯ НОВОСТНЫХ МАТЕРИАЛОВ СМИ В МЕССЕНДЖЕРЕ ТЕЛЕГРАМ

Наливайко Ю. Ю., канд. филол. наук, доц.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ

yu.nalyvaiko@donnu.ru

Введение. Меняющиеся тенденции медиапотребления, взаимодействия с интернет-ресурсами закономерно стремительно трансформируют традиционную модель коммуникации аудитории со СМИ. Актуальной площадкой для новостных СМИ стали каналы в мессенджере Телеграм. Благодаря здоровой конкуренции мессенджер продолжает набирать популярность не только в качестве приложения для общения, но и как удобный новостной ресурс. Поскольку платформа постоянно развивается, СМИ не только приспосабливаются к нововведениям, но и самостоятельно формируют тенденции презентации информации, ориентируясь на отклики реципиентов.

Цель данной работы заключается в унификации типологических жанровых характеристик новостных материалов СМИ на платформе мессенджера Телеграм.

Основная часть. Благодаря тому, что Телеграм является удобным инструментом для аудитории, желающей получать проверенную информацию быстро, наиболее широко в нём представлены именно новостные каналы СМИ. При этом каждый из них по-разному использует функционал приложения, выбирает собственный стиль ведения ресурса, придерживается конкретных принципов создания и публикации новостей. А главное, подает информацию в различных формах. В совокупности все эти факторы делают новостные Телеграм-каналы уникальными средствами массовой информации.

Одним из важных аспектов, который стоит выделить при рассмотрении функционирования СМИ в данном мессенджере, является жанровая характеристика публикуемых материалов. В силу относительной новизны мессенджера и быстрого развития СМИ на платформе Телеграм пока не сложилась их унифицированная классификация [2].

На основе анализа существующих новостных Телеграм-каналов СМИ можно выделить определенные группы материалов, схожих по внутреннему наполнению и формальным принципам оформления, которые представляется возможным назвать жанрами в широком понимании.

За основу брались такие типологические характеристики журналистских материалов.

1. Объем текста (короткие, средние и длинные).

2. Стил ь написания текста (официальный или же с элементами эмоционально-окрашенных речевых оборотов, фигур речи, сленговых и просторечных слов и выражений).

3. Использование фото- и видеоматериалов (присутствуют ли они в записи, какую роль в ней играют, что дают читателю?).

4. Оперативность размещения новостей.

5. Наличие дополнительных элементов в тексте информационного типа (есть ли в посте аналитика или же только основной инфоповод без комментариев экспертов).

Исходя из указанных выше характеристик, предлагается унифицированная жанровая классификация новостного контента в мессенджере Телеграм.

1. Короткие посты, в которых содержится основная информация о событии. Состоят из одного-двух абзацев по два-три предложения в каждом. Могут включать в себя бэкграунд (дополнительные факты о событии), который чаще всего начинается со слова «ранее», содержит уточнения события / ситуации – расшифровку знаковых дат, информацию о людях, компаниях или организациях, которые являются основными действующими лицами в новости.

Именно такие посты чаще всего можно встретить на каналах «ТАСС», «Лента дня» и «РИА Новости».

2. Средние по объему посты. Обычно занимают три абзаца, каждый из которых включает в себя три-четыре предложения. Такие тексты в Телеграм-каналах публикуются в том случае, если инфоповод важный или произошедшее требует каких-либо разъяснений. Событие освещается более детализированно, с уточняющей информацией (места и времени действия). В этом случае могут присутствовать комментарии экспертов или очевидцев. Часто используется бэкграунд.

Такие посты можно встретить на каналах «Readovka» и «Mash».

3. «Стори». В этом случае речь идет об объемных постах: они могут содержать в себе от трех до семи абзацев, в каждом из которых до пяти предложений. Обычно такой формат используется в тех случаях, когда автор поста хочет рассказать какую-то историю (англ. «story» – история) с ретроспекцией произошедшего, выводами о последствиях.

4. Видео/фотоматериалы. Посты, в которых нет текста или он играет второстепенную роль. Это может быть подборка фото, на которых непосредственно располагается текст, или фото с места события, которые сопровождаются краткой подписью внизу, или видеоролик (это может быть, например, репортаж с места событий, как у «ТАСС»). Такой способ подачи информации используется для визуализации события. Иногда на «карточках» используются элементы инфографики. Подобные посты можно встретить у «Ленты дня» или «Mash».

Преимущество данного жанра состоит в том, что такие посты выделяются из массы текстовых сообщений и при грамотном оформлении

привлекают внимание читателей. Показательным примером в данном случае можно считать публикации в Телеграм-каналах сводок о ситуации на фронте в зоне проведения специальной военной операции в виде инфографики, дополненной текстом.

5. Списки / дайджесты / шоты («молнии»). Такой вид постов в Телеграм можно выделить в отдельный жанр, так как он принципиально отличается способом подачи информации, а также может быть использован не во всех случаях. Обычно новостные каналы используют списки, чтобы публиковать важные заявления спикеров (публичных людей, глав государств и т. д.). Журналисты выделяют основные тезисы выступления и подают их аудитории в удобной для восприятия форме. Кроме того, в списках используются визуализированные знаки (эмодзи или знаки препинания) для того, чтобы структурировать их, отделить один пункт от другого и в то же время привлечь внимание аудитории.

Дайджесты также относятся к спискам, однако выделяются в особый «поджанр» за счет того, что преследуют отдельную цель – кратко и фактически точно подать информацию о важных событиях, произошедших за определенный временной промежуток.

Шоты или «молнии» – короткие посты, сочетающие максимальную сжатость и быстроту. Большую популярность шоты получили во время проведения спецоперации, когда начали появляться важные новости с фронта, к примеру, о взятии того или иного населенного пункта.

Заключение. Разнообразные форматы, используемые СМИ в Телеграме, подбираются журналистом индивидуально к определенному инфоповоду. При этом жанры в мессенджере подвижны, они могут видоизменяться в зависимости от того, каким журналист хочет видеть тот или иной пост, могут смешиваться или же дополнять друг друга. Осваивая новые функции платформы, журналисты совершенствуют подачу информации, чтобы аудитории было максимально комфортно получать её в условиях быстро меняющихся реалий.

Список литературы

1. Гунзынов, Ж. П. Информационные каналы в мобильных мессенджерах: философский анализ / Ж. П. Гунзынов — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-kanaly-v-mobilnyh-messendzherah-filosofskiy-analiz/viewer> (дата обращения: 21.09.2023).
2. Емельянова, С. Г. Интернет: средство массовой коммуникации / С. Г. Емельянова — URL: <https://swsu.ru/sbornik-statey/internet-a-mass-medium.php> (дата обращения: 19.09.2023).
3. Федоров, И. И. Своеобразие жанров интернет-журналистики (на примере газет «Lenta.ru», «Ytro.ru», «Территория» и журнала «Beautytime.ru» / И. И. Федоров — URL: <https://smekni.com/a/46263-7/svoeobrazie-zhanrov-internet-zhurnalistiki-na-primere-gazet-lentaru-ytroru-territoriya-i-zhurnala-beautytimeru-7/> (дата обращения: 24.09.2023).

СПОСОБЫ И ПРИЁМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ ЧЕРЕЗ ВИДЕОБЛОГИНГ

Наливайко Ю. Ю., канд. филол. наук, доц., *Каюшова С. Р.*
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
sonnemp4@yandex.ru

Введение. Переход от линейной иерархической модели общества к сетевой был одним из значимых событий на рубеже тысячелетий. Интернет стал ключевым инструментом в этом процессе, особое место в котором занимает видеоблогинг, формирующий сетевое общество.

В настоящее время видеоблогинг является одним из самых популярных и востребованных медиаформатов. Благодаря своей доступности и синкретичности он трансформирует мировую культуру и общество путем применения видеоблогерами различных приёмов и способов влияния на аудиторию.

Цель данной работы заключается в выявлении основных способов и приёмов воздействия на аудиторию, используемых видеоблогерами.

Основная часть. Видеоблог — интернет-явление, разновидность блога, основной целью которого является создание и регулярная публикация видеоконтента в определенном авторском формате [2].

Видеоблоги стали одним из наиболее популярных форматов интернет-журналистики, отличающихся непосредственностью, высокой скоростью распространения и доступностью. Благодаря такому формату журналистика стала более демократичной и доступной для широкой аудитории.

Интерактивная природа блога превращает коммуникацию в двусторонний процесс обмена мнениями, уменьшая дистанцию между коммуникантом и реципиентами. Зрители получили возможность комментировать и оценивать видеоролики, влиять на формирование информационной повестки дня. В результате активизации аудитории видеоблогеры завоевывают её доверие, следовательно, получают больше возможностей для влияния на общественное мнение. Этот эффект можно усилить с помощью различных способов влияния.

1. Аудиовизуальные приемы.

Они включают в себя специфику названия и превью видеоролика, что сказывается на их вирусности (в положительном значении); внешний вид блогера, фон, монтаж, качество звука и изображения. Благодаря визуальной и звуковой стимуляции и визуальным эффектам видеоблогеры вкладывают в свои видео эмоциональность, динамизм и уникальность, что позволяет привлекать и удерживать внимание зрителей. Чтобы сделать

контент более интересным и захватывающим, в видеоблогах могут быть использованы различные визуальные эффекты. Приёмы монтажа способствуют созданию интересной сюжетной композиции. Названия и превью видео также являются важными элементами привлечения внимания зрителей и увеличения количества просмотров. Они помогают описать содержание видео, заинтересовать аудиторию и вызвать желание вернуться к контенту понравившегося блогера. Например, хороший заголовок должен быть кратким, информативным и привлекательным. Он должен четко отражать тему видео и стимулировать зрителей к просмотру.

2. Коммуникативные приемы.

Интерактивность — это непереносимое свойство видеоблога как диалогической формы коммуникации, нацеленной на выражение автором собственных мыслей и на обмен мнениями с другими пользователями. Следовательно, в блоге автор становится ближе к аудитории и получает более эффективные рычаги влияния на неё в процессе неформального диалога, обусловленного природой блогов как личных дневников.

Одним из ключевых коммуникативных приёмов видеоблогеров является умение формировать свою качественную личность, которая привлекает и удерживает аудиторию. Чтобы создать эмоциональную связь со зрителями, блогеры могут использовать различные стратегии, такие как: авторитет, шарм, юмор или эмоциональная критика. Также активно используются риторические приёмы для более эффективной работы с аудиторией (эмоциональность, логические аргументы, усиление убеждений).

3. Психологические приемы.

В блогинге используются различные методы психологического воздействия на аудиторию: принцип первоочередности, «удар на опережение», привлечение очевидцев событий, создание образа врага, эмоциональное заражение, позиционирование лидеров мнений, использование эффекта правдоподобности и другие. Особую роль играют манипулятивное комментирование (фрейминг), эффект информационного штурма, метод одобрения мнимого большинства, одностороннее освещение событий [1].

Видеоблогеры, осознавая психологические аспекты человеческого поведения, могут использовать для создания устойчивых эмоциональных связей с аудиторией и вызова определённых реакций и решений различные стратегии убеждения и влияния: техники социального доказательства, авторитетности, конформизма и др.

Влияние блогеров на аудиторию зависит не только от содержания информации, которую они предоставляют, но также от их харизмы, эмоциональной экспрессии, умения выбирать нестандартные формы передачи информации. Формальных ограничений на эту деятельность нет, что затрудняет определение истинного посыла сообщения, заказчика и

достоверности информации. В начале своего развития и становления видеоблоги привлекали внимание подростков и молодежи, сегодня их аудитория значительно расширилась благодаря тому, что блогеры быстро реагируют на происходящие события и создают персонализированный и креативный контент [3].

Явление видеоблогинга оказывает значительное влияние на процессы социализации в киберпространстве, выполняет рекреационную функцию, определяя досуговое времяпровождение и воздействуя на формирование мировоззрения людей. Оно является неотъемлемой частью современных социокультурных практик повседневной жизни и формой массовой культуры. Видеоблогинг в наше время становится похож на социальный институт: существуют критерии профессионализма, устанавливаются этические стандарты, создаются учебные заведения для обучения видеоблогеров, развивается правовая база.

Глобальные изменения, повлиявшие на многие сферы жизни общества, привели к трансформации медиасектора и значительной перестройке информационных привычек аудитории. Сейчас интерес аудитории сместился в сторону российских платформ, которые стали основными как для потребителей контента, так и для его создателей.

Заключение. Видеоблогинг является мощным инструментом воздействия на аудиторию. Благодаря относительной свободе действий авторов он становится эффективным инструментом коммуникации, позволяет участвовать в дискуссиях, обмениваться мнениями, влиять на процессы в обществе. Форматы видеоблогов способны видоизменяться, что приводит к генерированию новых и постоянной необходимости изучения такого явления, как видеоблогинг.

Список литературы

1. Соломатин Д.Д., Соловьев В.А. Блогинг как катализатор журналистики в медиасистеме России / Д.Д. Соломатин, В.А. Соловьев — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bloging-kak-katalizator-zhurnalistiki-v-mediasisteme-rossii/viewer> (дата обращения: 20.09.2023).
2. Володенков, С.В. Технологии манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве как инструмент политического управления / С.В. Володенков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2018. — Т. 13, № 3. — С. 57–69. — ISBN: 1818-4499
3. Ягудина, А.Р. Блогеры как регуляторы общественного мнения / А.Р. Ягудина — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blogery-kak-regulyatory-obschestvennogo-mneniya> (дата обращения: 25.09.2023).

ЖУРНАЛИСТИКА В СОЦМЕДИА: ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА ДЛЯ РАБОТЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Олешкевич В. В., канд. филол. наук

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна», г. Санкт-Петербург, РФ
org@schoolizdat.ru

Сейчас мы наблюдаем за тем, как профессия журналиста становится все более и более многогранна. Так, помимо сбора, обработки и предоставления информации журналист теперь может выступать редактором, монтажером и вообще выполнять свою работу под собственным брендом.

Несколько лет назад под многогранностью журналистских компетенций мы понимали авторскую, редакторскую, проектно-аналитическую, организационно-управленческую, социально-организаторскую и производственно-технологическую деятельности [1] в контексте работы СМИ. Сегодня же журналистская деятельность охватила различные медийные площадки, среди которых и те, что изначально не были предназначены для журналистики — социальные сети, видео- и фотохостинги.

В течение последних лет мы наблюдаем за тем, как СМИ уступают место блогам. Важно отметить, что мы говорим именно о СМИ и блогах, а не о журналистике и блогах. Ведь в последние годы социальные сети стали площадкой для журналистской деятельности, что оказало большое влияние на статистику посещаемости сайтов традиционных СМИ [2].

Большинство пользователей не ограничиваются лишь одной социальной сетью, а имеют аккаунт сразу на нескольких площадках. При этом было установлено, что в среднем по миру человек имеет аккаунты сразу в восьми социальных сетях, при этом активно пользуется лишь тремя площадками.

Поэтому важно говорить о том, что современному журналисту уже недостаточно знания базовых навыков создания качественного материала. Теперь выпускник, имея диплом журналиста, может претендовать на смежные профессии, которые тесно связаны с журналистской работой: копирайтинг, SMM, работа с digital-коммуникациями, контент-мейкер и не только. Именно поэтому при работе с современными студентами важно учитывать новые сферы, к которым может быть обращен студент-выпускник, и обращаться к тем компетенциям, которые помогут ему быть универсальным специалистом в нынешнем медиапространстве.

В связи с интернетизацией практически всех средств массовой информации (за исключением, быть может, локальных изданий), журналисту теперь выдвигаются новые требования: быть быстрым, но при этом понятным, грамотным и умеющим отделять свой творческий взгляд на ситуацию от фактологического [3]. Последнее все больше и больше удается с трудом, и причина тому — развитие журналистики в блогах.

Социальные сети включают в себя обилие возможностей, чтобы творить «авторскую журналистику». Под авторской журналистикой мы понимаем смесь аналитики и публицистики, когда журналист может комментировать и разбирать актуальные события, при этом выражать собственную оценку в открытой форме и при помощи любых средств (художественно-выразительных средств, мультимедийности, голосовом выражении и не только).

Блогинг сейчас является серьезным конкурентом традиционных СМИ. Сейчас блогер — лидер мнения. Он может сообщать новости, обзирать их, высказывать собственную позицию, относительно последних проблем, возникших в обществе. Таким образом, блогер сейчас предоставляет укомплектованный продукт — факт, мнение, оценку. Если журналист обязан предоставлять видение ситуации таким образом, чтобы читатель смог самостоятельно принять решение, относительно рассматриваемого вопроса, то блогер может открыто убеждать, отсюда появилось синонимичное название блогеров — инфлюенсеры (от англ. *influence* — «влиять») [4].

Свобода выражения мыслей в социальных медиа может рассматриваться как одна из важнейших причин, объясняющих переход журналистов из классических форм медиа и уход от классических представлений о профессии. Теперь журналист, помимо непосредственной работы корреспондентом в онлайн-СМИ, может работать в качестве SMMщика, копирайтера, контент-мейкера. Эти профессии относятся, прежде всего, к сфере маркетинга, но при этом включают в себя множество компетенций, присущих и журналистам.

«Цели SMM и СМИ преследуют практически одинаковые, которые так или иначе пересекаются: это по своей сути создание читаемого интересного контента, которым пользователи хотели бы поделиться и впоследствии остались бы лояльны» [5]. Но это не значит, что SMM-сфера — это нечто обособленное от журналистского мира. Напротив, многие СМИ сейчас активно внедряют политику продвижения в социальных сетях с целью повышения узнаваемости и лояльности.

К тому же, социальные сети предоставляют множество возможностей прямого взаимодействия с аудиторией и ее вовлечения (например, стримы, опросники и тексты в режиме исчезающего контента, онлайн-переписка в личных сообщениях и не только). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что журналист, будучи сотрудником

редакции, может заниматься исключительно продвижением контента СМИ в социальных сетях — продумывать форму подачи материала, анализировать состояние аккаунта, взаимодействовать с читателями и не только. То есть журналист может выполнять обязанности SMM-специалиста и контент-мейкера.

Одним из главных трендов продвижения контента в социальных сетях является нативность. Современный человек научился игнорировать агрессивную рекламу, и брендам пришлось прорабатывать стратегии по завоевыванию внимания аудитории. И наиболее действенным способом рекламирования себя сейчас является нативность [6]. Нативность представляет собой тематическую публикацию любого жанра с вкраплением рекламной информации. В качестве таковой публикации может выступать как текст в СМИ, так и пост в социальных сетях. При этом важно понимать, какие жанры лучше презентуют оценку рекламной продукции.

В связи с этим мы можем отметить, что работа с грамотным написанием текста выходит далеко за пределы журналистских произведений. Поэтому современный студент-журналист уже в процессе обучения может представлять возможность реализации приобретенных навыков в сфере копирайтинга.

Список литературы

1. Свитич Л.Г. Введение в специальность: Профессия: журналист: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 255 с.
2. Молчанова О.И. Специфика современных интернет-СМИ // Интернет-СМИ: проблемы, возможности, технологии, позиции. – 2012. – С. 97–105.
3. Абдикеримова Ж.Т. Формирование профессиональных компетенций журналиста как условие подготовки конкурентноспособного специалиста // Наука и инновационные технологии. – 2019. – №1(10). – С. 109–114.
4. Никитина Л.С. Инфлюенсеры и лидеры мнений как эффективные инструменты современного интернет-маркетинга // Аллея науки. – 2018. – Т.1. – №9(25). – С. 508–511.
5. Устинов В.В. SMM-копирайтинг в журналистской деятельности // Медиасреда. – 2017. – №12. – С. 276–281.
6. Никитина О.О. Тренды SMM-продвижения и их влияние на решения бизнеса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2020. №4(841). – С. 268–279.

KARAKALPAK THEATER JOURNALISM

Paluanova G. A.

Karakalpak State University named after Berdakh,
Nukus, Republic of Karakalpakstan, Uzbekistan
kudaybergenov_murat@bk.ru

Introduction. Theater art is the art of a whole community. Theater art, like other art forms, has traveled a long historical path. The foundation stone of the theater was laid in Roman amphitheaters with all kinds of scenic performances in the ancient times, and in the following centuries, theater art began to develop rapidly like other art forms.

Main part. As researcher Dilfuza Kamalova said, the press today remains one of the main means of filling the consciousness of humanity, not only humanity, but also the entire society with various information [1, p.18-21]. Including theater journalism.

In the art of theater, the sense of national calorite and national mentality is also very important. That is, during the stages of development of theater art, several national programs were able to influence its development. Central Asian theater studies are among them. Especially in the works “Wedding” (1914) by Uzbek Nusratilli ibn Qudratilla, “Baxtsiz Kuyov” (1915) by A. Qadiri, the moderns who considered theater as an important tool for finding solutions to the problems of the time and promoting the shortcomings of social and political life among the people, traditions and rituals of the society importance in life

Judging from the above, theater can be accepted as a communicative tool with its own position in relation to art studies. That is why, through the performances staged on the theater stage, the audience receives artistic information, this information provides education and includes spiritual and educational tasks. That is, theater communication can affect people's moods with social thought, social views. The reason is that theatrics bring to the stage situations that are aimed at real life reality, and the audience who gets acquainted with these scenes can form certain values in themselves.

If one focuses on the role of mass media as a communicative tool, it performs a number of communicative services. Today, with the help of Internet journalism, it is possible to mention a number of features of the flow of information: 1) operational information; 2) data variability; 3) not knowing the limits of information distribution, etc.

To generalize, the theater provides the mass media with material about the life of the theater, its future, today's life, television, press, radio, and the Internet. In addition, mass media may publish a series of reviews on new repertoires on the theater stage, the spiritual and educational impact of the performances, and their role in educating the next generation. This, in turn, led to the formation of a

new direction in journalism about theater art, theater art studies, and a community of journalists specializing in theater journalism among journalists. That is, it caused the entry of the direction of theater journalism into the types of journalism.

Theatrical journalism is considered to be the driving force of the communicative system, but today theater studies has differentiated tasks and a special place that needs a terminology [2, p.576].

To emphasize, the genres of review, creative portrait theater research and research journalism are considered. This means that it fulfills the same tasks as theater journalism and journalistic discourse.

Charles-Augustin Saint-Beuve considered research into two types. One is deep-thinking, somewhat narrower in terms of subject matter, explains the old era, names facts in a certain order and classification. The second type is journalism - it is a widespread, malleable, mobile art. It started from the letters of scientists to the pages of newspapers and became an influential tool of modern life [3, p.336].

Mass media will become part of the creative process through the creative thinking of employees, and a tandem of theater and mass media will be formed. Among them, in the form of a bridge, there may be:

1. The journalist understands the views of the theater and defends the views of this team in the media.
2. The theater observes and revises research ideas carried out by the journalist in its work.

In order to deeply interpret critical thinking in the theater and mass media, journalists have to fulfill a number of requirements. Firstly, when writing a research article, first of all, it is required to obey the rules of journalistic ethics, and secondly, critical opinions must include certain logical points.

In fact, the stage of the theater is a place where spiritual views and valuable assets of people are reflected. Especially national ideology, national spirituality is an integral part of theater culture. That is why, in every creative work brought to the stage, some manifestations of national spirituality are embodied.

Theatrical journalism is of great importance in the expansion of these spiritual views and their spread to the general public. The reason is that journalists working in the field of theater studies know the real value and spiritual impact of dramas performed on the stages of the national theater. That's why theater journalism is considered to be an integral part of spirituality and a real communicative weapon of theater art.

In order to have a wider range of ideas, let's focus on the views of national spirituality, universal and national values.

The mass media is one of the civic institutions that can conveniently express the essence of national ideology, national spirituality, universal and national values and create unified social views in the society. Because the press

provides information about all aspects of the country, directly observes the processes taking place in society, and acts as a bridge between the people and state institutions. From this point of view, the press plays the role of educating people in the spirit of humanism and mutual respect, along with raising healthy thoughts and views in the society.

In theater publicism and theater research, the spiritual views of stage creation are the main focus of expert journalists. When we say why, in theater studies, national values and universal human values stand out as inner virtues. Each character, actor's behavior brought to the stage embodies national spirituality, national culture, national traditions [4].

For example, the national values and traditions of the Karakalpak people are embodied in the Karakalpak opera "Ajiniyaz". In addition, the issue of national spirituality is the central point of every opera and drama, because national value and national culture, national traditions are the main sign of national identity and identity.

The review genre occupies a special place in the field of research in theater journalism. The review genre also focuses on the issue of the existence or absence of concepts of national spirituality, which are considered to be human signs embodying spirituality, together with the artistry of stage performances, the skills of actors, and stage decorations [5].

Conclusion. To generalize, national spirituality, national values are one of the main objects of theater journalism. The ability to see national spirituality and national values on theater stages depends on the skills of the journalist.

References

1. Камалова Д.Э. Жанровые особенности новеллы в прессе. [Genre features of the novel in print] // Материалы республиканское научно-практической конференции. — Нукус. Наука. 2019.
2. Новая журналистика и Антология новой журналистики. — СПб.: Амфора, 2008.
3. Баканурский А. Современный театрално-драматический словарь. — О.: Студия «Негоциант», 2007.
4. Марзияев Ж.К. Роль и место публицистических жанров в современной каракалпакской печати. Вестник Челябинского государственного университета. — Челябинск. № 6 (260) 2012. (The principles of the development of present Karakalpakstan's mass media // International Scientific Journal (ISJ) Theoretical & Applied Science. — Philadelphia, USA. 03 (83), 500. Impact Factor ICV = 6.630. Published: 30.03.2020. — P. 274-277. <http://www.t-science.org/архivDOI/2020/03-83/PDF/03-83-52.pdf>.
5. Камалова Д.Э. Вопросы художественного мастерства в каракалпакских новеллах // International Journal of Central Asian studies (ISSN: 1226-4490). The International Association of Central Asian Studies. Korea University of International studies. Volume: 23. 2019. (Хронотоп и его роль в композиции произведения (на примере каракалпакской литературы) // Theoretical & Applied Science Учредители: Теоретическая и прикладная наука. — №. 9. — С. 105-109.

АВТОРСКИЕ ПРОГРАММЫ НА СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

Потапов П. Ф., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры,
Московская обл., г. Химки, РФ
mgikpr@mgik.org

Введение. Авторская программа на телевидении — это продукт журналистской деятельности, где ведущий принимает участие в процессе от начала разработки до выхода программы в эфир. Он является генератором идеи, замысла самой передачи, решает какими материалами наполнять эфир, кого приглашать в качестве гостей, формирует вопросы, учитывая при всем этом задачи телекомпании и запросы аудитории.

Основная часть. Создание авторских программ приходится на время перестройки. Так, в марте 1987 году вышла передача «До и после полуночи» Владимира Молчанова. Она состояла из авторских блоков различной тематики — о политике, экономике, культуре и т. п., содержала много новой информации, познавательной, неожиданной. Передача была очень популярна, ее выпуски широко обсуждались общественностью.

Именно с программы «До и после полуночи» начались изменения на советском телевидении. Вскоре появляется «Взгляд», потом — «600 секунд», «Пятое колесо», «Пресс-клуб». Все они были продуктом «Авторского телевидения».

Общественно значимые авторские телевизионные проекты сегодня продолжают развивать традиции, заложенные их предшественниками. Они занимают большую долю эфирного времени, привлекают внимание массового зрителя, активно формируют общественное мнение, электоральное поведение, потребительские вкусы.

По функциональной направленности на телевидении существуют разные виды авторских программ, в частности:

1. Информационные программы, которые являются «лицом» для многих телеканалов. Они представляют собой регулярное сообщение о текущих событиях, начиная от политики и заканчивая сводками погоды. Например, с 1991 года в эфир ежедневно стала выходить программа «Вести». Сначала один раз в неделю, затем три, потом четыре раза. А уже начиная с 1996 года, «Вести» канала Россия 1 выходит шесть раз в течение дня.

2. Информационно-аналитические программы, они содержат обобщенную и систематизированную информацию за неделю или месяц). Их функцией является формирование общественного мнения по поводу

событий, представляющих значимый интерес со стороны зрительской аудитории. Примером таких передач являются «Вести недели» с Дмитрием Киселевым (Россия 1), «Итоги недели» с Ирадой Зейналовой (НТВ), «Постскриптум» с Алексеем Пушковым (ТВЦ) и др. В частности, программа «Итоги недели» знакомит с аналитической информацией таким образом, чтобы это было понятно даже обычным людям, не углубленным в вопросы политики и экономики. Зрители не только узнают, что было в России и в мире, но и имеют возможность увидеть эксклюзивное интервью и репортажи, ознакомиться с мнением экспертов и политиков.

3. Публицистические программы — произведения журналистики, которые не обязательно связаны с последними событиями, как новости, но так же как информационно-аналитические, формируют зрительское мнение по какому-либо острому вопросу. Являются отражением гражданской позиции телевизионного канала. Примером таких программ являются «Основной инстинкт» Светланы Сорокиной (Первый канал), «Бесогон ТВ» Никиты Михалкова («Россия-24»), «Времена» Владимира Познера (ОРТ). Так, в программе «Бесогон ТВ» ее автор Никита Михалков размышляет на разные темы человека, живущего на своей земле и пытающегося ответить на вопросы, которые постоянно встают перед нами. Или, если не ответить, то, по крайней мере, сформулировать сам вопрос.

Авторская программа отличается оригинальной формой представления материала, позволяющей в виде диалога или монолога, донести до телезрителей позицию журналиста и участников. Такая передача стремится к сложной драматургии, насыщенному видеоряду, нестандартным режиссерским находкам и приемам монтажа, во многом зависит от вербального и невербального поведения ведущего. Она обычно выходит системно, имеет постоянный хронометраж и место в эфирной сетке.

Стилистика авторской программы отмечена выразительной публицистичностью, использованием тропов. Авторская программа — синтетическая форма медийного продукта, которая может сочетать разные жанры: журналистское расследование, очерк, портрет, репортаж, эссе и т. д., приближаться к стилистике документального кино. Именно в таких программах ценится неординарная и грамотная трактовка фактов, которые зависят непосредственно от таланта автора, умения быстро ориентироваться в событиях, которые происходят, правильно выстраивать логическую картинку, создавать дискуссию, представлять героев и импровизировать.

Авторские программы на телевидении предполагают жанровое разнообразие. Так, например, Дмитрий Дибров выпускал на Первом канале «Непутевые заметки» в жанре телевизионного очерка, Вадим Такменев на НТВ создает программу «Центральное телевидение» в информационно-

развлекательном жанре, Борис Корчевников на канале «Россия 1» делает программу «Судьба человека» в жанре портретного интервью и т. д.

Жанры авторских программ на телевидении распределяются по трем основным группам:

1. Монологовые жанры (устный публицистический рассказ, эссе, сатирический монолог и т. д.). На сегодня этот вид не является популярным в медиасреде, потому что современные зрители не умеют и не желают вступать в прямой диалог с экраном. Вместе с тем его нельзя не отметить, так как это базовая ступень авторской передачи. Из истории российского телевидения можно вспомнить монологи И. Л. Андроникова, В. Б. Шкловского, Ю. М. Лотман. Жанр эссе использовали В. Я. Вульф и Э. С. Радзинский.

2. Диалоговые жанры (беседа, интервью, дискуссия, ток-шоу и т. д.). Они являются распространёнными и пользуются большой популярностью у зрителей. Именно эти жанры позволяют разносторонне раскрыть актуальную тему, познакомить зрителя с интересной личностью, развить и показать конфликт и т. д. Ведущие диалоговых программ — всегда ярко выраженные индивидуальности (Дмитрий Дибров «Антропология» (НТВ), Юлия Меншова «Наедине со всеми» (Первый канал), Тимур Кизяков «Пока все дома» (Россия 1), Татьяна Устинова «Мой герой» (ТВЦ) и т. д.).

3. Синтетические жанры (очерк, творческий портрет, телезарисовка, художественный тележурнал, публицистический жанр и т. д.). Обычно это портретные и пейзажные зарисовки, речевые характеристики, живые диалоговые сценки, лирические или публицистические отступления в виде авторских высказываний, либо статичные или динамичные кадры, разнообразные монтажно-композиционные приемы («История в деталях» (СТС), «Линия жизни» (Культура), «Человек и закон» (Первый канал), «Специальный корреспондент» (Россия 1).

Один из самых важных составляющих для авторской передачи — это авторский замысел. Он является основой создания телевизионной программы. В задумках автора возникает несколько потоков мышления: познавательный — дающий познание фактов и явлений происходящего; творческий — дающий возможность думать нестандартным и оригинальным способом, умение выходить за установленные границы для поиска альтернативных и неординарных решений.

В деятельности, которая направлена на познание журналистом изучаемого объекта действительности роль замысла состоит в том, чтобы быть общей идеей или же определенной темой, образно оформляемой в процессе художественного творчества. Данная стадия носит эвристический характер, так как напрямую связана с поиском оригинальных идей, мыслей, образов, деталей, жизненных фактов и т. п. Именно из этих разнородных составляющих замысла и возникает будущее произведение.

При создании авторских программ особое внимание уделяется также коммуникативной функции. Создатель проекта должен иметь возможность

получать обратную связь от своей целевой аудитории, уметь общаться с ней, воображаемой или реальной. Если ведущий не имеет возможности видеть и слышать свою аудиторию, не имеет смысла требовать от него умения общаться с воображаемым зрителем. По словам Н.Н. Богомоловой, «способность ведущего вызывать к себе и соответственно к своему сообщению доверие аудитории является очень важным моментом. Здесь срабатывает так называемый «кредит доверия» аудитории к людям своей социальной группы» [2, с.107].

Если говорить об индивидуально-личностных характеристиках ведущего, то они достаточно разнообразны: 1) внешний вид — внешность позволяет другим составить первое впечатление; 2) коммуникативные свойства — тембр голоса, дикция, манера общения; 3) внутренние и личные особенности — харизматичность, интеллект, эмоциональность, нравственные ценности, ум, чувство юмора и т. д.

Для того чтобы разобраться в существенных для коммуникативного воздействия личных качествах ведущего, необходимо выделить два ряда взаимоотношений: «коммуникатор — сообщение» и «коммуникатор — аудитория». Каждый из них содержит свою собственную систему авторских качеств, включая когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты. В частности, для первого фактора системы «коммуникатор — сообщение», важно назвать такие черты, как достаточное знание интерпретатором реальности, о которой он вещает, его искренность, правдивость, уверенность в себе, способность публично отстаивать свои собственные знания и мнения.

Заключение. Из приведенного анализа видно: во-первых, существование авторских программ на российском телевидении является закономерным явлением, которое приспособляется к быстро меняющимся реалиям развития технологической базы и общественных отношений; во-вторых, авторская программа на телевидении заслуживает особого внимания, благодаря наличию идейно-тематических особенностей, а также жанровому разнообразию; в-третьих, востребованность у телезрителей авторские программы приобретают благодаря ведущему проекта, который должен соответствовать потребностям и ожиданиям целевой аудитории и сочетать в себе профессионализм, харизму и другие качества, свойственные лучшим представителям исследуемого жанра.

Список литературы

1. Акопян, А.С. Авторы телепередач и аудитория. Взаимосвязь // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2014. — 6. — С. 115-120.
2. Богомолова, Н.Н. Социальная психология печати, радио и телевидения / Н.Н.Богомолова. — Москва : Изд-во МГУ, 1991. —125 с.
3. Дедов, А.Н. Технологии телевизионной журналистики: учеб. пособие. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. — 200 с.

РОЛЬ ГУМАНИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАБРЕНДОВ: КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ

Рагимова Ф. С., канд. филол. наук, доц., *Кобец А. Ю.*

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет», г. Кемерово, РФ
ida.ragimova@yandex.ru

Введение. Информационные технологии всё больше интегрируются в быт и окружение человека. Виртуальное пространство и его контент влияют на кругозор, мнение и даже принятие решений. Подобные изменения не происходят мгновенно — человеку нужно взаимодействовать с контентом определённое время, пока тот не станет частью окружения человека. Так, многие издания стали стремиться к формированию устойчивых имиджей, образов, становиться узнаваемыми и уникальными, чтобы пользователь имел собственную мотивацию раз за разом возвращаться к содержанию определённого медиапроекта. Благодаря вышеупомянутым тенденциям стали формироваться медиабренды — узнаваемые медиа с устойчивым образом и историей развития. «Медиабрендом может считаться известное средство массовой информации или авторский медиапроект, имеющий постоянную приверженную (то есть лояльную) аудиторию, которая отождествляет себя с образом читателя (зрителя, слушателя), созданным этим СМИ».

Основная часть. В сфере маркетинга и рекламы в последние несколько лет укрепилась тенденция: бренд требует человечности, то есть стремится быть близким к своим покупателям, иметь олицетворённый образ в сознании читателя. Людям свойственно не только наделять животных человеческими качествами, но и олицетворять неживые объекты, в том числе бренды — так происходит антропоморфизация [1]. Человек начинает отождествлять себя с предметом, который наделил своими качествами, выстраивать с ним взаимоотношение, коммуникацию. От успешной коммуникации зависит отношение потребителя к бренду, поэтому последним важно выстроить свой образ в соответствии с ожидаемой обратной связью от своей целевой аудитории.

Важно отметить, что гуманизация служит не разовым приёмом продаж. Гуманизация бренда — это долгий стратегический процесс, цель которого — завоевать доверие, выстроить лояльные отношения с пользователями. Возвращаясь к упоминанию интеграции цифрового информационного пространства в окружение человека, стоит отметить, что человек начинает коммуницировать с брендом, ожидая получить от него эмоции, закрыть свои потребности. Бренд, который лучше всего понимает запросы своей целевой аудитории, успешнее проведёт гуманизацию и выстроит продуктивную коммуникацию с потребителем.

Несмотря на то, что термин «гуманизация» существует в Интернет-пространстве с 2010-х годов, единогласно принятой дефиниции или перевода термина нет — одни исследователи называют «гуманизацию» персонификацией [2], в то время как отечественные исследователи используют термин «очеловечивание». Поэтому в настоящей исследовательской работе будет принято следующее трактование: гуманизация — это персонификация или очеловечивание бренда в сознании потребителя с целью выстраивания эффективной коммуникации.

Любому бренду необходимо продвигать и продавать свой физический продукт или услугу, поэтому организации заинтересованы в долгосрочном лояльном отношении пользователей. Медиабренды (СМИ и авторские медиапроекты) устроены иначе: продукт СМИ, то есть информация, функционирует одновременно на рынке услуг и товаров. Тем не менее, существование СМИ в контексте рыночных отношений точно так же обуславливает потребность медиапроектов в продвижении своего «товара», только с иной целью — не продать, а донести контент и его посыл до сознания читателя с целью оказать дальнейшее влияние на сознание человека. Если издание имеет устойчивую концепцию и образ, оно привлекает определённый сегмент аудитории, с которым рассчитывает поддерживать долгосрочные отношения и привлекать в дальнейшем новых пользователей, то в потоке информации от других СМИ медиабренду важно оставаться замечаемым и узнаваемым. В таком случае одной из выигранных стратегий станет путь гуманизации: медиабренд имеет «лицо», а не безликую, закрытую редакцию, которая формирует контент, исходя из количественных метрик. Вполне вероятно, что указанный подход подойдёт не каждому медиапроекту. Однако в случае заинтересованности редакции в постоянной и лояльной аудитории, которая будет давать отклик на предлагаемый контент и поддерживать медиабренд в дальнейшем, изданию стоит обратиться к современным тенденциям гуманизации и создавать содержание тем, что вызовет эмоциональный отклик пользователя, создаст образ единомышленника.

Текст для журналистики выступает основной коммуникативной единицей. Исследователь Виктор Хорольский отмечает в эссе схожесть средств массовой информации и средств массовой коммуникации: у обеих сфер есть родственные функции информирования, воспитания, достижения консенсуса в обществе, адаптации, гедонистические [3]. Исходя из этого, очевидно, что для журналистов важно осваивать различные стратегии коммуникации, чтобы выстраивать взаимоотношения с аудиторией посредством текста. Эту мысль продолжает А.А.Тертычный: «формирование коммуникативной стратегии некоего СМИ означает замену интуитивного, стихийного, случайного информационного отображения действительности осознанным, целенаправленным, профессиональным её отображением» [4].

Коммуникативные стратегии важны для медиабрендов не только из-за того, что текст, как коммуникативная единица, выступает главным предметом коммуникации — это то, что дифференцирует медиабренды и физические бренды. Для последних коммуникация важна для установления эмоционального торгового предложения (ESP). Поскольку в нынешних условиях аудитория имеет одинаковый доступ к информации, различия между тем или иным брендом будут определены отношениями со своей целевой аудиторией, степенью привязанностей потребителей.

Эмоциональное торговое предложение характерно в том числе и для медиапроектов, СМИ, тематических изданий. Медиабренды заинтересованы в том, чтобы аудитория воспринимала издаваемый контент, значит, с помощью текста можно создать такую коммуникацию, которая будет содействовать выстраиванию долгосрочной связи с читателями. Издания точно так же, как и физические бренды, заинтересованы в эмоциях своей аудитории — здесь стоит вспомнить, как газеты и журналы одними из первых освоили сенсационность, как появились «жёлтые СМИ», а теперь — «кликбейт». Всё перечисленное направлено на эмоциональный отклик, который повысит читаемость.

Заключение. Медиапроекту важно заложить коммуникативную стратегию не только в концепцию издания, но и отражать ее в различных контент-инструментах. Разовое взаимодействие, кратковременный эмоциональный отклик не помогут сформировать сообщество читателей вокруг того или иного издания. В обилии информации аудитория будет выбирать журнал, сайт, медиапроект, которые совпадают с её ценностями, а не только удовлетворяют запрос — этот эффект даёт качественная коммуникационная стратегия. Для брендинга и медиабрендинга общение (прямое и косвенное) со своей аудиторией играет ключевую роль в жизни и развитии компании.

Список литературы

1. That friendly car is smiling at me: When products are perceived as people. — URL: <https://phys.org/news/2007-11-friendly-car-products-people.html> (дата обращения: 25.12.2022).
2. How personalization helps marketers humanize their brand and break through the noise. — URL: <https://martech.org/how-personalization-helps-marketers-humanize-their-brand-and-break-through-the-noise/> (дата обращения: 10.03.2023).
3. Хорольский, В.В. Теория массовой коммуникации и теория журналистики: нераздельное и неслиянное (эссе) / В.В. Хорольский // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2007. — №2. — С. 228-239.
4. Тертычный, А.А. Коммуникативные стратегии и журналистский текст / А.А. Тертычный // Вестник Московского университета. Журналистика. — 2006. — Серия 10, № 4. — С. 93-104.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОНТЕНТ-АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ, ОСВЕЩАЮЩИХ ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Субботина О. А., канд. филол. наук, доц.
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, РФ
subbotiny08@mail.ru

Введение. Потенциал прогнозирования военных конфликтов и сопутствующего противостояния в медиасреде может быть четче обозначен благодаря тщательному контент-анализу СМИ, генерирующих информационную повестку в международном медиапространстве.

Цель работы — детерминировать методологические подходы к сравнительному анализу медиаконтента российских и зарубежных средств массовой информации, транслирующих сообщения о военных конфликтах, и интерпретировать содержание медиатекстов.

Основная часть. Методологическая база исследования сконструирована на основании следующих концепций:

1. Разработка ноополитической стратегии.

Обращение к библиографическим источникам в области ноополитики свидетельствует о том, что информационная (ноополитическая) стратегия, определяющая международные процессы, основывается на «активном использовании механизмов психологического воздействия», которые формируют у общественности «положительное или отрицательное отношение к внешней и внутренней политике государства или блока государств с целью создания положительного или отрицательного имиджа пропагандируемых СМИ идей и моральных ценностей» [1, с. 208]. Ключевые исследования для продвижения идеи ноополитики были предприняты американским Центром международной политики в области безопасности и обороны Национального исследовательского института обороны (корпорация RAND) (англ. International Security and Defense Policy Center of RAND's National Defense Research Institute (NDRI)): авторы Ronfeldt D., Arquilla J. (1999; 2008; 2020; 2021). Они определяют суть ноополитики как «чья история победит», которая и станет доминирующей детерминантой в новых глобальных войнах идей. В этой связи систематические обзоры «информационной позиции» своих стран представляют особую значимость как для гражданской, так и для военной стратегии [5].

2. Смысловой анализ медиатекста на основе репрезентации категории «событие».

Интерпретация смыслов в медиатекстах российских и зарубежных СМИ, а также их сравнительный контент-анализ [3] реализуются с помощью процедуры, предложенной Н. С. Болотновой [2, с. 68-76]: 1) определение события в соответствии с пониманием фрагментов медиатекста; 2) установление связующих компонентов между микротемами и основной темой медиатекста по отношению к смысловому содержанию события; 3) выявление лексических средств, репрезентирующих различные аспекты события («предыстория, участники, процесс, последствия, перспектива, оценка» [там же, с. 69]); 4) собственно анализ результатов события, позволяющих выявить интенции создателя/ автора медиатекста; 5) декодирование информации о событии у адресата.

3. Конструирование медиалингвистического прототипа.

Изучение медиаимиджевых характеристик «своего» / «чужого» субъекта или объекта в «своем» / «чужом» медиатексте [6] представляет концептуальную значимость именно при сравнении российских и зарубежных медиаматериалов, освещающих военные конфликты. В частности, учитываются вербально-визуальные экспликативы «своего» и «чужого» в информационно-коммуникативной специальной операции [4, с. 167-177], которая является естественным сопровождающим процессом специальных военных мероприятий.

Контент-анализ медиатекстов.

Основой для интерпретации и сравнения смыслов являются сообщения-реакции, возникающие в российском массмедиапространстве на инфоповоды, генерируемые зарубежными СМИ. В рамках настоящего исследования медиатексты тематически подразделяются на информационное освещение: 1) грузино-осетинского конфликта – «о нападении Грузии на Южную Осетию»: «Russia Is Still a Hungry Empire» (19.08.2008, The Wall Street Journal) Ср.: «Грузинская сторона официально объявила о начале военных действий в отношении непризнанной республики Южная Осетия» (20. 08. 2008, РИА «Новости»); 2) военного конфликта в Сирии – «о присутствии российских военных в Сирии»: Russia Risks Being Prosecuted for Syria's War Crimes (24.09.2023 Bloomberg). Ср.: «Российские военнослужащие находятся в Сирии в соответствии с договорами и контрактами, заключенными с правительством Башара Асада, но в боевых действиях не участвуют» (25.09.2023, РБК); 3) специальной военной операции (СВО) России на Украине: а) «о вероятности „вторжения“»: “Russian forces at 70% of level needed for full Ukraine invasion, U.S. officials say” (6.02.2022, Reuters). Ср.: «WP сообщила о стягивании 70% „сил вторжения” России к границам Украины» (6.02.2022, РБК), а также «Набрасывают медиаповоды»: в США опасаются «вторжения» России на Украину в любой момент» (7.02.2022, RT); б) «о приказе сотрудникам посольства США покинуть Украину»: “U.S. Orders Kyiv Embassy Staff Out After Warning on Russia” (11.02.2022, Bloomberg).

Ср.: «Власти США вывезут большинство сотрудников своего посольства на Украине» (12.02.2022, Interfax), а также: «Госдеп приказал части персонала посольства покинуть Украину» (12.02.2022, РИА «Новости»).

Заключение. Медиалингвистические и экстрамедиалингвистические средства, оказывающие влияние на декодирование полученной информации у аудитории и определяющие положение «своих» и «чужих» сил при восприятии событий, выявляются в результате сравнительного контент-анализа российских и зарубежных медиатекстов, отражающих инфоповоды о военных конфликтах. Конструирование ноополитической информационной стратегии противодействия соответствует строгим структурным и содержательным требованиям: формирование инфоповодов и объективное освещение фактов представляют собой механизмы продвижения «своей истории»; интерпретация смыслов, реализованная в процессе сравнения отечественных и западных медиаматериалов четко обозначает границы «своих» и «чужих» акторов событий и предсказывает когнитивные и поведенческие эффекты воздействия медиатекстов, освещающих военные конфликты, на общество.

Список литературы

1. Байчик А. В., Никонов С. Б. Ноополитика как глобальная информационная стратегия / А. В. Байчик А. В., С. Б. Никонов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2012. — №. 1. — С. 207-213.
2. Болотнова, Н. С. Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста: учебное пособие. — 2-е изд., стер. — М.: Флинта, 2019. — 156 с. —URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=603174> (дата обращения: 21.09.2023).
3. Субботина О. А., Пасиковская В. Р. Ноополитическая стратегия: механизмы конструирования информационной повестки (опыт исследования зарубежных и российских медиатекстов накануне специальной военной операции) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/noopoliticheskaya-strategiya-mehanizmy-konstruirovaniya-informatsionnoy-povestki-opyt-issledovaniya-zarubezhnyh-i-rossiyskih> (дата обращения: 28.09.2023).
4. Шилина А. Г., Субботина О. А. Информационно-коммуникативная специальная операция: особенности функционирования прецедентных знаков Z, V, O в медиапространстве (на материале Telegram-канала и VK-страницы Министерства обороны Российской Федерации) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2022. — Т. 8. — №. 3. — С. 167-177. — Текст : непосредственный.
5. Ronfeldt D., Arquilla J. Rethinking Strategy and Statecraft for the Information Age: Rise of the Noosphere and Noopolitik/ D.Ronfeldt, J. Arquilla // Available at SSRN 3910628. — 2021.
6. Shilina A., Subbotina O. Media image prototyping in the transdisciplinary coordinates system / A. Shilina, O. Subbotina // Dynamics of Media Systems. — 2021. — Chelyabinsk. — pp. 405-414.

ПОДАВЛЕНИЕ НЕДОВЕРИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ

Сытько В. О., Шаранова М. В., канд. техн. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А.», г. Саратов, РФ
navMV@rambler.ru

Введение. Как говорил известный американский писатель Марк Твен: «Ничто не поражает так, как чудо, — разве только наивность, с которой его принимают на веру». Каждый человек с возрастом возвращает в себе скептицизм и критическое мышление, потому что иначе ему просто не получится адаптироваться к социуму. Однако есть много ситуаций, когда даже взрослый человек отбрасывает любой здравый смысл, чтобы насладиться чудом, будто наивное дитя. Когда фокусник на сцене распиливает женщину, мы удивляемся. И лишь немногие зададутся вопросом: «А где же кровь?»

В конечном счете те, кто задались этим вопросом, попали в число людей, которых не зацепил тот феномен, о котором пойдёт речь ниже. В русском языке у этого термина множество вариантов перевода, т.к. он не прочно вошёл в практику литературоведения. Для простоты я выберу только один, самый прямой вариант — подавление недоверия.

Цель статьи. Рассмотреть феномен подавления недоверия как одного из способов взаимодействия и воздействия на аудиторию. В качестве доказательной базы исследования использованы литературные произведения отечественных и зарубежных авторов, а также кинопродукция.

Основная часть. Первые упоминания этого термина относятся к 19 веку, что по меркам литературоведения — крайне мизерный срок, так что неудивительно, что есть люди, которые о нём никогда не слышали. На самом же деле, с этим феноменом сталкивается каждый человек, ежедневно, каждый раз, как прикасается к художественным произведениям. Именно в этот момент феномен вступает в силу. И это отчасти роднит литературу с религией.

Первые литературные художественные произведения воспринимались как «истинные, правдивые» истории. Люди не понимали, как можно было что-то... выдумать? Создать целую историю, которая никогда не происходила в реальности — это было невообразимо. Не умея отличать реальность от выдумки, они охотнее верили в описываемые события, ведь всегда был маленький шанс того, что на самом деле все эти истории — реальны. Когда аудитории показали одну из первых

киноплёнок, «Прибытие поезда», люди в панике кричали, вскакивали с мест, пытались убежать. Потому что искренне верили, что на них несется дымящийся поезд, способный убить их прямо на месте. С течением времени люди привыкали к вымыслу, их эмоции ослабевали. Но ведь иногда получалось? Что-то ведь пробуждалось в их сердцах от прочтения новой трогательной книги? Как так вышло?

В 19 веке поэт и философ Сэмюэль Кольридж использовал термин подавления недоверия в своем сборнике поэзии «*Biographia Literaria*» (лат. «Литературная биография»). Как он сам писал об этом сборнике, который был создан в соавторстве: «... как мы уговорились, я должен был направить мои усилия на лица и характеры сверхъестественные или по крайней мере романтические; при этом следовало наделить эти призраки воображения человекоподобием и убедительностью, чтобы вызвать у читателей ту готовность к временному отказу от недоверия, которая и составляет поэтическую веру...»

Принцип подавления недоверия — это такой временный отказ аудитории от критического мышления в отношении художественного вымысла, вызванный сознательным выбором или путем манипуляции автора художественными приемами. Грубо говоря, читатель намеренно принимает вымысел за правду, даже осознавая нереальность происходящего, но этот обман позволяет читателю испытать настоящие эмоции, обмануть свой мозг. Религиозное сознание базируется на том же принципе сознательного отказа от рационального мышления. С точки зрения науки считается, что можно найти логическое объяснение любому явлению, однако люди с религиозным сознанием сознательно отказываются от такого подхода, предпочитая объяснять непонятные им вещи мистическим промыслом.

Может показаться, будто это какая-то тонкая манипуляция твоим сознанием, но в большинстве случаев автор вообще непричастен к вашему обману. Например, смотря фильм, человек ведь понимает, что события происходят не с настоящими людьми, а актёрами, которым заплатили за постановочные съёмки? Он знает, что это просто актёры, но на время просмотра они — самые настоящие герои и личности.

Как видно, подавление недоверия работает на нескольких уровнях. С одной стороны, это базовый отказ, то есть, это необходимость для того, чтобы воспринимать художественное произведение таким, какое оно есть. Иначе можно закрыть книжку со словами: «Это просто буквы, а не настоящая история, я её не видел своими глазами». На следующем уровне фантазии человека придется поднапрячься сильнее. На данном этапе индивиду необходимо сказать себе: «Это выдумка, но я хочу узнать про неё побольше». И наконец на финальном этапе происходит полное погружение. И вот тут автору действительно поработать над своим произведением. При всём при том, что аудитория, как мы поняли ранее,

готова самостоятельно поверить в выдумку, эту веру нужно поддерживать. В художественных произведениях необходимо сохранять иллюзию перед глазами читателя, чтобы она не рушилась от любого несоответствия. Этого можно добиться стремлениями к правдоподобности, пытаться соблюдать реализм, хотя достаточно и просто соблюдать целостность и внутреннюю логику происходящего, что бывает довольно сложно многим начинающим авторам.

Теперь, разобравшись с принципами, можно упомянуть следующий факт. На самом деле, подавление недоверия тянет свои корни не только из каменного века, но и из театральной драматургии в том числе. В какой-то степени театр тоже создаёт вымышленную реальность на глазах аудитории, только происходит это не на страницах книги, а прямо на их глазах. Да, визуальный ряд лучше способствует подавлению недоверия из-за природы человеческого сознания, но порой это может быть даже сложнее.

Надо понимать, что в подавлении недоверия нет ничего противоестественного. Это выработанный опытом механизм нашего сознания, который позволяет воспринимать художественные произведения так, как они задуманы. Это игра, а в любой игре необходимо принимать её правила, чтобы получать удовольствие. Что бы случилось с человеком, который не может отличить события ужасика от реального мира? Он бы считал, что где-то там в США монстры похищают людей в лесах.

Отказ от недоверия позволяет создавать нереальные условия, будь то фэнтези Средневековье или сюрреалистичный параллельный мир. Но если мы работаем с чем-то из нашего мира, то важно соблюдать хоть какую-то реалистичность происходящего. Порой это особенно комично, как в случае с фильмом «Чернобыль» Данилы Козловского, когда этот же человек, играющий главную роль, тушит пожар на ЧАЭС в обычных кроссовках, а под ногами плавится битум. Грубо говоря, отклонения от реалистичности возможны, если они соблюдают общепринятую или внутреннюю логику истории. Например, никто не будет осуждать Джоан Роулинг за то, что у неё существуют мифологические существа, «потому что их нет в реальной жизни». Потому что в мире «Гарри Поттера» есть даже отдельная наука среди магов, изучающая этих диковинных животных, у них есть своя биология и повадки, которые довольно детально описаны, что позволяет поверить в происходящее.

Заключение. Изложенный материал должен дать импульс к дальнейшему анализу, что представляет из себя «подавление недоверия» и почему оно необходимо не только в литературе, но и в любом художественном произведении в принципе. Весь вымысел построен исключительно на взаимном обмане. Автор создаёт заранее фальшивый мир, в который аудитория добровольно соглашается поверить, окружая себя иллюзией. И это лишь один из способов, как эти стороны

обманывают друг друга. Но даже этого достаточно, чтобы понять — даже сейчас, в век информационной перегруженности и медиаконтента, старая-добрая литература способна манипулировать вами так же эффективно, как и другие современные медиа.

Список литературы

1. Селютина, Е.А. К вопросу о стратегиях самопрезентации автора в современном литературном процессе (на материале литературных интервью Е. Некрасовой) / Е.А. Селютина // Вестник ИвГУ. Серия: Гуманитарные науки. — 2023. — №1. — С. 22-30.
2. Скребцова, Т. Г. Речевое воздействие в детективном произведении / Т.Г. Скребцова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. —2012. — №1. С. 113-117.

УДК 82-8

РОЛЬ ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ В РЕАЛИЗАЦИИ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Тулупов В. В., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
г. Воронеж, РФ
vlvtul@mail.ru

Введение. Среди задач государственной молодежной политики одна из важнейших — задача *формирования единого информационного пространства для молодежи*, которая конкретизирована как: «создание специализированных общероссийских электронных и печатных молодежных СМИ, заключение общественного договора со СМИ, направленного на обеспечение молодежи качественными информационными ресурсами» [1]. Определены также механизмы и технологии реализации государственной молодежной политики: кроме программного и организационного, политического и экономического механизмов, выделен, естественно, и *информационный механизм*: «управление данными статистической отчетности, данными социологических мониторинговых исследований проблем молодежи, организация информационно-просветительской деятельности по пропаганде государственной молодежной политики через средства массовой информации») [1]. В связи с этим видится не просто органичным, а необходимым сотрудничество управлений молодежной политики правительств областей РФ и факультетов тех вузов, где реализуются образовательные программы, связанные с подготовкой медиаспециалистов.

Цель статьи — на примере сотрудничества Управления молодежной политики Правительства Воронежской области и факультета журналистики ВГУ, где реализуются такие направления высшего образования, как «Журналистика», «Телевидение», «Медиакоммуникации», «Реклама и связи с общественностью», а также специальность ВО «Военная журналистика» и специальность СПО «Реклама», продемонстрировать методы и формы информационной деятельности по решению задач государственной молодежной политики.

Основная часть. Весной 2022 г. в регионах России стали создаваться специальные ведомства по делам молодежи — управления или министерства молодежной политики [2]. Решение о создании обособленных органов исполнительной власти было принято на идеологическом уровне в администрации президента — их назначение заключается в реализации государственных задач по развитию патриотизма среди детей и молодежи, в оценке их вовлеченности в соответствующие программы. В Воронежской области подобное управление является структурным подразделением Правительства Воронежской области. Оно создано «в целях обеспечения совершенствования правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Воронежской области, а также содействия успешной интеграции молодежи в общество и повышения ее роли в жизни страны» [3].

Очевидны трудности в решении, например, организационной задачи («структурное управление государственной молодежной политикой, вертикальное и горизонтальное управление в системе исполнительной власти всех уровней, в том числе управление системой подведомственных организаций»). В советское время этим занимался ВЛКСМ: комсомольские организации, охватывавшие молодежь от 14 до 28 лет (сегодня — от 15 до 35), были в каждой школе, в каждом училище, техникуме, вузе, в каждой производственной организации. Сегодня этого нет, но есть если не прессы-центры, то специалисты по связям с общественностью практически в каждом уважающем себя учреждении. Тем не менее, это пока не стройная вертикаль, а потому, например, информационное отражение текущей действительности является ущербным, неполным, хаотичным.

Но уже сегодня, кроме управления, действует также Областной молодежный центр (ОМЦ), работники которого (около 50 человек) «занимаются молодежной политикой на территории региона, учитывая все тенденции, которые поддерживает федеральное управление. Кроме того, есть учреждения, которые занимаются молодежной политикой в муниципальных районах» [4]. А это работа с более чем более 800 тыс. человек, которых можно отнести к молодежи.

Вспоминая известное изречение «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный

организатор» [5], следует обратить особое внимание на информационную составляющую молодежной политики, в реализации которой помощь будущих журналистов, рекламистов и пиарменов трудно переоценить. Именно они могут пополнить ряды полпредов управления на местах, возглавляя своеобразные районные корпункты. Уже сегодня в ОмЦ работают выпускники журфака. Идея возрождения областной молодежной газеты [6], по сути, уже воплощается в жизнь: ОмЦ создал электронный медиаресурс, наполнением которого займутся также студенты ВГУ. В планах — ведение постоянных рубрик о жизни молодёжи Воронежа и области в ведущих региональных СМИ; связь со всеми медиацентрами школ, училищ, техникумов, вузов, учреждений, организаций и предприятий; активное использование ресурсов Медицентра факультета для освещения деятельности Управления молодежной политики Правительства Воронежской области.

Заключение. Важно способствовать консолидации современной молодежи, преодолению атомизации сознания, что станет возможным лишь при системной и планомерной работе. Важно, чтобы в мероприятиях участвовали не только небольшие группы энтузиастов, а молодежные массы (в Воронежской области молодежь составляет более 800 тыс. человек). Это станет возможным при постоянном информировании и качественной публицистики, т. е. материалов, реально убеждающих юношей и девушек в необходимости и пользе тех или иных начинаний.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 2403-р. — URL: <http://government.ru/docs/all/93887/> (дата обращения: 29.09.2023).
2. Гробман Е. 26 регионов создали министерства по молодежной политике // Ведомости. — 22 апреля 2022 г. / Е. Гробман. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/04/20/919072-26-regionov-molodezhnoi> (дата обращения: 29.09.2023).
3. Управление молодежной политики Правительства Воронежской области. — URL: <https://dobro.ru/organizations/10056594/info> (дата обращения: 29.09.2023).
4. Картавцева А. «Мы всегда открыты». Руководитель управления молодежной политики Воронежской области — о работе ведомства / А. Картавцева. — URL: <https://riavr.ru/news/iniciativa-ne-nakazuema-rukovoditel-upravleniya-molodezhnoj-politiki-voronezhskoj-oblasti--o-rabote-vedomstva/> (дата обращения: 29.09.2023).
5. Ленин В. И. С чего начать? // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. — М., 1967. — Т. 5. — С. 1-13.
6. Ольминская Е. Ушёл из жизни «Молодой Коммунар» / Е. Ольминская. — URL: <https://vrntimes.ru/articles/obshchestvo/ushyol-iz-zhizni-molodoy-kommunar> (дата обращения: 29.09.2023).

ПОНЯТИЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ

Усачев К. М., Найденова М. В., канд. экон. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А.», г. Саратов, РФ
naуMV@rambler.ru

Введение. Вместе с развитием межкультурных коммуникаций, передаются и разнообразные культурные ценности в той или иной форме. Одной из главных проблем передачи таких ценностей является языковой барьер коммуникации. Тогда перед реципиентом информации предстаёт несколько вариантов действия, воспользоваться техникой перевода или локализации, в любом случае вместе с этим возникают трудности.

Цель статьи — изучить проблемы при переводе и локализации аспектов медиапродуктов. Актуальность темы подтверждается тем, что сегодня в массовой коммуникации активно передаются аспекты медиапродуктов других культур, при этом до недавнего времени переводы таких аспектов рассматривались лишь в художественном виде.

Основная часть. Локализация — новое, динамично развивающееся направление в переводе, возникшее в 90-х годах и получающее все большее распространение в связи с развитием информационных технологий, развитием разнообразного софта, веб-сайтов, компьютерных игр и с потребностью в их переводе [2].

Медиапродукты, такие как видеоигры, кино- или мультфильмы являются набором определенных знаний и идей, которые вкладывают в них люди, участвующие в их создании. Художники, композиторы и сценаристы используют определенные образы для достижения своих целей, а даже техническая составляющая проекта (на какую камеру снято, какие программы использовались) может изменять передаваемый смысл в процессе коммуникации — при получении и потреблении товара потребителем. Но при передаче данной системы информации для большего количества потребителей, к списку всех взглядов на произведение добавляется призма, образ мышления и поставленные цели переводчика или команды переводчиков. Ответственные люди могут переводить названия, контекстные фразы дословно/словарно, художественно или локализируя (адаптируя) их для конкретной целевой аудитории. От того, какой именно путь выберут назначенные люди, будет зависеть то, как и какая именно информация дойдет для потребителя и какие впечатления он получит.

В киноадаптациях помимо названия, переводчикам-локализаторам необходимо перевести само содержание фильма. В зависимости от культуры, национальности, этнической принадлежности в кинолентах и мультипликационных произведениях могут теряться не только

юмористические элементы, понятные только определенному кругу лиц (например, коренным жителям места изготовления продукта), но также и важные составляющие сценарной и режиссерской основы.

При переводе видеоигр ко всем элементам, присущим ранее упомянутым медиапродуктам, добавляется перевод пользовательского интерфейса — инструмента, с помощью которого игрок и взаимодействует с программным обеспечением — играет в игру, при его переводе, каждый ошибочно воспринятый элемент, может кардинально изменить впечатления потребителя [1].

Таким образом, среди основных проблем локализации можно выделить следующие: перевод онимов (имен собственных), липсинк (т. е. синхронизация языка персонажей с движением губ) и доступность контекста.

В творчестве людей онимы выполняют важную роль маркеров, которые позволяют лаконично описать определенного персонажа или объект. Их перевод является сложной задачей, требующей большого знания обоих языков и отличного владения контекстом произведения. Эта задача только усложняется, если принять во внимание тот факт, что каждый оним является специфическим для определенной культуры, то есть несет в себе ее колорит и обычно не имеет соответствий в языках других культур.

Проблема липсинка возникает в том случае, когда у игры есть официальное озвучивание. Локализаторам приходится подстраивать перевод фраз под длину оригинальных реплик. Одним из решений данной проблемы может быть создание инструментария на движке игры, который позволяет подстраивать длину предложений под любой язык.

Заключение. Доступность контекста иногда может полностью определить качество локализации, поскольку от нее зависит возможность переводчика правильно воспринимать и переводить происходящее в игре. Отсутствие контекста, в свою очередь, может приводить к ошибкам при создании липсинка, перевода онемений и многих других этапов процесса локализации, потому что переводчику придется опираться на собственное представление о каждой отдельной ситуации. Решением этой проблемы является предоставление команде локализации достаточного количества контекста, текстового или визуального.

Список литературы

1. Мугу, М.С. Проблемы языковой локализации компьютерных игр / М.С. Мугу, М.М. Бричева, С.А. Сасина // The Scientific Heritage. – 2021. – №61-3. — С. 40-42. — DOI: 10.24412/9215-0365-2021-61-3-40-42.
2. Сакаева, Л.Р. Проблемы перевода фильмонимов на материале английского и русского языков/ Л.Р. Сакаева, А.Ю. Ермоленко // Казанский лингвистический журнал. – 2020. – №1. — С. 41-51. - DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.1.41-51.

КОГНИТИВНЫЕ ВОЙНЫ КАК ВОЗДЕЙСТВИЕ СМЫСЛОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАОСВЕЩЕНИЯ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА)

Христенко К. М.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
k.lomidze@donnu.ru

Введение. Современные войны ведутся сразу в нескольких «пространствах», сопровождаясь поддержкой политических протестов, экономическим принуждением, активной дезинформацией. Поэтому современные войны и называются «гибридными».

В информационной сфере когнитивные войны — продолжение гибридных войн, комбинирующих обычные вооружённые действия с экономическим и информационным воздействием на противника, объектом которого становится всё население, а не только вооружённые силы вовлечённых стран [1, с. 42].

Цель когнитивных войн — это война за разум. Боевые действия приняли формат специальных операций. Они проводятся не только на земле с применением военной техники, но и в кибернетическом, а также информационном пространствах, которые стали базисом для когнитивных войн. Пропаганда, дезинформация, подтасовка фактов, недосказанности и прочее, что мы так часто видим сегодня в современных западных средствах массовой информации, — всё это часть данной войны.

Когнитивная война — война идеологий. В ней противники стремятся подорвать доверие, что лежит в основе любого общества. Они должны вклиниваться в способ мысли человека, встраиваться в цепочку его размышлений. Потенциально это может привести к разрушению всего общественного договора. Зачастую люди руководствуются чувствами и верят тому, что увидят или прочтут, но технологии информационных войн, поисковые запросы, а также использование фейков и цифровых личностей в соцсетях создают иллюзию массовости того или иного мнения, что заставляет большинство сомневаться в своих суждениях [5, с. 94].

Таким образом, мы говорим о том, что когнитивная война противостоит способности производить и знать, она активно препятствует знанию. Это война идеологий, которая стремится подорвать доверие, лежащее в основе любого общества, нации. Из-за скорости и распространенности технологий и информации человеческий разум больше не способен обрабатывать поток информации.

Принципы когнитивной войны основаны на том, что человеческий мозг настолько перегружен информацией, что не способен отличить ложь

от истины. Это заставляет медиапотребителя ориентироваться не на информацию, а на эмоции, связанные с ее получением. Возможность оставить комментарий, выразить эмоцию, переслать, репостнуть, процитировать — такое восприятие информации требует хотя бы минимального действия. В когнитивной войне важно, что это содействие.

Иными словами, учителю нравится слушать политические новости как школьный урок, а футбольный болельщик хотел бы видеть в политике матч. В итоге современный человек становится зависим от мнения ЛОМов, которым доверяет. Доказательно это прослеживается на примере украинороссийского конфликта, в котором украинское общество становится активным участником политических событий посредством распространения гневных комментариев и антироссийских лозунгов, поскольку нацелено не на получение информации, а тех самых негативных эмоций, которые формируют соответствующую идеологическую ментальность. Таким образом, долговременное нахождение в таком информационном пространстве вводит человека в состояние «взрослого подростка» — эмоционально неуравновешенной личности, склонной к истерикам, категоричным суждениям и выяснению отношений. Задача когнитивной войны — вводить в состояние «взрослого подростка» и поддерживать в нем все новых и новых граждан. Как только в обществе созреет критическая масса «взрослых подростков», оно будет открыто для массовых паник. Если говорить на примере украинороссийского конфликта, то подобное общество будет готово к появлению новых «майданов» и «оранжевых революций».

Еще одна ключевая отличительная особенность когнитивной войны, которая отличает ее от информационной войны и пропаганды. В случае с ними, воздействие несет массовый характер. Когнитивная война индивидуализирована. Эмоциональные разности дают возможность испытать удовольствие от осмысленности жизни. Такое эмоциональное воздействие производит неизгладимое впечатление на людей-социофобов, тех, у кого наблюдается нехватка общения или страдающих от одиночества. Как следствие, каждый считает нужным быть причастным к новому посту и написать свой «экспертный» негативный комментарий, прийти на площадь и стать участником очередного митинга, отправить только что снятое видео с места прилета ракеты в Telegram-канале.

Как именно действует когнитивная война на общество? Сконструируем цепочку развития от низшего уровня к высшему: провоцирует слухи и панику — провоцирует конфликт с государством — создает новые идентичности и размывает традиционные — повышает уровень агрессии.

Следовательно, упомянутая выше цепочка влияния когнитивной войны на общество выстраивалась не в период начала СВО и не с 2014 года, когда начался украинский конфликт. Когнитивные механизмы

начали свое влияние гораздо ранее, когда уже заработали стратегические информационные операции — оперативные комбинации, способные дать стратегический эффект в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Прежде, в период «после Крыма» (с 2016 по 2021 гг.), этот вид операций был доминирующим: к ним относятся и «дело Скрипалей», и «Допинговый скандал с WADA», и «дело об аргентинском кокаине», и «захват группы т. н. вагнеровцев в Беларуси в 2020 г.», и даже т. н. дело «об отравлении Навального» [4]. С началом СВО к их числу добавились новые операции, развернувшиеся вокруг инцидента в Буче, и на несколько инцидентов, которые, возможно, тоже рассматриваются Западом как «крючки» для новых оперативных комбинаций:

- «обстрел российскими войсками Запорожской АЭС» (риск ядерной катастрофы), «Россия — спонсор международного терроризма»;
- «ракетный удар по торговому центру в Кременчуге»;
- «применение Россией химического оружия на Донбассе» и т. д.

Заключение. Главная цель когнитивной войны — подорвать доверие между обществом и государством. Государство не сможет эффективно и стратегически функционировать, если у него в тылу будет раскол. Когнитивные механизмы украинского конфликта преследуют цель привести к смене политического режима в Российской Федерации или максимально ослабить его, снивелировать ее экономический, военный, культурный потенциал, добиться раскола в обществе и сформировать недоверие к власти.

Список литературы

1. Алексеев, А.П. Цифровизация и когнитивные войны / А.П. Алексеев, И.Ю. Алексеева // *Философия и общество*. — 2021. — № 4. — С. 39-51.
2. Войскунский, А.Е. Информационная безопасность: психологические аспекты / А.Е. Войскунский // *Национальный психологический журнал*. — 2021. — № 1. — С. 48-53.
3. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность: Ч. II // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. — 2021. — № 2. — URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 31.07.2022).
4. Манойло А. В. Информационные диверсии в конфликте на Украине // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. — 2022. — № 4. — URL: www.evestnik-mgou.ru
5. Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 // *Вопросы теоретической экономики*. — № 2. — 2023. — С. 85-98.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ВОЕННОЕ КИНО КАК ОСОБЫЙ СПОСОБ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Чайка О. С.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ
o.chayka@donnu.ru

Введение. Документальным принято называть фильм или проект, главная задача которого заключается в репрезентации реальности. Проекты такого рода стоят на стыке видов творческой деятельности: от журналистики в них — стремление информировать своего зрителя о реальных событиях, обучать его, формировать его мировоззрение, а от кинематографа — образность подачи материала и особенное отношение к звуковому оформлению видеоряда. Отсюда документальное кино можно считать уникальной мощной формой повествования, которая способна привлечь внимание зрителя к представленной теме или проблеме, а также вызвать размышления и обсуждение. Как пишет исследователь А.В. Степанян, подобное творчество — это, своего рода, синтез между журналистикой и искусством, телевидением и кинематографией, публицистикой и экранной драматургией [1, с.44].

Основная часть. На данный момент исследователи выделяют два вида документального кино: авторское и телевизионное, каждое из которых имеет свои характерные черты и свойства [1, с. 44]. Авторское кино отличается многослойностью киноязыка, представляющего собой сложно сконструированные системы звуковых и зрительных средств выразительности, знаков, образов, кодов, монтажа и семантических взаимосвязей между ними [1, с.45]. Телевизионное кино, в свою очередь, обладает рядом черт киноязыка, но при этом у него особенные цели и задачи. Если у кинопродукта функции причисляют к сфере искусства, то телепродукт выполняет журналистские функции. Одной из самых важных в эпоху непрекращающегося информационного противостояния России и Запада была, есть и будет идеологическая функция. Исследователь А.П. Суходолов, рассуждая о том, что из себя представляет идеологическая функция, пишет следующее: «Это некая совокупность решаемых ею задач в различных сферах общественной жизни, а также в различных социальных группах. Отечественная журналистика призвана формировать позитивный образ России, содействовать её модернизации и развитию» [2, с.12]. При этом автор отмечает, что одним из важнейших аспектов для журналистики является формирование массового сознания. В этом отношении документальное кино занимает особое место среди продуктов журналистского творчества.

Термин «документалистика» в отечественном пространстве возник в XX веке благодаря советскому и российскому режиссёру Самарину Зеликину. Считается, что в жанре телевизионной документалистики работать сложнее всего, поскольку в нём нет места вымыслу и актёрской игре, но есть реальные герои и конкретные факты. Безусловно, в теледокументалистике могут присутствовать актёры, но только при реконструкции исторических событий. В остальных случаях документальное кино предстает особым видом подлинно журналистского творчества.

Документалистика в СССР тесно связана с именами Дзиги Вертова (журнал «Киноглаз»), Сергея Эйзенштейна («Броненосец Потёмкин»), Эсфирь Шуб («Падение династии Романовых») и других авторов, стоявших у истоков советского документального кино.

Отдельным направлением в документальном кино выделяют документальное военное кино. Годы Великой Отечественной войны оказали влияние на формирование этого тематического направления, причём, как с точки зрения специфики технического процесса, так и в плане смысловой нагрузки и влияния на общественное сознание. Фронтовые операторы, журналисты, режиссёры вместе с бойцами Красной Армии боролись за свержение нацизма, освобождая территории и сражаясь за право русского человека быть русским в широком смысле этого слова: сохраняя свой язык, ценности, духовные и нравственные устои.

В первые годы войны на экранах преобладали документальные короткометражные фильмы, кинорепортажи и кинохроника боевых действий. С 1942 года в борьбу за умы и сердца зрителей вступает полный метр, главной задачей которого становится оказание мобилизационного воздействия на общество. Говоря о фильмах первых лет войны, исследователи отмечают, что, несмотря на высокую степень правдивости, эти ленты всё же старались изображать реальность несколько иной, чем она была на самом деле, но зритель всё равно шел смотреть «боевые киноальбомы». Поэтому со своей главной задачей подобные видеоматериалы всё же справлялись: информация до зрителя доносилась, ненависть к врагу и стремление к оказанию ожесточенного сопротивления возрастали. Пока солдаты на фронте учились бить врага, фронтовые журналисты учились верно понимать, что нужно включать в документальный фильм, чтобы степень его воздействия на общественность возрастала: появились работы, посвященные и неприглядной стороне войны. Такие фильмы показывали не только победы на фронтах, но и повествовали о фронтовой дружбе, которая может оборваться смертью в любой миг, о непросто́м быте солдат, о зверствах фашистов, показывали беззащитность детей и женщин, трудовой подвиг работников тыла и жизнь мирных граждан под бомбежками. Такие документальные фильмы имели более высокий идеологический потенциал и могли оказывать влияние не

только на внутреннего зрителя, но и на зарубежную аудиторию. Так, например, известнейший фильм И. Копалина и Л. Варламова «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой» был адаптирован для западного зрителя и показан в странах антигитлеровской коалиции. Фильм продемонстрировал как зверства фашистов, так и мощь советской армии, её несокрушимость и боевой дух.

Многие приёмы конструирования реальности того времени применяются и ныне российскими военкорами в ходе освещения событий на Донбассе. С 2014 года и по сей день документальное кино вновь на первом плане в вопросах фиксации преступлений коллективного Запада против русского человека. Как и в годы Великой Отечественной войны военкоры своими проектами влияют на формирование общественного мнения, создают образ непобедимой русской армии и простого русского гражданина, готового поддерживать и верить в свою Родину.

Заключение. Документальное военное кино о Донбассе содержит в себе как приемы документалистов времён Великой Отечественной войны, так и абсолютно новые, продиктованные временем и обстоятельствами, развитием средств видеосъёмки и интернет-технологиями. Без изменений остается только вклад документального кино в победу над врагом, воздействие на ценностный и нравственный ресурс общества и любовь к Родине.

В фильмах Е. Поддубного, А. Сладкова, С. Пегова, М. Фадеева, М. Ким, журналистов команды RT.doc и многих других военных корреспондентов федеральных и региональных телеканалов, интернет-площадок, независимых авторов блогов или телеграм-каналов и прочих ресурсов современный российский зритель видит всё те же вечные ценности, которые транслировали с экранов советских кинотеатров: честь и достоинство русского воина, роль и значение государства, любовь к Родине, свобода, братство, народная мудрость и вера в победу. Но вместе с этим появляются новые смыслы и мотивы, которые приобретают актуальность в современных условиях: это и отношение к западной культуре, и сложности волонтерства, проблемы детей и подростков на войне, вопросы применения новых технологий на поле боя, вклад регионов большой страны в общее дело и многое другое, важное для формирования ментального ресурса нации и защиты населения от западной пропаганды.

Список литературы

1. Степанян А.В. Особенности авторского и телевизионного документального кино // Филологические науки/ А.В. Степанян// Вопросы теории и практики. — 2018. — №2-1. — С. 44-46.
2. Суходолов А.П. Идеологическая функция журналистики/ А.П. Суходолов// Вопросы теории и практики журналистики. — 2014. — №1 — С.11-16.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ ЖУРНАЛИСТИКИ В УНИВЕРСИТЕТАХ ДОНБАССА: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Чишевич А. И., Косолапова К. А.

ФБГОУВО «Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи», г. Мариуполь, РФ
a.chishevich@mgumariupol.ru, k.koslapova@mgumariupol.ru

Введение. Один из вопросов, затрагиваемых в современной научной литературе, — это профессиональная идеология журналистики [1]. Она возникает внутри профессионального сообщества журналистов на основе требований различных социальных групп. Роль исследования профессиональной идеологии журналистики усиливается, исходя из того, что она характеризуется изменчивостью и вариативностью многих факторов: политико-государственного устройства общества, временных рамок, профессионального окружения и т. д.

Основная часть. Концепция профессиональной идеологии журналистики на сегодняшний момент недостаточно разработана в связи с тем, что понятие «идеологичность» негативно воспринимается журналистами и медиаисследователями, которые политизируют этот термин [1].

В ходе исследований формируется многомерное дискурсивное поле, в которое помещены неразрывно взаимосвязанные сущностные характеристики журналистской профессии. Центральным является профессионально-цеховой дискурс, вместе с тем наряду и одновременно с ним, но и до некоторой степени автономно от него складываются другие дискурсы, оказывающие влияние на теоретическую и практическую журналистскую деятельность. К ним относятся такие дискурсы, как нормативный, существующий в документах и регулирующих установках органов власти и управления в сфере СМИ, научно-теоретический, формирующийся в среде исследователей, учебно-образовательный и педагогический, характерный для системы подготовки кадров, а также, аудиторно-обыденный. Каждый из них должен получить отображение в исследовании и научном поиске [2, с 13-15].

Происходит активное обсуждение профессиональной идеологии журналистики как в отечественных, так и зарубежных экспертных кругах. Это позволяет сохранить представление о журналистике как особом социальном институте, анализировать ее функции, профессиональные стандарты, независимость и механизмы регулирования, которые формируют и составляют единое представление о профессиональной идеологии.

Фактически выполняемое журналистикой информирование и социальное ориентирование напрямую связано с идеологическим влиянием, в том числе и отбор фактологического материала для журналистского текста также зависит от взглядов автора. Поэтому представляется важным вопрос о том, из чего складывается система взглядов самого журналиста. Для объективного рассмотрения профессиональной идеологии стоит учитывать факторы, которые могут создавать значительную разницу взглядов. Например, это возраст и опыт деятельности, это длительная связь журналиста с определенным уровнем медиасистемы, принадлежность к определенным типам организационных культур [3, с 52-54]. Следовательно, существенное значение на исследование профессиональной идеологии журналистики может сыграть и вопрос региональной дифференциации. Рассматривая вопрос как с точки зрения сформированной профессиональной среды, в контексте профессионально-цехового, так и в контексте учебно-образовательного и педагогического дискурсов, изучение особенностей формирования профессиональной идеологии журналистики в одном из новых субъектов Российской Федерации, а именно, Донецкой Народной Республике, может дать более объемный и полный результат исследования.

В процессе развития журналистика приобретает новые свойства, однако сохраняет свои основные характеристики. При этом формируется институциональная память, которая играет роль средства сохранения профессиональной идеологии и идентичности. На каждом этапе журналистика, приобретая новые характеристики, сохраняет свои свойства, формируя институциональную память как средство сохранения собственной профессиональной идеологии... [4]. Одной из отличительных особенностей журналистики Донбасса является то, что она «очень молодая». В период с 2014 года, по сути, выросло новое поколение журналистов, которые создавали региональные СМИ [5].

Заключение. В целом исследования в области профессиональной идеологии журналистики являются неотъемлемой частью развития этой области и способствуют развитию научной мысли в сфере медиакоммуникаций, а также помогают определить степень взаимодействия и связь с профессиональной практикой журналистской деятельности. В условиях интеграции Донбасса в образовательное и научное пространство Российской Федерации важно определить, какие содержательные и методические аспекты рассматриваются в университетах региона, занимающихся подготовкой журналистов. Какие модели образовательного процесса более характерны и формируют профессиональную идеологию журналистики, а также исследовать характеристики и состояние профессиональной идеологии, учитывая их динамическое развитие в процессе интеграции в единое научное и образовательное пространство.

Список литературы

1. Корконосенко С. Г. Похвальное слово профессиональной идеологии журналистики / С. Г. Корконосенко // Век информации. 2017. № 1. Философия в СПбГУ. Журналистика XXI века: профессиональная идеология для ускользящей профессии : матер. междунар. научно-практической конференции, 11–12 ноября 2016 г. / ред.-сост. А. Н. Гришанина, С. Г. Корконосенко; отв. ред. С. Г. Корконосенко. — СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т; Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2017. — 300 с. — С. 11-21.
2. Корконосенко С. Г. Дискурс профессиональной идеологии и идентичности журналиста / С.Г.Корконосенко //Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: матер. междунар. научно-практической конференции, 18–19 ноября 2022 г. / отв. ред. С. Г. Корконосенко. — СПб.: Медиапапир, 2022. — 214 с. — С. 13-15.
3. Зорин К. А. К вопросу о структуре профессиональной идеологии журналиста / К. А. Зорин // Журналистика XXI века: возвращаясь к профессиональной идеологии: матер. междунар. научно-практической конференции, 18–19 ноября 2022 г. / отв. ред. С. Г. Корконосенко. — СПб.: Медиапапир, 2022. — 214 с. — С. 52-54.
4. Блохин И. Н. Институциональная память журналистики // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11. № 2. С. 233–248. URL: <http://jq.bgu.ru/reader/article.aspx?id=25206> (дата обращения 28.09.2023)
5. Пеляницин С. В Донбассе журналисты быстро взрослеют / С. Паляницин. — URL: <https://ukraina.ru/20230127/1043005043.html> (дата обращения 28.09.2023)

УДК 304.44

ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ И ДИНАМИКА ЖАНРОВ

Чумиков А. Н., д-р полит. наук, проф.

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»,
г. Москва, РФ
chumikov@pr-club.com

Введение. За несколько последних десятилетий контекст информационного поля и особенно его медийный сегмент претерпели существенные количественно-качественные трансформации. В процессе их осмысления появились новые классификации форм и жанров медийных проектов и материалов. Статья содержит обзор этих инноваций и авторские выводы.

Основная часть. После вхождения в пространство интернет-коммуникаций, изменилось понимание самого термина *медиа*. Известно, что ранее он приравнивался к «масс медиа» (от англ. *mass media*) и служил признанным эквивалентом словосочетания «средства массовой информации», под которыми, в свою очередь, понимались традиционные («старые») СМИ: информационные агентства (ИА), газеты, журналы, радио и телевидение (ТВ).

Однако возникшее в XXI веке понятие *новых медиа* трактовалось значительно шире и представляло собой: а) традиционные СМИ, интегрированные в пространство интернет-коммуникаций; б) СМИ, изначально созданные как интернет-медиа и в) всю систему сетевых ресурсов, в том числе социальных сетей, не обязательно классифицируемых (и регистрируемых) как средства массовой информации. В каждом из этих секторов появились формы, обобщенно называемые *медийными ресурсами* и в разной степени отличные от предыдущих типов СМИ — информационного агентства (ИА), газеты, журнала, радио- и ТВ-канала или программы. С одной стороны, сами названные категории СМИ с их характерными признаками сохраняются; но, с другой — они постепенно исчезают «в чистом виде», преобразовываясь в конвергентные, то есть интегрированные в систему интернет-коммуникаций информационные ресурсы.

Говоря о существующих подходах к анализу системы *медийных ресурсов*, отметим учебник коллектива авторов факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова «Медиасистема России», где рассматриваются исторические этапы ее формирования и развития; технологические, экономические, организационно-структурные и содержательные аспекты каждого сегмента, включая ИА, ТВ, радио, печатные и онлайн СМИ, социальные медиа [1].

И. Дзялошинский в монографии «Медиапространство России: пробуждение Солярыса» исследует категориальный аппарат, применяемый для описания медиасистемы, обобщает представления о состоянии традиционных и новых медиа, выводит основные тенденции эволюции медиапространства; рассуждает о факторах, влияющих на эти тенденции [2].

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям (Роспечать), а после его упразднения — Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры) с участием Академии медиаиндустрии и ряда других профильных организаций на протяжении ряда лет готовили отраслевые доклады о состоянии медиаотрасли в России с разделами о ТВ, радио и печатной прессе, медийных сегментах Интернета. Так, в докладе «Интернет в России: состояние, тенденции и перспективы развития» впервые представлен специальный раздел «Интернет-СМИ», где выделено три основных типа СМИ: профессиональные интернет-СМИ — сайты, аналогичные привычным офлайновым газетам и журналам, у которых есть свидетельство о регистрации СМИ (например, Lenta.ru, «Газета.ru»); интернет-версии офлайновых СМИ — сайты СМИ, транслирующие контент в Интернет (например, газета «Ведомости»); социальные СМИ — сайты, на которых публикуются и комментируются новостные сообщения зарегистрированных пользователей [3].

Вместе с ресурсами динамике подвергаются и составляющие их *жанры* журналистики — особые формы организации жизненного материала, представляющая собой специфическую совокупность структурно-композиционных признаков: меняются пропорции представления традиционных жанров, внедряются их новые композиционные конструкции, возникают новые жанры.

Обращаясь к жанрам советской прессы, Л. Кройчик делит их на три большие группы: информационные (заметка, интервью, репортаж, отчет); аналитические (статья, корреспонденция, письмо, обзор печати, обозрение, рецензия); художественно-публицистические (очерк, фельетон, памфлет). Но в дальнейшем автор наблюдает процесс размывания жанровых границ, а также изменения пропорций применения жанров: одни практически исчезли (очерк, фельетон, передовая статья, обзор печати); другие, напротив, усилили свое присутствие (интервью, комментарий, эссе). Но главное заключается в том, что происходит унификация жанров, а жанровые предпочтения аудитории становятся менее значительными, чем тематические. Современный читатель оперирует понятиями «материал», «текст», «заметка», «статья», не вкладывая в них какой-то жанровый смысл [4].

А. Тертычный насчитывает 18 жанров с такими доминирующими, как заметка, комментарий, объявление, информационная корреспонденция [5].

А. Колесниченко предлагает для практических целей ограничиться шестью жанрами, позволяющими журналисту выполнить любую задачу: новость, репортаж, интервью, трендовая статья, комментарий, портрет [6].

В то же время стоит принять во внимание и другой процесс: в теории и на практике возродились и активизировались жанровые формы, считавшиеся достоянием истории журналистики. Среди них, например, *гонзо-журналистика* — стиль публицистики 60-х–70-х гг. прошлого века, когда непосредственно участвующий в событии журналист освещает его с высокой степенью эмоциональности.

Появились и обозначения новых жанровых групп, прямо вытекающих из развития интернет-коммуникаций. В их числе *стрим-журналистика*. С одной стороны, стрим (от англ. *stream* — поток) — это любая онлайн-трансляция, потоковое вещание, прямой эфир в Интернете. С другой — гражданская, непрофессиональная и «необработанная» журналистика, мобильный и оперативный способ информирования аудитории.

Но при анализе любых классификаций следует понимать, что все современные жанры, особенно с учетом их мультимедийности, имеют тенденцию к гибридности, становятся смешанными по своей природе и склонными к взаимопроникновению, перетеканию друг в друга, что в принципе считается характерным признаком цифровой журналистики [7].

Заключение. Таким образом, в процессе развития информационного контекста происходит явление мультимедийности, которой сопутствуют интерактивность и гипертекстуальность новых медиа. Вместе с ними наблюдаются «текстовая конвергенция», когда материалы, свойственные ранее газетам и журналам, занимают своё место в ТВ и радиальных онлайн медиа; и «жанровая конвергенция», когда ИА превращается из поставщика новостей в производителя практически полного спектра текстовых медийных жанров.

Список литературы

1. Медиасистема России / Под ред. Е. Л. Варгановой. 2-е изд. М.: Аспект-пресс, 2021. 424 с.
2. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: пробуждение Соляриса. Монография / И. М. Дзялошинский. М.: АПК и ППРО, 2012. 422 с.
3. Интернет в России Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. Роспечать, 2010. URL: <https://adindex.ru/files/47676/internet.pdf>
4. Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров / Основы творческой деятельности журналиста. Учебник. Ред.-сост. С. Г. Корконосенко. СПб., Знание, 2000. 272 с. — С. 125-168.
5. Тертычный А.А. Жанры периодической печати [Текст] : учебное пособие / А. А. Тертычный. — Изд. 4-е, испр. и доп. — Москва : Аспект Пресс, 2011. —319 с.
6. Колесниченко А. В. Основы журналистской деятельности: учеб. пособие / А. В. Колесниченко. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 341 с. С. 10-13.
7. Мультимедийная журналистика: учебник для вузов / Под общ. ред. А. Г. Качкаевой, С. А. Шомовой. М.: ВШЭ, 2017. 413 с. С. 134.

СОДЕРЖАНИЕ

Русский язык. Грамматика и словообразование»

<i>Борозенец Д. И.</i> Собственно когнитивные адъективы в семантическом поле когнции: синхронное состояние	5
<i>Бровец А. И.</i> Анализ дешифровальных тактик сложносокращённого слова	8
<i>Волков Ю. В.</i> Словарные толкования «информации» в русском языке	9
<i>Дегальцева А. В.</i> Семантические типы оценочных наречий в современном русском языке	12
<i>Емельянова К. Ю.</i> Структура словарной статьи Словаря квазиаббревиатур	15
<i>Зайберт Е. А., Теркулов В. И.</i> Просторечные и разговорные ССС: структурный и функциональный анализ	18
<i>Замальдинов В. Е.</i> Именная префиксация как активный процесс в русском словообразовании	21
<i>Кириченко Т. А., Теркулов В. И.</i> Сложносокращенные онимы как автономный класс	24
<i>Кравцова В. И., Харченко С. Ю.</i> Словообразовательная адаптация галлицизмов в русском языке	27
<i>Лашко А. А., Теркулов В. И.</i> Семантика абброконструкта авиа и презентатива авиационный по данным сопоставления с интерпретативными дешифровальными стимулами	30
<i>Михайлова Е. Н.</i> Система дешифровальных стимулов как лексико-семантическое поле	33
<i>Назар Р. Н.</i> Национальный корпус русского языка как практическая основа лингвистических исследований	36
<i>Рязанова В. А.</i> Дешифровальные стимулы сокращений: к вопросу об изучении факторов влияния	39
<i>Смирнова И. Р.</i> Соотношение неинициального абброконструкта с морфемой и аффиксоидом	41
<i>Теркулов В. И.</i> Терминологическая база теории универбализации Донецкой дериватологической школы	44
<i>Халабузарь А. О.</i> Модификативные дешифровальные стимулы аббревиатурной группы авиа	47
<i>Шашков И. А.</i> Перспективы лингвистической статистики в рамках исследования сетевого дискурса	50

Русский язык. Актуальные проблемы лингворусистики

Подсекция 1

<i>Алексеевко О. Н.</i> Современная концепция культуры речи: проблемы и перспективы развития	53
<i>Бессарабов О. В., Бессарабова Ю. В.</i> Проблемы варваризации русского языка	56
<i>Бурляй А. С.</i> Специфика речевой прагматики языковой личности донецкого журналиста	59

<i>Евсеева М. Г.</i> Культура научной речи как аспект профессиональной компетентности педагога	62
<i>Казанцева И. Г.</i> К вопросу о нетождественности письменных и устных научных текстов	64
<i>Кузнецова В. И.</i> ИКТ и лингвокультуроведческий аспект в преподавании русского языка как иностранного	67
<i>Кулиш С. В., Сторчак Л. В.</i> Вопросы комбинаторики в структуре русского слога и трудности ее усвоения	69
<i>Лю Сяоя.</i> Речевой акт просьбы как социальное действие	71
<i>Мозговой В. И.</i> Зрительные знаки как основа «буквы закона» и шаблон в ономастике	74
<i>Напреенко Г. В.</i> Использование систем антиплагиата с целью выявления степени уникальности текстов	78
<i>Стебунова А. Н.</i> О роли дисциплины «Русский язык и культура речи» в системе вузовского образования	81
<i>Сторожева Е. С.</i> Использование технологий нейросетевой визуализации как инструмент повышения качества восприятия информации на уроках русского языка и литературы	83
<i>Харитонова-Шолина Д. А.</i> Методические основы модели урока русского языка как иностранного	86

Подсекция 2

<i>Борисова Е. Г.</i> Иронические заимствования в политическом дискурсе	90
<i>Гладкая Н. В.</i> Мем как феномен культуры и особый вид паралингвистического активного текста в интернет-коммуникации	92
<i>Гордиенко В. П.</i> Лингвопоэтический анализ стихотворения В. Скобцова «Донецкий Спас»	94
<i>Дмитриева Т. В.</i> Особенности номинативного словообразования в поэме Е. А. Евтушенко «Дальняя родственница»	97
<i>Дьякова Т. А.</i> Семантико-стилистические особенности использования фразеологизмов с компонентом-соматизмом нога в произведениях Михаила Матусовского	99
<i>Зарицкая И. Н., Московская Т. В.</i> Эмодзи и эмодзи как вид речевой коммуникации молодежи в интернет-среде	102
<i>Калмыкова Д. А.</i> Этнокультурный код в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя	105
<i>Карпенко А. В.</i> Игра «фараон» в произведениях русской литературы первой половины XIX века	109
<i>Криволап С. С.</i> Разговорно-бытовые фразеологические единицы в ранней поэзии А. Твардовского	112
<i>Панчехина М. Н.</i> К вопросу о лингвокультурной идентичности жителей Донбасса	115
<i>Солунова Я. А.</i> Потенциал современного романа при формировании общекультурной компетенции на уроках словесности	117

Тюрина А. Е., Доброва С. И. Вербализация физического аспекта признакового мира в русской народной загадке	121
---	-----

Подсекция «Актуальные проблемы регионалистики»

Антоненко Н. С. Государственная идеология как топоэффектор (на примере топонимов Волгограда)	125
Белых А. В. Стилистические синонимы в шахтёрской лексике	128
Курмакаева Н. П. Об идиолекте региональной языковой личности	131
Рассахатская М. В. Наименования предметов и связанные с ними обозначения действий в сфере исконных обозначения действий в сфере исконных	134
Сироткина Т. А. Филологическая регионалистика в образовательном пространстве ХМАО-Югры	137
Суслова И. А. Реализация задач по выполнению поручений Президента РФ в области языковой политики в ДНР	141

Лингвистика войны: перспективы научного исследования языкового пространства военных конфликтов

Боговая О. Ф., Косяк Е. Л. Разграничение публичных призывов к экстремистской и террористической деятельности	144
Ионова С. В. Язык войны: расширение кода и эмоциональное воздействие	147
Коробова-Латынцева В. С. Украинизмы в речи русскоговорящего Донбасса	150
Прокофьева Н. А., Акулович И. А. Графическая игра в социальной рекламе времён СВО	153

Общее, славянское и прикладное языкознание

Борисова Л. П. Генетическая квалификация глагола <i>питати</i> как вершины древнерусского словообразовательного гнезда	155
Горюнова Т. Н. Место прамирового языка среди основных парадигм глоттогонии	158
Емельяненко А. В., Климова Т. В. Экспрессивный потенциал лексемы коронавирус в креолизованных текстах	161
Жанжигитов С. Ж. Информационный характер названий нормативных актов	164
Касьяненко Н. Е. Когнитивный аспект лексики слухового восприятия в творчестве А. Ахматовой	168
Могила Н. Н., Головки А. В. Технология кооперативного обучения и ее роль в образовательном процессе: теоретический аспект	171
Могила Н. Н., Елисеев Н. А. Применение ассоциативных методов обучения при изучении студентами славянских языков	175
Могила Н. Н., Миленина Е. Е. Формирование лингвокультурологической компетенции студентов при изучении лексикологии	178
Могила С. А. Сопоставительный частотно-синтаксический анализ текстов периодических изданий Донбасса	181

<i>Могила С. А., Юрчук К. А.</i> Сопоставительный частотно-синтаксический анализ периодических изданий Донбасса (на материале газет «Донецкое время» и «Донецк вечерний»)	184
<i>Першина Кл. В.</i> Битва за Донбасс в период Великой Отечественной войны: номинативный ракурс	186
<i>Титаренко Э. А., Костылев Б. А.</i> Ассоциативно-семантические компоненты слова «мир» в восприятии современных студентов	189
<i>Трунаева А. С.</i> Особенности дистанционного преподавания русского языка	192
<i>Янышевская В. В.</i> Дидактический принцип историзма на уроках русского языка: к постановке проблемы	195
<i>Ярошенко Н. А., Ладнова Е. В.</i> Эмоционально-характерологический код в годонимиконе Большого Донбасса	198

История русской литературы и теории словесности

<i>Бедулева О. А., Созина Е. К.</i> О некоторых приемах письма non-fiction (на примере «Замогильных записок» В. С. Печерина)	201
<i>Белоконь С. А.</i> Особенности художественного психологизма в малой прозе Всеволода Иванова	204
<i>Блохина Я. А.</i> Репрезентация образа В.И. Ленина в советской детской периодике (на примере журналов «Пионер» и «Костёр» 1970–1980-х гг.)	206
<i>Варенова О. С., Савинков С. В.</i> Литературная география Чехова	208
<i>Губарева М. А.</i> Событийность как жанрообразующая особенность путешествия ..	211
<i>Даренский В. Ю.</i> «Поэзия, добытая из прозы»: С. Маршак как теоретик поэзии ...	214
<i>Домашенко А. В.</i> Из заметок о поэтике А. А. Блока: Александр Блок и Брет Гарт	217
<i>Зыкова Г. В.</i> Стихи Вс. Н. Некрасова о Мариуполе	220
<i>Исакова И. Н.</i> Теория литературы в современном образовательном процессе на филологических факультетах университетов: включение материала восточных литератур как одна из основных задач	223
<i>Квашина Л. П., Красицкая Н. С.</i> Культурные барьеры и их преодоление: к вопросу о непереводаемости Пушкина	226
<i>Кораблёв А. А.</i> Целостно-системные основания и творческий интенционал новых литератур	229
<i>Косолапова О. П.</i> К вопросу о формировании гражданской идентичности обучающихся учреждений высшего образования при помощи современной литературы	232
<i>Котомцев Д. О.</i> Нарративная стратегия провокации в жанровой структуре интеллектуального романа В. В. Набокова «Дар»	235
<i>Ланцевская Н. Ю.</i> Сочетание черт классицизма и романтизма в раннем творчестве А. С. Пушкина (на примере оды «Вольность»)	238
<i>Логвинова И. В.</i> Библейские метафоры в стихотворении Дмитрия Трибушного «Звони, Донбасс обетованный»	242
<i>Майборода Н. В.</i> Автор и читатель детской литературы в контексте ее основных понятий	245

<i>Митина Е. А.</i> Пушкинская традиция в донбасской поэзии	248
<i>Овчаренко А. И., Кораблёв А. А.</i> Типология контакта в произведениях отечественной фантастики	251
<i>Першина К. В.</i> Особенности систематизации художественных произведений, входящих в «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского	254
<i>Петренко Н. В.</i> «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского в контексте религиозного мировоззрения автора	257
<i>Пращерук Н. В.</i> Обретение России: об эмигрантской прозе И. А. Бунина	260
<i>Сенчина Л. Т.</i> Традиции и новаторство в лирике Г. Р. Державина (на материале оды «Фелица»)	263
<i>Сорокин А. А.</i> Диалог С. А. Есенина и Рюрика Ивнева: стихотворения о собаках ..	266
<i>Сюй Шуан.</i> Отклонения от языковой нормы как художественный прием в поэзии В. И. Кучерявкина	269
<i>Тхагушева Р. Д.</i> Геопозитика современной поэзии Донбасса (на примере произведений А. Александрова)	272
<i>Фоменко В. Г.</i> Миф города в русской литературе XIX века	274
<i>Ярошевич И. А.</i> Б. Горбатов «Непокоренные»: герои и судьбы	277
<i>Ярошевич И. А., Семенова И. Г.</i> Специфика жанра устной народной драмы и особенности ее бытования	280
<i>Ярошевич И. А., Шулика А. В.</i> Образ Шубина как реального прототипа и вымышленного персонажа в шахтерских сказах Донбасса	283

Журналистика и медиакоммуникации: доминанты в информационном контексте

<i>Алексеев А. В.</i> Оценочные концепты в идеологическом дискурсе	286
<i>Анпилогова Л. В.</i> Фоносемантическое влияние на читателей текстовой составляющей лонгридов региональных сетевых изданий	289
<i>Артамонова И. М.</i> Бренд-журналистика в современном медиaprостранстве: функциональная направленность и коммуникативные характеристики	292
<i>Байбатырова Н. М.</i> Коммуникативные стратегии астраханских онлайн-медиа в системе межэтнического взаимодействия	295
<i>Балюнис Е. В.</i> Маскулинистские аккаунты в социальных медиа как агенты гендерной социализации	298
<i>Безродный В. П., Долгий В. А.</i> Медиа манипулирование общественным мнением с использованием сайтов-сателлитов	301
<i>Болдырев С. М.</i> «Полная дезинформация» как манипулятивный прием телевизионного новостного дискурса украинских телеканалов в 2014 г.	304
<i>Вартанова Е. Л.</i> К новой архитектуре медиа: вызовы эпохи цифровизации	307
<i>Вольская Н. Н.</i> Комическое в современном политическом дискурсе: виды, способы создания, функции	310
<i>Вялкова И. А.</i> Формирование медиаграмотности дошкольников и младших школьников средствами мультипликационной педагогики	312

<i>Гудова Т. В.</i> Коммуникация на радио как способ эмоционального воздействия на аудиторию (на примере радиостанций Донецкой Народной Республики)	315
<i>Гудова Т. В., Косенко А.О.</i> Особенности разработки и реализации рекламной и PR-кампании предприятия сферы бытовых косметических услуг	318
<i>Гудова Т. В., Лихашева В. И.</i> Рекламный и PR-инструментарий продвижения бренда в сфере бытовых услуг	321
<i>Дорощук Е. С.</i> Визуализация в медиаобразовании будущих журналистов: подходы к применению	323
<i>Diusenova V., Marziyaev J.K.</i> Interactive radio journalism in Karakalpakstan	326
<i>Дунас Д. В., Бабына Д. А.</i> Медиафреймы в повестке дня цифровой молодежи	328
<i>Зубко Д. В.</i> Тема войны и мира в поликодовом журналистском тексте	331
<i>Каика Н. Е., Короткий В. В.</i> Коммуникационный инструментарий продвижения кондитерской продукции компании «Лаконд» в социальных сетях: вербальная специфика	334
<i>Каика Н. Е., Липич С. А.</i> Функционирование банковской рекламы в условиях социально-экономической нестабильности	337
<i>Карпенко И. И.</i> Иммерсивные технологии в современной печатной журналистике	340
<i>Kidaybergenov M. A.</i> Children's journalism in Karakalpakstan	343
<i>Кухаренко Е. А.</i> Формирование медиаобраза территории в системе СМК как фактор медиатизации восприятия действительности	345
<i>Левкович В. А.</i> Медиаобразовательные подходы в контексте дифференциации массовой и профессиональной аудитории	349
<i>Marziyaev J. K.</i> The topic of ecology in the press of Karakalpakstan: problem and solution	352
<i>Marziyaev J. K.</i> Current problems of the press of Karakalpakstan	355
<i>Москаленко Н. М.</i> Медиаобразование и медиаграмотность: к вопросу о различении понятий	357
<i>Муха А. В., Коляго И. Л.</i> Тема патриотизма в материалах газеты «Наше время» ...	359
<i>Муха А. В.</i> Журнальная периодика в Ростове-на-Дону в первой половине XX века	362
<i>Наливайко Ю. Ю.</i> Жанровая типология новостных материалов СМИ в мессенджере «Телеграм»	365
<i>Наливайко Ю. Ю., Каюшова С. Р.</i> Способы и приёмы воздействия на аудиторию через видеоблогинг	368
<i>Олешкевич В. В.</i> Журналистика в соцмедиа: опыт формирования навыков современного студента для работы в социальных сетях	371
<i>Raluanova G. A.</i> Karakalpak theater journalism	374
<i>Потанов П. Ф.</i> Авторские программы на современном российском телевидении .	377
<i>Рагимова Ф. С., Кобец А. Ю.</i> Роль гуманизации в развитии современных медиабрендов: коммуникативный аспект	381
<i>Субботина О. А.</i> Сравнительный контент-анализ российских и зарубежных медиатекстов, освещающих военные конфликты	384

<i>Сытько В. О., Шарапова М. В.</i> Подавление недоверия как инструмент взаимодействия и воздействия на аудиторию	387
<i>Тулупов В. В.</i> Роль факультета журналистики в реализации задач государственной молодежной политики	390
<i>Усачев К. М., Найденова М. В.</i> Понятие локализации в межкультурном дискурсе	393
<i>Христенко К. М.</i> Когнитивные войны как воздействие смысловых конструкций (на примере медиаосвещения украинского конфликта)	395
<i>Чайка О. С.</i> Документальное военное кино как особый способ воздействия на общественное сознание	398
<i>Чишевич А. И., Косолапова К. А.</i> Формирование профессиональной идеологии журналистики в университетах Донбасса: содержательные и методические аспекты	401
<i>Чумиков А. Н.</i> Информационный контекст: трансформация форм и динамика жанров	403

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2023:
ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ,
КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Материалы
VIII Международной научной конференции,
25–27 октября 2023 г.,
г. Донецк

ТОМ 4
Филологические науки
Часть 1

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	<i>А.Ю. Гурина</i>
Технический редактор	<i>М.В. Фоменко</i>
Компьютерная верстка	<i>А.С. Бурляй</i>

Адрес оргкомитета:

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 283001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 16.10.2023 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 24,1.
Тираж 100 экз. Заказ № 23окт17/4а.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Издательство ФГБОУ ВО «ДонГУ».
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 22.
E-mail: *donnu.izdatelstvo@mail.ru*